

КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В.И. ВЕРНАДСКОГО
СЕВАСТОПОЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ЧЕРНОМОРСКИЙ ИНФОРМАЦИОННО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЦЕНТР
ИНСТИТУТ СЕРБСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИШТИНА-
ЛЕПОСАВИЧ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ ДЖАВАХАРЛАЛА НЕРУ
СТУДЕНЧЕСКОЕ НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО
«ШКОЛА МОЛОДОГО ПОЛИТОЛОГА»

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ВЛАСТЬ СИМВОЛОВ И ПАМЯТЬ
ПОКОЛЕНИЙ»**

**Сборник научных трудов
XXXVIII Международного Харакского форума**

(Ялта, 2-5 ноября 2021 г.)

Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной

Симферополь
ИТ «АРИАЛ»
2022

УДК 32 (31)
ББК 74.00
П150

*Сборник зарегистрирован в системе
Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).*

Главный редактор:

Т.А. Сеньюшкина, доктор политических наук, профессор

Научные редакторы:

Е.А. Сеньюшкин, кандидат политических наук, доцент;

Л.Н.Гарас, кандидат философских наук, доцент.

Рецензенты:

Миодраг Гордич, доктор политических наук, профессор;

Прити Дас, доктор политических наук, профессор.

Раджив Кумар, доктор политических наук, профессор.

Мнение авторов может не совпадать с мнением редакционной коллегии.

П150 Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений. Сборник научных трудов XXXVIII Международного Харакского форума 2–5 ноября 2021 г., г. Ялта / Под общ. ред. Т.А. Сеньюшкиной; [науч.ред.: Е.А.Сеньюшкин, Л.Н.Гарас] – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. – 376 с.
ISBN 978-5-907587-31-1

В сборнике размещены материалы XXXVIII Международного Харакского форума «Политическое пространство и социальное время: Власть символов и память поколений», состоявшегося в г. Ялта 2 – 5 ноября 2021 г. Раскрываются актуальные проблемы, связанные с символической политикой и коллективной памятью поколений, которые рассматриваются с точки зрения различных концепций. Представлены теоретические и прикладные подходы, характерные как для российской, так и для зарубежной политической науки.

УДК 32 (31)
ББК 74.00

ISBN 978-5-907587-31-1

© Сеньюшкина Т.А., 2022

© ИТ «АРИАЛ», 2022,

макет, оформление, 2022

**ПОЛИТИЗАЦИЯ / ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ
НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ:
ТЕНДЕНЦИИ НАЧАЛА ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ
XXI ВЕКА**

Авксентьев В.А.

Доктор философских наук,

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,

главный научный сотрудник

E-mail: avksentiev@rambler.ru

Доклад и публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132 «Тенденции этнизации/деэтнизации общественно-политической жизни на Северном Кавказе»

Аннотация: В статье анализируются тенденции политизации / деполитизации этничности в контексте деэскалации этнополитической напряженности на Северном Кавказе. Подчеркивается, что деполитизация этничности и формирование российской гражданской идентичности являются одним из ключевых элементов стратегии дальнейшей стабилизации обстановки в регионе. Автор приходит к выводу, что для этой деятельности сложилась необходимая институциональная и доктринальная основа. Контент-анализ «надэтнических» СМИ и ивент-анализ показывают, что тенденции этнизации и деполитизации общественной жизни уравновешивают друг друга. Тенденция этнизации поддерживается широким присутствием этничности в публичном пространстве региона, травмирующим характером коммеморативных практик. Тенденция деэтнизации обеспечивается сложившейся деятельностью по формированию общероссийской идентичности, активным вовлечением публичных практик в общероссийскую жизнь. Показано, что слабой стороной политики идентичности на Северном Кавказе является ее символический компонент.

Ключевые слова: политизация этничности, деполитизация этничности, политика идентичности, общероссийская идентичность, Северный Кавказ.

**POLITICIZATION / DEPOLITICIZATION OF ETHNICITY IN THE
NORTH CAUCASUS: TRENDS AT THE BEGINNING OF THE THIRD
DECADE OF THE 21ST CENTURY**

Avksentev V.A.

Doctor of Philosophy,

Federal Research Centre The Southern Scientific Centre of the Russian

Academy of Sciences,

E-mail: avksentiev@rambler.ru

Abstract: *The article analyzes the tendencies of politicization / depoliticization of ethnicity in the context of de-escalation of ethno-political tension in the North Caucasus. The depoliticization of ethnicity and the formation of Russian civic identity are one of the key elements of the strategy for further stabilizing the situation in the region. It is concluded that the necessary institutional and doctrinal basis for this activity has been formed. Content analysis of "supra-ethnic" media and event analysis show that the tendencies of ethnicization and depoliticization of public life balance each other. The ethnicization trend is supported by the wide presence of ethnicity in the public space of the region, and by the traumatic nature of commemorative practices. The tendency of de-ethnicization is provided by the existing activity on the formation of the all-Russian identity, the active involvement of public practices in all-Russian life. It is shown that the weak side of the identity policy in the North Caucasus is its symbolic component.*

Key words: *politicization of ethnicity, depoliticization of ethnicity, identity politics, all-Russian identity, North Caucasus.*

К концу второго десятилетия XXI в. политика идентичности сформировалась в России как самостоятельное направление публичной политики. И.С. Семененко отмечает, что под политикой идентичности понимается деятельность по формированию и поддержанию национальной (национально-государственной), гражданской и иных форм макрополитической идентичности [1, с. 23]. О внимании к политике идентичности, ее концептуализации и институционализации свидетельствует активное использование термина «идентичность» в новой редакции «Стратегии государственной национальной политики РФ до 2025 г.»: если в первой редакции 2012 г. термин «идентичность» используется один раз, в редакции 2018 г. – уже 10 раз [2].

Внесенные в новую редакцию «Стратегии...» изменения и дополнения, по-иному расставленные приоритеты, свидетельствуют о современных ориентирах политики идентичности в России: постепенный перевод этничности из сферы политического в социокультурную сферу, из источника коллективных прав и обязанностей в предмет личностного самоопределения. Такой подход полностью оправдан: эмпирические исследования, проведенные в различных регионах мира, свидетельствуют, что политизированная этничность стимулирует мобилизацию по этническому принципу и, тем самым, способствует возникновению конфликтов [3; 4]. Политизированная этничность также формирует межгрупповую политику, которая способствует структурному насилию, создавая циклы будущих конфликтов и отчуждения [5, с. 288-291].

В политике идентичности на Северном Кавказе деполитизация этничности является одной из ключевых стратегий стабилизации обстановки. Достигнутая деэскалация этнополитической напряженности, снижение числа этнополитических конфликтов и проявлений экстремизма является, прежде всего, результатом успешной деятельности «силовиков». Однако еще в 2016 г. полпред Президента РФ в Северо-Кавказском федеральном округе С.А.

Меликов сказал, что силовая компонента в отношении борьбы с терроризмом и экстремизмом свою задачу выполнила [6]. В этой оценке важно учесть, что речь идет не о сворачивании деятельности «силовиков», а о смещении приоритетов в сторону более глубоких преобразований в экономике и на работу с населением, то есть на формирование гражданской идентичности. Следует отметить, что «гипертрофированная этничность», не являясь характерной для современных обществ, поддерживается не только традиционно для региона большой ролью этничности в социальных идентификациях и взаимодействиях, а и высокой степенью ее политизации, сложившейся в первое постсоветское десятилетие и сохраняющейся в течение всего последующего периода.

Политизация этничности не имеет линейной динамики в регионе, так как за два десятилетия XXI в. периодически возникали «этнополитические тайм-ауты» [7, с. 212], которые создавали возможности для более глубокой трансформации этнополитических процессов. Однако эти возможности использованы были не в полной мере. За кратковременными паузами наступали периоды реполитизации этничности, обусловленные обострениями в межэтнических отношениях. Текущую этнополитическую ситуацию можно охарактеризовать как завершение затяжного регионального этнополитического кризиса [8, с. 51]. Можно с осторожностью предположить, что речь идет не об очередном этнополитическом «тайм-ауте», а о более долговременном и устойчивом тренде, который необходимо использовать для перехода региона на умеренно-позитивный конфликтологический сценарий. Политизированная этничность представляет собой существенный риск для этого перехода.

Проводимая на Северном Кавказе политика идентичности достаточно институционализируется. В субъектах федерации действуют программы по реализации Стратегии госнацполитики, по гармонизации межэтнических отношений, по работе с молодежью. Документами предусмотрено участие в этой работе всех уровней власти, функционируют общественные органы. Работают общерегиональные структуры и площадки: Северо-Кавказский молодежный форум «Машук», собирающий ежегодно сотни молодых активистов со всего Кавказа, в 2019 г. начал свою работу региональный телеканал «Кавказ 24». Проводимые в регионе социологические исследования показывают, что у населения сформировалась устойчивая российская государственная идентичность: подавляющее большинство жителей считают себя гражданами России, россиянами. Гражданская идентичность несколько сложнее: это восприятие себя как части российского народа, как согражданства, это чувство сопричастности к тому, что происходит в стране, это участие в жизни гражданского общества.

Большую роль в политизации / деполитизации этничности играет медийный комплекс. Контент-анализ «надэтнических» СМИ показывает, что в информационном поле региона присутствуют как материалы, направленные на укрепление общероссийской идентичности, российских ценностей, так и материалы, способствующие поддержанию и укреплению этнической

идентичности. Несмотря на явное превалирование материалов, укрепляющих этническую идентичность, напрямую они не способствуют политизации этнической идентичности [9, с. 14-17].

В освещении этнической жизни преобладает позитивный окрас, информация о происшествиях и конфликтах с этническим компонентом практически отсутствует. Однако в подборе материалов имеются сюжеты, косвенно содействующие политизации этничности: например, широкое присутствие тематики исторических травм, прежде всего, темы депортации ряда народов в годы Великой Отечественной войны. Годовщины депортаций и возвращения народов входят в официальный календарь памятных дат регионов, главы которых участвуют в памятных мероприятиях в своих республиках, направляют послания главам соседних республик. Тем самым, тема депортаций присутствует в официальном дискурсе практически круглогодично. Примечательно, что в Карачаево-Черкесии отмечается День памяти жертв политических репрессий против казачества (24 января). При этом на Ставрополье, позиционирующем себя как один из центров возрождения казачества, эта дата остается практически незамеченной.

Еще одна тема, представленная, хотя и в гораздо меньшей степени, в «неэтнических» СМИ – мухаджирство. Эта тема глубоко политизирована, поскольку связана с текущей геополитикой, конфликтами в странах проживания потомков мухаджиров, их участия в антироссийских акциях, трактовкой понятия «соотечественник» в российском законодательстве. Другие травмирующие сюжеты (Кавказская война, послереволюционные преобразования, коллективизация) присутствуют в «надэтнических» СМИ эпизодически.

Проведенный в 2020 г. ивент-анализ выявил лидерство в публичном пространстве сообщений о значимости / манифестировании национальных традиций. На втором месте в общем рейтинге оказалась рубрика «Сообщения о значимости / использовании этничности в политике» – 34 материала по семи субъектам, третье место – сообщения об этноисторических травмах (30 сообщений), четвертое – сообщения о конфликтах, напряженности в отношениях между этническими группами (26 сообщений), что свидетельствует о наличии этнополитической напряженности. Таким образом, ивент-анализ показал высокий уровень политизации этничности в регионе [10].

В 2021 году «надэтнические» СМИ активно освещают юбилеи и даты создания автономий в регионе. Наиболее значимым событием является 100-летний юбилей образования Республики Дагестан (Дагестанской АССР). «Неюбилейные» годовщины отмечаются во всех республиках. Несмотря на безусловно позитивный окрас этих событий, они укрепляют связку этничности и политики в общественном сознании.

Тренд политизации этничности в республиках региона в определенной степени уравнивается трендом деполитизации и формирования общероссийской идентичности. Эта работа органов власти формируется вокруг событий и календарных дат, связанных с общероссийскими

событиями. Ежегодно главным объединительным символом становится Победа в Великой Отечественной войне. Региональные СМИ постоянно информируют читателей о юбилеях участников войны, об участии в их приветствии руководителей разного уровня, и, таким образом, тема Победы присутствует в информационном поле весь год. Деполитизации этничности способствуют широко освещаемое празднование Дня защитника Отечества, Дня работника прокуратуры и др. Проводятся акции, имеющие всероссийский масштаб: «Волонтеры Победы», «Диктант Победы», отмечаются День полного освобождения Ленинграда от блокады, дни освобождения от фашистов городов региона. В 2021 году широко отмечалось пятидесятилетие со дня полета в космос Ю.А. Гагарина. «Надэтнические» СМИ стараются избегать упоминания этничности не только при информировании о конфликтах и негативных событиях, но и позитивных, например, о победах в спорте и на конкурсах. Особенно четко это просматривается в полиэтничных, больше всего – в двухсоставных республиках (Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии), когда очевидна разница между этнической и республиканской принадлежностью. Примечательно также, что из общественно-политического дискурса постепенно уходит понятие «нация» в этническом смысле, хотя понятие «нация» в этатистском смысле пока не приживается.

Анализ пространства общественно-политического дискурса позволил выявить проблемы в укреплении общероссийской идентичности и преодолении политизации этничности. Прежде всего, это отсутствие региональных объединительных символов общероссийского значения. Кроме Победы в Великой Отечественной войне и полета Ю.А. Гагарина в космос в 1961 г. отсутствуют символические события, которые могли бы дать возможность народам Северного Кавказа ощутить историю своего народа как часть истории России. Это же касается и исторических персоналий. Так, в 2021 году прошли мероприятия, посвященные 800-летию Александра Невского, что, безусловно, не является актуальным для народов, вошедших в состав России несколько столетий спустя. Не хватает таких имен, как Коста Хетагуров, Расул Гамзатов, Махмуд Эсамбаев, да и эти имена вспоминаются нечасто. Практически только один природный объект – гора Эльбрус выступает сегодня как общероссийский символ. Символическая сторона остается слабым звеном политики идентичности и формирования общероссийской гражданской и социокультурной (цивилизационной) идентичности.

Список литературы:

1. Семененко И.С. Политика идентичности: меняющаяся повестка дня // Символическая политика: Сб. науч. тр. / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; Ред. кол.: Малинова О.Ю., гл. ред., и др. Вып. 5: Политика идентичности (Сер.: Политология). М., 2017. С. 21-40.
2. Указ Президента Российской Федерации «О внесении изменений в Стратегию государственной национальной политики Российской Федерации

на период до 2025 года, утвержденную Указом Президента РФ от 19 декабря 2012 г. № 1666» // Президент России. Официальный сайт. – URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/zb8ne3ZCBHvIwztJfgKM3BHPo7AOVG3j.pdf> (дата обращения 12.09.2021).

3. Brubaker R. Economic Crisis, Nationalism, and Politicized Ethnicity // *The Deepening Crisis: Governance Challenges after Neoliberalism* / Calhoun C., Derluigiuan G. (eds). New York: New York University Press, 2011. P.93-108.

4. Weber A., Hiers W., Flesken A. Politicized Ethnicity: A Comparative Perspective. New York: Palgrave. 2016. 187 p.

5. Njagi S.M. The Role Of Politicized Ethnicity On Conflict In Africa: A Case Study Of Kenya, 1992-2013. PhD Dissertation, Nairobi, 2018. 322 p. – URL: http://erepository.uonbi.ac.ke/bitstream/handle/11295/105103/Njagi_The%20Role%20Of%20Politicized%20Ethnicity%20On%20Conflict%20In%20Africa.pdf?isAllowed=y&sequence=1 (дата обращения 11.09.2021).

6. Полпред: в борьбе с терроризмом на Северном Кавказе наступил перелом // РИА Новости, 16.03.2016. – URL: <https://ria.ru/20160310/1387992899.html> (дата обращения 15.08.2021).

7. Аствацатурова М.А. Этнополитика как искусство возможного: теоретические идеи и практические проекции. Сборник научных трудов. – М.: Academia, 2020. 342 с.

8. Авксентьев В.А. «Округ нового типа»: регионогенез и динамика этнополитических процессов на Северном Кавказе // *Society and Security Insights*. 2020. Т. 3. №2. С. 41-54.

9. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Массмедиа и этнический дискурс на Северном Кавказе: политизация или деполитизация? // *Общество: политика, экономика, право*. 2020. № 11. С. 12-20.

10. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В., Гриценко Г.Д. Этничность в конфликтах на Северном Кавказе: тенденции третьего десятилетия XXI века // *Конфликтология* 2021. Т. 16. № 2. С. 81-93.

ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Агеева А.А.

Севастопольский государственный университет, студент

E-mail: ageeva_adelina01@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается специфика «мягкой силы» Китая, которая с массовым распространением новых медиа и Искусственного Интеллекта трансформируется в виртуальную реальность, создавая базис для формирования основных направлений цифровой дипломатической деятельности. Анализируются основные особенности «цифровой дипломатии» КНР. Кроме того, в статье отмечается реакция

США на усиление влияния КНР в информационном пространстве, реализующаяся в деятельности Центра глобального взаимодействия.

Ключевые слова: «цифровая дипломатия», Китайская Народная Республика (КНР), США, социальные сети, Интернет, ИКТ.

FEATURES OF DIGITAL DIPLOMACY OF MODERN CHINA

Ageeva A.A.

Sevastopol State University, student

E-mail: ageeva_adelina01@mail.ru

Abstract: *This article discusses the specifics of China's "soft power", which, with the massive spread of new media and artificial intelligence, is being transformed into virtual reality, creating the basis for the formation of the main directions of digital diplomatic activity. The main features of the "digital diplomacy" of the PRC are analyzed. In addition, the article notes the reaction of the United States to the strengthening of China's influence in the information space, implemented in the activities of the Global Engagement Center.*

Key words: *"digital diplomacy", mass media, People's Republic of China (PRC), USA, social networks, Internet, ICT.*

Активное развитие технологического фундамента цифровизации способствует сущностной трансформации всех функциональных процессов общества. Цифровая революция, рост числа интернет-пользователей, распространение новых медиа задают тенденции развития как внутренней, так и внешней политики современного государства, актуализируют использование не силовых методов воздействия на международной арене. Все это определяет появление нетрадиционных, альтернативных классической дипломатии методов и технологий, обуславливая появление «цифровой дипломатии» («digital diplomacy») и «дипломатии данных» («data diplomacy»), подразумевающих широкое применение информационно-коммуникационных технологий (ИКТ) для осуществления дипломатических задач.

Феномен «цифровой дипломатии» получает актуализацию после событий Арабской весны. Тем не менее, сам термин «цифровая дипломатия» впервые используется Соединенными Штатами Америки в 2010 году в документе «Стратегический план развития информационных технологий 2011-2013 гг.: цифровая дипломатия». США определяли «цифровую дипломатию» как существенное использование ИКТ, в частности Интернет-ресурсов и социальных сетей, для содействия дипломатической деятельности Соединенных Штатов [5]. При этом необходимо отметить, что значимость использования цифровых технологий во внешней политике на 2010-е годы отмечали не только США, а и Россия, и Китай также были активно включены в процесс формирования стратегии виртуального взаимодействия и воздействия в рамках дипломатической деятельности.

Особой спецификой обладает «цифровая дипломатия» Китая. Одним из первых значимость использования неклассических инструментов дипломатической деятельности современного Китая отметил Ху Цзиньтао, который в 2007 году, озвучил тезис об основных принципах «мягкой силы» с «китайской спецификой» [3]. А в 2013 году Си Цзиньпин на собрании Политбюро ЦК впервые заявил о роли публичной дипломатии в продвижении политических задач Китая. Так, в своем докладе лидер КНР обозначил приоритетные задачи публичной дипломатии, связывая их непосредственно с цифровыми аспектами в контексте осуществления концепции «китайской мечты». Среди ключевых глава государства указал: продвижение позитивного имиджа государства, распространение китайской культуры и объяснение китайских ценностей за рубежом. При этом Си Цзиньпин отметил необходимость формирования позитивного образа главы государства в рамках цифровой дипломатической деятельности [2]. Таким образом, с 2013 года «цифровая дипломатия» Китая приобретает официально два направления: выстраивание уникального положительного имиджа государства и его лидера.

КНР обладает собственной спецификой реализации феномена «мягкой силы», в частности в контексте использования ИКТ. Во-первых, Китай делает упор на китайскую традиционную культуру, тем самым в каком-то смысле выделяя себя из общего числа своих конкурентов на международной арене. Основная идея распространения китайских традиций заключается в экспансии уникальности Китая: КНР не унифицируется под популярные стандарты глобализации, а расширяет зону собственного культурного влияния. Во-вторых, основу стратегического планирования и осуществления продвижения образа составляет именно государство, а не институты гражданского общества, как в случае со странами Запада [3].

Условно можно выделить два сегмента реципиентов китайской «цифровой дипломатии». Первым сегментом выступают жители Тайваня, Гонконга и китайские диаспоры за рубежом. Ключевым институтом разработки медиастратегии для данной аудитории является Информационное бюро Госсовета КНР, в спектр деятельности которого входят: мониторинг СМИ, координация всех внешних медиакоммуникаций, проведение пресс-конференций, выпуск журналов и книг, а также съемка фильмов. Вторым сегментом аудитории являются иностранцы, проявляющие в разной степени интерес к Поднебесной (бизнесмены, туристы, молодежь из ближнего зарубежья и др.).

Коммуникационное влияние оказывают такие специализированные издания, как: Foreign Languages Press, China Daily, Global Times [3]. Весьма интересной представляется лексико-семантическая подоплека названия Global Times, которая в каком-то смысле формирует ассоциацию всеобщности, противопоставляя себя The New York Times и Times.

Кроме всего прочего, довольно значимым является тот факт, что китайская «цифровая дипломатия» в стране характеризуется широким распространением технологий цензурирования и использованием народных «кибер-солдат» [6, 7]. Наиболее используемой в вопросах «цифровой

дипломатии» является социальная сеть Sina Weibo, внедрившая технологии широкого спектра техник цензурирования: применяется не только удаление постов, но и отключение возможности поделиться записью, отключение возможности комментирования [6]. Также около 300 тысяч «кибер-солдат» занимаются размещением соответствующей информации в блогах, на сайтах и форумах и активно противостоят разного рода негативной информации о Китае на зарубежных интернет-платформах [7]. Стоит отметить, что значимым достижением китайской цифровой политики стала переориентация хуацяо (50 миллионов китайских мигрантов), которые в качестве своей родины воспринимают сегодня КНР, а не Китайскую Республику (г. Тайбэй) [1, с. 79].

В контексте цифрового воздействия на аудиторию в Китае является идея двух принципов *neiwai youbie* (дифференциации медийных продуктов, предназначенных для внутренней и внешней аудитории) и *neijin waisong* (контролируемый внутри, автономный снаружи). То есть государство осуществляет жесткое регулирование массмедиа, коммуницирующих с внутренней аудиторией, а для медиа, тиражирующих информацию иностранной аудитории, оно предполагает определенные послабления [3]. В силу этого, в первом случае вектор деятельности государства направлен на превенцию внутренней дестабилизации, во втором – ставка делается на развенчание мифа о «китайской угрозе» и «закрытости».

Следует также отметить стремление Китая к технологическим инновациям. В стране активно ведутся разработки и исследования касательно искусственного интеллекта (ИИ) и цифровых технологий. Так, в 2017 году Государственным советом КНР была выпущена «Программа развития искусственного интеллекта нового поколения», а руководство Китая заложило 22,5 млрд долл на финансирование развития ИИ и 150 млрд долл. на развитие смежных отраслей [4].

Реструктуризация геополитического пространства, становление новых центров силы и борьба за лидерство в международных отношениях подталкивают государства активно использовать цифровой инструментарий, поэтому успехи одних государств в этой сфере, вызывают опасение у других. Так, развитие «цифровой дипломатии» в КНР вызывает опасения у США, ввиду чего Штатами был взят курс на «информационное сдерживание». Данное направление является частью деятельности «Отдела Китая» Центра глобального взаимодействия (ЦГВ) Госдепартамента США. Центр глобального взаимодействия активно сотрудничает с Министерством обороны, Бюро по делам Восточной Азии и Тихого океана, а также с «международными партнерами США». Основной целью Центра является «повышение понимания пропаганды и дезинформации Китая для принятия осознанных решений» и при этом «создание и усиление положительных сообщений о США». В задачи ЦГВ входят: аккумуляция данных об информационных кампаниях КНР, блокировка «вредоносного контента» (США обозначает деятельность Китая в информационном поле в рамках «цифровой дипломатии» как «пагубное влияние»), использование чат-ботов и

ИИ для реализации стратегии контрпропаганды. В рамках деятельности Центра глобального взаимодействия задействуются крупные интернет-ресурсы, а также каналы международного вещания, такие как: «Радио Свободная Азия» и «Голос Америки».

Таким образом, можно сделать вывод о том, что феномен «цифровой дипломатии», а сегодня уже и «дипломатии данных» весьма успешно реализуется в Китайской Народной Республике, обеспечивая для Китая возможности по распространению дополнительного влияния на международной арене. Отметим, что включённость в развитие цифровых технологий в рамках реализации дипломатической деятельности позволяет формировать определённый имидж государства на мировой арене, тем самым усиливая как внешне-, так и внутривнутриполитические позиции. ИКТ и «большие данные» в международно-политических процессах позволяют прогнозировать поведение аудитории и оказывать на нее необходимое влияние с целью достижения требуемого результата.

Список литературы:

1. Аликберова А.Р., Балакин Д.А. Цифровая дипломатия с китайской спецификой // *Modern Oriental Studies*. 2019. № 3. С. 77–81.
2. Инь Сымэн, Цветкова Н.А. Место и роль личного образа Си Цзиньпина в публичной дипломатии Китая // *Дипломатическая служба*. 2018. №4. С. 44-48.
3. Подоляк Д.В. СМИ как инструмент «мягкой силы» во внешней политике КНР // *Общество: политика, экономика, право*. - 2018. - №11 (64). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/smi-kak-instrument-myangkoj-sily-vo-vneshney-politike-knr> (дата обращения: 06.09.2021).
4. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Дипломатия данных Китая: сдерживание со стороны США // *Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества*, Благовещенск, 2021: материалы XI международной научно-практической конференции. Благовещенск: Благовещенский государственный университет, 2021. С. 54–60.
5. Цветкова Н.А., Кузнецов Н.М. Феномен дипломатии больших данных в мировой политике // *Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения*. 2020. № 4. С. 27-44.
6. Шакиров О. Weiplomacy: цифровая дипломатия в китайском интернете. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/shakirov/34249/?sphrase_id=73008443 (дата обращения: 25.09.2021).
7. Эпова М.А. Цифровая дипломатия в странах Азии // *Политика, государство и право*. 2015. № 1. С. 48–51.

ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В «ЭТНИЧЕСКИХ» СМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Аксюмов Б.В.

Доктор философских наук,

Северо-Кавказский федеральный университет, профессор

E-mail: aksbor@mail.ru

***Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00132
«Тенденции этнизации / деэтнизации общественно-политической жизни
на Северном Кавказе».***

Аннотация: В статье на примере контент-анализа «этнических» СМИ Северного Кавказа рассматриваются основные формы репрезентации этнической и гражданской идентичности. Отмечается, что репрезентация этнической идентичности на сайте Конгресса карачаевского народа осуществляется, во-первых, через утверждение идеи о едином карачаево-балкарском народе и, во-вторых, через восприятие аланского наследия. Этническая идентичность адыгов на сайте Международной черкесской ассоциации представлена как универсальная категория, объединяющая целый ряд адыгских народов, составляющих особый «адыгский мир». Репрезентация лезгинской этнической идентичности осуществляется через описание достижений лезгин в различных сферах. Формируется представление об универсальном лезгинском этническом пространстве, не имеющем конкретных географических границ. Подчеркивается, что материал, связанный с формированием гражданской идентичности, общероссийских ценностей представлен на страницах «этнических» сайтов Северного Кавказа гораздо скромнее. Акцентируется внимание, что основные инструменты репрезентации гражданской идентичности – освещение общероссийских государственных праздников, а также участие регионов в мероприятиях, посвященных 75-летию юбилею Победы.

Ключевые слова: этническая идентичность, гражданская идентичность, «портфель идентичностей», Северный Кавказ, репрезентация идентичности, гражданская нация.

ETHNIC AND CIVIC IDENTITY IN THE "ETHNIC" MEDIA OF THE NORTH CAUCASUS

Aksiumov B.V.

North Caucasus Federal University, Professor

E-mail: aksbor@mail.ru

Abstract: The article examines the main forms of representation of ethnic and civic identity on the basis of content analysis of the "ethnic" media in the North Caucasus. Representation of ethnic identity on the website of the Congress of the

Karachai People is carried out, firstly, through the approval of the idea of a single Karachai-Balkar people and, secondly, through the perception of the Alanian heritage. The ethnic identity of the Circassians is presented on the website of the International Circassian Association as a universal category that unites a number of Adyghe peoples that make up a special "Circassian world". Representation of Lezghin ethnic identity is carried out through the description of the Lezghins' achievements in various spheres. The idea of a universal Lezgi ethnic space, which does not have specific geographic boundaries, is being formed. The material related to the formation of civic identity and all-Russian values is presented on the pages of the "ethnic" sites of the North Caucasus much more modestly. The main tools for representing civic identity are the coverage of all-Russian state holidays, as well as the participation of regions in events dedicated to the 75th anniversary of the Victory.

Key words: *ethnic identity, civic identity, "portfolio of identities", North Caucasus, identity representation, civic nation.*

Диалектика этнической и гражданской идентичностей имеет ключевое значение для процессов нациестроительства в современной России. В Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. ставится двуединая задача по развитию гражданского самосознания, гражданской нации при одновременном сохранении этнокультурного разнообразия [1]. По мнению ряда авторитетных исследователей, этнические и гражданские векторы нациестроительства дополняют друг друга в контексте общих интеграционных процессов [2]. В рамках такого понимания гражданская нация призвана объединить в своем составе граждан, которые, с одной стороны, связаны общими гражданскими ценностями, а с другой, – в полной мере сохраняют свою этническую, религиозную и культурную специфику. В «портфеле идентичностей» субъекта этническая и гражданская идентичности непротиворечиво сочетаются в единый ментально-психологический комплекс. При этом каждая из указанных идентичностей «отвечает» за свой участок жизненного мира индивида, а именно: этническая идентичность обеспечивает устойчивую связь с конкретным этносом, его языком и культурой, в то время как гражданская – формирует в субъекте сознание и чувство причастности к государству, стране, обществу граждан.

Согласно другому подходу, между этнической и гражданской идентичностями существует конкуренция, иногда переходящая в конфликт [3]. «Конфликт идентичностей» в основном проявляется при наличии ситуации выбора – этническая идентичность «требует» сделать выбор по этническому принципу (например, поддержать земляка-спортсмена, даже если он представляет другое государство), а гражданская идентичность предполагает приоритет гражданства вне зависимости от этнической и профессиональной принадлежности того или иного политика, ученого, спортсмена и т.д. В подобных ситуациях выбор часто делается именно по этническому принципу, что указывает не только на конфликт идентичностей,

но и на определенную иерархию между ними – этнические идентичности нередко оказываются преобладающими.

Одним из регионов с традиционно высокой значимостью этнического фактора для всей системы жизнедеятельности является Северный Кавказ. Кроме того, в регионе возникают серьезные сложности с формированием российской гражданской нации. Для фиксации репрезентаций этнической и гражданской идентичностей был проведен контент-анализ сайтов некоторых национально-культурных организаций – Конгресса карачаевского народа, Международной черкесской ассоциации и Федеральной лезгинской национально-культурной автономии. Были проанализированы ленты новостей за 2020 г. В результате было выявлено 24 материала, отнесенных к рубрике «этническая идентичность (укрепление vs снижение), и 10 материалов, отнесенных к рубрике «гражданская идентичность, общероссийские ценности».

Репрезентация этнической идентичности на сайте Конгресса карачаевского народа осуществляется, во-первых, через утверждение идеи о едином карачаево-балкарском народе и, во-вторых, через восприятие аланского наследия. В результате происходит отождествление карачаевцев и балкарцев с древними аланами. В одном месте речь идет даже об «аланском (карачаево-балкарском народе)» [4]. В материале «День Возрождения Карачаевского народа» [5], по сути, представлена программа развития этнической идентичности карачаевцев и балкарцев, которая предполагает «создание необходимой инфраструктуры в местах компактного проживания карачаевцев», «издание творческого наследия карачаевской интеллигенции, возврат исконных географических наименований». Кроме того, предполагается издание «фундаментальной работы по истории карачаево-балкарского народа, издание нового карачаево-балкарско-русского словаря и словарей на международных языках».

Этническая идентичность адыгов на сайте Международной черкесской ассоциации представлена как универсальная категория, объединяющая целый ряд адыгских народов. В качестве общего наименования для всех адыгских этносов используется этноним «черкес». Как отмечается в одном из материалов, «черкес, употребляемый по отношению ко всем адыгам, известен во всём мире. И на исторической Родине, и в диаспоре всех адыгов извне называют черкесами. Как бы там ни было, эндоэтноним адыгэ и экзоэтноним черкес крепко привязаны друг к другу, употребляются как равнозначные наименования всех адыгов (черкесов), где бы они не проживали. Мы адыги-черкесы» [6]. Этническая идентичность адыгов формируется на основе представлений о существовании особого «адыгского мира», который именуется также «черкесским». Например: «адыгский мир отмечает 120-летие заслуженного деятеля искусств Кабардино-Балкарии, основоположника кабардинской литературы Али Шогенцукова» [7].

Репрезентация лезгинской этнической идентичности осуществляется через описание достижений лезгин в различных сферах. Важно отметить, что речь идет не только о лезгинах, проживающих в Дагестане, а, по сути, о

«лезгинском мире», не имеющем конкретных географических границ. Так, «инженер из Минска, наш земляк Селим Сефербеков назван лучшим программистом мира» [8]; гол этнического лезгина Рената Дадашова, выступающего за сборную Азербайджана, «претендует на звание лучшего за январь этого года» [9]. Таким образом, этническая идентичность выступает способом интеграции всех лезгин в некую воображаемую этнокультурную общность.

Материал, связанный с формированием гражданской идентичности, общероссийских ценностей представлен на страницах «этнических» сайтов Северного Кавказа гораздо скромнее. Основные инструменты репрезентации гражданской идентичности – освещение общероссийских государственных праздников, а также участие регионов в мероприятиях, посвященных 75-летнему юбилею Победы. В частности, обращается внимание на участие Президента в церемонии поднятия государственного флага на Поклонной горе в День России, отмечается, что «церемония поднятия флага состоялась под песню "Славься, славься, родина - Россия!" и гимн России» [10]. Внимание привлекло также поздравление руководителя ФАДН России И. Баринова с Днем государственного флага, адресованное всем российским гражданам. Однако особенно важное значение в контексте формирования гражданской идентичности имеет региональная специфика восприятия общероссийских праздников и событий, вокруг которых строится современный вариант политики идентичности. Так, например, в Дагестане День защитника Отечества отмечается сквозь призму событий 1999 года. Обращаясь к жителям республики, руководитель Администрации Главы и Правительства РД Владимир Иванов отметил: «В 1999 году банды международных террористов, напавших на Дагестан, ставили целью поставить под сомнение целостность Дагестана, а впоследствии – и Российской Федерации. Дагестанцы сделали всё возможное и невозможное, чтобы этого не допустить. Дагестанцы всегда понимали, что Россия – наш общий дом, и все народы будут стоять за его независимость...» [11].

В целом специфика репрезентации гражданской идентичности в материалах «этнических» сайтов Северного Кавказа подтверждает тезис о том, что в современной России идут процессы формирования не столько собственно гражданской, сколько государственной идентичности, связанной не с гражданскими ценностями, не с идеей гражданского общества, а с интеграцией вокруг ключевых государственных символов и праздников [12]. На Северном Кавказе дополнительным препятствием на пути укрепления гражданского самосознания (гражданской идентичности) выступает традиционно мощное влияние этнического фактора на все сферы жизни общества.

Список литературы:

1. Зорин В.Ю. Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации: промежуточные итоги и новые ориентиры // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С. 13-30.

2. Дробижева Л.М. Политика интеграции полиэтнического российского общества в доктринальных документах, политологическом дискурсе и массовом сознании // *Общественные науки и современность*. 2019. № 4. С. 134–146.; Рыжова С.В. Содержание и динамика этнической идентичности в России / Этническое и религиозное многообразие России. М.: ИЭА РАН, 2018. С. 108-124.
3. Авксентьев В.А., Аксюмов Б.В. Портфель идентичностей молодежи юга России в условиях цивилизационного выбора // *Социологические исследования*. 2010. № 12 (320). С. 18-27.
4. Итоги 2020 года. – URL: <http://kkn09.ru/news/610-itogi-2020-goda.html> (дата обращения: 20.07.2021).
5. День Возрождения Карачаевского народа. – URL: <http://kkn09.ru/news/549-den-vozhrozhdeniya-karachaevskogo-naroda.html> (дата обращения: 20.07.2021).
6. МЧА в режиме видеоконференции провела встречу. – URL: <http://intercircass.org/?p=8318> (дата обращения: 10.09.2021).
7. 120-летний юбилей со дня рождения кабардинского поэта Али Шогенцукова. – URL: <http://intercircass.org/?p=8425> (дата обращения: 10.06.2021).
8. Селим Сефербеков признан лучшим программистом мира. – URL: <https://flnka.ru/novosti/14494-selim-seferbekov-priznan-luchshim-programmistom-mira.html> (дата обращения: 15.06.2021).
9. Гол лезгинского футболиста претендует на звание лучшего в Англии. – URL: <https://flnka.ru/novosti/13868-gol-lezginskogo-futbolista-pretenduet-na-zvanie-luchshego-v-anglii.html> (дата обращения: 15.06.2021).
10. В. Путин принял участие в церемонии поднятия флага в День России. – URL: <https://flnka.ru/novosti/14488-vputin-prinjal-uchastie-v-ceremonii-podnjatija-flaga-v-den-rossii.html> (дата обращения: 20.06.2021).
11. Памятник защитникам родной земли открыли в Махачкале. – URL: <https://flnka.ru/novosti/13917-pamjatnik-zaschitnikam-rodnoj-zemli-otkryli-v-mahachkale.html> (дата обращения: 20.06.2021).
12. Дробижева Л.М. Российская идентичность: поиски определения и динамика распространения // *Социологические исследования*. 2020. № 8. С. 37-50.

ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: «МЯГКАЯ СИЛА» — ХОРОШО, А «УМНАЯ» — ЛУЧШЕ

Алексеева А.А.
ИОН РАНХиГС, г. Москва,
студентка магистратуры
E-mail: agent2-6@yandex.ru

Аннотация: В статье анализируются особенности мягкой и умной силы как методов решения задач внешней и внутренней политики государства. Доказывается тезис о недостаточной эффективности инструментов мягкой силы. Обосновывается целесообразность принятия руководством России решений более жесткого характера.

Ключевые слова: международные отношения, мягкая сила, умная сила, инструмент политического влияния, государство, внутренняя политика, внешняя политика.

RUSSIAN FOREIGN AND DOMESTIC POLICY: «SOFT POWER» IS GOOD, BUT «SMART POWER» IS BETTER

Alekseeva A.A.
Russian Presidential Academy of National Economy,
master's student, Moscow
E-mail: agent2-6@yandex.ru

Abstract: The article describes the characteristics of soft and smart power as methods for solving problems of foreign and domestic policy of the state. The thesis about the insufficient effectiveness of the instruments of soft power is proved, the expediency of a more rigid nature of the decisions made by the Russian leadership is substantiated.

Key words: international relations, soft power, smart power, instrument of political influence, state, domestic policy, foreign policy.

В третьем десятилетии XXI века Россия продолжает применять стратегию «мягкой силы» во внутренней и внешней политике. Метод, впервые описанный и изложенный в книге профессора Гарвардского университета Джозефа Ная «Bound to Lead: The Changing Nature of American Power» (1990г.). Следует отметить, что под мягким могуществом государства экс-заместитель министра обороны по вопросам международной безопасности в администрации президента США Билла Клинтона подразумевает способность увеличивать число союзников, популяризируя свою культуру, политические идеалы, а также создавая общечеловеческие блага [22].

Современные исследователи сходятся во мнении, что именно ценности, культура и идеология являются источниками «мягкой силы» [4]. Российские политологи характеризуют «soft power» как психологически привлекательный,

лишенный насилия инструмент политического влияния на акторов международных отношений [15].

Правительства современных государств нередко используют этот метод для мобилизации населения в период модернизации экономики, перехода на новый политический курс, а также для укрепления привлекательности государства как в глазах собственных граждан, так и населения других стран [8]. В свою очередь на потенциальных союзников оказывают экономическое влияние участие в международных проектах, инвестиции и помощь в развитии [5].

Современная Россия пользуется мировым влиянием и статусом великой державы во многом благодаря инструментам «мягкой силы» СССР: достижений в области науки, образования и культуры, продвижение ценностей мира и безопасности и т.п. Руководство страны старается поддерживать свою имиджевую привлекательность, продвигая свои идеи, ценности в рамках Совета Безопасности ООН, ШОС, ЕАЭС, АТЭС, БРИКС и других международных организаций.

Внешняя политика современной России получает оформление в достаточно непростой международной обстановке. На фоне обострения политических и социально-экономических противоречий, постепенного происходит рост значения фактора силы в международных отношениях. В силу этого именно укрепление доверия и сотрудничества, борьба с мировыми угрозами на современном этапе выступают приоритетом внешней политики России. В рамках защиты национальных интересов Россия отстаивает свои традиционные ценности, борется с информационной монополией западных СМИ, пропагандой ценностей ЛГБТ сообществ и фальсификацией истории, призывает мировое сообщество уважать стремление государства укреплять национальную идентичность. В этих сложных условиях особое значение придается культурным и гуманитарным факторам.

Реализация подобной стратегии показала свою эффективность: в феврале 2020 года Россия вошла в топ-10 рейтинга уровня «мягкой силы» фирмы Brand Finance. Годом ранее в рейтинге «Soft Power» 30 агентства Portland страна занимала 30 место [23]. В 2021 году Россия добилась успеха в разработке вакцины против COVID-19 и заняла 13 строчку рейтинга.

Следует акцентировать внимание на таком инструменте «мягкой силы» России как публичная дипломатия, использование которой принесло свои дивиденды, обеспечив рост доверия со стороны государств Юго-Западной, Центральной и Восточной Азии. Однако исследователи отмечают недостаточную эффективность применения данного метода в целом [1]. С одной стороны, Россия использует пандемию коронавируса для улучшения своего имиджа, направляя медицинскую помощь в Италию, Сербию, Сирию, США и другие страны. С другой стороны, гуманитарной миссии, экспорта образования и культуры как инструментов «мягкой силы» оказывается недостаточно для продвижения российских товаров, ценностей и идей за пределами РФ.

Конечно, российское государство предпринимает определенные меры в данном направлении. Так, в 2008 году было создано Россотрудничество, однако федеральный орган не оправдал ожидания властей: культурные мероприятия носят преимущественно формальный характер, новые инструменты влияния на территории других стран не разработаны [13]. Например, в 2017 году Россия и Бразилия подписали соглашение об открытии в Сан-Паулу центра науки и культуры, однако бразильская сторона уже более трех лет не ратифицирует документ (причины в ведомстве не указывают) [2].

Гораздо успешнее «мягкую силу» Запад применяет в отношении России [5]. Так, опираясь на потенциал современных информационно-коммуникационных технологий, западные страны активно в качестве инструмента «мягкой силы» используют сеть Интернет. Тиражируя негативные стереотипы в отношении россиян, заявляя об отсутствии у них толерантности к разного рода меньшинствам и т.п., происходит формирование негативного образа граждан нашего государства, а также демонизация страны в целом [16]. Российские ученые заявляют о политической цензуре в высокорейтинговых европейских научных журналах [14].

По мнению О. Леонова, эпоха «мягкой силы», такой, какой ее видел Дж. Най, прошла. Сегодня наибольшую эффективность государству приносят политтехнологии или так называемая «умная сила» [7], которую исследователи определяют в качестве самостоятельной стратегии, сочетающей в себе мягкую и жесткую силу, механизмы экономической дипломатии [10].

Эффективным инструментом «умной силы» во внутренней политике России стал патернализм в сфере туризма. Так, власти, в условиях ограниченного выезда за рубеж, обеспечили потребность населения в отдыхе убедив граждан предоставить государству право выбирать, где им лучше провести свой отпуск. Залогом успеха стало введение программы Туристический кэшбек, который, по данным Ассоциации туроператоров, принес регионам от 5 до 25% дополнительного турпотока [19]. В регионах открылось множество новых туристических маршрутов, в том числе автомобильных. С целью заинтересовать отдыхом в регионах 50 млн автовладельцев страны, Общероссийская ассоциация авто мототуризма и караванинга провела федеральные конкурсы авто маршрутов и гимна автотуристов [3], мотивировала власти и бизнес активнее финансировать развитие дорожной инфраструктуры в глубинке.

Таким образом, инструменты «мягкой силы» во внешней политике России характеризуются широким спектром применения, тем не менее, их потенциал зачастую использован не в полной степени, а лишь фрагментарно. Современной России необходимо, основываясь на особенностях применения инструментария «мягкой силы» во внешней политике в советский период, руководствуясь состоянием текущей международной политической обстановки, ориентироваться на применение «умной силы». Такая стратегия может стать наиболее эффективной при реализации внутри-и-внешнеполитических целей страны.

Список литературы:

1. Бахриев Б.Х. Публичная дипломатия в современном исследовательском дискурсе // Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия общественных наук. 2017. № 1. С.131-147.
2. Бразильцы просят власти остановить информационную блокаду вокруг России // Федеральное агентство новостей. 27.05.2020. – URL: <https://riafan.ru/1278866-brazilcy-prosyat-vlasti-ostanovit-informacionnyu-blokadu-vokrug-rossii> (дата обращения: 15.08.2021).
3. В России официально зарегистрирован Гимн автотуриста // Общероссийская ассоциация автомобилотуризма и караванинга. – URL: <http://automototravel.com/avtoturizm/konkurs-gymn-avtoturista/> (дата обращения: 16.08.2021).
4. Давыдов Ю.П. «Жесткая» и «мягкая» сила в международных отношениях // Международные процессы. 2007. № 1. С.3-24.
5. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135-137.
6. Законопроект «О внесении изменений в Статью 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 4 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». - URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1165649-7> (дата обращения: 16.08.2021).
7. Леонова О.Г. Мягкая сила – ресурс внешней политики государства // Обозреватель – Observer. 2013. №4 (279). С. 27-40.
8. Макаревич Э.Ф. Привлекательность мягкой силы и способы ее измерения // PolitBook. 2017. №1. С. 30-48.
9. Мангейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Центр гуманитарных инициатив, 2010. 744с.
10. Миргород Д.А. Проблемы развития экономической дипломатии в России // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2018. № 4 (57). С. 92-96.
11. «Молодежный» протест: причины и потенциал // Центр экономических и политических реформ. 15.05.2017. - URL: <https://youngspace.ru/wp-content/uploads/2017/12/Molodezhnyj-protest-prichiny-i-potentsial.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).
12. Правозащитник назвал поправки в «Закон Димы Яковлева» прорывом в охране россиян за рубежом // Политическая экспертиза. 14.06.2021. - URL: <https://politexpert.net/249896-posluzhit-signalom-dlya-mnogikh-stran-novyi-zakon-zashitit-prava-rossiyan-za-granicej> (дата обращения: 12.08.2021).
13. Российская мягкая сила: неоднозначная концепция и низкая эффективность / Al Araby, Великобритания // Иносми. 06.07. 2020. - URL: <https://inosmi.ru/politic/20200706/247710415.html> (дата обращения: 12.08.2021).

14. Российские ученые пожаловались на политическую цензуру в высокорейтинговых европейских научных журналах // Федеральное агентство новостей. 26.03.2021 - URL: <https://feed.riafan.ru/1411406-rossiiskie-uchenye-pozhalovalis-na-politicheskuyu-cenzuru-v-evropeiskikh-nauchnykh-zhurnalakh> (дата обращения: 12.08.2021).
15. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой» силы (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. Вып. 10. С.173-192.
16. Сделать Россию страной меньшинств»: бразильцы одержимы радужной верой // Федеральное агентство новостей. 09.07.2020. - URL: <https://riafan.ru/1291993-sdelat-rossiyu-stranoi-menshinstv-brazilcy-oderzhimy-raduzhnoi-veroi> (дата обращения: 14.08.2021).
17. Сенатор Ковитиди: чтобы одолеть ложь с Запада, российскому государству нужна цензура // Федеральное агентство новостей. — 01.04.2021. - URL: <https://riafan.ru/1415353-senator-kovitidi-chtoby-odolet-lozh-s-zapada-rossiiskomu-gosudarstvu-nuzhna-cenzura> (дата обращения: 12.08.2021).
18. Смородина Ю.В. «Мягкая сила» и «умная сила» России в контексте украинского и сирийского кризисов // Вестник Московского университета. Серия 27. Глобалистика и геополитика. 2017. №4. С.47-54.
19. Туристы ждут продолжения программы кэшбека в 2022 году. // АТОР. 11.10.2021. - URL: <https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/57196.html> (дата обращения: 12.08.2021).
20. Шойгу, Лавров, Шмелева и Проценко отказались от мандатов депутатов Госдумы // Российская газета. 29.09.2021. - URL: <https://rg.ru/2021/09/29/cik-lavrov-i-shojgu-ne-priniali-dumskie-mandatv.html?msn> (дата обращения: 12.08.2021).
21. Global Soft Power Index. The world's most comprehensive research study on perceptions of nation brands. - URL: <https://brandirectory.com/globalsoftpower/> (дата обращения: 12.08.2021).
22. Nye Joseph S. Soft Power: The Means to Success in World Politics. NY: Public Affairs, 2004.
23. The soft power 30. A Global Ranking of Soft Power 2019. Portland. - URL: <https://softpower30.com/wp-content/uploads/2019/10/The-Soft-Power-30-Report-2019-1.pdf> (дата обращения: 12.08.2021).

НЕСТАБИЛЬНОСТЬ VUCA-МИРА КАК СРЕДА ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАОБРАЗА

Андреева Ю.В.

Доктор педагогических наук, профессор, г. Казань

E-mail: andreevsemen@mail.ru

Липатова А.В.

старший преподаватель, Университет управления «ТИСБИ», г. Казань

E-mail: anna-shab@mail.ru

Аннотация: В статье VUCA-мир рассматривается не столько как пространство угроз и вызовов, сколько как среда новых возможностей для конструирования медийного образа. Авторы исследуют Storytelling, Streaming media, Social gaming и другие инновационные ресурсы медийного поля как инструменты для построения политического контента и повышения эффективности воздействия образа на аудиторию. Ставится вопрос о взаимовлиянии цифровизации и политики в тесном переплетении общественного и технологического развития. Понимание перспективы цифровизации делает процесс управления политическим медиаобразом более управляемым, а креативный подход к применению новых технологий усиливает конкурентоспособность политической фигуры. Глубокая аналитика и прогнозирование стратегии управления новым цифровым пространством позволит сформировать системный взгляд на проблематику. Авторы полагают, что консолидация всех информационных потоков выведет инструментарий политической и социальной коммуникации на новый уровень.

Ключевые слова: VUCA-мир, нестабильность, цифровые технологии, политические технологии, медиаобраз, конструирование.

INSTABILITY OF THE VUCA-WORLD AS AN ENVIRONMENT OF POSSIBILITIES FOR CONSTRUCTING A POLITICAL MEDIA IMAGE

Andreeva Yu.V.

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Kazan

E-mail: andreevsemen@mail.ru

Lipatova A.V.

Senior Lecturer, University of Management «TISBI», Kazan

E-mail: anna-shab@mail.ru

Abstract: In the article VUCA-world observed as a field for many possibilities for constructing a media image. The authors explore Storytelling, Streaming media, Social gaming, and other innovative media field resources as tools to create content and improve audience impact. The question is raised about

the mutual influence of digitalization and politics in the close intertwining of social and technological development. Understanding the perspective of digital processing makes the process of managing a political media image more manageable, and a creative approach to the use of new technologies enhances the competitiveness of a political figure. Deep analytics and forecasting of the strategy for managing the new digital space will allow us to form a systematic view of the problem. The authors believe that the consolidation of all information flows will bring the tools of political and social communication to a new level.

Key words: *VUCA-world, instability, digital technologies, political technologies, media image, construction*

Современные возможности цифровых технологий позволяют упаковать и донести до широких масс, минуя этнические, государственные и возрастные границы, фактически любые объемы информации. Цифровой след сегодня создается всем реальным процессам, неограниченный ресурс хранения и обновления информации впервые дает человечеству выход на статус вечности: любая цифровая информация имеет категории диахромности и диапопности (вне времени и вне пространства). В исследовании медийных образов руководителей советского времени основной источник информации – это печатные газеты, кадры кинохроник, воспоминания современников. И если традиционный формат СМИ с отсылкой на тоталитарный политический режим в до-цифровую эпоху делал управление медиаобразом более статичным и «рамочным», предсказуемым и управляемым, то развитие сферы социальных медиакоммуникаций в VUCA-мире значительно усложнило процесс конструирования, повысило его стохастичность, вместе с тем, расширило возможности для моделирования «фактурности» политического портрета.

Значительное развитие получила ресурсная база медиа: кроме привычных моделей политической и социальной коммуникации (СМИ, социальные сети, онлайн платформы) она включила ресурс потокового онлайн вещания (Streaming media), государственное и социальное управление через игру (Social gaming). Среди техник и технологий в пространстве цифрового мира свою эффективность демонстрирует ресурс Storytelling – трансмедиа – создание историй, фреймное построение контента, интегрирование или синтез AR-, VR-моделей в различных социокультурных и технологических сферах. В политическом дискурсе сторителлинг рассматривается как технология, позволяющая успешно воздействовать на аудиторию благодаря тому, что апеллирование к историям рассматривается как более предпочтительный метод нежели перечисление статистических данных и прочих рациональных аргументов [1, с. 32].

Сегодня взгляд исследователей направлен на выявление суггестивности и манипулятивности новых цифровых технологий. Например, на анализ методом ай-трекинга сенсорного восприятия фотоизображений в СМИ и его влияния на готовность к политическому участию [2]. Визуальная привлекательность и эмотивность изображения, время фиксации взгляда и

интенсивность приема «цифровых новостей», глубина просмотра Интернет-ресурса и желание вернуться к нему формируют у аудитории готовность к участию (или неучастию) в Интернет-дискуссиях. Зарубежные исследования последнего десятилетия выявляют связь между цифровым вовлечением в политическое инфополе и уровнем активности в политической жизни (низкий-высокий порог) [3].

Древняя поговорка гласит: «кто владеет информацией – тот владеет миром». В цифровом мире информационная экспансия наступает стремительно. Глобальные международные корпорации уже начали активную работу в этом направлении: переписывается история, стираются границы этнических миров. Размывается и понятие точности и достоверности – гаранта здорового функционирования журналистики. Fake news, False news и иные формы Постправды становятся серьезной угрозой для современного информационного общества и выступают маркером кризиса демократии [4]. Политические акторы выходят в медиаполе, имея неравные возможности в использовании информационных ресурсов. В отсутствии доступа к крупным информационным каналам начинается творческий поиск альтернативных форм, которые отстраиваются от источников, монополизированных более сильными игроками. Такая ситуация побуждает экспериментировать в подаче контента, в оригинальности способа его распространения. «Отстройка» от традиционного происходит как в технологическом аспекте, так и на уровне выстраивания двусторонней симметричной коммуникации (социальные сети сближают, один щелчок – и сообщение отправлено, публичная личность становится доступной, близкой, «осязаемой»).

США считается монополистом управления информационным пространством (серверы, передающие устройства, Силиконовая долина). Доля РФ в общем мировом инфополе по оценкам экспертов в 2000 была 5%, сегодня - не более 2%. Цифровая Россия пока имеет низкий коммуникативный статус. Кто же может выйти на наше информационное поле? Когда сегодня говорят о мировом правительстве то возникают не модели массонских групп, а экосистемы цифровых гигантов. Мировая цифровая четверка – это уже не бизнес, а влияние на все процессы цивилизации. Гигантские транснациональные монополии: Google – это не просто поисковая системы, а лидер создания алгоритмов наблюдения за потребителем, держит 90% мировой цифровой рекламы, Apple - пионер программного обеспечения и технического сопровождения современной IT-техники, Facebook кроме площадки коммуникации, контролирует 80% мобильного трафика, а Amazon – не просто интернет магазин, а портал продаж и фабрика сбыта новых технологий (80% продаж мировых электронных книг).

В России так же формируются свои цифровые экосистемы, наиболее очевидная – это цифровая экосистема Сбера, который вложил в ее создание колоссальную по российским меркам сумму – некоторые аналитики считают, что инвестировано порядка 400 млрд рублей. В системе Сбера обслуживается около 70 млн. человек, это половина всего населения нашей страны. Колоссальные обороты средств дают возможность развивать многие

направления. Цифровая экосистема Сбера консолидировала проекты Rambler Group – одного из крупнейших российских медиахолдингов, который включает более 30 Интернет-ресурсов (Lenta.ru, «Газета.Ru», «Афиша» и другие) с суммарным ежемесячным посещением в 168 млн. уникальных пользователей [5].

Цифровизация СМИ и обладание информацией о пользователях открывают новые возможности для понимания ожиданий и ценностей аудитории, для апробации новых политических технологий воздействия. Возникает вопрос: сегодня идут процессы политики цифровизации или цифровизации политики? Происходит тесное переплетение технологического и общественного развития [6]. Вместе с тем, прослеживается стремление укрепить ускользающую монополию над источниками информации, сделать информационные процессы более понятными и управляемыми. Правительство РФ предпринимает активные меры по управлению инфопространством «над своей территорией»: работает проект «цифровое правительство», появляются стартапы и уникальные медиапроекты, создан Иннополис, открыты IT-школы, профильные магистратуры. В России работают продакшн-студии, VR-, AR-лаборатории. Оцифрованы данные Национальных архивов, музеев и вузов. Настало время плановых, системных действий: глубокой аналитике, прогнозированию и реализации стратегии управления новым цифровым пространством. Консолидация всех информационных потоков выведет инструментарий политической и социальной коммуникации на новый уровень.

Осознанное, структурное и прогностические развития метавселенной с элементами национальной идентичности (неповторимым культурным кодом России) позволит расширить ресурсы управления сложными, многофакторными, спонтанными процессами. Улучшит коммуникацию между властью и массами – снимет социальное напряжение, ускорит получение обратной связи – разрешение конфликтов, социальных проблем. Создание единой цифровой информационной концепции повысит уровень социальной безопасности, даст правовой механизм пресечения деструктивных потоков. Что сможет объединить общество в цифровом коммуникативном пространстве? На наш взгляд, это и переход на новые схемы взаимодействия с населением (например, через онлайн стриминговое вещание) ведомств и государственных институтов, и инициирование со стороны граждан социальных проектов (краудфайдинг) и создание прорывных креативных IT-медиапроектов, привлечения инвесторов и поддержки цифровых стартапов, социальных исследований и экспериментов и выработки новых стратегий управления.

Таким образом, IT-технологии становятся эффективным инструментом управления социальными и политическими процессами. Происходит переход из реальной плоскости в виртуальную в стремлении создать полноценную цифровую «копию» и перевести все взаимодействия в медиaprостранство. Чтобы стать реальным «игроком» информационного политического пространства России (и мира), необходима поддержка инновационных

смелых, экспериментальных проектов. Например, обращение к иммерсивной журналистике, когда все репортажи со знаковых событий создаются с элементами VR. Технология иммерсивной подачи информации активно развивается в США, где уже 10 лет снимаются подобные фильмы; в Китае, где последние 5 лет ведет новости робот; в Японии, где литературную премию выиграл искусственный интеллект; в Германии, где создаются клипы с ИИ. Требуется изучать и внедрять новый опыт, генерировать свои собственные уникальные цифровые проекты. Не освоив, не применяя новые технологии, политический деятель окажется неконкурентоспособным, и даже самые блестящие его идеи не смогут найти поддержки со стороны общества.

Список литературы:

1. Скорченко Ю.А. Политический сторителлинг: анализ софтформинга // Вестник Донского государственного аграрного университета. № 4-2 (38). 2020. С. 32-39.
2. Geise S., Heck A., Panke D. The Effects of Digital Media Images on Political Participation Online: Results of an Eye-Tracking Experiment Integrating Individual Perceptions of “Photo News Factors” // Policy & Internet. 2021. Vol. 13. No. 1. P. 54-85.
3. Zhuravskaya E., Petrova M., Enikolopov R. Political Effects of the Internet and Social Media // Annual Review of Economics. 2020. Vol. 12. P. 415-438.
4. Egelhofer J., Lecheler S. Fake news as a two-dimensional phenomenon: a framework and research agenda // Annals of the International Communication Association. 2019. Vol. 43. P. 97-116.
5. Барчук И. Что такое цифровая экосистема? // Rusbase. 2021. URL: <https://rb.ru/opinion/what-is-digital-ecosystem/>
6. Коньков А.Е. Цифровизация политики vs политика цифровизации // Вестник СПбГУ. Международные отношения. 2020. Т. 13. Вып. 1. С. 47-68.
7. Попова О.И. Влияние цифровизации по потребительское поведение и развитие СМИ // Знак: проблемное поле медиобразования. 2020. № 3 (37). С. 121-125.

К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Афони́на А. А.

Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,

Институт «Таврическая академия», студент

E-mail: afonina0603@icloud.com

Аннотация: В данной статье рассматриваются концепции публичной дипломатии в современном исследовательском дискурсе. Дано определение понятия «публичная дипломатия». Произведены анализ этого понятия на концептуальном уровне и осмысление его как особого вида международного взаимодействия, осуществляемого негосударственными акторами. В связи с широким распространением этого инструмента внешней политики и быстрым темпом развития технологического прогресса, автор оценивает актуальность концепций «мягкой силы» и использования интернет-технологий в рамках публичной дипломатии, а также освещает методы активизации публичной дипломатии в современной России.

Ключевые слова: публичная дипломатия, «мягкая сила», цифровая дипломатия, внешняя политика, международная коммуникация.

TO THE QUESTION OF MODERN CONCEPTS OF PUBLIC DIPLOMACY

Afonina A. A.

Student,

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», Student

E-mail: afonina0603@icloud.com

Abstract: This article deals with the concepts of public diplomacy in the modern research discourse. It defines the concept of «public diplomacy». This concept is analyzed at the conceptual level and comprehended as a special type of international interaction implemented by non - state actors. Due to the widespread use of this foreign policy tool and the rapid pace of technological progress, the author assesses the relevance of the concepts of «soft power» and the use of Internet technologies in public diplomacy, and also looks into the methods of activating public diplomacy in modern Russia.

Key words: public diplomacy, «soft power», digital diplomacy, foreign policy, international communication.

В современном мире все большую роль играет публичная дипломатия или же «public diplomacy» — термин, предложенный Эдмундом Галлионом, деканом Флетчеровской школы права и дипломатии, в 60-х годах XX века в качестве замены термину «propaganda», который имел негативную

коннотацию в американском государстве. «Классическая концепция публичной дипломатии подразумевает средства, при помощи которых правительства, частные группы и отдельные лица меняют установки и мнения других народов и правительств таким образом, чтобы оказать влияние на их внешнеполитические решения» [1] (т. е. ради получения и удержания политического влияния).

Концепция публичной дипломатии с точки зрения Э. Галлиона была представлена в кратком изложении в брошюре Центра публичной дипломатии Эдварда Роско Мурроу: «Публичная дипломатия < > занимается влиянием общественных настроений на формирование и проведение внешней политики. Она охватывает аспекты международных отношений, выходящие за рамки традиционной дипломатии; культивирование правительствами общественного мнения в других странах; взаимодействие частных групп и интересов в одной стране с другой; освещение иностранных дел и их влияние на политику; общение между теми, чья работа заключается в общении, в качестве дипломатов и иностранных корреспондентов ...» [2, с. 19].

После появления первых ядерных взрывных устройств усиление влияния мировых держав на международной арене посредством «жесткой силы» потеряло прежнюю актуальность, ведь наличие у сторон-противников ракетно-ядерного вооружения играло сдерживающую роль. Необходимо было рассматривать иные концепции дипломатии, соответствующие измененному характеру политики, осложненной конфронтацией США и СССР. После завершения холодной войны публичная дипломатия стала рассматриваться как система институтов реализации внешнеполитических интересов США через осуществление концепции «мягкой силы».

Первоначально понятие «мягкая сила» было связано с именем американского политолога Джозефа Сэмюэля Ная, который утверждал, что достижение национальных целей возможно на идейно-ценностном уровне и без применения насилия. «Мягкая сила» предусматривает продвижение интересов государства путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на её ценностях, достижениях в культуре и интеллектуальной сфере [3, с. 11].

На сегодняшний день глобальные СМИ выполняют информационно-разъяснительную функцию и являются акторами мировой политики, которые, однако, подвержены влиянию различных общественных, государственных и коммерческих сил [4, с. 16]. В России происходит достаточно быстрое развитие медиа-инструментов для расширения своего влияния на информационном пространстве (агентство «Sputnik», российский телевизионный канал зарубежного вещания «Russia Today», «Российская газета»). В связи с этим необходимо подчеркнуть, что цифровая дипломатия открывает новые возможности для проведения политики «мягкой силы». «Как форма публичной дипломатии, цифровая дипломатия является механизмом влияния на зарубежную аудиторию посредством определенных методов:

– размещение радио и телепередач в Интернете;

- распространение в открытом доступе литературы в цифровом формате;
- мониторинг дискуссий в блогосфере;
- рассылка информации через мобильные телефоны;
- создание персонализированных аккаунтов членов правительства в социальных сетях» [5, с. 54].

Публичная дипломатия становится все более важным инструментарием внешней политики современной России. В Концепции внешней политики Российской Федерации от 2016 г., устанавливается, что в целях обеспечения национальных интересов и реализации стратегических национальных приоритетов РФ внешнеполитическая деятельность государства направлена на выполнение таких основных задач, как дальнейшее продвижение курса на укрепление международного мира, обеспечение всеобщей безопасности и стабильности в целях утверждения справедливой демократической международной системы, основанной на коллективных началах в решении международных проблем, на верховенстве международного права, прежде всего, на положениях Устава Организации Объединенных Наций, а также на равноправных и партнерских отношениях между государствами при центральной координирующей роли ООН как основной организации, регулирующей международные отношения [6].

Рассматривая различные концепции и модели активизации публичной дипломатии в современном мире, Ицхак Гильбоа, профессор Тель-Авивского университета, выделил ее следующие характеристики: «интерактивность между государственными и негосударственными акторами; использование «мягкой силы», двусторонней коммуникации, стратегической публичной дипломатии, медиа-фрейминга, информационного менеджмента, PR, национального брендинга, самопрезентации и электронного имиджа ...» [7, с. 59].

Публичная дипломатия в контексте российской действительности имеет следующее приоритетное направление внешней политики – работа со странами, имеющими расхождения по поводу трактовки исторических событий. Так, для объективного пересмотра совместной истории были созданы неформальная Российско-польская группа по сложным вопросам и Фонд «Российско-польский центр диалога и согласия» [8, с. 50].

В заключение можно сделать следующий вывод: на данный момент значительный акцент в публичной дипломатии делается на реализации концепций «мягкой силы» и программ гуманитарного межнационального сотрудничества, а также использовании негосударственных акторов, таких как НПО и СМИ. Поскольку российская публичная дипломатия находится практически у истоков своего развития, то приоритетной сегодня является выработка комплексной долгосрочной стратегии публичной дипломатии в целях реализации национальных интересов и обеспечения устойчивого положения на международной арене.

Список литературы:

1. What is Public Diplomacy? // The Edward R. Murrow Center of Public Diplomacy. The Fletcher School. Tufts University. - URL: <http://fletcher.tufts.edu/murrow/diplomacy> (дата обращения: 27.10.2021).
2. Routledge Handbook of Public Diplomacy / Edited by Nancy Snow and Phillip M. Taylor. 2009. 404 p.
3. Наумов А. О. «Мягкая сила», «цветные революции» и технологии смены политических режимов в начале XXI века. М.: Аргмак-Медиа, 2016. 274 с.
4. Зегонов О. В. Роль «глобальных» СМИ в мировой политике: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2009. 16 с.
5. Сурма И. В. Цифровая дипломатия в дискурсе глобальной политики // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 6 (39). С. 53-60.
6. Указ Президента РФ от 30.11.2016 N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. N 49. Ст. 6886. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41451> (дата обращения: 27.10.2021).
7. Gilboa E. Searching for a Theory of Public Diplomacy // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2008. Vol. 616. № 1. P. 55-77.
8. Бурлинова Н. В. Курс общественного дипломата. Учеб.-метод. материалы № 4/2017, Российский совет по международным делам (РСМД). М.: НП РСМД, 2017. 76 с.

КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ

Ахметова Л.В.

*Кандидат психологических наук,
Томский государственный педагогический университет, доцент
E-mail: axme-lv@yandex.ru*

Иванкина Л.И.

*Доктор философских наук,
Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор
E-mail: ivankina@tpu.ru*

Исследование выполнено на базе Томского государственного педагогического университета при финансовой поддержке РФФИ, грант 19-29-07445 мк «Разработка модели когнитивной сферы личности и программного обеспечения для мониторинга когнитивных процессов у обучающихся в полиэтнокультурной образовательной среде».

Аннотация: В статье анализируется влияние компьютерных технологий на процесс формирования и развития интеллекта и самосознания личности. На основе структурно-функционального подхода проводится параллель в понимании развития и самореализации личности в реальном физическом и цифровом пространствах. Показано, что взаимодействие с машиной не является диалогом по своему внутреннему содержанию, а современные исследования в области когнитивной психологии позволяют сделать вывод относительно того, что мышление не формируется, если индивид не имеет развитой практики живого общения, формирования и формулирования мысли в устной и письменной речи. В условиях, когда созданы колоссальные возможности для широкого применения электронных средств для поиска и решения разной степени сложности интеллектуальных задач, идея личной ответственности и выбора становится еще более актуальной по сравнению с другими эпохами человеческой истории. Развитие интеллектуального потенциала становится личностно-значимой задачей для каждого человека.

Ключевые слова: киберсоциализация, киберпространство, ценностно-потребностная сфера, потребность, внутриличностный конфликт, самореализация, альтер-эго.

CYBERSOCIALIZATION AS A FACTOR OF THE FORMATION OF THE COGNITIVE SPHERE OF PERSONALITY

Akhmetova L.V.

PhD

Tomsk State Pedagogical University, associate Professor

E-mail: axme-lv@yandex.ru

Ivankina L.I.

DSc

National Research Tomsk Polytechnic University, Professor

E-mail: ivankina@tpu.ru

Abstract: *The article analyzes the influence of computer technologies on the formation and development of intelligence and personality self-awareness. On the basis of the structural-functional approach, a parallel is drawn in understanding the development and self-realization of an individual in real physical and digital spaces. It is shown that interaction with a machine is not a dialogue in its inner content, and modern research in the field of cognitive psychology allows us to conclude that thinking is not formed if the individual does not have a developed practice of live communication, the formation and formulation of thought in oral and written speech. In conditions when enormous opportunities have been created for the widespread use of electronic means for searching and solving intellectual problems of varying degrees of complexity, the idea of personal responsibility and choice becomes even more relevant in comparison with other epochs of human*

history. The development of intellectual potential becomes a personally significant task for every person.

Key words: *cybersocialization, cyberspace, value-need sphere, need, intrapersonal conflict, self-realization, alter ego*

Одним из негативных последствий развития информатизации и широкого применения технических устройств в организации мыслительного процесса человеком является то, что возможности современных гаджетов способствуют значительному снижению уровня социализации человека, которая под влиянием современных технологий приобретает контент киберсоциализации. Киберсоциализация, по определению О. И. Воиновой и В. А. Плешакова, это – социализация личности в киберпространстве или виртуальная компьютерная социализация личности, представляет собой процесс качественных изменений потребностно-мотивационной сферы и структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности [1, с. 12]. В результате включенности человека в киберсреду повседневной жизни у него формируются навыки, позволяющие в такой среде выполнять разные роли как субъекту сетевых обществ, в которые он вовлечен.

Под влиянием изменений условий жизни происходит перераспределение интеллектуальных способностей человека, проявляющиеся в том, что наличие технического устройства, решающего за человека определенную задачу, побуждает его чем-то заниматься и, напротив, не делать чего-то, то есть технические возможности влияют на конфигурацию его интеллектуальных запросов, активность, мотивацию и пр. В условиях, когда информационно-виртуальная реальность возводит функцию замещения и совершенствования умственного труда человека в ранг ведущей, риски и угрозы развития когнитивной сферы индивида становятся реальными.

Что происходит с развитием интеллектуальной сферы человека в условиях новых вызовов? Поиск ответа на данный вопрос осуществлялся с позиций структурно-функционального подхода, рассматривающего личность как системное образование, обеспечивающее биопсихосоциальные функции ее жизнедеятельности.

Согласно когнитивно-аффективной теории социального научения У. Мишела [2, с. 587–590], личностные переменные, или когнитивно-аффективные единицы, включают в себя все (физиологические, психологические, социальные) характеристики человека, в том числе когнитивные компетентности, являющиеся самыми стабильными во времени и в разных ситуациях. Интеллект лежит, согласно теории У. Мишела, в основе персональной диспозиции, и человеку присуща внутренняя психологическая потребность в компетентности, не связанная с биологическими влечениями, имеющая для него адаптивную ценность, позволяя совершать выбор и сохранять устойчивое поведение. Ядром системной организации личности

является ценностно-потребностная сфера, формирующая принципиальные отличия в траектории эволюционного становления человека.

Ценность – это субъективно значимое переживание, осознаваемое человеком, влияющее на его потребности (это может быть материальная или духовная нужда индивида, личности, расы, нации), либо исторически сложившаяся, принятая обществом и личностью система культурно-исторических идей, представлений, правил, контролирующих нормы поведения, социальные установки достижений и пр. Потребности личности, с одной стороны, осознаются и концептуализируются через призму устойчивых глубинных родовых, архетипических ценностей, и под влиянием исторически обусловленных идеологических и социально-технологических трансформаций, – с другой [3, с. 235].

Для выявления особенностей ценностно-потребностной сферы была применена методика, разработанная В. Г. Морогиным [4]. Ценностно-потребностная сфера личности определяется им как «уникальная иерархия индивидуальных потребностей, упорядоченная системой архетипических ценностных матриц, представляющих собой обобщенное родовое наследие индивида, и формирующаяся под влиянием одобряемой групповым большинством и государством системы общественных ценностей» [4].

Сравнительные исследования структуры ценностно-потребностной сферы личности, проведенные нами при участии монгольских, турецких и российских студентов в 2011 г. показали интересные результаты [5-9]. Студентам предлагался список из 15 ценностей (общение, уверенность, безопасность, вера, карьера, творчество, богатство, справедливость, здоровье, красота, свобода, успех, любовь, власть, честь) которые необходимо было проранжировать по критерию жизненной значимости. У представителей всех трех групп была выбрана ценность «здоровье» как наиболее значимая для удовлетворения потребностей на гедонистическом уровне самореализации.

На социально-личностном уровне была выявлена высокая значимость для самореализации ценностей «свобода», «честь», «справедливость», «любовь». Именно эти ценности, по мнению испытуемых, являются жизненно значимыми для обучающихся иностранных и российских студентов для удовлетворения потребностей в самореализации.

На втором этапе исследования предлагалось из этого же списка ценностей выбрать легко достижимые ценности в порядке их убывающей значимости. Был выявлен противоречивый, на первый взгляд, факт, который выражался в том, что на гедонистическом уровне удовлетворение потребности в самореализации испытывает препятствия по причине трудностей в достижении ценности «безопасность», «богатство». В зону труднодостижимых ценностей попали ценности «успех» и «карьера», что препятствует удовлетворению потребностей на эгоистическом уровне самореализации. Выявленное в ходе экспериментального исследования противоречие между уровнем значимости ценности и легкостью ее достижения является выражением внутриличностного конфликта.

Исследование показало, что качественное изменение структуры самосознания происходит при удовлетворении потребностей, обеспечивающих в субъективном сознании личности более высокий уровень самореализации. Доступность, легкость удовлетворения потребностей в достижении жизненно важных ценностей снижает либо вовсе снимает внутрилличностный конфликт, приводит человека к самоощущению благополучия и психологического комфорта.

В бессознательном стремлении к освобождению от внутрилличностного конфликта человек ищет нишу, пространство, способные все же привести к удовлетворению желаемой потребности. Социальные сети, цифровые игры, специализированные виртуальные службы представляют собой киберпространство – полигон возможностей для самореализации на различных уровнях ценностно-потребностной сферы личности, замещая реальное достижение желаемого виртуальным. В пространстве многочисленных и разнообразных гаджетов киберсоциализация позволяет без усилий повышать актуализированный в сознании человека гедонистический, или эгоистический уровни самореализации. Перевоплощение в социально-одобряемые либо фантастические образы, отвечающие потребностям, и в соответствии со значимыми ценностями меняют иерархию структуры ценностно-потребностной сферы личности, адекватную условиям киберпространства и неприемлемо инфантильную по отношению к реальному физическому миру.

В условиях, когда коммуникация, преимущественно осуществляется посредством новых цифровых жанров (мемы, ролики, игры, посты и др.) и виртуального диалога (форумы, блоги, соцсети, комментарии и пр.), происходит вторичное переосмысление понятия «альтер-эго», или другого Я. В киберсоциализированном пространстве другое «Я» отражает нереализованные амбиции и неразрешенные комплексы пользователя сети Интернет. Квинтэссенцией выражения такого альтер-эго становится электронная игровая среда, в которой сочетаются различные жанры современного искусства. Нарративы, предлагаемые в игре, часто не уступают по глубине классическим формам и носят имманентно интерактивный характер, когда пользователь уже не зритель, непосредственно участвуя в развитии событий, и от его действий и решений, принимаемых в игре, зависит исход действия, развитие сюжета и результат в итоге.

Цифровые игры как медиа-поле и новый мета-жанр искусства обладают широкими возможностями влияния на формирование личности. Создание управляемого персонажа внутри игры – не что иное, как акт инкарнации альтер-эго. Игрок воплощает в герое светлую или темную сторону собственной личности в зависимости от устремлений и предпочтений. Однако не стоит воспринимать персонажа в качестве психологического зеркала, поскольку многие черты будут искажены, домыслены, сгенерированы подсознательно или намеренно. Цифровое альтер-эго – не тень и не отражение реального игрока, а некая новая сущность, которая может даже противоречить своему прародителю. Именно по этой причине мы не рекомендуем

рассматривать пользователя как личность и его цифровое альтер-эго в одной плоскости.

Таким образом, у человека, не способного к достижению значимых ценностей и уровней самореализации в реальном физическом пространстве, происходит перестройка структуры ценностно-потребностной сферы, что приводит к формированию, развитию и закреплению зависимого поведения в рамках цифрового киберпространства, которое обеспечивает удовлетворение потребностей, возвращает (дарит) человеку уверенность в своих достижениях, повышает самооценку, снимает тревожность, способствует расширению и удовлетворению коммуникативных потребностей.

Темпы научных открытий и их применения в практике искусственного интеллекта соответствуют революционной динамике, меняющей конфигурацию когнитивных способностей человека. Путь, предложенный героем О. Генри в одном из его рассказов о человеке, решившем, что если энциклопедия охватывает все знания, то человеку незачем ходить в школу, а достаточно просто выучить энциклопедию, был узкопрагматичен и неприемлем не только прежде, но в еще большей степени стал таковым сегодня. Следовательно, одна из аксиом человеческой жизни, гласящая «развивать себя как человека», ориентирует нас к самостановлению через ментальное развитие.

Список литературы:

1. Воинова О.И., Плешаков В.А. Киберонтологический подход в образовании. Норильск: Норильский индустриальный институт, 2012. 244 с.
2. Фрейдджер Р., Дж. Фэйдимен. Теории личности и личностный рост. М.: ОЛМА ПРЕСС, 2004. 657 с.
3. Морогин В.Г. Психологическая концепция идентичности // Сибирский педагогический журнал. Новосибирск: НГПУ. 2011. [№ 11](#). С. 233–253.
4. Морогин В.Г. Ценностно-потребностная сфера личности. Томск: ТГПУ, 2003. 357 с.
5. Ахметова Л.В., Жданова Э.В., Дэлгэрбямба Н. Сравнительный анализ ценностных ориентаций монгольских и русских учащихся // I Всероссийский фестиваль науки: Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 25–29 апреля 2011 г.): материалы конференции: в 6 т. Том III: Педагогика и психология. Ч. 2: Психология. Томск: Издательство Томского гос.педагог. ун-та, 2011. С. 75–83.
6. Ахметова Л.В., Жданова Э.В. Сравнительный анализ ценностных ориентаций турецких и российских учащихся // I Всероссийский фестиваль науки: Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование» (г. Томск, 25–29 апреля 2011 г.): материалы конференции: в 6 т. Том III: Педагогика и психология. Ч. 2: Психология. Томск: Издательство Томского гос.педагог. ун-та, 2011. С. 83–90.

7. Жданова Э.В., Эгемен Э. Сравнительный анализ ценностных ориентаций турецких и российских учащихся // Научная инициатива иностранных студентов и аспирантов российских вузов: Сборник докладов IV Всероссийской научно-практической конференции. Томск, 24 - 26 мая 2011 года. Томск: Издательство ТПУ, 2011. С. 520–526.

8. Жданова Э.В., Ахметова Л.В. Ценность образования в структуре ценностно-потребностной сферы личности российских и иностранных студентов // Инновации в образовании: концепции, проблемы, перспективы. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2013. С. 83–85.

9. Ахметова Л.В., Сницарева А.С. Исследование структуры ценностно-потребностной сферы личности современной молодежи // Наука и образование. Всероссийская с международным участием конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Наука и образование». 2011. С. 58–64.

КРИТЕРИИ ПРОГРЕССИВНОСТИ СОВЕРШЕНСТВУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОДМЕНЫ ПРОГРЕССА ФАЛЬСТАРТАМИ: ОБНОВЛЕНИЕ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ЧЕРЕЗ ФАЛЬСТАРТЫ КАК НОРМА ИСТОРИИ

Баранецкий А. Н.

кандидат философских наук,

*ГБОУ УПО ИРО «Институт развития образования г. Севастополя»,
преподаватель*

E-mail: ross60@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается обновление качества социального времени как закономерный и неизбежный момент истории в контексте понятия о спиралеобразном характере прогресса. Указывается на идейные основания для форсирования «прогресса» в революциях. Обосновывается предположение о том, что форсирование прогресса не имело достаточной теоретической базы, поэтому было фальстартом. Предлагается использовать такой термин как «идеалы и нормы совершенствующегося общества». Автор сделал обзор ключевых критериев прогресса социума, а также предложил его связывать с качеством элиты и формированием совести (как высших и всюду проникающих моральных согласованиях) нации. Подчеркивается, что подобные «способности» элит и социума напрямую детерминируют и «перспективность» той или иной «конституции социального организма», которая отличается от юридически-правовых конституций. Акцентируется внимание, что обновление качества социального времени через фальстарты как норма истории нуждается в осмыслении как опасное явление, которое редко попадает в центр внимания учёных и политиков.

Ключевые слова: элита социума, деградация, совесть, совершенствующееся общество, критерии оценки прогрессивности, форсирование прогресса, теоретическая модель социума.

CRITERIA OF PROGRESSIVENESS OF IMPROVING SOCIETY IN THE CONTEXT OF SUBSTITUTION OF PROGRESS WITH FALSE STARTS: UPDATING THE QUALITY OF SOCIAL TIME THROUGH FALSE STARTS AS A NORM OF HISTORY

Baranetsky A. N.

PhD

State Autonomous Educational Institution of Professional Education of the city of Sevastopol "Institute of Education Development", Lecturer.

E-mail: ross60@mail.ru

Abstract: *The report considers the renewal of the quality of social time as a natural and inevitable moment of history in the context of the concept of the spiral nature of progress. The ideological grounds for forcing "progress" in revolutions are pointed out. The assumption is substantiated that forcing progress did not have a sufficient theoretical basis, therefore it was a false start. It is proposed to use such a term as "ideals and norms of an improving society". An overview of the key criteria for the progress of society is given. It is proposed to associate it with the quality of the elite and the formation of conscience (as the highest and everywhere penetrating moral approvals) of the nation. These "abilities" of elites and society directly determine the "prospects" of a particular "constitution of a social organism", which differs from legal constitutions. Updating the quality of social time through false starts as a norm of history needs to be understood as a dangerous phenomenon that rarely gets into the spotlight of scientists and politicians.*

Key words: *Elite of society, degradation, conscience, improving society, criteria for assessing progressivity, forcing progress, theoretical model of society.*

Критерии прогрессивности как вопрос общественных наук – это тема, которая становится всё более актуальной. В данной статье выдвигается предположение о том, что актуальность и ценность понимания критериев прогрессивности общества зависит от того – находится ли общество на стадии деградации, регресса или на стадии модернизации, прогресса. В поиске норм для оценки социального прогресса предлагается использовать термин «идеалы и нормы совершенствующегося общества».

Подразумевается, что критерии прогресса в общей характеристике качества социума – это многомерная система показателей; подразумевается, что нравственный прогресс идёт (как и должно быть) в арьергарде любых видов прогресса, то есть медленнее любого прогресса.

В XX веке были широко известны такие глобальные стратегии как социализм, коммунизм, технотронная цивилизация, глобализация. Ни одна из

этих стратегий не отказывалась использовать науку и профессионализм как теоретический фундамент общей модернизации. Но социализм и коммунизм постоянно настаивали на превосходстве гуманизма над технократизмом. Тогда как технотронная цивилизация, глобализация – это система идеалов с акцентом на неотвратимость технологических новаций.

Для того, чтобы создать научно обоснованную модель общества на высоте проектной разработки, человечеству необходимо сначала пройти ступени проектирования более простых систем. Уровни сложности – по О. Конту уже более 150 лет общепризнаны. Физика вбирает в себя любые закономерности, известные математике; понимание химизма вбирает в себя всё, что известно физикам; биология требует усвоить всё то, что открыли и математики, и физики, и химики. Но науки о духовной жизни и об обществе – это синтез любых понятий. Поэтому качество субъекта и качество социума – сложнее, чем любые иные знания. Тогда как все классические революции имели «теоретическую» модель социума, которая может быть названа «теоретической» только в кавычках.

Так, О. Кромвель в 1600-е годы полагал, что для прекрасной Англии Будущего достаточно правильно понимать Новый Завет библейского текста. Во Франции полагали, что для прекрасной Франции Будущего вполне хватит отбросить библейские сказки, знать Энциклопедию Дени Дидро, идеалы Жан-Жака Руссо и учитывать опыт юридически-правового законотворчества. Это более основательно, чем вера Кромвеля. Ещё более основательно подошли к проектированию прекрасного Будущего всего человечества марксисты вообще и русские коммунисты в частности. «Капитал» Маркса – это первая и пока последняя теоретическая модель социума вообще, как капиталистического общества. В нём более 30 000 научных терминов, это коммунизм *научный*. На этом фоне история 70 лет существования СССР – это, строго говоря, вовсе не эксперимент над людьми, а всемирно-историческая попытка вырваться от тотального капиталистического экспериментирования над людьми и человеческой природой.

Любая цивилизация – СССР не исключение – переживает периоды подъёма и спада. Движение вспять, регресс, деградация были и будут атрибутом социального прогресса как неизбежный этап «диалектической спирали». Маститые исследователи ещё иногда пользуются не термином «деградация», а пишут о «нисходящей фазе... истории» [1, с. 10].

В XIX веке уже выдвигались идеи социальности и многомерности, как критерии прогрессивности: у Маркса и у Михайловского они кое в чём схожи. Капитализм обостряет проблему отчуждения, это и есть доминирование разъединяющего и отстраняющего людей друг от друга качества социальной жизни при капитализме. А Михайловский видел критерий прогресса в объединении. Н. Данилевский обращал внимание на количество, как он выражался «осей» — это важный показатель пусть не «прогрессивности», но превосходства. Если не превосходство, то зрелость макро-субъекта истории – это тема, которая требует анализа. Так как готовность и способность макро-

субъекта истории создавать свои «несущие оси» и *браться за решение* глобальных геополитических проблем друг от друга неотделимы.

Эти «способности» напрямую детерминируют и «перспективность» той или иной «конституции социального организма», которая сильно отличается от юридически-правовых конституций; хотя юридически-правовые конституции создавались и рано или поздно, но будут отражением именно конституции социального организма.

Жажда опередить оказывается грандиозным соблазном, а попытки форсировать ход истории ситуативно оказываются подменой прогресса фальстартами: обновление качества социального времени через фальстарты как норма истории нуждается в тщательном осмыслении как опасное явление, которое редко диагностируется и анализируется [3].

Идеалы и нормы совершенствующего общества будут включать в себя критерии оценки меры совершенства. Поскольку одна из основных ценностей человеческого общежития – достичь общественного согласия и привести к гармонии высшие ценности и святыни, то во времена форсированного фальстарта обычно святыни больших групп населения приносили в жертву иным. В частности – жажда богатства и технического оснащения, тщеславная жажда мгновенно преобразить (конечно, «к лучшему») весь мир, всю вселенную. Хотя инициаторы таких начинаний были вынуждены в целях удержания власти поставить на колени многомиллионные чужие народы (колонизаторы) или свой народ (имперцы). Инструменты достижения общественного согласия и приведения высших ценностей и святынь всех слов общества к гармонии – это и есть инструменты цивилизационного развития.

В любом обществе есть элита, большая группа инициативных субъектов, которые оказываются носителями всех высших типов культуры именно этого общества. Для оценки «прогрессивности», то есть готовности социума к совершенствованию можно поставить вопрос об уровнях способности к собиранию всех сил и способностей своего народа. Может быть прослойка элиты, у которой преобладает стремление к согласованным усилиям над жадной субъективного доминирования. Анти элита отличается именно жадной доминировать, поэтому она здесь не рассматривается. Она не «брала на себя задачу сохранить смысл объективных социально-исторических уроков» [4, с. 63].

Тогда вторая ступень высоты элиты – это такая инициативность, в которой вообще отсутствует забота о доминировании, но она доминирует за счёт инициативного согласования с опорой на инициативное изучение статуса любых ценностных отношений, знание людей и их способностей. Такая элита способна реально поднимать уровень общественного согласия и тем самым мобилизовать нацию, классы или группы народов на согласованные усилия. Лидеры первой ступени вынуждены подражать, хотя у них есть нужда спрятать свои карьеристские устремления и делать вид, что они столь же самоотверженные.

Масштабные вызовы геополитических сил, надвигающиеся опасности могут вызвать к жизни ещё более качественные силы, нет предела совершенству. Предположим, что элита третьего уровня делает то же самое, что и второго, но делает это виртуозно, инициативно, опережая в решении задач как по эффективности, так и по времени.

Критерии оценки способностей элит к обновлению качества социальности вполне могут коррелировать и с критериями оценки прогрессивности всего социума, который и порождает эти элиты, формирует их.

Прогрессивен не тот социум, который смог отобрать у соседей по планете максимум всех благ, а тот социум, который создаёт совершенные формы социальности, в этих формах будут жить народы и элиты будущего человечества. «Общение по-совести» - этот оборот речи на большинство языков не переводится.

Но только на фундаменте совести строится будущий социум. «Человек с властью и богатством должны так жить, чтобы люди простили ему и эту власть, и это богатство». Это завещание Воронцова всякой элите. Но совесть личности формируется только при условии существования совести у народа, у нации. Что такое «совесть нации» возможная тема дальнейших исследований [2]. Для таких исследований с 2010 года предлагается создать философско-социологическую дисциплину мысли, которая могла бы действовать по аналогии с совестью, но не для личности, а для социума – социологию нравственной культуры. По отношению к политической партии такая попытка в истории хорошо известна – это провозглашение партии большевиков «умом, честью и совестью нашей эпохи». Но профессиональные инструменты осмысления сущности того, что делали лидеры этой партии применялись эпизодически, не последовательно. То есть рефлексия не стала профессиональной. Однако само восхождение к созданию практик именно в реализации принципов социологии нравственной культуры – это критерий прогресса. Он же, но в ином аспекте понимания – это рост опыта по достижения общественного согласия. (И опыт сознательного обострения проблемных отношений для форсированного решения.) Макро-социум не только бывает «пассионарным», он и моральный выбор может делать или не делать. Брать или не брать на себя международную роль или уходить под опеку, под протекцию.

Это называется не «имперский дух» а роль творца всемирной истории. Способность и готовность брать на себя такую роль и реализовывать её (не подменяя её колониальным господством над миром) – один из основных критериев прогрессивности макро-социума. А для этого надо уметь реализовывать логику ценностных отношений. Что это за логика? Это логика наращивания меры ценности всего истинного, это логика наращивания меры истинности всего ценного. Это основное лекарство от поспешности в реализации замыслов «социального конструктивизма». И тем более – профилактика искусственных псевдо-революций, сущность которых – убийство общества, убийство духовности народа, а не прогресс.

Список литературы:

1. Барг М.А. Великая Английская революция в портретах её деятелей. М.: Мысль. 1991. 397 с.
2. Баранецкий А.Н. О необходимости создания социологии нравственной культуры// Этничность и власть: новая геополитическая карта Европы и проблема безопасности в Черноморско-каспийском регионе. Материалы VIII международного семинара 21-23 мая 2009 г., г. Ялта / под ред. Т.А. Сеньюшкиной. Севастополь: «ЭКОСИ – Гидрофизика», 2010. С. 280-286.
3. Кононов Д.А., Муромцев В.В. Сценарии общественного развития: постановка проблемы и методология исследования // Философские науки. 2017. № 12. С. 52–69.
4. Мотрошилова Н.В. Путь Гегеля к «Науке логики». Формирование принципов системности и историзма. М.: Наука. 1984. 351 с.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА О ДРУЖБЕ НАРОДОВ В СССР

Баранов А.В.

*Доктор политических наук, доктор исторических наук,
ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет»,
заведующий кафедрой политологии и политического управления
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

***Аннотация:** Автор статьи исследует стереотипы и установки исторической памяти российского общества о дружбе народов в СССР. Тема важна для повышения эффективности формирования исторической памяти. Статья выполнена в русле социального конструктивизма. Работа основана на анализе результатов анкетных опросов. Внимание автора сосредоточено на сравнении установок и проявлений восприятия дружбы народов в диахронном аспекте. Также установлены сходства и различия оценок дружбы народов в СССР различными поколениями респондентов, представителями тех или иных этнических групп, слоёв населения в зависимости от уровня образования и социально-профессиональной принадлежности. Учитывается, что историческая память молодёжи и лиц среднего возраста формируется под воздействием опосредованной информации о советском периоде истории. Даны рекомендации по изменению контента и модальности оценок исторических событий в российской политике памяти.*

***Ключевые слова:** историческая память, российское общество, дружба народов, СССР.*

HISTORICAL MEMORY OF RUSSIAN SOCIETY ABOUT FRIENDSHIP OF PEOPLES IN THE USSR

Baranov A.V.

*Doctor of Political Science, Doctor of Historical Sciences
FSBEI HE “Kuban State University”, Head of the Department of Political
Science and Political Management
E-mail: baranovandrew@mail.ru*

Abstract: *The author of the article examines the stereotypes and attitudes of the historical memory of Russian society about the friendship of peoples in the USSR. This topic is important for increasing the effectiveness of the formation of historical memory. The article is made in line with social constructivism. The work is based on the analysis of the results of questionnaires. The author’s attention is focused on comparing attitudes and manifestations of the perception of friendship between peoples in the diachronous aspect. The similarities and differences in assessments of friendship between peoples in the USSR by different generations of respondents, representatives of certain ethnic groups, strata of the population, depending on the level of education and socio-professional affiliation, were also established. It is taken into account that the historical memory of young people and middle-aged people is formed under the influence of indirect information about the Soviet period of history. Recommendations are given for changing the content and modality of assessments of historical events in the Russian politics of memory.*

Key words: *historical memory, Russian society, friendship of peoples, USSR.*

Тема исследования обладает растущей актуальностью. Современное российское общество, особенно — молодёжь, проявляет противоречивые и подчас недостаточно компетентные оценки советской истории, в том числе — дружбы народов в СССР. Поэтому актуально выяснить «точки роста» в общественном мнении, опираясь на которые, можно формировать объективное и научно обоснованное отношение к прошлому, культуру исторической преемственности и аргументы в пользу интеграции нашего сложносоставного, полиэтничного общества. Речь идёт о выработке целей и приоритетов политики памяти, особенно актуальной накануне 100-летия образования СССР. Закономерно, что Президент Российской Федерации В.В. Путин в своём Указе от 30.07.2021 г. № 442 «О Межведомственной комиссии по историческому просвещению» мотивирует необходимость «планового и наступательного подхода к отстаиванию национальных интересов Российской Федерации, связанных с сохранением исторической памяти и развитием просветительской деятельности в области истории» [1].

Цель статьи — установить стереотипы и установки исторической памяти российского общества о дружбе народов в СССР, сформулировать на данной основе рекомендации по проведению эффективной политики памяти.

Работа подготовлена на основе социально-конструктивистского подхода, который даёт оценки исторической памяти в качестве

целенаправленно создаваемого феномена (М. Хальбвакс, С. Шмидт) [2; 3]. Историческая память отражает реальные события и процессы опосредованно, преломляя и искажая их оценки в зависимости от доминирующих факторов коллективного восприятия, степени значимости каналов информации, преобладающего и субкультурных дискурсов исторических событий [4]. За короткий период можно кардинально изменить историческую память, если применить эффективные технологии и достаточный объём ресурсов.

Среди прикладных исследований темы упомянем работы С.В. Лурье [5], В.А. Касамара и А.А. Сорокиной [6], В.А. Барановой и А.И. Донцова [7], Л.Н. Мазур [8]. Тема восприятия дружбы народов как компонента советской этнополитики затрагивается также в исследованиях исторической памяти народов Северного Кавказа и Крыма (работы Х.В. Дзуцева [9], Т.П. Хлыниной и Е.Ф. Кринко [10], Е.Н. Велешко [11]). Но нельзя сказать, что проблематика изучена системно. Преобладают публикации о восприятии революции 1917 г., Великой Отечественной войны и распада СССР, а также рассматривающие советский период в целом. Необходимы масштабные проекты, основанные на применении методик «устной истории», интервью, фокус-групп, а не только массовых опросов.

Отношение к опыту дружбы народов в СССР является одним из проявлений социокультурных размежеваний «консерватизм — либерализм» и «равенство — неравенство», которые Г. Китчельт считает основными размежеваниями в постсоциалистических обществах [12]. Восприятие советского общества было противоречивым уже на стадии его распада, а тем более — в период мучительных реформ 1990-х гг. М.К. Горшков приводит итоги опросов, организованных Институтом социологии РАН. Продолжали считать себя гражданами СССР в 1992 г. 15,3% респондентов, в 1995 г. — 15,5%, в 2000 г. — 11,2%. Примечательно, что выбрали вариант «сами не поймём, кто мы», в 1992 г. 42,2% опрошенных, в 1995 г. — 24,1% и в 2000 г. — 16,7% [13, с. 362]. М.К. Горшков и Н.М. Давыдова подчёркивали, что уже в 1998 г. опрос подтвердил: «советская парадигма» не может быть вытеснена из массового сознания. Респонденты отчётливо разделяли восприятие СССР — великой державы (этот опыт оценивался положительно) и коммунистической идеологии (восприятие негативно). Предпочли бы жить в СССР, а не в постсоветской России, именно малообеспеченные слои общества, проигравшие от реформ. Большинство респондентов в 2002 г. (50% в сравнении с 27,1% несогласных) были уверены в том, что СССР впервые обеспечил «справедливость для простых людей и сделал для них возможной приличную жизнь» [14, с. 18-19]. Такое мнение резко контрастировало с эмоциональными оценками периода распада СССР, зафиксированными ВЦИОМ при опросе в январе 1991 г., когда «чувство принадлежности к советскому народу» испытывали только 15% респондентов, а гордость за Отечество — лишь 3%. А в июле 1996 г. мониторинговый опрос ВЦИОМ (выборка 2400 чел.) уже подтвердил, что дружба народов — второе по популярности достижение СССР. Об утраченной дружбе народов сожалели тогда 25%, причём в наибольшей мере — лица без высшего образования

младше 39 лет (28%). Вместе с тем, разброс мнений по слоям (от 19 до 28%) был невелик, как и в сравнении подвыборок — электората основных партий и кандидатов на президентских выборах 1996 г. Интересно, что в меньше других сожалели о дружбе народов сторонники ЛДПР и «Нашего дома-России», а больше других жалели голосовавшие за КПРФ и «Яблоко» [15, с. 299, 305-306].

Анкетный опрос, проведённый Институтом социологии РАН в 2009 г., позволяет более глубоко осветить стереотипы восприятия советской дружбы народов в современном российском обществе. Респондентам предлагалось соотнести 27 основных качеств общественной системы с периодами истории страны в XX в. По мнению лишь 8% опрошенных, межнациональные конфликты были характерны для «СССР при И.В. Сталине», а 5% считали их присущими «СССР при Л.И. Брежнев» в сравнении с 37% в современной России. «Любовь к Отечеству» отметили, как черту сталинского периода 45%, черту периода «застоя» — 24% и современного общества — 6%. Данные оценки проецируются и на будущее. Среди вариантов национальной идеи самым популярным (42%) стал путь «единения народов России с целью ее возрождения как великой державы», на порядок более привлекательный для респондентов, чем путь глобализации [16, с. 81-82, 85].

Что касается современного этапа восприятия дружбы народов в СССР, то отмеченные тенденции продолжают развиваться. В марте 2016 г. «Левада-Центр» провёл анкетный опрос 1600 чел., установив уровень ностальгии по СССР — 58%. 68% опрошенных желают восстановления СССР и социализма, однако 44% полагают, что сейчас это невозможно, а 31% не желает возврата советской эпохи. 51% респондентов верят в то, что распада СССР можно было избежать. Если бы референдум 1991 г. проводился вновь, 64% опрошенных проголосовали бы за сохранение СССР [17]. Опрос «Левада-Центра» в феврале 2020 г. (выборка 1614 чел.) показал, что 75% россиян считают советский период истории лучшим за всё время развития страны, а сожалели о распаде СССР 65%; полагали, что распада можно было избежать — 63%. Характерно, что источниками таких оценок были (по убывающей): личный опыт — 61% ответов; информация от родителей, близких родственников — 51%; уроки в системе образования — 17%; телепередачи — 15%. Интернет и социальные сети стали источником мнения для 11%, а специальная научная литература — лишь для 10% [18].

Близкие итоги дал массовый опрос, проведённый ВЦИОМ в марте 2021 г. Сожалуют о распаде СССР 67% респондентов, считают возможным предотвратить распад государства в 1991 г. 64%, а 73% заявили, что проголосовали бы на референдуме за сохранение Союза. Причём такое мнение характерно не только для пожилых россиян, но и для молодёжи. Вместе с тем, желание восстановить СССР выразили только 49% опрошенных, а 72% из них считают восстановление СССР уже нереальным [19].

Бесспорно, в таком восприятии советского прошлого немалую роль играет ностальгия как следствие недовольства современной реальностью межэтнических отношений и общественным порядком в целом.

Положительный образ советской дружбы народов формируется и сохраняется не сам по себе, а конструируется усилиями СМИ, политиков и политтехнологов. Но ядром восприятий дружбы народов, на наш взгляд, остаётся сохранение российского «ценностного ядра», отмеченного чертами этатизма, имперскости (в положительном смысле), самобытности. Проблема нуждается в дополнительном исследовании, в сравнении образов прошлого не только по линии поколений, но и этнических групп, территориальных сообществ.

Список литературы:

1. О Межведомственной комиссии по историческому просвещению: Указ Президента Российской Федерации от 30.07.2021 г. № 442. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47084> (дата обращения: 24.10.2021).
2. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. М.: Новое издательство, 2007. 348 с.
3. Schmidt S.J. Memory and Remembrance: A Constructivist Approach // Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook / Ed. by A. Erll and A. Nünning. Berlin; New York: De Gruyter, 2008. P. 191-202. <https://doi.org/10.1515/9783110207262.3.191>.
4. Nikiforov A.L. Historical Memory: The Construction of Consciousness // Russian Social Science Review. London, 2017. Vol. 58, Issue 4-5: History and the Present. P. 379-391.
5. Лурье С.В. «Дружба народов» в СССР: национальный проект или пример спонтанной межэтнической самоорганизации? // Общественные науки и современность. 2011. № 4. С. 145-156.
6. Касамава В.А., Сорокина А.А. Образ СССР и современной России в представлениях студенческой молодежи // Общественные науки и современность. 2014. № 1. С. 107-118.
7. Баранова В.А., Донцов А.И. Коллективная память о событиях в России XX века в современном российском обществе // Человеческий капитал. М., 2017. № 11 (107). С. 76-82.
8. Мазур Л.Н. Ностальгия по СССР: память – мифы – политика? // Документ. Архив. История. Современность: сборник научных трудов. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. Вып. 19. С. 180-206. URL: <http://hdl.handle.net/10995/77980> (дата обращения: 24.10.2021).
9. Дзудцев Х.В. Этносоциологический портрет республик Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2012. 734 с.
10. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 434 с.
11. Велешко Е.Н. Влияние виктимных факторов на политическое поведение крымскотатарских репатриантов. Дис. канд. полит. наук. Симферополь, 2007. 365 с.

12. Kitschelt H. Formation of Party Cleavages in Post-Communist Democracies: Theoretical Propositions // Party Politics. London, 1995. № 1(4). P. 447-472. DOI: [10.1177/1354068895001004002](https://doi.org/10.1177/1354068895001004002)

13. Горшков М.К. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2000. 384 с.

14. Российская идентичность в условиях трансформации: опыт социологического анализа / отв. ред. М.К. Горшков, Н.Е. Тихонова. М.: Наука, 2005. 396 с.

15. Дубин Б.В. Жить в России на рубеже столетий. Социологические очерки и разработки. М.: Прогресс-Градиция, 2007. 408 с.

16. Горшков М.К. Российское общество как оно есть (опыт социологической диагностики). М.: Новый хронограф, 2011. 672 с.

17. Распад СССР. - URL: <https://www.levada.ru/2016/04/19/raspad-sssr/> (дата обращения: 24.10.2021).

18. Структура и воспроизводство памяти о Советском Союзе. - URL: <https://www.levada.ru/2020/03/24/struktura-i-vosproizvodstvo-pamyati-o-sovetском-soyuze/> (дата обращения: 24.10.2021).

19. Эксперты ЭИСИ обсудили причины распада СССР. - URL: <https://eissr.ru/news-and-announcements/eksperty-eisi-obsudili-prichiny-raspada-sssr/> (дата обращения: 24.10.2021).

ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ

Бахтуридзе З. З.

Доктор политических наук,

Гуманитарный институт Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого,

профессор Высшей школы международных отношений

E-mail: zeinabb1000@list.ru

Аннотация: В статье рассматриваются процессы глобализации / де-глобализации, отмечается, что постоянные трансформации приводят к появлению новых тенденций, суть которых пока сложно осознать. Однако последствия этих процессов ввиду их динамичности и ускоренности, в той или иной мере уже находят отражение в нашей действительности. Данная статья посвящена осмыслению подходов понимания пространства-времени в условиях трансформации современного миропорядка, который на сегодняшний день формируется в русле тренда регионализации. Поле для размышлений и поиска являются сущностные основания глобализации и регионализации, развитие информационных технологий, Интернет. Ключевые вопросы будут заключаться в том, как человечество в этих условиях будет структурировать свое время, будет ли это осознанным, конструктивным

процессом и как перемены будут воздействовать на нравственные основы человеческого существования.

Ключевые слова: *глобализация, де-глобализация, регионализация, пространство, время, Интернет, государство.*

FORMATION OF GLOBAL TIME IN THE CONTEXT OF REGIONALIZATION

Bakhturidze Z.Z.

*Doctor of Political Science,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University
E-mail: zeinabb1000@list.ru*

Abstract: *the processes of globalization and de-globalization, constant transformations lead to the emergence of new trends, the essence of which is still difficult to grasp. However, the consequences of these processes, due to their dynamism and acceleration, are already reflected in our reality to one degree or another. This article is devoted to the comprehension of approaches to understanding space-time in the context of the transformation of the modern world order, which today is being formed in line with the regionalization trend. The essential foundations of globalization and regionalization, the development of information technologies, and the Internet are a field for thought and search. Key questions will be how humanity in these conditions will structure its time, whether it will be a conscious, constructive process and how changes will affect the moral foundations of human existence.*

Key words: *globalization, de-globalization, regionalization, space, time, Internet, state.*

Международная жизнь в первой половине XXI века характеризуется интегративным развитием, что подразумевает существенные трансформации ее пространственно-временных координат. На первый план выходит проблематика диалектической взаимосвязи глобализации и де-глобализации, что отражает становление нового полицентричного мирового порядка, основанного на принципе единства в многообразии. Фактически речь идет о сочетании универсального пространства (глобального) человеческой деятельности и традиционалистской множественности культур, основанной на сохранении обычаев, правил, табу, кодов, символов отдельных (локальных) сообществ. Связующим звеном глобалистских, региональных и локальных форм развития современного мирового социума является пространство Интернета, где и происходит сетевое взаимодействие на самых разных уровнях. В этом контексте дихотомия глобализации / де-глобализации выражается во взаимосвязи двух позиций – с одной стороны, становление общества знаний и цифровой экономики приводит к глобальной взаимозависимости и универсализации социума, а с другой стороны, прессинг

глобальности вызывает ответную реакцию де-глобализации, что ведет к возрождению матричных основ локальных культур и цивилизаций.

Интегративная направленность мирового развития определяет необходимость переосмысления ряда понятий, в частности речь идет о таких понятиях как «глобальное время» и «регионализация». Глобализация многократно увеличила взаимозависимость государств и обществ, формируя новые пространства и макропространства, которые можно охарактеризовать «не только пространственным, но и временным динамизмом...» [1, с. 111]. Современная система коммуникаций объединила человечество в глобальную систему, где в качестве процессов внутреннего структурирования выступают глобализация и регионализация. При этом «если глобализация может рассматриваться как хаотический, неуправляемый процесс, то регионализация представляет собой процесс самоорганизации акторов международных отношений» [2, с. 111].

Как утверждает Н. А. Косолапов, «суть глобализационной реструктуризации международных отношений и мирового развития заключается в фактическом создании новой архитектуры пространств, которые будут определять жизнь и развитие мира в предстоящие десятилетия: глобальной как по территориальному охвату, так и по организации в рамках этой архитектуры всех ранее возникших и оформившихся основных пространств» [3, с. 10]. А по мнению М. Кастельса, создание глобальной информационной сети, объединенной Интернетом, как раз и «представляет собой новое глобальное пространство, определяющее структурирование всех остальных пространств» [4]. Таким образом, можно говорить о возникновении новой пространственно-временной реальности – виртуальной, в рамках которой стала возможна «власть сетей».

Российские исследователи Н. А. Васильева и С. М. Виноградова, выражают уверенность в том, что «гиперболизация «глобального» не соответствует реальности не только в пространственном, но и во временном измерении», так как «при внешней синхронизации мировой политики темпоральность политических процессов в различных регионах планеты неодинакова, и отдельные социальные образования обладают собственными ритмами» [5, с. 34]. Несомненно, в каждой культуре есть свой временной ритм, но следует, пусть даже пока в качестве гипотезы, имеющей право на жизнь, отметить, что Интернет, используемый как инструмент, оказывает серьезное воздействие на социум и на государства, вовлекая не только в свое виртуальное пространство, но и в свой особый ритм.

С одной стороны, фактически ускорение процессов передвижения и обмена информацией благоприятствует унификации мира, но вместе с тем наличествует тенденция к суверенизации своего культурно-ценностного пространства локальными социумами. При этом одним из символов де-глобализации выступает государство, что, по мнению К. Поппера, требует особой осторожности в использовании, чтобы, с одной стороны, охранить гражданские права населения, а с другой стороны, чтобы цена за защиту граждан не оказалась чрезмерно большой [6, pp. 510–513].

Представляется возможным понимание планетарности как «становление универсальности путем формирования единства множественностей, как путь создания мозаичной картины глобального социума из уникальных многообразных сообществ, сосуществующих в современных пространственно-временных рамках, т.е. как путь создания единства в многообразии» [5, с. 40].

По мнению К. С. Пигрова, существуют восходящая и нисходящая концепции времени, что предполагает два концептуально разных восприятия современности. Восходящая концепция соответствует представлению о том, что завтра будет лучше, чем вчера. В рамках нисходящей концепции настоящее лишь мешает возвратному движению в прошлое, в которое необходимо вернуться, т.к. именно там – «полнота времен». [7, с. 153–156].

В существующей взаимосвязи пространства и времени концептуальной основой современности является кайрос, «объединяющий прошлое и будущее и обозначающий «полноту времен»» [7, с. 153–156].

Представляется весьма интересной в этом ключе позиция российских исследователей о том, что «престижные группы, существующие преимущественно в настоящем, являются носителями «срединного времени». В ритме ускоренного, мобилизационного времени их догоняют те, кто оказался в арьергарде. Уповают на гибель «несправедливого мира» изгои, стимулирующие становление эсхатологического, разрушительного времени» [8, с. 85].

В русле рассуждений Мануэля Кастельса тактическим шагом для реализации стратегии глобальности становится «смешивание времен для создания вечной вселенной, не саморасширяющейся, но самоподдерживаемой, не циклической, но случайной, не рекурсивной, но инкурсивной (*incursive*): вневременное время, использующее технологию для того, чтобы избавиться от контекстов своего существования и избирательно присваивать любую ценность, которую мог бы предложить каждый контекст вечно-настоящему» [9, с. 402].

Таким образом, появляются новые сюжеты для осмысления – о глобальном управлении, об использовании технологий для уничтожения классических и формирования новых ценностей, которые будут весьма зависимы от контекстов.

Более того, такая тенденция «бегства от времени» – органичная часть структуры сетевого общества, ускоряющаяся информационными технологиями. Фактически, появившись на свет, человек обречён на уникальное существование, «вброшен в бытие». У него есть свобода, одиночество и выбор, и, быть может, у него есть время – для поиска смысла своего бытия, для осознания ценности своей жизни, для принятия решений. Однако мир раздвоен современного человека затуманен бессмысленной мешаниной разнообразной информации. Человечество наделено способностью создавать свое пространство-время, структурировать его, наделяя время свойствами иметь начало, длительность, протяжённость и конец, наполняя время содержательной характеристикой, делая его

функциональным, осмысленным, безвозвратным, уходящим. Время как испытание, ключевой задачей в котором является обретение себя, в своём пространстве-времени со всеми их характеристиками, переменными и неизвестными величинами. Несомненно, для этого нужна точка опоры, которая, вовсе не облегчит свободу выбора, но сделает этот выбор осознанным. А.С. Панарин писал, что «историческая судьба различных социальных групп определяется особенностями их пространственно-временного континуума» [10, с. 74].

К. Ясперс предугадывал, что невозможно представить новое «осевое время», «...которое, быть может, явит собой единую, охватывающую весь мир действительность» и не известно, что оно принесет [11, с. 114].

Действительно, вполне может быть, что ценности и мировоззренческие установки кардинально изменятся. Но ключевая интрига заключается в том, кто или что будет диктовать человечеству новую планетарную основу существования. Сможет ли человек сам определить координаты своего бытия в пространственно-временном континууме и очертить его нравственную составляющую или этот выбор за него сделают технологии? Разница колоссальна. В первом случае – речь об осознанном выборе и принятии ответственности за него, в то время как во-втором – об утрате свободы и о жизни в рамках навязанных правил игры. Таймер обратного отсчета уже включен.

Список литературы:

1. Страда В. Хронотоп России // Новая Юность. 1997. № 5–6 (26–27). С. 110–117.
2. Васильева Н. А., Лагутина М. Л. Глобальный евразийский регион: опыт теоретического осмысления социально-политической интеграции. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2012. 424 с.
3. Косолапов Н. А. Глобализация: территориально-пространственный аспект // Мировая экономика и международные отношения. 2005. № 6. С. 3–13.
4. Кастельс М. Галактика Интернет: Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитонова. Екатеринбург: У-Фактория (при участии Гуманитарного ун-та), 2004. 328 с.
5. Васильева Н. А., Виноградова С. М. Глобализация как дисфункция универсальности // Научные труды Северо-Западной академии государственной службы. 2011. Т. 2. № 2 (3). С. 33–41.
6. Popper K.R. Conjectures et Refutations. La Croissance du Savoir Scientifique. P., 1985. pp. 510–513.
7. Пигров К. С. Современность: время инновации и настоящее // Модусы времени: социально-философский анализ: сб. статей / под ред. И. В. Кузина. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2005. С. 153–156.
8. Ильин В. В., Панарин А. С. Философия политики. М.: Изд-во МГУ, 1994. 283 с.

9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

10. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа, 1996. 424 с.

11. Ясперс К. Смысл и назначение истории: Пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ

Березовская И.П.

Кандидат философских наук,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (СПбПУ), доцент

E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема идентичности в киберантропологии. Анализируется вопрос трансформации самоощущенности «я» под влиянием развития компьютерных технологий. Подчеркивается, что специфика технических свойств Интернета предоставляет новые возможности для самопрезентации, коммуникации и деятельности индивида. Указывается, что благодаря подобным возможностям у человека создается ощущение прорыва к своей подлинной личности, к более свободному подлинному общению и творческой реализации. Акцентируется внимание на вопросе меры совпадения этих ощущений и реальности.

Ключевые слова: киберантропология, киберпространство, самоопределение, идентичность, самопрезентация.

FORMATION OF ONLINE IDENTITY

Irina Berezovskaya

PhD in Philosophy,

Peter the Great St.Petersburg Polytechnic University (SPbPU),

Associated professor

E-mail: ipberezovskaya@mail.ru

Abstract: The article deals with the problem of identity in cyberanthropology. In cyber-prology, the problem of transformation of self-identity of "I" under the influence of the development of computer technologies is raised. The specificity of the technical properties of the Internet provides new opportunities for self-presentation, communication and activity of the individual. Consideration of the specifics of these possibilities shows that, thanks to them, a person has a feeling of a breakthrough to his true personality, freer genuine communication, and creative

realization. But the question of how these feelings coincide with reality remains open.

Key words: *cyber-anthropology, cyberspace, self-determination, identity, self-presentation.*

Развитие компьютерных технологий, высокоскоростная связь и появление Интернета сделали популярными два новых понятия «киберпространство» и «виртуальная реальность». Оба понятия обладают определенным гносеологическим потенциалом. Понятие «виртуальная реальность» обладает более широким по сравнению с «киберпространством» содержанием, отсюда возникает сложность антропологического контекста и обращение к термину киберпространства для осмысления проблемы идентичности в современной информационной среде.

Впервые термин «киберпространство» для обозначения глобальной виртуальной среды был представлен в романе Уильяма Гибсона «Нейромант» [1] в 1984 году. В этом произведении поднимается вопрос о влиянии средств массовой информации на индивида задолго до того, как этот вопрос стал активно обсуждаться в научной гуманитарной среде. Задача «немыслимой сложности» мировых сетей и баз данных у Гибсона решается с помощью интерактивной трехмерной карты, она подключается через порт, похожий на декодер. К концу 80-х XX века киберпространство стало удобным термином для обозначения множества самых разных достижений – компьютерных игр, быстро растущего интернет-трафика, электронной эфемерности финансовых потоков и виртуальной реальности. Последняя, наполняясь специфическим содержанием, оказалась не поддающейся анализу в рамках классических методов, что привело к появлению ряда междисциплинарных исследований, одним из которых является киберантропология. Концепция киберантропологии (CyberAnthropology) возникла в 2005 году на пересечении антропологии и той области знания, которая занималась исследованием киберпространства (cyberspace). Появление киберантропологических исследований можно объяснить тем, что возникла потребность в новом осмыслении того, как человек взаимодействует с предметной и социальной средой, опосредованной компьютерными связями и Интернетом. Авторы концепций киберантропологии Либины Александр Викторович и Елена Владимировна обозначают проблематику киберантропологии таким образом: «... Как теоретическая конструкция, киберантропология связана со слиянием естественных и искусственных миров, опосредованных человеческим воображением, а также совместимостью между людьми и созданной ими цифровой жизнью. Как эмпирическое исследование, киберантропология имеет дело с психофизиологией и психофизикой, семантикой и семиотикой взаимодействия человека с компьютерной реальностью, рассматриваемой как сложная интерактивная система» [2].

Одной из важнейших проблем киберантропологии выступает проблема самоопределения личности в новых информационных условиях. Самоопределение – это процесс «выбора личностью своей позиции, целей и

средств самоосуществления в конкретных обстоятельствах жизни; основной механизм обретения и проявления человеком свободы» [3]. Результатом самоопределения выступает такое свойство личности как идентичность. Данное понятие является весьма многословным. Идентичность рассматривалась с позиции взаимосвязи с такими философскими категориями как сознание (Дж. Локк, Д. Юм, Р. Декарт). В работах З. Фрейда, А. Фрейд, К. Юнга, А. Адлера идентичность стала рассматриваться как один из ведущих механизмов социализации личности, в работах Э. Дюркгейма и Р. Мертона идентичность стала проясняться через осмысление корней консолидированности общества. В работах Н. А. Носова, С. С. Хоружиего, Р. А. Нуруллина, которые занимались изучением виртуальной реальности, идентичность в контексте трансформации современных социокультурных процессов.

Проблема идентичности – это проблема ответа на вопрос «Кто я?». На протяжении длительного времени ответ на этот вопрос человек искал через обнаружение связей (культурных, этнических, религиозных). Под влиянием развития компьютерных технологий современный человек все реже прибегает к поиску этих связей, все больше рассчитывая на себя. Цифровая подача информации изменила не только формы информационного поведения человека, а и привела к трансформации самоидентичности «я». В гуманитарной области сложилось представление о «человеке кликающем» как о человеке, блуждающем по цифровой сети, создающем некое индивидуальное виртуальное пространство, в котором посредством специфических технических свойств Интернета возникают новые возможности для самопрезентации индивида, иные формы коммуникации и деятельности.

Что касается самопрезентации, то она становится возможной в формах, свободных от внешнего навязывания: таких как ник вместо имени, аватар вместо внешности, страница в социальной сети, в которой можно акцентировать одни аспекты собственной индивидуальности и не отражать другие. Данные формы самопрезентации вследствие их полной зависимости только от воли пользователя способны создать у человека ощущение прорыва к своей подлинной личности.

Что касается коммуникации в киберпространстве, то и здесь собеседники имеют возможность представить друг другу образы себя, осуществлять интеракцию вне привязки к территории. К особенностям общения через сеть Интернет можно отнести такие как: добровольная основа общения, возможность прекращения общения в любой момент. Таким образом, и коммуникация в киберпространстве способна создать у человека ощущение большей свободы по сравнению с коммуникацией реальной.

Что касается деятельности в киберпространстве, то особое внимание стоит уделить такой форме взаимодействия человека с киберпространством как игра. Компьютерные игры и квесты уже давно являются не только средствами развлечения, а и формируют определенный образ жизнедеятельности. Игры используются в политике, маркетинге,

массовых коммуникациях и образовании. Рассматривая роль игрового феномена, стоит заметить, что в детстве игра - способ существования, процесс приобщения, освоения действительности, у всех народов мира, во всех культурах игра используется как активная форма познавательной деятельности, являющаяся средством воспитания, обучения, приобщения к ментальным, социально-психологическим и культурным особенностям народа. Но в условиях усиления интеграционных процессов границы национальной и культурной идентичности оказались подвержены мощным внешним воздействиям со стороны других культур в процессе глобализации. Игровой феномен уже не служит средством приобщения к национальной культуре, а скорее средством приобщения к массовой культуре, что в современных условиях приводит к стиранию границы между культурным и некультурным.

Таким образом, выделенные в киберантропологии факторы формирования идентичности создают ощущение прорыва к своей подлинной личности, более свободной, а значит и более подлинного общения, и творческой реализации. Но насколько эти ощущения совпадают с реальностью? Конечно, однозначного ответа не существует.

Так, некоторые исследования обосновывают представление о том, что виртуальная идентичность искажает реальную, переориентируя ее исключительно на индивидуальный уровень, в то время как социальный – исчезает [5].

Другие исследования показывают, что большое внимание конструированию идентичности в киберпространстве уделяется в случае неудовлетворенности индивидом своей реальной идентичностью или вследствие кризиса идентификации, при котором личность утрачивает целостность [6].

Ряд исследований акцентирует внимание на том, что в сети Интернет индивид, быстро ориентируясь в пространстве и реагируя на появившуюся информацию, понимает, что у него больше свободы действий, а киберпространство позволяет смоделировать две (и более) идентичности [7], что способствует возможности избежать кризиса идентичности.

Согласно исследованиям по выявлению установок на использование Интернета [8], киберпространство рассматривается в качестве средства развлечения или ухода от напряженных обыденных и необходимых дел у 40% респондентов. Установка на стремление к социальному комфорту, а значит к избеганию тех напряжений, которые присутствуют в реальной социальной жизни, выступает доминирующей установкой в обращении к киберпространству у 28% респондентов. Менее всего выражена склонность пользователей к переживанию чувства одиночества в реальной жизни, что становится установкой лишь для 8% опрошенных. Данное исследование показывает, что обращение к киберпространству более, чем у половины людей вызвано неудовлетворенностью теми или иными факторами реальности.

Вместе с тем, следует обратить внимание, что без киберпространства современный человек уже не может осуществить раскрытие личностного

потенциала, отсюда важность прояснения феномена идентичности методами и способами киберантропологии. Киберантропология исходит из понимания информационной природы личности в качестве сущностно-образующей. Такой подход к природе личности способствует выявлению механизмов неявного форматирования смысловых ожиданий, диктующихся необходимостью постоянной ценностно-смысловой ориентации. В силу этого открываются возможности разработки когнитивных механизмов противодействия деструктивному влиянию современной цифровой реальности. Тема идентичности в онлайн пространстве остается актуальной и требует регулярного изучения в силу того, что само пространство находится в постоянном изменении.

Список литературы:

1. Гибсон У. Нейромант. Нейромант: Фантаст. роман / Пер. с англ. Е. Летова, М. Пчелинцева. М.: Аст; СПб.: Terra Fantastica, 2000. 317с.
2. Libin A., Libin E. Cyber-anthropology: A new study on human and technological co-evolution // Studies in health technology and informatics. 2005. № 118. P. 146-55.
3. Грицанов А. Новейший философский словарь. Минск: Книжный дом, 2003. 1279 с.
4. Япринцева К.Л. Феномен культурной идентичности в пространстве культуры: дис. канд. культуролог. наук : 24.00.01. / Челябинск. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2006. 139 с.
5. Козлова Н.С. Реальная и виртуальная идентичность // Социум и власть. 2015. 2 (52). С. 118-121.
6. Солдатова Е. Л, Погорелов Д. Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы// Образование и наука. 2018. Том 20. №5. С.105-124.
7. Попова А.П. Ружейникова А.В. Формирование идентичности в онлайн пространстве. Коммуникативные стратегии информационного общества. Труды XIII Международной научно-теоретической конференции. 2021.
8. Berezovskaya I.P., Shipunova O.D., Kedich S.I. internet addiction and youth coping strategies/ ACM International Conference Proceeding Series. Proceedings - CSIS 2019: 11th International Scientific and Theoretical Conference "Communicative strategies of Information Society". 2019.

КИНЕМАТОГРАФ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ

Беспалова Т.В.

*Доктор философских наук,
Луганский государственный педагогический университет,
профессор
E-mail: tvb09@bk.ru*

Аннотация: Кинематограф является одним из эффективных и эффектных способов формирования культурно-исторической памяти и национальной идентичности, однако системных научных исследований, посвященных данному измерению проблемы не так много. «Войны памяти» в сфере культуры стали инструментом политической борьбы, а кино – манипулятивным средством, механизмом переформатирования культуры и памяти народа. Против российской цивилизации (Россия, Украина, Белоруссия) идет ментальная война, суть которой в размывании национального самосознания. Противоборство смыслов в сферах образовательной, культурной, информационной политик предшествует или сопутствует реальному военно-политическим действиям. Кинематограф как отражение социокультурной реальности в период радикальных перемен играет ключевую роль в возрождении/разрушении национального самосознания. Киноязык становится критерием идентификации граждан, их принадлежности к определенной стране и культуре, от его сохранения зависит целостность, солидарность и единство российского общества.

Ключевые слова: кинематограф, культурно-историческая память, киноязык, национальное самосознание, традиции.

CINEMA AS A WAY OF INTERPRETING NATIONAL MEMORY: AN AXIOLOGICAL DIMENSION

Bespalova T.V.

*Doctor of Philosophy,
Lugansk State Pedagogical University, Professor
E-mail: tvb09@bk.ru*

Abstract: Cinema is one of the effective and spectacular ways to form cultural and historical memory and national identity, but there are not many systemic scientific studies devoted to this dimension of the problem. "Wars of memory" in the field of culture have become an instrument of political struggle, and cinema - a manipulative means, a mechanism for reformatting the culture and memory of the people. Against Russian civilization (Russia, Ukraine, Belarus) there is a mental war, the essence of which is the erosion of national identity. The contradiction of meanings in the fields of educational, cultural, information policy precedes or accompanies real military-political actions. Cinema as a reflection of sociocultural

reality in the period of radical change, plays a key role in the revival/destruction of national identity. The film language becomes a criterion for identifying citizens, their belonging to a certain country and culture, the integrity, solidarity and unity of Russian society depends on its preservation.

Keywords: *cinema, cultural and historical memory, film language, national identity, traditions.*

История человека, который проживает лучший период своей жизни, который действительно счастлив и у которого все идет хорошо, вряд ли когда-нибудь заинтересует кинематограф.
Дэниел Крэйг.

Люди приходят в кино, чтобы разделить одну и ту же мечту.
Бернардо Бертолуччи.

Интерпретация реальности в кинематографе, в некотором смысле, является зеркалом общества. Кризис национально-культурной идентичности в современной России во многом оказался связан с утратой традиций отечественного кинематографа. Появившись в конце 19 века, кинематограф стал одним из индикаторов социокультурных и политических процессов, способствуя разрешению социальных противоречий или напротив, обостряя их. Кинематограф как социокультурный феномен превратился в определяющее условие развития культуры, формирования политического и философского мировоззрения, этической и эстетической картины мира, исторической и культурной памяти народа. Художественное пространство, которое формируется киноискусством, обладает мощнейшим эффектом просвещения и воспитания общества, достижение которого становится возможным через полное погружение человека в кинореальность.

Трансляция культурных ценностей в советской кинематографии была тесно связана с формированием высоких этических и эстетических идеалов. Тиражируемые художественные образы, транслирующие статичное этическое содержание, постепенно превращались в культурные стереотипы. Обращение к историческому прошлому и патриотизму в советских фильмах происходило совершенно естественно («люди не говорили о патриотизме, они просто так жили»), что объяснимо доминированием *одной версии интерпретации исторических событий* на уровне государственной политики памяти.

Киноязык превращался в один из критериев идентификации человека, его принадлежности к определенной стране и культуре. «Узнаваемые» фразы стали использоваться в повседневной жизни, что отражало не только восхищение, например, советским киноискусством, но и создавало этическую основу социальной солидарности и национального единения народа. Достаточно процитировать некоторые, ставшие «крылатыми» выражения из известных советских фильмов.

«В бой идут одни старики»:

В Берлине... где-нибудь на самой высокой уцелевшей стене я с огромной любовью напишу: развалинами Рейхстага удовлетворен.

Война — это все... преходяще, а музыка вечна.

Солдатская заповедь: подалее от начальства, поближе к кухне!

Ребята! Будем жи-и-ить!..

«Место встречи изменить нельзя»:

Вор должен сидеть в тюрьме!

Бабу не проведешь! Она сердцем видит.

Верю, ждет нас удача. На святое дело идем. Друга из беды выручать.

Я лучше помолчу. Здороветь буду.

Эти и подобные, ставшие популярными цитаты, воспроизводят специфику проявления наиболее значимых архетипов – любви, жизни, смерти, красоты, войны и т.д.

«Высокая эстетика советского кино способствовала развитию культуры, помогала преодолевать житейские трудности, снижала информационно-идеологические перегрузки и эмоциональную усталость. Важную роль приобретала советская кинематография в процессе снятия коммуникативных барьеров. Это достигалось и благодаря кинолюбительскому творчеству, результатом которого являлось установление некоего равновесия между уровнем человеческих притязаний и их реальными возможностями» [1]. Кинематограф, в отличие от иных видов искусства, смог раскрыть латентные стороны реальности и превратился в «особую интеллектуальную форму аудиовизуальной культуры» [1].

Феномен кинематографии изучался в различных аспектах – социальном, историческом, искусствоведческом и др., но еще не было системных исследований кинематографа как способа формирования и сохранения исторической памяти, культурной идентичности и традиций народа. «Войны памяти» превратили кинематограф в эффективное манипулятивное средство, которое стали использовать в инструментальных политических целях, иногда в ущерб национальной безопасности государства. Например, деструктивные технологические смыслы фильмов «Матильда», «Смерть Сталина» использовались в качестве «спланированной провокации», мишенью которой были интересы различных групп людей – православных, коммунистов и др. Запуск подобных «технологий цветных революций» в сферах культурной, образовательной и молодежной политики легко принять за свободу творчества или креативные способы обучения, но довольно сложно остановить их разрушающее действие уже в процессе вспыхивающих конфликтов.

Одно из последних интересных (но не однозначных) научных исследований посвящено эволюции этических норм в современном отечественном кино, а конкретнее репрезентации патриотизма и национально-государственной идентичности, семьи и брака, насилия в российских фильмах последнего десятилетия [2]. Авторы акцентировали внимание на выявлении в сфере кинематографии проектов, формирующих у зрительской аудитории позитивные этические и нравственные ориентиры. Исследования контента

отечественных игровых фильмов позволило не только выявить систему нравственно-этических критериев оценки художественной кинопродукции, а также сформулировать выводы и рекомендации по разработке и внедрению мер, стимулирующих создание качественных отечественных фильмов. В процессе исследования выяснилось, что в любом фильме присутствует *соблюдение/нарушение этической нормы*, так как в основе драматургического конфликта всегда скрыт конфликт этический, персонифицированное в положительных и отрицательных героях противостояние добра и зла. Механизмы формирования исторической памяти и национальной идентичности объясняются многократно тиражируемым художественным образом с неизменным нормативно-этическим меседжем, приобретающим свойство культурно-этического стереотипа [2]. Таким образом, латентно происходит навязывание общепринятой модели поведения.

Современный отечественный кинематограф, считают авторы, сумел выйти за рамки триады «война-спорт-космос», а тема единства и взаимопомощи граждан России нашла выражение в комедийно-развлекательном сегменте («Ёлки») и в фильмах об освоении русского Севера («Территория», «Ледокол») [2]. Нарушение привычной этической нормы («гуманное толерантное отношение к врагам в фильме Сталинград») трактуется в исследовании как откат от национализма, шовинизма, ксенфобии, тогда как, на наш взгляд, это серьезная трансформация привычной этической нормы. Претензия Бондарчука рассмотреть неизвестные стороны Сталинградской битвы в какой-то мере привела к дискредитации образа русского воинства. Образ благородного немецкого офицера, воюющего в соответствии с кодексом чести, противопоставляется образу подлого советского солдата, стреляющего в спину врагу. В молодежном восприятии после просмотра этого фильма будет формироваться стереотип о беспомощности советских войск, пассивности мирного населения, которое практически не оказывало никакого сопротивления, тогда как это была «одна из кровопролитных битв в истории человечества» и, несмотря на перевес в технике и живой силе, город выжил, благодаря героизму и самопожертвованию его защитников.

В целом, выход за рамки триады «война-спорт-космос», а также пересмотр кинематографических сценариев, связанных с ценностью патриотизма, в сторону поиска тематических сюжетов «на грани запретного» или аморального, героизации «врага» как проявление «человеческого» не всегда разгадывается зрительской аудиторией и постепенно размывает национально-государственную идентичность общества. Исключение из патриотического норматива советской идеологии (в том числе сакрализации власти и культового почитания вождя) невозможно, так как является искажением исторической правды, потому во многих фильмах оно сменилось на актуализацию «черных мифов» о советском прошлом, лаконично вписанных в патриотический контекст, связанный с противопоставлением Родины и власти. Недостатки советской политической системы в отечественных фильмах становятся главным предметом критики, в которой

совершенно не учитывается глубокий смысл фразы А. Зиновьева «...целились в коммунизм, попали в Россию». В этом смысле, особую категорию составляют фильмы, интерпретирующие патриотизм скептически-разочарованно или откровенно негативно («Родина» П. Буслова, «Левиафан» и «Нелюбовь» А. Звягинцева), в них не соблюдается принцип исторической достоверности, отсутствует необходимая этическая обоснованность [2].

На этом фоне редкие успешно снятые отечественные фильмы патриотической направленности («Движение вверх») действительно становятся предметом национальной гордости. Однако люди, воспитанные на качественном советском и зарубежном кинематографе, исключая примитивизацию в стиле action, все-таки не видят в современных отечественных фильмах достаточной прорисовки характеров главных героев, глубоких переживаний, запоминающихся диалогов, которые хочется «разобрать на цитаты», и других важнейших содержательных компонентов, притягивающих к повторному просмотру фильма. Именно это притяжение *«пересмотреть картину еще раз»* является критерием ее высокого качества («Солярис», «А зори здесь тихие», «Калина красная» и др.).

Проведенный анализ репрезентации насилия в отечественных фильмах выявил двойственность его восприятия как признака социальной нестабильности, с одной стороны, и инструмента социальной дестабилизации, с другой. Авторы, опираясь на тезис А.А. Гусейнова о том, что «насилие не может получить нравственной санкции даже в порядке исключения», одновременно признают насилие актуальным способом решения жизненных проблем, и, тем не менее, ссылаясь на Этическую Хартию кинематографистов, обозначают главную рекомендацию к кинофильмам - «исключить романтизацию разрушительных, негативных явлений жизни, оправдания суицида и смерти в рамках субкультур и тоталитарных сект. Своими кинопроизведениями не подталкивать зрителя к нарушению законодательства РФ, не пропагандировать насилие, агрессию» [3].

Семья и институт брака являются важнейшими ценностями в сохранении межпоколенческих связей и сохранении памяти о прошлом. Авторы, опираясь на работу А.И. Антонова «Телекинематографическая картина семейного мира», обращают внимание на снижение привлекательности семейности в каждом новом поколении, поэтому одной из основных задач кинематографа становится восстановление традиций семейного воспитания и преодоление межпоколенческих разрывов. Высокий уровень посещаемости именно фильмов семейно-брачной проблематики молодежной и женской аудиторией требует особой моральной ответственности. Выводы, к которым приходят авторы, свидетельствуют о сохранении в большинстве фильмов этической ценности семьи (включая родительские и семейные отношения), несмотря на отдельные случаи этического оправдания измены («О любви»), «супружеской проституции» («Любовь без правил») и т.д. Особо выделяется спектр фильмов, в которых актуализируются смешанные этнические браки («Ёлки-2», «Притяжение», «Одноклассницы»), что представляется интересным в рамках возможного

отдельного исследования о роли кинематографа в формировании национальной и культурной идентичности.

Фильмы «Нелюбовь», «Жить», «Сатисфакция», «Дочь», в которых герои преступают этическую норму, авторы относят к скептически-пессимистической интерпретации семьи. Единственное, остается не ясным, почему снижается значимость семейных ценностей в молодежной среде?

Особое значение в сохранении памяти о прошлом приобретают фильмы о войне. Война относится к роковым событиям в жизни любого народа, по мнению В.Н. Расторгуева, например, существует как бы две истории народа – *до* войны и *после* нее. Война (речь о справедливой «священной») – это духовная мобилизация всех сил. Как писал о. Сергей Булгаков, в этот момент «ангельские воинства приходят на помощь миру человеческому». Именно война формирует строжневую основу исторической памяти, являясь одновременно и бедствием, и проверкой силы народного духа. Иногда война является единственным способом победить зло и утвердить добро.

Киностудией «Донфильм» в 2019 году был снят фильм «Замысел» [4], его можно отнести к жанру интеллектуальных фильмов, которые заставляют задумываться практически над каждой фразой. Фильм был снят безо всякой поддержки, что отразилось на качестве, но он врезается в память. Главный герой - мальчик, попадая в измерение, где «живут смыслы», проходит долгий путь испытаний, приближаясь к замыслу Творца. Абстрагируясь от конспирологических версий, стоит заметить, что многие сюжеты этого фильма практически сбылись в 2020 году.

Фильмов (в том числе и развлекательных), в которых «на долгом дыхании» у зрителей возникает возможность «разделить одну мечту», безусловно, не хватает сейчас.

Смена культурных эпох приводила к неоднократному мировоззренческому переосмыслению отечественной и зарубежной кинематографии, кристаллизации специфики национального кино, что, безусловно, способствовало сохранению и культурной идентичности, и исторической памяти народов. Например, уникальность германского кинематографа выражалась в киноэкспрессионизме 1920-х гг., проявление итальянского кино связывают с неореализмом (правда жизни, подлинность) 1940-х гг., независимость французского кино подтверждается проведением авангардного эксперимента (киносюрреализм, «чистое кино», киноимпрессионизм и т.д.) – этот ряд можно продолжать до бесконечности, их объединяет одно – борьба за независимость национального кинематографа через противостояние голливудским традициям [5].

Современное состояние российского (советского) кинематографа требует возрождения его традиций с целью сохранения российской культуры, иерархии значимых для русской цивилизации ценностей.

Несмотря на наличие отдельных документов в сфере государственной поддержки кинопроизводства [6], выпускаемая продукция в преобладающем объеме практически не обеспечивает сохранение традиционных российских духовно-нравственных ценностей, а также их трансляцию подрастающему

поколению. Ограниченный набор организационно-правовых механизмов обеспечения реализации национальных интересов в сфере кинопроизводства, в том числе включающий перечень приоритетных тем государственной финансовой поддержки кинопроизводства, - абсолютно не достаточен для решения задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры.

Низкий нравственно-этический уровень значительного объема *производимых* культурных благ (театральные постановки, кинематограф, песенная культура, концертная деятельность и др.) *не соотносится с признанием государством первостепенной роли культуры в сохранении и приумножении традиционных российских ценностей, укреплении единства многонационального народа РФ* (которая отмечена в п.76 СНБ РФ). В частности, наблюдается неуклонное разрушение традиций отечественного кинематографа через доминирование в российском прокате кинопродукции зарубежного производства, транслирующего ценности западной культуры (2/3 картин западных - из доклада Временной комиссии при Совете Федерации по защите государственного суверенитета и противодействию вмешательству во внутренние дела государства). Кроме того, ряд фильмов, выпущенных в прокат, на наш взгляд, имеет целенаправленный провокационный характер, что безусловно наносит *ущерб социальной и политической стабильности российского общества* (п.43 СНБ РФ). Продолжение недостаточно отвечающей национальным интересам государственной культурной политики в сферах кинопроизводства и, а также в сферах телевидения в течение 5-10 лет приведет к формированию поколения граждан России, значительно отличающихся по своим ценностным установкам от поколения их отцов и дедов.

Недавно появился новый общественный проект «Киноуроки», основу которого составили профессиональные художественные короткометражные фильмы, актуализирующие давно известные смыслы, связанные с памятью о Победе в Великой Отечественной войне и других важнейших событиях истории России. Значимые для российского народа ценности (дружба, мужество, честь, верность, служение, любовь и др.) осмысливаются в этих фильмах в актуальных для молодежи формах и становятся основой для обсуждения самых волнующих тем. Реализация проекта происходит в соответствии с задачами Национальных проектов «Культура» и «Образование», однако потребуются еще длительное время для возрождения традиций отечественного кинематографа.

Список литературы:

1. Лубашова Н.И. Феномен отечественной кинематографии в социокультурном пространстве России XXвека. Автореферат на правах рукописи. [Электрон. Ресурс]. URL: <http://dissers.ru/avtoreferati-dissertatsii-filosofiya/a350.php> Дата обращения: 17.01.2020
2. Эволюция этических норм в современном отечественном кино (в контексте целей и задач государственной культурной политики Российской Федерации) [Электронный ресурс]. URL:

https://www.mkrf.ru/documents/evolyutsiya-eticheskikh-norm-v-sovremennom-otechestvennom-kino-v-kontekste-tseley-i-zadach-gosudarst/?sphrase_id=2641175
дата обращения 15.05.2020

3. Этическая Хартия кинематографистов. URL: <https://unikino.ru/этическая-хартия-кинематографистов/> дата обращения 12.05.2020.

4. Художественный фильм «Замысел». Режиссёр: Дмитрий Зодчий. Производство: Киностудия «Донфильм» (2019) [Электрон. Ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Fu6kqH4mvMk> дата обращения 26.05.2020.

5. Савельева Е.Н. Европейский кинематограф XX века: пути утверждения национально-культурной идентичности. [Электрон.ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evropevskiy-kinematograf-xx-v-puti-utverzheniya-natsionalno-kulturnoy-identichnosti> (дата обращения 10.06.2020)

6. Приказ об основных принципах государственной финансовой поддержки кинопроизводства Министерство культуры РФ 07.02.2019 №120, Приказ о приоритетных темах государственной финансовой поддержки кинопроизводства Министерство культуры РФ 12.02.2019 №140 и др.

7. Национальная память в эпоху перемен. [Текст]: монография / Т.В.Беспалова, С.П.Поцелуев, В.Н.Расторгуев; отв.ред.Т.В.Беспалова. – М., 2021. - 208 с.

ВЗГЛЯД НА УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ С ПОЗИЦИЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОВЕДЕНИЯ

Бродский Ю. И.

*Доктор физико-математических наук,
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление»
Российской академии наук, ведущий научный сотрудник
E-mail: yury_brodsky@mail.ru*

Аннотация: *Чем математика может быть полезна в гуманитарных исследованиях, кроме уже полюбоившихся гуманитариям методов обработки экспериментальных данных? Предлагаются основы языковой среды для описания и изучения поведения в сложных агентных системах, а также методов их программирования и изменения. Рассматривается класс систем, представленный родом структуры в смысле Н. Бурбаки. Изучаются морфизмы базисных множеств таких структур. В качестве ограничения морфизмов могут выступать инварианты, которые могут служить основой классификации типов поведения сложных систем. Преимущества этого языка заключаются в математической однозначности и строгой типизации, что позволяет различать сущности, часто смешиваемые в дискурсе на естественных языках.*

Ключевые слова: *геометрическая теория, сложные системы, поведение, модельный синтез, роды структур, морфизмы, инварианты, законы сохранения, сохранение законов.*

A LOOK AT THE SOCIAL SYSTEMS STABILITY FROM THE GEOMETRIC THEORY OF BEHAVIOR STANDPOINT

Brodsky Yu.I.

Federal Research Centre «Computer Science and Control» of the Russian Academy of Sciences, Leading Researcher

E-mail: yury_brodsky@mail.ru

Abstract: *How can mathematics be practical in humanitarian research, except for the methods of processing experimental data that are already beloved by humanitarians? The paper proposes elements of the geometric theory of complex agent systems behavior and its programming and changing methods. We consider a class of systems represented by a species of structure in the sense of N. Bourbaki, then study morphisms of base sets of such constructs. Invariants can restrict the morphisms and maybe a base for classifying the types of complex systems behavior. The advantages of this language are mathematical unambiguity and strict typing, which make it possible to distinguish between entities that natural language discourse often mixes.*

Key words: *Geometric Theory, Complex Systems, Behavior, Model Synthesis, Species of Structure, Morphisms, Invariants, Conservation Laws, Conservation of Laws.*

Системы, о которых идёт речь в статье, обладают следующими характеристиками сложных систем:

- *Фрактальность.* Это означает, что компоненты сложной системы могут сами быть сложными системами [1].
- *Поведение.* Сложная система обладает поведением, т.е. способностью известным образом реагировать на известные события внутренней и внешней среды.
- *Открытость и неравновесность.* Сложная система диссипативна [2], она обменивается с окружающей средой материей, энергией и информацией и далека от термодинамического равновесия.
- *Динамическое равновесие.* Вместо термодинамического равновесия сложная система обычно находится в динамическом равновесии, которое можно охарактеризовать фразой: «Для того чтобы система работала, она должна работать». Чтобы привести систему в это состояние, необходимо затратить энергию – потенциал динамического равновесия. Находясь в динамическом равновесии, система способна поддерживать его и далее, тратя на это часть своей мощности.
- *Три мира.* По-настоящему сложная система есть не просто совокупность материальных объектов (куча кирпича – еще далеко не дом). Важную роль играет ее информационная составляющая, – структура и программы – упорядочивающая материальную. Также важен набор идей-аксиом, определяющий цели, задачи и методы

системы. Рассмотрение сложных систем в этих трех аспектах известно со времен Платона, однако в Новое время считалось данью идеализму. В конце прошлого века, этот метод был возрожден в социально-правовой области [3].

Получает развитие теория модельного синтеза [4], обосновывающая сквозную технологию описания, синтеза и программной реализации моделей сложных агентных систем. Модельный синтез формализует понятие обладающего поведением агента – элементарной сложной системы. Это не очередная эвристическая конструкция, а следствие необходимых для моделирования условий, – в первую очередь, гипотезы о замкнутости модели. Там же указаны близкие к необходимым достаточным условиям возможности построения модели – своего рода теорема о существовании. Универсальный агент, называемый в модельном синтезе моделью-компонентой, обладает следующими двумя важнейшими свойствами:

Организация имитационных вычислений представителей семейства моделей-компонент однопипна для всего семейства, поэтому может выполняться одной и той же компьютерной программой, притом ориентированной на параллельные вычисления.

Семейство моделей-компонент замкнуто относительно операции объединения конечного числа моделей-компонент в модель-комплекс.

Указанные свойства позволяют строить сложные фрактальные агентные системы, не заботясь о том, как потом организовать их вычисления. Важным следствием модельного синтеза является то, что практически с любой сложной агентной системой: страной, театром боевых действий, заводом, университетом, политической партией, социальным слоем, можно сопоставить, хотя бы в качестве мысленного эксперимента, математический объект – модель-компоненту.

Построив синтез всех комплексов, включая комплекс самого высокого уровня, получим коллективное поведение нашей системы. Далее, можно подвергать базисные множества модели-компоненты морфизмам, например, гомеоморфизмам (непрерывным в обе стороны изоморфизмам в категории топологических пространств), меняя элементарные действия и реакции, вплоть до противоположных.

Морфизмы могут незаметно за не слишком продолжительное время привести систему к поведению противоположному исходному. Поэтому естественным образом возникает вопрос об инвариантах, ограничивающих все множество возможных морфизмов. Как работают инварианты? Инвариант, являющийся аксиомой на языке описания структуры сложной системы, выделяет из группы морфизмов подгруппу сохраняющих его допустимых морфизмов. Инвариантами, ограничивающими в социуме преобразования поведения, традиционно являются религиозные заповеди, моральные и культурные ценности, традиционные и гражданские нормы поведения, то, что можно назвать Законом с большой буквы. На основании инвариантов можно строить классификацию типов коллективного поведения различных культур [5].

Как говорилось выше, сложные системы пребывают в динамическом равновесии: для того, чтобы работать, они должны работать (как, например, четырехтактный двигатель или любое предприятие). Для поддержания динамического равновесия, сложная система должна, во-первых, поддерживать потенциал динамического равновесия – выполнять определенную минимальную работу в единицу времени (например, вращение не ниже 800 оборотов в минуту для двигателя; оплата зарплат, коммунальных услуг, аренды помещений и т.д., для предприятия). Во-вторых, для поддержания структуры и инвариантов (законов существования) сложной системы должны проводиться некие регулярные мероприятия, которые можно назвать культом [5, 6]. Например, для поддержания в эксплуатации автомобиля, необходимо периодически проходить техобслуживание, техосмотр, заправлять его и т.д. В случае более сложных социальных систем, для сохранения инвариантов поведения приходится периодически программировать «приверженность определенным символическим системам», – как формулируют это антропологи [7].

Сложная система должна тратить часть своей энергии на поддержание законов своего существования в трех планах – физическом, информационном и идейном (сохранять аксиомы своего существования). Если сложная система в течение определенного времени оказывается неспособной на поддержание своего потенциала динамического равновесия и сохранения структуры – она перестает существовать в прежнем качестве. Скорее всего, при этом ее базисные множества за бесценок достанутся более успешным сложным системам.

В результате можно сказать, что в отличие от «простых», замкнутых физических систем, вместо законов сохранения в сложных открытых системах господствует сохранение законов [6]. Природа сохранения законов и законов сохранения одна: законы сохранения также являются инвариантами некоторых симметрий: энергия – однородность времени, импульс – однородность пространства и т.д.

Геометрическая теория дает математическую языковую среду для дискурса в предметной области моделирования поведения сложных систем, т.е. возможность выявлять достаточно тонкие различия рассматриваемых сущностей, которые обычно теряются, смешиваются при их гуманитарном обосновании на естественном языке.

С помощью языка геометрической теории показано, что для поддержания заданного поведения сложной системы недостаточно одних лишь действий по поддержанию потенциала динамического равновесия. Нужна идейно-информационная система, программирующая сохранение инвариантов, обеспечивающих желательное поведение. В работе она названа культом. Культ наряду с поддержанием потенциала динамического равновесия обеспечивают сохранение законов функционирования сложной системы. Феномен сохранения законов существования сложной системы при ее динамическом равновесии подтверждает мнение П.А. Флоренского, что в основе культуры, как системы общественного поведения, лежит культ [8].

Заметим, что следующие утверждения, хорошо известные из религии и философии, находят математическую интерпретацию в дискурсе этой работы:

- «Одно во всем и все в Одном» – вместо поисков и построения концептуальных моделей (онтологий) все более сложных предметных областей, стоит учиться видеть в них одну и ту же структуру модели-компоненты. По словам А. Пуанкаре: «Математика – это искусство называть разные вещи одним и тем же именем».
- «То, что движет всем в мире, – неподвижно и неизменно» – динамику любой модели сколь угодно сложной системы можно организовать довольно простой единой универсальной четырехтактной программой.
- «Мир стоит на жертве» – закон устойчивого развития открытых сложных систем: чтобы поддерживать потенциал динамического равновесия, структуру и набор аксиом-инвариантов, необходимо расходовать часть мощности системы на поддержание экономической, политической и идеологической структуры системы.
- «Чтобы делать золото, нужно иметь золото» – девиз алхимиков, фактически описывающий принцип динамического равновесия сложной открытой системы: чтобы функционировать – сложная система должна функционировать. Остановка для нее – или смерть, или значительные расходы энергии на перезапуск в будущем.
- «Культ – основа культуры» – это высказывание П. А. Флоренского можно интерпретировать как указание на необходимость периодических мероприятий по программированию поведения агентов (культ) для того, чтобы поведение сложной открытой системы (культура) находилось в приемлемых пределах.

За каждым из этих гуманитарных по форме высказываний, как указывалось выше, вполне может стоять формальная математическая конструкция – модель-компонента. Автор рассматривает этот факт, как свидетельство единства знания и объединительных возможностей предлагаемого в работе языка.

Список литературы:

1. Бусленко Н.П. Моделирование сложных систем М.: Наука, 1978. 400 с.
2. Николис Г., Пригожин И. Самоорганизация в неравновесных системах. М.: Мир, 1979. 512 с.
3. Леванский В.А. Моделирование в социально-правовых вопросах. М.: Наука, 1986. 158 с.
4. Бродский Ю.И. Модельный синтез и модельно-ориентированное программирование. М.: ВЦ РАН, 2013. 142 с.
5. Бродский Ю.И. Попытка геометрической классификации этнокультурного поведения // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2019. Т.34. №1(34). С. 72-84. DOI:10.14357/24098639190104.

6. Бродский Ю.И. Модельный синтез, как подход к геометрической теории поведения // Моделирование, декомпозиция и оптимизация сложных динамических процессов. 2019. Т.34. №1(34). С. 43-71. DOI:10.14357/24098639190103.

7. Douglas M. How Institutions Think. Syracuse (NY): Syracuse University Press, 1986. 146 p.

8. Флоренский П.А. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи. М.: АСТ, 2007. 633 с.

ПОНЯТИЕ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Васильева Н.А.

Доктор философских наук,

Санкт-Петербургский государственный университет, профессор.

E-mail: n52basil@gmail.com

Аннотация: В статье анализируется понятие «современность», являющееся одним из наиболее часто употребляемых при характеристике практики международных отношений в первой половине XXI века. Подчеркивается, что в современных условиях акцент делается на инновационности мирополитических процессов, что подразумевает отход от вестернизационной модели понимания сегодняшних проблем. Тезис о Современности как особом типе цивилизации разрабатывается многими западными учеными (например, Ш. Эйзенштадт), которые считают, что модернизация достижима другими народами при условии вхождения в модельный ряд западного цивилизованного комплекса, а это отражает проблематику эпохи становления западноцентричной системы международных отношений Нового времени. Отвлекаясь от исторического контекста понятия «Новое время», важно остановиться на особенностях понимания феномена современности XXI века как «здесь и сейчас», что подразумевает переход от ставшей анахронизмом модели модерна к модели множественности современности как плюрализма темпоральностей.

Ключевые слова: современность, международные отношения, практика, текущая современность, анахронизм, социальный конструктивизм, историческое время.

THE CONCEPT OF "MODERNITY" IN THE PRACTICE OF INTERNATIONAL RELATIONS

Vasilyeva N.A.

Doctor of Philosophy, St. Petersburg State University, Professor

E-mail: n52basil@gmail.com

Abstract: *The concept of "modernity" is one of the most commonly used in characterizing the practice of international relations in the first half of the twenty-first century, since the emphasis is on the innovativeness of world political processes, which implies a departure from the Westernized model of understanding today's problems. The thesis of Modernity as a special type of civilization is being developed by many Western scientists (for example, S. Eisenstadt), where modernization is achievable by other peoples, provided that they enter the model range of the Western civilized complex, which reflects the problems of the era of the formation of the Western-centric system of international relations in the New Time. Digressing from the historical context of the concept of "New time", it is important to dwell on the peculiarities of understanding the phenomenon of modernity in the XXI century as "here and now", which implies the transition from the model of modernity that has become anachronistic to the model of plurality of modernity as a pluralism of temporalities.*

Key words: *Modernity, international relations, practice, current modernity, anachronism, social constructivism, historical time*

Понятие «современность» является одним из наиболее употребительных при характеристике практики международных отношений в первой половине XXI века, поскольку акцент делается на инновационности мирополитических процессов, что подразумевает отход от вестернизационной модели понимания сегодняшних проблем. Тезис о Современности как особом типе цивилизации разрабатывается многими западными учеными (например, Ш. Эйзенштадт), которые считают, что модернизация достижима другими народами при условии вхождения в модельный ряд западного цивилизованного комплекса, что отражает проблематику эпохи становления западноцентричной системы международных отношений Нового времени. Отвлекаясь от исторического контекста понятия «Новое время», важно остановиться на особенностях понимания феномена современности XXI века как «здесь и сейчас», что подразумевает переход от ставшей анахронизмом модели модерна к модели множественности современности как плюрализма темпоральностей.

При рассмотрении вопроса о современности как практическом контенте международных отношений методологически важно обратиться к идеям социального конструктивизма, проблемам исторического времени и социальной виртуальности.

В условиях разрушения международной системы, где центральную роль играли западные идеи рационального постижения действительности, возникает потребность в акцентировании внимания на ценностном понимании

мирополитических реалий, которые во многом являются субъективно конструируемым результатом. По мнению А. Вендта, различные способы понимания мира являются столь же важными для реальной международной жизни, как и материальные факторы. Международная жизнь детерминируется убеждениями и ожиданиями, которые государства имеют друг о друге, что обусловлено социальными факторами, которые в свою очередь определяют материальные факторы [1]. Как замечает В. Кравцов, «если руководствоваться этой проблематизацией, то следует признать, что Крым, например, более российский, чем украинский. Никакие отсылки к спорным историческим реалиям не отменяют того факта, что большинство жителей РФ и полуострова «сконструировали» Крым как неотъемлемую часть России» [2]. Таким образом, практика международных отношений оказывается вовлеченной в сложно структурируемый процесс взаимодействия объективной реальности и ее субъективного понимания и идентификации.

При рассмотрении процессов трансформации системы международных отношений в XXI веке многие эксперты сходятся во мнении относительно того, что мы живем в эпоху плюрализма «современностей», поскольку правомерны и равнозначны понимание современности в различных цивилизационных образованиях, сосуществующих в данный исторический момент. По мнению М. М. Федоровой, «история уже не воспринимается как прямая стрела прогресса, она составлена из многих возможностей, получивших свое развитие или потерпевших провал, забытых или актуализированных и востребованных. Она соткана из различных не совпадающих друг с другом ритмов, взаимопереплетающихся темпоральностей, которые делают невозможной единую Историю, устремленную в предустановленное будущее» [3, с. 117]. В этом плане важен методологический подход Э. Блоха, который проанализировал кризисные политические явления с помощью понятия «не-современность». «Э. Блох осмысливал современность как действительность, которая представляет собой сложное сочетание различных и взаимопротиворечивых темпоральностей. Для ее описания он предложил парадоксальное понятие «неодновременность современного»» [3, с. 114]. В свою очередь Дж. Агамбен заостряет внимание на сочетании современного и архаичного, отмечая, что «архаический» означает: близкий к «архе» (arche), то есть к началу. Но начало располагается не только в хронологическом прошлом. Оно современно историческому становлению и не прекращает оперировать в нем...» [4]. В целом поливариантность Современности несет в себе большой конфликтогенный потенциал, который находит свое выражение в драматических событиях последних десятилетий (например, 11 сентября 2001, война в Ираке, Афганистане и т.д.). Размышляя о сочетании архаического, важно остановиться на примерах политической архаизации западного подхода к современности XXI века. Так, С.В. Лавров писал об упущенном шансе уйти от архаики эпохи холодной войны: «Когда исчез Советский Союз, когда был распущен Варшавский договор, был выбор, который политики на Западе всерьез обсуждали. Это был выбор в пользу того, чтобы НАТО распустить,

сконцентрироваться в рамках ОБСЕ и выстраивать уже в этих универсальных евроатлантических рамках на основе равноправия каждого участника новые подходы к обеспечению безопасности таким образом, чтобы никто не был ущемлен» [5]. Другой пример касается явной архаичности институтов Бреттон-Вудской системы, что, по мнению С. Нарышкина, выражается в роли США, которые «ведя себя столь агрессивно и непредсказуемо, продолжают оставаться держателем основной резервной валюты. Монопольное положение доллара в международных экономических отношениях превращается в анахронизм. Постепенно доллар приобретает токсичный характер» [6]. Таким образом, наблюдается сложный процесс постепенного превращения в «не-современность» западно-центричных характеристик международных отношений, но в то же время современными становятся возрождающиеся цивилизационные гиганты Востока. Как отмечает М.М. Федорова, «сегодня мы имеем дело с ситуацией, когда дискурс современных традиционных обществ обнаруживается в какой-то мере как обратная сторона современности, он существует и говорит как мир досовременный, но в то же время вписан в настоящее и активно влияет на него. Как представляется, эти положения имеют огромное значение сегодня, когда в общественном ведении ведутся обширные дискуссии о массивном вторжении архаичных структур и процессов в ткань современности» [3, с. 117].

Социальная виртуальность современности, выражающаяся в сетевых взаимосвязях, как отдельных людей, так и государств, приводит, по словам А.И. Неклессы, к тому, что «к усложнившейся и модифицированной системе власти получает доступ генерация «людей воздуха», тесно связанная с постиндустриальным (нематериальным, эфирным) производством» [7, с. 22]. В этих условиях «самоускорение временности» «отбирает у настоящего возможность испытать его как настоящее и скрывается в будущем...» [8], что во многом объясняется прогрессистской направленностью эпохи Нового времени, порождая такие темпы развития, которые человеку в принципе трудно выдержать, в силу чего равновесие и устойчивость международных отношений сменяются, по выражению З. Баумана [9], на «текущую современность». В данных условиях «наука, воспевшая некогда оду механическому детерминизму, перестроилась: сегодня она говорит о случайностях и хаосе, неопределенности и непредсказуемости событий» [10]. В этих условиях неформальные международные структуры (G7, G20, БРИКС и пр.) становятся более востребованными, поскольку в них главенствует принцип *ad hoc* (специально для этого, по особому случаю), что во многом и определяет практику международных отношений, когда государства вступают в многообразные временные отношения, как, например, по проблеме COVID-19.

Выводы. Мир XXI века представляет собой яркий пример переходности, смены эпох, а потому понятие «неодновременность современного» Э. Блоха как нельзя лучше характеризует необходимость процесса обоюдного приспособления друг другу «непохожих» субъектов международных отношений. По мнению М.М. Федоровой, «сегодня концепция современности

и выстраивания политических практик не может не учитывать того факта, что сама современность не является гомогенной и однозначной. Подобно тому, как в пространственном плане политическое действие должно принимать во внимание не только универсальные факторы (общечеловеческие ценности), но также и локальные (этнические требования), и национальные (особенности местной культуры), во временном отношении оно должно исходить из плюрализма темпоральностей» [3, с. 117]. Поэтому искусство устроения совместной жизни на началах терпимости оказывается одной из важнейших и наиболее востребованных в современной практике международных отношений, что предполагает в глобально-сетевом пространстве социальной виртуальности выстраивать международные отношения в режиме политической герменевтики.

Список литературы:

1. Wendt A. Social Theory of International Politics. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
2. Казанцев А., Кравцов В. Современный конструктивизм. Два суждения об одной методологии. - URL: <http://gefeter.ru/archive/20402> (дата обращения 30.09.2021).
3. Федорова М.М. Современность. Несовременность. Анахронизм (Перекрестья истории и политики) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2020. № 2 (63). С. 110–119.
4. Агамбен Дж. Что современно? / Пер. с итал. К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2012. 78 с.
5. Лавров: многие политики являются сторонниками теории управляемого хаоса. - URL: <https://tass.ru/politika/4477015> (дата обращения 30.10.2021).
6. Нарышкин назвал доллар «анахронизмом с токсичным характером». - URL: www.rbc.ru/economics/18/06/2019/5d08862d9a794797e10b93be (дата обращения 31.10.2021).
7. Неклесса А.И. *Homines Aeris or Who Builds the World. Люди воздуха, или кто строит мир?* М.: Инст. Эконом. Стратегий, 2005. 223 с.
8. Материалы круглого стола «Политика времени: анахронизм и современность» (Нижний Новгород, ГЦСИ «Арсенал», 14 мая 2015 года). - URL: <http://gefeter.ru/archive/16924> (дата обращения 31.10.2021).
9. Бауман З. *Текущая современность*. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
10. Подвойский Д. Куда течет «текущая современность»? - URL: https://polit.ru/article/2011/06/02/podvoysky_bauman/print/ (дата обращения 31.10.2021).

СИМВОЛЫ АПОКАЛИПСИСА И «КОНЕЦ ИСТОРИИ»

Гарбузов Д. В.

Доктор философских наук,
Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
профессор
E-mail: buendia@bk.ru

Аннотация: В статье акцентируется внимание, что символы и сама идея апокалипсиса – самое популярное наследие христианства в современной культуре. Подчеркивается, что это не является случайностью и связано как с особенностями современной культуры, так и самой мифологемой апокалипсиса. Анализируется популярность апокалиптического символизма и объясняется его роль в современной культуре и различных типах мировоззрения человека. Многочисленные апокалиптические мотивы и символы, с одной стороны, являются результатом, а с другой стороны, индикатором глубоких, фундаментальных и глобальных изменений современного общества. Апокалипсис стал одним из главных источников мифогенной трансляции разнообразных культурных смыслов и программ. И, прежде всего, символы апокалипсиса стали идеальными формами для выражения и передачи сообщений о бесчисленных рисках для жизни современного человека и общества.

Ключевые слова: апокалипсис; символы; образы; современная культура; рационально-дискурсивный тип мышления; мифологический тип мышления; общество риска; новый модерн.

SYMBOLS OF THE APOCALYPSE AND THE "END OF HISTORY"

Garbuzov D. V.

Doctor of Philosophy,
V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
Professor
E-mail: buendia@bk.ru

Abstract. Symbols and ideas of the apocalypse are the most popular legacies of Christianity in modern culture. This is not accidental and is connected both with the peculiarities of modern culture and the mythology of the apocalypse itself. The purpose of the article is to analyze the popularity of apocalyptic symbolism and explain what this means for modern culture and different types of human worldview. Numerous apocalyptic motives and symbols, on the one hand, are the result, and on the other hand, an indicator of profound, fundamental and global changes in modern society. The Apocalypse has become one of the main sources of the mythological broadcast of various cultural meanings and programs. And, above all, the symbols of the apocalypse have become ideal forms for expressing and

conveying messages about the innumerable risks to the life of modern man and society.

Key words. *Apocalypse; symbols; images; modern culture; rational-discursive type of thinking; mythological type of thinking; risk society; new modern*

Вряд ли кто-то будет возражать, что символы и сама идея апокалипсиса – это едва ли не самое популярное наследие христианства в современной культуре. Их следы в большом количестве обнаруживаются и в различных сферах массовой культуры и сознания, и в авторских, концептуальных, программных произведениях. Очевидно, что это не случайно и связано как с особенностями современной культуры, так и самой мифологемой апокалипсиса. Следовательно, поняв кое-что в этой проблеме, мы сможем сказать что-то и о современной культуре, и о мифологическом мировоззрении и восприятию-осознанию мира, и о символизме Апокалипсиса. Апокалипсис Иоанна Богослова – это памятник литературы, в котором отображен яркий образец мифо-религиозного типа мировосприятия и мышления [2]. Он сильно отличается от преобладающего в наше время рационально-дискурсивного мировоззрения. Скорее всего, этим объясняется большинство недоразумений, возникающих при прочтении данного документа. Велика вероятность, что значительная часть содержания просто не переводима в рационально-дискурсивную форму, поскольку оно состоит из принципиально других смысловых единиц, связанных принципиально иными отношениями. Поэтому любые наши рационально-дискурсивные интерпретации будут чужеродными оригинальному содержанию. Означает ли это, что необходимо отказаться от попыток интерпретации этого памятника культуры? Нет. Если образы и символы Апокалипсиса поддаются какой-либо обоснованной интерпретации, то почему мы должны отказываться от нее? С другой стороны, можем ли мы надеяться, что наша интерпретация, обнаружила некий «ключ» к семантике текста. Тоже, скорее всего, нет, именно по указанной выше причине.

Апокалипсис Иоанна Богослова выражает именно такой тип мировоззрения. Мы можем «вытягивать» из него различные «нити» для интерпретации, и они будут раскрывать свое глубокое, сложное содержание и придавать значимость нашим выводам, но при этом нужно понимать, что сами по себе они не содержат этот обнаруженный нами смысл, но он является частью нашей концепции в рамках рационально-дискурсивного мышления. В качестве примера приведем знаменитые апокалиптические образы всадников на конях разного цвета, снимающих печати. Из описания, содержащегося в тексте, можно предположить, что речь идет о сменяющихся исторических эпохах. 1. Эпоха первой печати: венценосный всадник-победитель на белом коне с луком в руке. 2. Эпоха второй печати: всадник на рыжем коне, несущий войну с мечом в руке. 3. Эпоха третьей печати: всадник на вороном коне, имеющий меру в руке. «Хиникс пшеницы за динарий и три хиникса ячменя за динарий; елса же и вина не повреждай». 4. Эпоха четвертой печати: всадник-смерть на бледном коне; ему отдана четвертая часть людей для меча, голода, мора и зверей земных. 5. Эпоха пятой печати: души убиенных за слово Божие

и за свидетельство ждут под жертвенником новых братьев, которые дополняют число. Даны им белые одежды. 6. Эпоха шестой печати: катастрофа, апокалипсис. Первая печать – победа христианства. Вторая печать – раскол христианства, религиозные войны. Третья печать – эпоха капитализма, рынок. Четвертая печать – революции, мировые войны, лагеря смерти и пр. Пятая печать – постмодерн, междувременье, пауза. Шестая печать – Последнее Откровение (описание очень похоже на ядерную мировую войну). Мы вполне можем так проинтерпретировать эти образы, но не должны настаивать, что это единственно возможная интерпретация.

В рамках современной культуры миф представляет собой некоторую технологию, осознанную или бессознательную, внерациональную (иррациональную) передачи информации. Это означает, что конструкты мифологического мышления используются, осознанно или бессознательно, для воплощения и переноса определенных смыслов таким образом, что они ускользают от цензуры рационального анализа. На этом основано действие рекламы, продуктов дизайна, образов искусства и т.д. Не удивительно поэтому, что столь выдающийся памятник мифологических образов и символов как Апокалипсис стал одним из главных источников трансляции разнообразных культурных смыслов и программ. И, прежде всего, символы апокалипсиса стали идеальными формами для выражения и передачи сообщений о бесчисленных рисках для жизни современного человека и общества. Как известно, научно-техническое развитие не только неизмеримо увеличило эффективность человеческой деятельности, но и сделало риск и заботу о безопасности повседневной нормой жизни [1].

Однако популярность образов Апокалипсиса, финальной катастрофы в современной культуре Запада (и «высокой» и массовой), возможно, объясняется не только спецификой «общества риска», в котором всегда присутствует опасность катастрофы, а нарастающим ожиданием «нового Модерна». Феномены и институты первого европейского модерна разворачивали импульсы, заданные исходной, материнской христианской средневековой культурой. Когда эти импульсы рассеялись, модерн, не имеющий собственного энергетического основания, перешел в стадию постмодерна. Весь объем энергии создается на стадии материнской традиционной культуры, и в дальнейшем эта энергия только расходуется. События, происходящие в современном мире, позволяют предположить, что постмодернистский Запад в очередной раз «чреват» новым типом общества, который призван необратимым образом перевести в разряд архаических все остальные, как это произошло в конце 18 – 19 вв. Нечто подобное сегодня вновь пытается произвести Запад, обнуляя традиции и иницируя анти-традиции. Это событие вновь должно сделать Запад неоспоримым лидером, возвышающим его над остальным миром. Таким образом, изображая Апокалипсис, нарциссический Запад ожидает вовсе не плохое, а хорошее.

Таким образом, популярность символов апокалипсиса в современной культуре объясняется, прежде всего, особенностями нашей исторической эпохи. Многочисленные апокалиптические мотивы и символы, с одной

стороны, являются результатом, а с другой стороны, индикатором глубоких, фундаментальных и глобальных изменений современного общества. Эти изменения столь существенны, что можно говорить о новом «осевом времени» [3] и повороте «колеса истории», означающем формирование на Земле новой человеческой цивилизации.

Список литературы:

1. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция, 2000. 383 с.
2. Небольсин А.С. Методы интерпретации, эсхатология и структура Откровения Иоанна Богослова // Вестник ПСТГУ. Серия 1: Богословие. Философия. 2010. Вып. 3 (31). С. 55-74.
3. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Республика, 1994. 527 с.

ПРОБЛЕМЫ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОНЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ XXI ВЕКА

Гаффаров И.З.

Кандидат исторических наук,

E-mail: ildarg67@gmail.com

***Аннотация.** В статье характеризуются интеграционные проекты XXI века. Подчеркивается, что на новом этапе мироустройства идентичности отводится крайне неоднозначное место. Сможет ли мир уделить соответствующее, должное внимание проблемам идентичности?*

***Ключевые слова:** идентичность, регионализм, национализм, четвертый мир, элита.*

PROBLEMS OF POSITIONING IDENTIFY ON THE FON OF INTEGRATION PROJECTS OF THE XXI CENTURY

I.Z.Gaffarov

PHD in History

E-mail: ildarg67@gmail.com

***Abstract:** Integration projects of the XXI century are the new stage of the world order, where identity is assigned an extremely ambiguous role. Will the world be able to pay appropriate, due attention to the problem of identity?*

***Key words:** identity, regionalism, nationalism, fourth world, elite.*

*Воспоминания наши,
Наша суть, наше – Я,
Ключ нам дайте,
хоть бы ниточку-надежду,
как нам быть, куда нам плыть.....*

Региональное самосознание является одним из важных составляющих социального дискурса и служит синонимом термина «региональная идентичность». Детальная разработка феномена идентичности была предпринята Э. Эриксоном. Американский психолог рассматривал идентичность как итоговое, интегрирующее свойство личности, формирующееся на протяжении всей жизни и проходящее ряд стадий [8, с. 31]. Саму идентичность Эриксон определяет как два фундаментально различных значения: с одной стороны, абсолютная одинаковость, единообразие и тождество, а с другой — условие, факт того, что человек или вещь есть сама по себе, и ничто другое. Согласно Э. Эриксону, понятие идентичности присутствует по всему «маршруту полного жизненного цикла» человека – восемь основных взаимосвязанных стадий развития, каждая из которых определена проблемой или кризисной ситуацией, которая может быть разрешена для дальнейшего беспрепятственного течения процесса развития. Быть идентичным, по Э. Эриксону, значит переживать хронологию своей жизни как единое целое [9, с. 230]. Исследуя динамическую адаптивную функцию идентичности, психолог вводит понятие кризисов личностной идентичности и подчёркивает корреляцию с кризисами общественного развития [8, с. 53]. Подобная солидарность или несогласие с личностными, групповыми запросами представлены отрывком из каменной стелы, найденной в долине реки Орхон [3]. Слова правителя Восточно-Тюркского каганата Кюль-тегина имеют конкретную персонификацию, «в основе которой лежит так называемое «обоюдное знакомство» и соблюдение «ритуала опознавания» [7, с. 120].

Первоисточником апеллирования к идентичности, прежде всего, является историческая память. Историческая память – это сложный процесс самоорганизации общества, подразумевающий хранение, воспроизводство прошлого опыта народа, этноса, государства с целью его возможного повторения в деятельности людей или возвращения в сферу общественного сознания [5, с. 4]. Это неразрывная связь между прошлым и настоящим и вытекающим отсюда уникальным заделом на будущее. Например, формируемая веками историческая память, после Октябрьской революции 1917 года нашла свое продолжение, в рамках уже Советского проекта.

Начало 2000-х годов ознаменовалось новым витком интеграционных процессов на постсоветском пространстве. В то же время свою актуальность не потеряли и другие, ранее существовавшие концепции мироустройства, о которых мы не можем не сказать. В частности, Ф. Фукуяма утверждал, что однородные культурно-лингвистические группы должны быть организованы в суверенные государства [6]. Э. Д. Смит полагал, что любая идентичность

подпитывается мифами, символами, поведенческими моделями прошлого, «рисую» тем самым «привлекательный образ» из прошлого [4]. Разочарование начинается в момент, когда сформировавшийся уже образ «сталкивается» с реальностью. Не это ли является серьезным вызовом XXI столетия?

В основе любого государства лежит культурное многообразие. Когда граждане идентифицируют себя с государством, появляется всеобщая сплоченность. Однако если население слабо идентифицирует себя с государством, вероятность формирования универсальной идентичности существенно снижается. Угроза ослабления гражданской идентичности подталкивает местные элиты к формированию образа региональной идентичности посредством мифов, идей, проектов, многочисленных повествований. Таким образом, с ослаблением значения и роли нации-государства, на передний план, казалось бы, выходит локальная, региональная составляющая. Но, как оказалось и она не может дать ответы на запросы дня.

Проблема совместимости между интеграцией и дезинтеграцией порождает серьёзную дихотомию современного мироустройства. Необходимо выработать алгоритм гармоничного сосуществования образов малой, большой родины, и еще только формирующегося образа, «вышедшего» за рамки своей ойкумены. А это уже более полный и зрелый взгляд на мир...

В тот же время необходимо отметить тенденцию постепенного содержательного отказа элит от региональной идентичности, которой остаются лишь внешние ее проявления [2, с. 6]. Диаметральной противоположностью этому выступает обостренное чувство принадлежности к той или иной этнической или социальной группе. В этом контексте одной из наиболее уязвимых категорий является молодежь [1, с. 47]. Именно она становится объектом манипуляций, направленных на формирование образа врага, ложных представлений о других этнических или социальных группах. Втягивая молодежь в так называемую борьбу за идентичность, лидеры разного рода движений нередко сами пребывают в плену ложных стереотипов. Но это никоим образом не отменяет идентичность. Только она, благополучно бросившая якорь в «родовом имени» [9, с. 229] культурной идентичности, способна создавать осязаемое психосоциальное равновесие.

*Единый мир, единый свет
И та звезда, компас надежды
Что озаряет пути неведомые глаз ...*

Список литературы:

1. Елисеев С.М., Устинова И.В. Особенности политической толерантности студенчества // Социс. 2010. № 6. С. 45-51.
2. Панарин А.С. Народ без элиты: между отчаянием и надеждой. М.: Эксмо, 2002. 17 с.
3. Орхонские памятники. Памятник Кюль-Тегину. Исторический форум – URL: <https://forum.ykt.ru/viewmsg.jsp?id=14122047> (дата обращения: 22.03.2021).

4. Региональная идентичность. Center – YF (Центр Управления Финансами) – URL: <https://center-yf.ru/data/economy/regionalnaya-identichnost.php> (дата обращения: 24.04.2021).
5. Тощенко Ж.Т. Историческое сознание и историческая память. Анализ современного состояния // Новая и новейшая история. 2000. № 4. С. 3-14.
6. Фрэнсис Фукуяма: конец истории и последний человек. Гуманитарные технологии. – URL: <https://gtmarket.ru/> (дата обращения: 27.04.2021).
7. Шлейермахер Ф. Герменевтика / Перевод с немецкого А.Л. Вольского. Научный редактор Н.О. Гучинская. СПб.: «Европейский дом», 2004. 242 с.
8. Эрикссон Э.Г. Идентичность: юность и кризис. М.: Прогресс. 1996. 344 с.
9. Эрикссон Э.Г. Детство и общество. СПб.: Фонд Университетская книга. 1996. 240 с.

ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ ПОСЛЕ БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Гзогян А. А.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Студент*

E-mail: annagzogan@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются новейшие тенденции во взаимоотношениях России и Армении после бархатной революции, во время второй карабахской войны и после нее. Подчеркивается, что во взаимоотношениях России и Армении после бархатной революции 2018 года появился ряд проблем.

Ключевые слова: Армения, Азербайджан, Россия, Карабах, карабахский конфликт, российские миротворцы.

RELATIONS BETWEEN RUSSIA AND ARMENIA AFTER THE VELVET REVOLUTION

Gzogyan A. A.

*Saint Petersburg State University of Economics,
Student*

E-mail: annagzogan@gmail.com

Abstract: The article examines the latest trends in relations between Russia and Armenia after the Velvet Revolution, during the Second Karabakh war and after it. It is emphasized that a number of problems have appeared in the relations between Russia and Armenia after the velvet revolution of 2018.

Key words: *Armenia, Azerbaijan, Russia, Karabakh, Karabakh conflict, Russian peacekeepers.*

Так как Россия является ключевым гарантом безопасности на постсоветском пространстве, Армения в числе первых государств бывшего СССР вступила в ОДКБ. В Армении работает институт ОДКБ. Также в Армении располагается российская военная база, на которую возлагают особые надежды в поддержании безопасности и стабильности во всем регионе. Помимо обеспечения безопасности на Южном Кавказе российское военное присутствие имеет еще и национальное измерение, что становится особо актуальным в связи с последними событиями, как на Кавказе, так и на Ближнем Востоке. У базы есть свои гарнизоны в Ереване и в Гюмри. Российские военные используют аэродром «Эребуни». Согласно договору, заключенному между РФ и Арменией, пограничные войска России защищают армяно-турецкие и армяно-иранские границы.

Армения является членом Евразийского экономического союза. Несмотря на то, что это считается закономерным и естественным процессом в интеграции с важным стратегическим партнером, в Армении существовали разногласия насчет целесообразности вступления в ЕАЭС. В частности, циркулировало мнение о несовместимости работы с двумя разными экономическими зонами. В стране стоял выбор между разными моделями развития: с одной стороны, западные страны с демократическими ценностями, с другой союз, в котором доминирует Россия. Все эти обсуждения исходили из того, что членство в ЕАЭС противоречит углублению отношений с Евросоюзом [1].

В результате Второй Карабахской войны во взаимоотношениях России и Армении проявился ряд проблем. Армения считает, что карабахскую проблему можно решить за счет самоопределения народа Карабаха. Это считается одной из основных задач во внешней политике страны [5]. Россия в этом вопросе была нейтральна. РФ оказала военно-техническую поддержку Армении и не допустила вторжения Азербайджана на международно-признанную территорию РА. Тем не менее, Армения обвинила Россию в неучастии во второй Карабахской войне, хотя сама РА являлась гарантом безопасности Карабаха. Армения не только не признала независимость Нагорного Карабаха, но и не проводила полноценной мобилизации и не использовала весь военный потенциал для защиты региона.

Особую роль во второй Карабахской войне сыграла Турция, которая осуществляет политику, направленную на усиление своего влияния в регионе. Сотрудничество Азербайджана и Турции началось еще в 1990-е годы. Сегодня Азербайджан - один из главных партнеров Турции на Южном Кавказе. Анкара поддерживает Баку в карабахском вопросе. В то же время, у Турции с Арменией напряженные отношения в связи с геноцидом армян в 1915 году, что является препятствием для нормализации отношений двух государств.

Оценивая ход и последствия второй Карабахской войны, эксперты указывают на плохую военную подготовку либо вообще неготовность к войне.

Армяне со всего мира приезжали воевать на стороне карабахской армии. Как пишет Степанян В.В.: «По наблюдениям русскоязычных СМИ, основной массой неравнодушных к этой войне стали добровольческие отряды армянских волонтеров, которые безоговорочно готовы были воевать против военных сил Азербайджана, несмотря на то, что согласно 208-й статье УК РФ, «волонтерство» такого типа за рубежом карается сроком лишения свободы на 15 лет» [6, с. 203]. Из сказанного можно сделать вывод, что во второй карабахской войне участвовали не профессиональные военные, а добровольцы и ветераны первой карабахской войны.

После окончания боевых действий в Нагорный Карабах были введены российские миротворцы. 9 ноября 2020 года было подписано Трехстороннее заявление, которое положило конец 44-дневной войне. В п. 9 Соглашения говорилось о «разблокировании всех экономических и транспортных связей в регионе». В частности, в соглашении говорится о разблокировании дороги между Азербайджаном и Нахичеванью. Контроль за этим осуществляют российские пограничники. Заявление от 11 января предполагает создание трехсторонней группы на уровне вице-премьеров, создание экспертных групп. Приоритетом провозглашено железнодорожное и автомобильное сообщение и возможно восстановление инфраструктуры. Если Соглашение от 9 ноября 2020 года является дипломатическим достижением России, то война в целом стала успехом региональной политики Турции.

Для армян поражение во второй карабахской войне стало национальной трагедией. Именно завышенные ожидания Армении о поддержке со стороны РФ являются источником разочарования армян. Тем более, что союзник Азербайджана, Турция активно помогала в войне, сыграв важную роль в победе Баку. Зачастую эти завышенные ожидания активно циркулируют в армянских СМИ, таким образом конструируется и поддерживается разочарование от несбывшихся надежд. В основном это характерно для прозападных СМИ и политиков, которые и до войны стремились испортить отношения с Россией. Так, действия России критикуются во время войны бывшим советником Пашиняна по внешнеполитическим вопросам Арсеном Харатьяном, «Человеком, который, по мнению российских СМИ, пролоббировал арест генсека ОДКБ Юрия Хачатурова» [4].

Таким образом, можно сделать вывод, что армянским властям и обществу нужно отказаться от эмоций и переходить к делу, стать более прагматичными. Проблемы самой Армении необходимо искать в самой Армении. Возможно, Н. Пашиняну придется смириться с фактом поражения в войне, а не обвинять во всех проблемах Россию и других международных акторов.

Список литературы:

1. Гегамян В. Г., Мелконян С. Г., Нерсисян Л. А. Россия и Армения в системе региональной безопасности // РСМД. 2019. № 23. С. 3-12.
2. Токарев А.А., Маргоев А.Р. Россия и Армения после транзита: стратегическое партнерство или навязанная привычка? - URL: Режим доступа:

<https://mgimo.ru/about/news/experts/rossiya-i-nbsp-armeniya-posle-tranzita-strategicheskoe-partnerstvo-ili-navyazannaya-privychka/> (дата обращения: 12.08.2021).

3. Двусторонние отношения. Россия // Сайт Министерства иностранных дел Республики Армения. - URL: <https://www.mfa.am/ru/bilateral-relations/ru> (дата обращения: 12.08.2021).

4. Степанян В.В. Роль армянской диаспоры в Нагорно-Карабахском конфликте // Вопросы студенческой науки. 2021. №2 (54). С. 200 – 204.

5. Скаков. А. Новый этап Нагорно-Карабахского урегулирования. 2021. РСМД [Электронный ресурс] - URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novyy-etap-nagorno-karabakhskogo-uregulirovaniya/> (дата обращения: 18.08.2021).

6. Армяно-российские отношения: от эмоций и мифов к прагматике. 2021. EADaily [Электронный ресурс]. - URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/04/22/armyano-rossiyskie-otnosheniya-ot-emociy-i-mifov-k-pragmatike-smi> (дата обращения: 18.08.2021).

ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ

Гончаренко Л.Н.

*доктор исторических наук,
Балтийский гуманитарный институт, кафедра гуманитарных и
социально-экономических дисциплин, профессор
E-mail: lngks@rambler.ru*

Авакова Э.Б.

*кандидат социологических наук,
Санкт-Петербургский государственный электротехнический
университет «ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина),
кафедра социологии и политологии, доцент
E-mail: elina_avakova@mail.ru*

Аннотация: В статье обосновывается необходимость изучения и глубокого анализа оценки Гражданской войны в массовом сознании населения современной России с целью преодоления стереотипов ее восприятия. Современное российское общество еще не полностью преодолело былой раскол и находится достаточно далеко от выработки консолидированного исторического сознания и общенационального консенсуса по важнейшим вопросам недавнего прошлого страны, что препятствует становлению социально-политического единства российского общества. В современных условиях необходим новый переосмысленный взгляд российской нации на события Гражданской войны, основанный на абсолютном приоритете

самоценности российской государственности как основной формы выживания народа и особой миссии уникальной российской цивилизации в формирующемся многополярном мире. Только такой подход позволит навсегда исключить возможность повторения подобного рода событий в будущем.

Ключевые слова: Гражданская война, революция, историческая память, общенациональный консенсус, современное российское общество.

ATTITUDE TO THE CIVIL WAR IN THE RUSSIAN MASS CONSCIOUSNESS

Goncharenko L.N.

Baltic Institute of Humanities

E-mail: lngks@rambler.ru

Avakova E.B.

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI",

E-mail: elina_avakova@mail.ru

Abstract: *the article deals with the need to study and analyse of the perception of the Civil War in the mass consciousness of the people of modern Russia in order to overcome the stereotypes of its perception. Modern Russian society has not yet completely overcome the former split and is far enough away from developing a consolidated historical consciousness and national consensus on the most important issues of the country's past. It slows down the formation of socio-political unity of Russian society. The Russian nation needs a new rethought view of on the events of the Civil War. It must be based on the absolute priority of the self-worth of Russian statehood as the main form of survival of the people and the special mission of the unique Russian civilization in the multipolar world. Only such an approach will make it possible to exclude the possibility of a repetition of such events in the future.*

Key words: *the Civil War, revolution, historical memory, national consensus, modern Russian society.*

За свою более чем 1000-летнюю историю Россия знала немало гражданских столкновений, в том числе вполне соответствующих понятию гражданская война. Самой масштабной и кровопролитной такого рода войной во всей российской истории была Гражданская война начала XX века, ментальные, да и политические, последствия которой народ России ощущает до настоящего времени. Изучение этого трагического периода отечественной истории в целях недопущения подобного рода событий в будущем актуализирует данную тему и предопределяет ее большую научную значимость.

Гражданской войне посвящено огромное количество публикаций. Это сборники документов, мемуары, монографии, бесчисленное количество статей, посвященных ключевым событиям и участникам этой беспрецедентной в Российской истории трагедии. Вклад в изучение проблематики и событий Гражданской войны, хотя и с диаметрально разных позиций, внесли советские [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7] и эмигрантские исследователи [8; 9; 10; 11], непосредственные участники этой трагедии [12; 13; 14; 15; 16; 17; 18; 19; 20; 21; 22; 23; 24], зарубежные ученые [25; 26; 27; 28; 29; 30; 31; 32; 33]. Изучение Гражданской войны очень интенсивно продолжается и в современной России [34; 35; 36; 37; 38; 39; 40; 41; 42; 43; 44; 45; 46; 47]. Однако, сосредотачивая свое внимание на конкретных событиях и судьбах участников Гражданской войны, исследователи недостаточно уделяют внимание политическим, нравственным, ментальным последствиям Гражданской войны [48], изучению восприятия этой трагедии в массовом сознании населения современной России, путям преодоления стереотипов ее восприятия.

Цель данной работы заключается в осмыслении событий Гражданской войны в контексте тех кардинальных изменений, которые произошли в России за последние 30 лет ее истории, а также в попытке проследить динамику изменений в общественном сознании по отношению к основным участникам и итогам этого гражданского противостояния.

Начало 90-х годов XX века было ознаменовано распадом СССР и фундаментальными изменениями во всех сферах жизни российского общества. Российская Федерация обрела исторические государственные символы: флаг, герб, новые слова государственного гимна. В 1993 г. была ликвидирована советская система власти, произошли глубочайшие изменения в экономике и общественно-политическом строе страны. В современной России восторжествовало многое из того, за что боролись и погибли Белые воины в годы Гражданской войны. Парламентская демократия, многопартийность, многообразие форм собственности, права и свободы личности, которая получила право свободно выражать политические и религиозные взгляды, приобретать, владеть и распоряжаться своим имуществом, а также обрела возможность выезжать из страны и возвращаться в нее по собственному усмотрению – все эти ценности не только восторжествовали в России, но и получили закрепление в новой российской Конституции. Буржуазия, то есть предпринимательское сословие, рассматривается в современной России не как «класс паразитов», который подлежит безжалостному уничтожению, а как социальный локомотив развития экономики страны, золотой фонд российской нации, наряду с учеными, деятелями науки и культуры, талантливыми работниками, занятыми в промышленности и сельском хозяйстве. При этом сохраняются и многие социальные завоевания, сделанные в период господства в России государственного социализма. Они отражают запрос российского общества на большую социальную справедливость и, во многом, воплотились в практику социального государства, провозглашенного Конституцией страны. Все это

свидетельствует, что современное российское общество в определенной степени основывается на ценностях, как Белого, так и Красного движений и сегодня важно добиться окончательного примирения сторон на основе современных реалий. На этом фоне представляется вполне естественным многое переосмыслить в истории Гражданской войны и навсегда покончить с расколом общества на Белых и Красных.

Существенные изменения происходят в отношении граждан Российской Федерации к революционным событиям 1917 г., последовавшей за ними Гражданской войне, их творцам и основным участникам. В 2017 году Всероссийский центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) представил данные исследований, приуроченных к 100-летию Октябрьской революции. Вопрос о том, выражала ли Октябрьская революция волю большинства народов, проживавших на территории Российской империи, остается спорным: сегодня 45% опрошенных отвечают утвердительно, 43% – отрицательно (в 1990 г. – 36% и 37% соответственно). При ответе на другой вопрос 46% сказали, что Октябрьская революция произошла в интересах большей части общества, а 46% высказали иное мнение. Основной причиной революции россияне по-прежнему считают тяжелое положение народа (с этим соглашаются 45%). Цели сторонников революции многим сегодня определить трудно (42% затрудняются с ответом), среди наиболее часто называемых ответов – «государственный переворот, изменение политического строя» (19%), «власть – народу, фабрики – рабочим, земли – крестьянам» (13%), «изменение жизни к лучшему» (10%). Революционный энтузиазм, еще отмечавшийся в начале 90-х XX века, исчез. Сегодняшние респонденты скорее предпочли бы остаться в стороне, а не участвовать в революционных событиях (27% предпочли бы переждать это время, 16% – уехать за рубеж). Поддержку большевикам в той или иной степени оказали бы, по их словам, 28% опрошенных (42% в группе 60-летних и старше против 21% среди 18-24-летних). Ослабевают крайние позиции во взглядах на понятие «революции в целом», она все больше воспринимается как сложное и противоречивое явление, имеющее как негативные, так и позитивные аспекты: по данным опроса 2016 г. 57% респондентов характеризовали революцию как историческую неизбежность (25% – как потрясения и жертвы, 11% – как обновление общества). Лишь немногие желают в России новой революции (по данным 2017 г. – 5%, тогда как абсолютное большинство – 92% – считает революцию недопустимой), вероятной ее называют 30%, не согласны с этим 61% респондентов [49].

В целом же, судя по опросу Фонда «Общественное мнение» (ФОМ), граждане все меньше интересуются событиями 1917 года. Только 34% граждан слышали от «родителей, бабушек и дедушек» о том, как их предки жили накануне революции и после нее. Доля тех, кто слышал о жизни в России в то время, больше всего среди респондентов старше 60 лет (54%) и меньше всего среди респондентов 18–30 лет (17%). 33% считают, что революция так или иначе принесла пользу, 20% – вред, 21% – и то и другое в равной степени, 25% – затрудняются ответить. Впрочем, чем младше

опрошенные, тем труднее им ответить даже о том, в каком году произошла революция 1917 года. Если в целом 70% знают правильный ответ, то среди граждан 18–30 лет – 40%.

В последние годы отмечается, с одной стороны, рост симпатий к Николаю II и Колчаку, а с другой – такому руководителю как Сталин, стоявшему во главе в страны в годы Великой Отечественной войны и реанимировавшему патриотическую идею как основу государственной идеологии. Примечательно, что среди граждан к Николаю II относятся положительно 53% респондентов – больше, чем к Владимиру Ленину (52%). У последнего также больше антирейтинг: к последнему царю отрицательно относятся 14%, а к вождю пролетариата – 26% [50].

В представленных в 2018 году ВЦИОМ результатах исследования в ТОП-3 рейтинга деятелей начала XX века, вызывающих симпатию у россиян, вошли: Николай II (54%), Сталин (51%), Ленин (49%). Негативные эмоции они вызывают у 23%, 28%, 29%, соответственно. В остальном явных героев и антигероев того времени не сформировано: так, многие опрошенные затруднились с ответом на вопрос о чувствах, вызываемых Милюковым (70%), Бухариным (56%), Деникиным (47%) и Керенским (43%). О Махно и Троцком россияне склонны думать скорее отрицательно – о негативном отношении к ним заявили 58% и 46%, соответственно, о симпатии – 12% и 20%.

Мнения наших сограждан разделились и по поводу виновных в начале Гражданской войны: 35% полагают, что главной причиной войны стало иностранное вмешательство, еще 34% винят политику большевиков (41% среди людей в возрасте от 18 до 32 лет). Большинство (58%) считает, что Гражданской войны нельзя было избежать, обратного мнения придерживаются 36% опрошенных, утверждая, что можно было обойтись без кровопролития и решить все мирным путем. По мнению половины россиян (54%), большая часть населения была вынуждена вступить в Гражданскую войну, развязанную представителями отдельных политических сил. Гражданская война сегодня воспринимается как сложное и противоречивое явление: 31% опрошенных ответили, что и те, и другие были в чем-то правы, а в чем-то – нет. Более трети опрошенных (36%) не склонны занимать чью-либо сторону в минувшем конфликте, считая, что события Гражданской войны принадлежат далекому прошлому и не имеют отношения к сегодняшней жизни (среди людей в возрасте от 18 до 32 лет эта доля составляет 43%, среди 33-42-летних – 44%) [51].

По данным всероссийского опроса ФОМ, проведенного еще в 2005 г. 38% опрошенных разделяют мнение, согласно которому в той войне «не было ни правых, ни виноватых», и 27% – затрудняются ответить на вопрос о том, на чьей стороне была правда. Однако каждый третий респондент занимает вполне определенную – и отнюдь не «равноудаленную» – позицию в этом историческом споре: 23% опрошенных считают, что правы были красные, 11% – что белые. Когда же речь заходит не об исторической правоте, а о субъективной честности и ответственности сторон, соотношение оценок

несколько меняется – «преимущество» красных тает: 21% опрошенных считают, что судьба России больше волновала красных, 19% – что белых. При этом 36% респондентов полагают, что она в равной мере волновала и красных, и белых, а 9% – что не волновала ни тех, ни других. И вот что особенно любопытно: молодежь склонна приписывать заботу о судьбе России красным (18%) и белым (17%) в равной степени, тогда как представители среднего поколения (36–54 года) – люди, достигшие зрелости в брежневские времена, – верят в то, что судьба страны волновала красных больше, чем белых, значительно реже, чем придерживаются противоположного мнения (15% и 24% соответственно) [52].

Как выяснил ФОМ по данным исследования, результаты которого были представлены в 2017 г., во время Гражданской войны 32% опрошенных граждан предпочли бы воевать на стороне Красных, а 4% — поддержать их. Белые среди нынешних россиян поддержкой почти не пользуются. Только 7% респондентов сообщили ФОМ, что участвовали бы в войне на стороне Белых, 3% готовы их поддержать. 21% граждан, если бы жил в 1917 году, предпочел сохранить нейтралитет [50].

В целом результаты многочисленных социологических опросов показывают, что в массовом сознании идут сложные и противоречивые процессы, которые свидетельствуют, что современное российское общество еще не полностью преодолело былой раскол и находится достаточно далеко от выработки консолидированного исторического сознания по вопросу о российских революциях и последовавшей за ней Гражданской войны. Наряду с этим, можно также констатировать, что новые ориентиры и ценности еще не укоренились в сознании большинства граждан страны. Это обстоятельство объективно тормозит выработку общенационального консенсуса по важнейшим вопросам недавнего прошлого страны и препятствует становлению социально-политического единства российского общества.

В современных условиях необходим новый, консолидированный взгляд российской нации на события Гражданской войны, основанный на абсолютном приоритете самоценности российской государственности как основной формы выживания народа и особой миссии уникальной российской цивилизации в формирующемся многополярном мире. Необходимо продолжить формирование устойчивой тенденции неприятия всеми слоями российского социума насильственных способов разрешения общественных проблем и противоречий, бесперспективности радикальных методов преобразования различных сфер общественной жизни, несущих в себе угрозу перерастания в полномасштабную гражданскую войну. Произшедшие на рубеже XX – XXI вв. изменения в стране и в мире, требуют серьезного переосмысления событий Гражданской войны, создания эффективного государственно-правового механизма на основе выработки общенационального консенсуса, позволяющего полностью исключить повторения такого рода трагедий в будущем. На страже нового облика российского общества и его социальной стабильности стоит Основной закон государства – Конституция Российской Федерации. Она гарантирует права с

свободы личности, не допускает пропаганду и агитацию, возбуждающую «социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду». Конституция запрещает «пропаганду социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства» [53]. Реализация данной нормы на практике требует постоянного внимания и усилий со стороны государства и всех граждан страны. Это предполагает новое качество исторической памяти и извлечение самых серьезных уроков из прошлого. Только обозначенный подход позволит навсегда исключить возможность повторения такого рода событий в будущем, обеспечить счастье новых поколений российских граждан и процветание их Родины.

Список литературы:

1. История гражданской войны в СССР: в 5-и т. / Ред. А.М. Горький, И.В. Сталин, С.М. Буденный. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1935-1960.
2. Гражданская война в СССР в 2-х томах / Под общ. ред. Н.Н. Азовцева М.: Воениздат, 1986.
3. Антисоветская интервенция и ее крах. 1917–1922. М.: Политиздат, 1987. 206 с.
4. Шкаренков Л.К. Агония белой эмиграции. 3-е изд. М.: Мысль, 1987. 236 с.
5. Акулов М.Р., Петров В.П. 16 ноября 1920. М.: Молодая Гвардия, 1989. 235 с.
6. Какурин Н.Е. Как сражалась революция: в 2-х т. М.: Политиздат, 1990.
7. Арестант пятой камеры. М.: Политиздат, 1990. 478 с.
8. Лехович Д.В. Белые против красных. Судьба генерала Антона Деникина. М.: Воскресенье, 1992. 366 с.
9. Гуль Р.Б. Я унес Россию: Апология эмиграции: в 3-х т. М.: Б.С.Г.-Пресс, 2001.
10. Мельгунов С.П. Как большевики захватили власть. «Золотой немецкий ключ» к большевистской революции. М.: Айрис-пресс, 2014. 640 с.
11. Мельгунов С.П. «Красный террор» в России, 1918-1923. Изд. 2-ое доп. Берлин, 1924. 312 с.
12. Якир И.Э. Воспоминания о гражданской войне. М.: Воениздат, 1957. 40 с.
13. Бонч-Бруевич М.Д. Вся власть Советам: Воспоминания. М.: Воениздат, 1957. 358 с.
14. Шульгин В.В. Дни; 1920. М.: Современник, 1989. 557 с.
15. Раскольников Ф.Ф. Кронштадт и Питер в 1917 году. 2-е изд. М.: Политиздат, 1990. 317 с.
16. Троцкий Л.Д. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Иркутск: Восточно-Сибирское книжное издательство, 1991. 608 с.
17. Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев: Деникин. Юденич. Врангель: / Сост. С.А.Алексеев. М.: Отечество, 1991. 508 с.

18. Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 г. – ноябрь 1920 г.): в 2-х кн. М.: Менеджер; Пенза: Космос, 1991.
19. Бунин И.А. Окаянные дни. М.: Современник, 1991. 253 с.
20. Архив русской революции: в 22-х т. М.: Терра. Политиздат, 1991-1993.
21. Белое дело: Избранные произведения: в 16-и кн. М.: Голос, 1991-1996.
22. Махно Н.И. Воспоминания. М.: Республика, 1992. 333 с.
23. Деникин А.И. Очерки Русской Смуты: в 3-х кн. М.: АЙРИС –пресс, 2015.
24. Верная гвардия. Русская смута глазами офицеров-монархистов. М.: НП «Посев», 2008. 747 с.
25. The Bolsheviks in Russian Society: The Revolution and the Civil Wars. New Haven, CT: Yale University Press, 1997.
26. Party, state, and society in the Russian civil war: explorations in social history / ed. by Diane P. Koenker, William G. Rosenberg, a. Ronald Grigor Suny. Bloomington; Indianapolis: Indiana univ. press, cop. 1989.
27. Sanborn J. The Genesis of Russian Warlordism: Violence and Governance during the First World War and the Civil War. // Contemporary European History, 2010. No. 19 (3), P. 195–213.
28. Retish A.B. Russia's Peasants in Revolution and Civil War: Citizenship, Identity, and the Creation of the Soviet State, 1914–1922. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011.
29. Behind the Front Lines of the Civil War: Political Parties and Social Movements in Russia, 1918–1922. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1994.
30. Bullock D. The Russian Civil War 1918–22. Oxford, UK: Osprey Publishing, 2008.
31. Lincoln W.B. Red Victory: A History of the Russian Civil War. New York, NY: Simon and Schuster, 1989.
32. Figes O. The Red Army and Mass Mobilization during the Russian Civil War 1918-1920. Past & Present, (129), 1990, P. 168–211.
33. Kenez P. The Ideology of the White Movement. Soviet Studies, 32(1), 1980, P. 58–83.
34. Бордюгов Г.А., Ушаков А.И., Чураков В.Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. М., 1998. 320 с.
35. Смолин А.В. Белое движение на Северо-Западе России. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 439 с.
36. Бутаков Я.А. Белое движение на юге России: Концепция и практика государственного строительства (конец 1917 – начало 1920 гг.). М., 2000. 190 с.
37. Трукан Г.А. Антибольшевистские правительства России. М.: Ин-т рос. истории РАН, 2000. 255 с.
38. Волков С.В. Трагедия русского офицерства. М.: Центрполиграф, 2001. 543 с.

39. Плотников И.Ф. Александр Васильевич Колчак: исследователь, адмирал, Верховный правитель России – М.: Центрполиграф, 2002. 701 с.
40. Смирнов А.А. Атаман Краснов. – М.: АСТ, 2003. 365 с.
41. Шишов А.В. Юденич. Генерал суворовской школы. М.: Вече, 2004. 383 с.
42. Литвин А.Л. Красный и Белый террор в России 1918-1922 гг. Казань: Татар. газ.-журн. изд-во, 1995. 326 с.
43. Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М.: Центрполиграф, 2005. 414 с.
44. Ушаков А.И., Федюк В.П. Лавр Корнилов. М.: Молодая гвардия, 2006. 398 с.
45. Мультигули П.В. Николай II. Дорога на Голгофу: свидетельства о Христе до смерти М.: АСТ: Астрель, 2010. 636 с.
46. Кручинин А.С. Адмирал Колчак: жизнь, подвиг, память. М.: АСТ: Астрель: Полиграфиздат, 2011. 538 с.
47. Соколов Д.В. Железная метла метет чисто...Советские чрезвычайные органы в процессе осуществления политики красного террора в Крыму в 1920-1921 гг. М.: Посев, 2017. 384 с.
48. Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б. К 100-летию окончания Гражданской войны в России: уроки социального раскола и задачи национального примирения // Морская стратегия и политика России в контексте обеспечения национальной безопасности и устойчивого развития в XXI веке. Выпуск 4(36): сборник научных трудов. Севастополь: ЧВВМУ имени П.С.Нахимова, 2021. С. 28 –35.
49. Октябрьская революция: 1917-2017. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/oktyabrskaya-revoljucziya-1917-2017> - (дата обращения: 28.06.2021).
50. Граждане скорее за красных [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. - URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3461055> (дата обращения: 30.06.2021).
51. Гражданская война в России: сто лет спустя. Аналитический обзор [Электронный ресурс] // ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/grazhdanskaya-vojna-v-rossii-sto-let-spustya> - (дата обращения: 28.06.2021).
52. О перезахоронении останков генерала Деникина [Электронный ресурс] // Фонд "Общественное мнение". URL: https://bd.fom.ru/report/cat/hist_ro/rev_war/of054124 (дата обращения: 30.06.2021).
53. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 30.06.2021).

ИОРДАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НЮАНСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ

Гулынская Е.В.

Кандидат исторических наук,

Российский государственный гуманитарный университет,

доцент кафедры современного Востока и Африки

E-mail: evgoulynskaya@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности населения Иордании, которое является преимущественно арабским, но включает выходцев из других ближневосточных стран, а также различные этно-конфессиональные и бедуинский компоненты. Подчеркивается, что подобная специфика связана с историей становления современной государственности страны. Указывается, что на данной территории проживают палестинцы, сирийцы, иракцы, черкесы и их потомки, ставшие иорданскими гражданами. Давним дискуссионным вопросом, в первую очередь для самих жителей Королевства, является: кого считать коренным иорданцем? В данной статье рассматриваются некоторые исторические вехи формирования демографической картины Иордании, а также взаимоотношений властей и населения страны. Дается характеристика особенностей национального самосознания иорданцев. Рассматривается современный подход властей государства к проблеме формирования национальной идентичности, в том числе через анализ документа «Jordan 2025. A National Vision and Strategy», дается прогноз относительно результатов современной иорданской национальной политики.

Ключевые слова: Иордания, национальная идентичность, иорданец, население Иордании, национальная политика, национальное самосознание.

JORDANIAN NATIONAL IDENTITY: SPECIFICS OF CONSTRUCTION AND PERCEPTION

Goulynskaya E.V.

Russian State University for the Humanities

E-mail: evgoulynskaya@yandex.ru

Abstract: Jordan's population is predominantly Arab, but generous part of it originates from the other Middle Eastern countries, or consists of various ethno-confessional as well as Bedouin components. This feature is connected with the history of country's modern statehood formation. Jordanian territory is inhabited by Palestinians, Syrians, Iraqis, Circassians and their descendants who have become Jordanian citizens. A long-standing controversial issue, primarily for the inhabitants of the Kingdom themselves, is: who is to be considered as a native Jordanian? This article examines some of historical milestones of the process of formation of the demographic structure of Jordan, as well as relationship between

the authorities and the population of the country. It describes specific features of national consciousness of the Jordanians and considers modern approach of the state authorities to the problem of formation of national identity, including analysis of the document "Jordan 2025. A National Vision and Strategy". Also a forecast is given regarding the results of the modern Jordanian national policy.

Key words: *Jordan, Jordanian identity, Jordanian, Jordanian population, national policy, national consciousness*

Этно-конфессиональная многокомпонентность населения Иорданского Хашимитского Королевства явилась результатом исторического пути этой страны, тесно переплетенного с судьбой ее соседей: Сирии, Ирака, исторической Палестины. Выходцы из разных уголков арабского мира, а также с территории Северного Кавказа, внесли свой уникальный вклад в развитие современной иорданской государственности, культуры и экономики, стали неотъемлемой частью иорданского социума. Однако не утратили они и памяти о своих «корнях», сохраняя язык и культуру предков, называя себя палестинцами, черкесами, сирийцами, бедуинами. Можно ли говорить, в таком случае, что жители Королевства ощущают свою национальную общность? Требуются ли иорданским властям дополнительные усилия по достижению единства нации? Безусловно объединяющим началом для всех жителей Иордании является общее историческое прошлое. В период османского правления территории современных Сирии, Иордании, Израиля и Палестинской национальной администрации в виде различных административных единиц входили в единое культурно-историческое и экономическое пространство – «историческую Сирию». Арабский национализм, уже идеологически и организационно оформившийся в начале XX в., определял именно эту зону, а также Аравийский полуостров, как территорию расселения арабской нации.

Идея освобождения арабов от турецкого контроля была сформулирована в 1914 г. предком нынешнего короля Иордании, правителем аравийской области Хиджаз – шерифом Хусейном, и через его сына Фейсала доведена до сирийских националистов. По итогам их переговоров увидел свет «Дамасский протокол», содержавший условия арабо-британского сотрудничества с целью свержения османского правления и образования независимого арабского государства на пространстве от «исторической Сирии» до Йемена. Эти планы смогли реализоваться весной 1916 г., когда Хусейн при британской военной и финансовой поддержке поднял антитурецкое восстание аравийских племен, известное в арабской историографии, как «великая арабская революция». Объединившись с племенами Трансиордании (британское наименование территорий к востоку от р. Иордан), предводители этой военной кампании – сыновья Хусейна Фейсал и Абдалла, внесли вклад в победу союзников на ближневосточном фронте и освободили от турок территории будущего арабского государства. Вступивший в Дамаск 1 октября 1918 г. эмир Фейсал, провозгласил создание Сирийского арабского королевства на всей территории «исторической Сирии» [1, с. 66–68].

Введение в апреле 1920 г. мандатного управления бывшими османскими владениями на Ближнем Востоке пресекло процесс создания единого арабского государства и повлекло формирование современной геополитической карты со множеством отдельных стран. Взамен утраченного трона Сирийского королевства, эмир Фейсал получил престол Ирака. Территория Трансиордании в 1921 г. перешла под управление эмира Абдаллы и стала прибежищем сирийских националистов, укрывавшихся от французских властей, а также арабо-палестинских националистов, выступавших против планов сионистского движения создать «еврейский национальный очаг» в Палестине. Местное трансйорданское население имело кланово-племенной состав и было представлено оседлыми и кочевыми арабами, а также небольшой общиной выходцев с Кавказа – черкесов, переселившихся на эту территорию в 1870 - х годах [2, с. 166]. По сравнению с соседними Сирией и Палестиной, Трансиордания не имела развитой администрации и экономики, многие племена и кланы не подчинялись никому, кроме своих вождей. Для централизации управления Абдалле, как правителю пришлому, требовалось добиться лояльности местного населения и объединить его под своей властью. Необходимой составляющей этого процесса стали договоренности с главами племен и кланов, остающиеся фундаментальной основой власти иорданских Хашимитов и в наши дни. Бедуины занимают важнейшее место в жизни Королевства, являясь крупнейшими землевладельцами, формируя личный состав вооруженных сил. Именно они и элементы бедуинской культуры являются воплощением «традиционно иорданского» для остальных жителей Королевства и арабов других стран.

Еще одной задачей Абдаллы I было создание эффективной администрации, для чего требовались специалисты, в Трансиордании практически отсутствовавшие. В этой ситуации эмир обратился к сирийским и палестинским кадрам, имевшим не только достаточный уровень образования, но и опыт административной работы, полученный в период существования королевства Фейсала. И несмотря на то, что в последующие периоды участие сирийцев в политической жизни Иордании постепенно сошло на нет, экономическое и культурное взаимодействие двух стран почти всегда оставалось активным. В наши дни сирийский конфликт стал причиной прибытия на территорию Иорданского Хашимитского Королевства более миллиона сирийцев, из которых по данным ООН за 2020 г. около 663 тысяч составляют официально зарегистрированные беженцы [3]. Не исключено, что часть из них решит остаться в этой стране навсегда.

Важнейшее значение для Трансиордании имела Первая арабо-израильская война 1948-1949 гг., полностью изменившая демографическую картину государства. Благодаря притоку сотен тысяч беженцев, а затем присоединению к трансйорданской территории Западного берега р. Иордан, преобладающую долю населения страны – почти 2/3, заняли палестинцы. Новая категория жителей не только была политически грамотна и активна, но и особо чувствительна к теме арабо-израильского конфликта. В последующие

два десятилетия нестабильность на границе с Израилем, в особенности факты гибели гражданского арабского населения от рук израильских военных, неоднократно становились причиной массовых протестов и политических кризисов в Иордании.

Даже после утраты Королевством Западного берега в результате очередной арабо-израильской войны 1967 г. такое положение дел не изменилось. Поворотным моментом во взаимоотношениях властей Королевства с палестинской частью населения стали события «черного сентября» 1970 г. К этому моменту Иордания превратилась в опорный пункт Палестинского движения сопротивления, бойцы которого нарушали порядок, выражали неповиновение властям, пытались взять под контроль ряд населенных пунктов. Когда король Хусейн отдал приказ войскам восстановить порядок, страна погрузилась в вооруженное противостояние, в ходе которого погибли по разным оценкам от 3 до 20 тысяч человек [4, с. 142–161]. Эта печальная страница иорданской истории показала властям страны необходимость выработки особого подхода к своему населению с учетом специфики его состава, во избежание повторения братоубийственного конфликта и угрозы правящему режиму.

В 2015 г. иорданские власти начали реализацию десятилетнего плана государственного развития «Видение 2025» (англ. *Jordan 2025. A National Vision and Strategy*), формулирующего основные направления и цели реформ в экономической и социальной сфере. Большое внимание в документе уделяется роли граждан (*citizens*) в процессе прогрессивного развития страны. Подчеркивается, что сами реформы направлены на повышение благосостояния иорданцев, улучшение качества их жизни, построение общества равных возможностей. При этом говорится, что трудности, с которыми сталкивается Иордания, могут быть преодолены благодаря активной воле и совместным усилиям ее граждан [5, р. 9, 13]. Примечательно, что национальная либо конфессиональная многокомпонентность иорданского общества в документе не упоминается. Напротив, явно прослеживается тема равенства всех членов нации перед законом, предоставления каждому иорданцу одинаковых возможностей, вне зависимости от половой принадлежности или социального статуса, места его проживания в рамках государства [5, р. 57, 60, 64]. Тем самым можно сделать вывод о том, что для властей Королевства иорданцем является законопослушный гражданин, действия которого приносят пользу государству и содействуют его стабильности и прогрессивному развитию. В свою очередь такой подход, несомненно, направлен на сглаживание различий и предотвращение конфликтов, которые могут иметь место на основе конфессиональной или национальной принадлежности, и формирование патриотического сознания у населения, чувства национального единства, что является залогом внутривластной стабильности.

Представляется, что процесс складывания национальной иорданской идентичности еще не завершен и на формирование единого для всех граждан Королевства самоопределения понадобится еще не менее полувека. Поскольку

на данный момент в иорданском обществе общепринята апелляция к теме происхождения, которая накладывает отпечаток на общественные, политические и экономические взаимоотношения. Например, при наличии вакантной должности, руководство в первую очередь постарается занять ее «своим» - человеком, принадлежащим к некоей этнической группе, клану или племени [2, с. 5–6]. Иным мышлением будет обладать поколение людей, родившихся на данной территории в условиях определенного государственного устройства и общественных институтов. При этом сложно представить такое будущее без урегулирования палестинской проблемы и сирийского кризиса, неизменно подпитывающих как национальные чувства палестинцев и сирийцев, оказавшихся за пределами исконных мест проживания, так и политические коллизии на региональном пространстве. Таким образом, необходимым условием формирования национальной иорданской идентичности является стабильное прогрессивное функционирование государственной системы и продолжение властями страны политики «вписывания» всех жителей Королевства в понятие «гражданин», не пролагая различия между ними по этно-конфессиональному признаку. Успешным итогом такой работы станет формирование общества, в котором каждый его представитель, сохраняя историческую память, религию и культуру предков, ощущает себя в первую очередь иорданцем.

Список литературы:

1. Аганин А.Р., Соловьева З.А. Современная Иордания. М.: Асти-издат, 2003. 426 с.
2. Аганин А.Р. Племена и кланы Иорданского Хашимитского Королевства. М., 2003. 240 с.
3. Информационный портал Агентства ООН по делам беженцев. - URL: <https://www.unhcr.org/refugee-statistics/download/?url=a05HIJ> (дата обращения: 25.10.2021).
4. Ланда Р.Г. История Иордании. XX век. М.: ИВ РАН, 2016. 248 с.
5. Jordan 2025. A National Vision and Strategy. - URL: <http://jordanembassyus.org/sites/default/files/jo2025part1.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

**ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА – «МЯГКАЯ СИЛА»
В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ КЫРГЫЗСТАНА
(НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРСУ)**

Данильченко Г. Д.

*Доктор исторических наук, профессор
Кыргызско-Российского Славянского университета
(Кыргызская Республика, г.Бишкек)*

E-mail: danilchenko_g@mail.ru

Аннотация: Автор рассматривает политику «мягкой силы» как возможность использования важных инструментов продвижения русского языка в Кыргызстане. Раскрывая важность продвижения русского языка как проблемы политической, автор показывает, насколько необходима эта деятельность для страны, обращаясь к материалам политических дискуссий. Анализ деятельности КРСУ по продвижению использует такие инструменты, как реклама, PR (пиар), использование бренда, сувенирной продукции и т.д. Автор приходит к выводу о том, что деятельность вуза – это достойный пример использования Россией «мягкой силы» в образовательно-культурном пространстве СНГ.

Ключевые слова: «мягкая сила»; продвижение; русский язык; Россия; культурно-образовательное пространство Кыргызстана.

**PROMOTION OF THE RUSSIAN LANGUAGE IS «SOFT POWER»
IN THE LANGUAGE POLICY OF KYRGYZSTAN (ON THE EXAMPLE
OF THE ACTIVITIES OF KRSU)**

Danilchenko G. D.

*Doctor of history
Kyrgyz-Russian Slavic University, Professor
E-mail: danilchenko_g@mail.ru*

Abstract: The author considers the policy of «soft power» as one of the important tools for promoting the Russian language in Kyrgyzstan. Revealing the importance of promoting the Russian language as a political problem, the author shows how important this problem is for the country, referring to the materials of political discussions. Analysis of the activities of the KRSU for promotion uses such tools as advertising, PR, brand use, souvenirs, etc. The author comes to the conclusion that the activity of the university is a worthy example of the use of «soft power» by Russia in the educational and cultural space of the CIS.

Key words: «soft power», promotion, Russian language, Russia, educational and cultural space of Kyrgyzstan.

Проблема сохранения, функционирования и продвижения русского языка на постсоветском пространстве приобретает особую остроту в

сегодняшнем мире. С одной стороны – русский язык теряет свои позиции (Украина, страны Балтии, Грузия, более нетерпимой по отношению к русскому языку становится и позиция Казахстана), с другой – повышается интерес к русскому языку в ЕС, в Сирии, Китае и других странах мирового сообщества. Особую позицию в этом вопросе занимает Кыргызстан.

На онлайн-конференции, проходившей 23 июня 2021 года, эксперты обсудили присутствие «мягкой» силы в Кыргызстане. В частности, директор Кыргызского национального информационного агентства «Кабар» Кубан Таабалдиев подчеркнул, что Кыргызстан «выделяется среди государств региона, так как сюда пытаются внедриться многие политические силы, которые хотят, чтобы республика следовала определенному курсу» [1]. Отметим, что проблема продвижения русского языка в мире, в первую очередь, проблема политическая. А для распространения русского языка в мире необходимо вести большую коммуникативную деятельность, включающую различные мероприятия, способствующие развитию русского языка в регионе и расширению сферы его влияния. «“Мягкая сила” подразумевает влияние и на другие области – культуру, религию, средства массовой информации. Все эти инструменты направлены на формирование позитивного имиджа и продвижение геополитических интересов. Кыргызстан в этом отношении является перекрестком: здесь пересекаются интересы крупных геополитических игроков» [1], – заявил эксперт по вопросам безопасности Таалайбек Джумадылов. По словам политолога Игоря Шестакова, «республика остается объектом для применения “мягкой силы”: кто-то помогает, кто-то “ставит эксперименты”, кто-то пытается показать свои геополитические амбиции» [1].

Кыргызстан – страна полиэтничная. Языковой вопрос стоит очень остро. Все народы, живущие в Кыргызстане, для межнационального общения выбирают русский язык. Политические власти Кыргызстана при определении кыргызского языка как государственного включили в Конституцию и пункт, связанный с русским языком, объявив его официальным языком. Многие иностранные граждане, желающие выучить русский язык, едут в Кыргызстан, где овладевают языком на высоком уровне. Стоит заметить, что обучают иностранцев русскому языку получившие образование в Кыргызстане преподаватели разных национальностей: русские, кыргызы, украинцы, татары, дунгане и др. Все это служит доказательством как востребованности русского языка в повседневной культуре, так и довольно успешному его продвижению во всех сферах общественной жизни.

Большую роль в продвижении русского языка и русской культуры в целом играет Представительство Россотрудничества – организация, деятельность которой направлена на сохранение гуманитарного сотрудничества. Эта структура активно реализует концепцию «мягкой силы» в странах СНГ, проводит и в Кыргызстане большую и целенаправленную работу по сохранению русского языка.

При участии Представительства Россотрудничества специалисты Государственного института русского языка имени А. С. Пушкина ((Институт

Пушкина, Москва) проводят курсы повышения квалификации для преподавателей русского языка в школах Кыргызстана, а также круглые столы по проблемам преподавания русского языка в иноязычной аудитории. Безусловно, это взаимодействие Кыргызско-Российского Славянского университета с другими структурами, имеющими отношение к продвижению русского языка, очень ценно для Кыргызстана. Благодаря сотрудничеству с Институтом Пушкина КРСУ присоединился к международной сети по изучению русского языка. Ректор Кыргызского национального университета К. Ж. Садыков высказался в защиту русского языка и подчеркнул, что важнейшей миссией КРСУ является преподавание на русском. Декан филологического факультета Института Пушкина Андрей Щербаков подчеркнул, что КРСУ присоединился к большой, разветвленной сети – содружеству образовательных организаций, где изучается русский язык и науки на нем. В сеть входят учреждения из стран ближнего и дальнего зарубежья [2].

Образовательная система Кыргызстана поликультурна: в стране открыты американские, турецкие, кувейтские, китайские и др. образовательные учреждения. Россия на сегодняшний день лидирует в образовательном пространстве Кыргызстана. В каждом регионе имеются школы с русским языком обучения, где работают российские учителя, приехавшие из разных областей России. Но со стороны исламских государств идет явная экспансия образовательных ценностей этих стран.

В этом смысле трудно переоценить роль Кыргызско-Российского Славянского университета, несущего в образовательное пространство Кыргызстана российские ценности и продвигающего русский язык не только на территории Кыргызстана, но и в другие страны региона посредством курсов, на которых обучаются граждане Турции, Пакистана, Индии, Таджикистана, Узбекистана, Туркменистана, а также европейских государств. Кыргызско-Российский Славянский университет открыт в 1993 г. в г. Бишкеке, столице Кыргызской Республики. Это был один из первых университетов, открытых на территории постсоветского пространства теперь уже независимого Кыргызстана, главной функцией которого было осуществление образовательной деятельности на русском языке, сохранение российских ценностей на территории Кыргызстана.

КРСУ служит *рекламой* продвижения российской политики в странах Центральной Азии, так как университет двойного подчинения работает под двумя флагами – российским и кыргызским, в его логотипе отразились символы России и Кыргызстана. Для позиционирования себя на образовательном рынке Кыргызстана университет создает рекламные материалы: рекламные объявления на радио, телевидении, в СМИ, Интернете, вывески, растяжки и др.

Как вуз двойного подчинения КРСУ проводит большую *PR-деятельность*: проводятся Дни России, Пушкинские дни, празднование Нооруза, Декада русского языка и литературы, День независимости Кыргызстана, что позиционирует университет как учебное заведение, равно

относящее себя как к России, так и к Кыргызстану. Университет стал центром русского языка и литературы в Кыргызстане: здесь проводятся курсы повышения квалификации учителей русского языка и литературы, тестирование граждан, желающих выехать на ПМЖ в Россию, организуются олимпиады и конкурсы по русскому языку и литературе, проводятся Дни Славянской культуры и письменности и т. д. Кроме того, университет работает над своим имиджем, постоянно ищет новые акценты в сфере копирайтинга: буклеты, проспекты, брошюры, пресс-релизы, дайджесты и другие PR-материалы выпускаются пресс-центром КРСУ для продвижения положительного имиджа университета в нашей стране и за ее пределами. Большая работа проводится в Интернете, где КРСУ, а также каждое его подразделение имеют свой, постоянно обновляющийся сайт.

КРСУ – *это бренд* в сфере высшего образования Кыргызстана. Ян Элвуд считает, что «бренд, подобно флагу, создает осведомленность о товаре и дифференцирует его от товаров конкурентов» [3, с. 23]. Подчеркивается также символическая природа бренда. Бренд «КРСУ» хорошо известен не только в Кыргызстане, но и в Казахстане, России, Туркмении, Узбекистане, а также Китае, Турции, Иране, Иордании. И не последнюю роль в его популярности играет информация о хорошей подготовке студентов в сфере изучения русского языка и литературы. Бренд КРСУ привлекает в образовательное пространство людей, заинтересованных в получении образования на русском языке.

Отметим также *сувенирную и бланочную продукцию КРСУ*, которая дает информацию не только о вузе двойного подчинения, но и о тех образовательных услугах на русском языке, которые осуществляет вуз. Университет имеет свой логотип, к юбилеям были изготовлены фирменные значки, вымпелы, фирменная бумага, что также интегрировало КРСУ в общий образовательный процесс Кыргызстана, где он занимает достойное место.

Важным шагом в деле реализации программы продвижения русского языка явилось решение ученого совета КРСУ от 25 февраля 2020 г. об открытии на базе КРСУ Института русского языка (ИРЯ КРСУ), который из-за сложной эпидемиологической обстановки начал планомерно работать 1 октября 2020 г. Одной из важнейших целей ИРЯ КРСУ является активизация культурно-просветительской деятельности, направленной на сохранение и укрепление позиций русского языка в Кыргызстане как фактора «мягкой силы» российского влияния в Кыргызстане.

Одним из важных инструментов «мягкой силы» в области продвижения русского языка является информационно-аналитический журнал «Русское слово в Кыргызстане», входящий в структуру ИРЯ КРСУ и успешно выполняющий свою миссию по информированию общественности о состоянии и перспективах сохранения и развития русского языка и популяризации русскоязычного образования.

Таким образом, отметив основные направления деятельности КРСУ по продвижению русского языка в регионе, мы с полным правом можем утверждать, что деятельность вуза – это достойный пример использования

Россией «мягкой силы» в культурно-образовательном пространстве стран СНГ.

Список литературы:

1. Эксперты обсудили присутствие «мягкой» силы в Кыргызстане. - URL: <https://kabar.kg/news/eksperty-obsudili-prisutstvie-miagkoi-sily-v-kyrgyzstane/> (дата обращения: 25.08.2021).
2. Сообщение пресс-центра КРСУ от 19 октября 2016 г. - URL: <https://krsu.edu.kg/news/11042021-1245> (дата обращения: 30.08.2021).
3. Элвуд Ян. 100 приемов эффективного брендинга / пер. с англ. СПб.: Питер, 2002. 368 с.

**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО-
КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ
ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И УКРАИНЫ)**

Донцев С. П.

Кандидат политических наук,

Российский государственный гуманитарный университет, доцент

E-mail: dontsev@gmail.com

Аннотация: В статье рассматриваются государственно-конфессиональные отношения на постсоветском пространстве в контексте коммуникации между государственными и религиозными институтами. Анализируются варианты децентрализованной коммуникации (без формирования отдельного института, опосредующего государственно-конфессиональные отношения) и централизованной коммуникации (с формированием такового института). В качестве примера централизованной модели рассматривается Украина и ее институты, обеспечивающие реализацию государственной политики в религиозной сфере. Показана их эволюция и функциональные полномочия. Подчеркивается, что единственным примером децентрализованной модели на постсоветском пространстве является Россия.

Ключевые слова: государственно-конфессиональные отношения, постсоветское пространство, религиозная политика, политические институты, религиозные институты.

**THE INSTITUTIONAL ASPECT OF STATE-RELIGIOUS
RELATIONS IN THE POST-SOVIET SPACE
(ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND UKRAINE)**

Dontsev S.P.

Russian State University for the Humanities

E-mail: dontsev@gmail.com

Abstract: *State-religious relations in the post-Soviet space are considered in the context of communication between state and religious institutions. The variants of decentralized communication (without the formation of a separate institution mediating state-confessional relations) and centralized communication (with the formation of such an institution) are analyzed. Ukraine and its institutions ensuring the implementation of state policy in the religious sphere are considered as an example of a centralized model. Their evolution and functional powers are shown. The only example of a decentralized model in the post-Soviet space is Russia. The key features of this communication model are also given in the theses of the report..*

Key words: *state-religious relations, post-Soviet space, religious policy, political institutions, religious institutions.*

Специфика присутствия религиозных институтов в государствах постсоветского пространства проявляется в создании особой институциональной среды, в рамках которой осуществляется коммуникация между государством и религиозными структурами. Эта среда включает не только государственные институты, взаимодействующие с институтами гражданского общества и нерелигиозными НКО, но и систему специально созданных государственных органов, отвечающих за взаимодействие исключительно с религиозными объединениями.

В России государственно-религиозные отношения стали строиться по децентрализованной модели, в которой отсутствовал единый орган, отвечающий за государственную политику в религиозной сфере. Все же остальные республики вернулись к централизованной модели и, кто раньше, а кто позже, но сформировали у себя специализированный государственный орган, курирующий религиозную сферу и, как правило, входящий в структуру исполнительской власти. В отдельных случаях подобный орган может заниматься одновременно работой с нерелигиозными НКО и иными структурами гражданского общества, а может заниматься и сугубо религиозной проблематикой. Может участвовать в формировании и реализации исключительно религиозной политики, а может заниматься и иными направлениями, как правило, национальной политикой. Статус его также различный: от специализированного отдела в аппарате Правительства до самостоятельного министерства или специально уполномоченной службы. Функции подобного органа могут также широко варьироваться, но в целом они шли в тренде эволюции Советского и республиканских Советов по делам религий, потерявшим к началу 90-х гг. XX века свои контролирующие и распорядительные функции, которые трансформировались преимущественно в надзорные, связанные с контролем за соблюдением законодательства. У государственных органов по делам религий могут как наличествовать функции регистрации религиозных структур (особенно если эти органы входят в структуру министерства юстиции), так и отсутствовать (регистрационная функция в этом случае остается, как правило, за министерством юстиции, а государственный орган по делам религий занимается преимущественно реализацией религиозной политики

государства). Таким образом вариантов формирования специализированного государственного института оказывается довольно многою. И даже в рамках одного государства происходят нередко серьезные изменения. В большинстве государств постсоветского пространства институциональные основания государственно-религиозных отношений так и остаются до конца не сформированными, сами институты находятся в состоянии перманентной трансформации, меняя свое содержание и функции.

Говоря об институциональных основаниях государственно-религиозных отношений следует отметить, что независимо от централизованной или децентрализованной модели в каждом постсоветском государстве имеются также консультативно-совещательные органы, с участием представителей различных конфессий и представителей государства.

Рассмотрим варианты статусов и функциональных полномочий государственного органа по делам религий на примере Украины, так как это один из наиболее сложных случаев организации и эволюции подобного органа. Украина оказалась единственным государством, где республиканский Совет по делам религий не был распущен, а продолжил свою работу, меняя названия, функциональные полномочия, переходя из подчинения одного ведомства в другое, при этом оставаясь в качестве основного института, обеспечивающего реализацию государственной политики в религиозной сфере. Наличие подобного специализированного государственного органа предусмотрено действующим с 1991 г. Законом «О свободе совести и религиозных организациях», в котором перечисляются основные направления его деятельности [1]. Данный орган имел различные названия и варианты ведомственного подчинения. До 1994 г. он существовал в формате Совета по делам религий при Кабинете Министров, затем его полномочия были переданы в новое министерство по делам национальностей, миграции и культов. В 1995 г. вновь был сформирован отдельный орган под названием Государственный комитет Украины по делам религий. После его ликвидации в 2005 г. его функции были переданы Министерству юстиции, в структуре которого был образован Государственный департамент по делам религий. Однако уже в конце 2006 г. вновь был сформирован отдельный орган в формате Государственного комитета по делам национальностей и религий Украины, просуществовавший до конца 2010 г., после чего он был ликвидирован, а его полномочия переданы Департаменту по делам религий и национальностей в составе Министерства культуры Украины. Последние изменения произошли в 2019 г., когда была сформирована Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести, которая функционирует до сегодняшнего дня.

Работа данного органа, как бы он не назывался, всегда осложнялась крайне непростой ситуацией в сфере межконфессиональных противостояний на Украине, участниками которых стали ведущие христианские конфессии страны. Однако в силу этих обстоятельств с самого начала его работы помимо функции регистрации религиозных объединений и мониторинга религиозной сферы, на него также возлагались и посреднические функции по налаживанию

межконфессионального диалога. После же того, как Украинское государство провозгласило курс на создание единой поместной украинской церкви (впервые это отчетливо прозвучало еще во время президентского срока Л. Кравчука), именно центральный государственный орган по делам религии стал одним из главных проводников данной политики. Создание же в 2019 г. Государственной службы Украины по этнополитике и свободе совести, т.е. возвращение к модели отдельного, центрального органа исполнительной власти, с полномочиями в вопросах регулирования религиозной сферы, решало в том числе и политические задачи, среди которых ключевой становилась задача деполитизации службы, создание стабильного экспертного центрального органа исполнительной власти, который занимается бы исключительно реализацией государственной политики, в то время, как профильное министерство возьмет на себя бремя политических решений и их лоббирование [2]. Фактически было провозглашено разделение институтов, формирующих и реализующих политику в сфере религии. Среди полномочий службы выделяются мониторинговая, аналитическая, медиационная и просветительская, а также функции регистрации религиозных объединений и функция, связанная с выдачей разрешения на миссионерскую деятельность иностранных граждан [3]. Политическое значение может проявлять функция медиации, т.е. формирование площадки для диалога между противостоящими друг другу религиозными организациями.

Особым своеобразием обладает Российская децентрализованная модель, которая не предусматривает наличие специализированного органа, регулирующего религиозную сферу. Однако взаимодействие с религиозными организациями осуществляется и президентом, и органами исполнительной и законодательной власти, как на федеральном, так и региональном уровне.

Коммуникация президента с религиозными лидерами в современной России может осуществляться непосредственно, либо с помощью созданного специально для этой цели в 1995 г. Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ [4]. Также в администрации Президента создан специальный отдел по взаимодействию с религиозными объединениями в составе Управления по взаимодействию с политическими партиями, общественными объединениями, фракциями и депутатами палат Федерального Собрания. Специализированным институтом исполнительной власти для взаимодействий с религиозными организациями выступает Комиссия по вопросам религиозных объединений при Правительстве РФ (создана 6 мая 1994 г.) - координационный орган при рассмотрении вопросов, связанных с взаимоотношениями государства и религиозных объединений. Она обеспечивает согласование действий органов исполнительной власти по реализации религиозного законодательства, формирует предложения об оказании содействия религиозными организациями по выполнению общественно значимых культурно-просветительских и социальных программ и др. [5]. В ее состав входят представители федеральных органов исполнительной власти, при этом решения, принятые комиссией, обязательны для ведомств, в ней

представленных. Комиссия не обладает контрольными или распорядительными полномочиями по отношению к религиозным организациям.

Федеральные министерства и ведомства также взаимодействуют с религиозными организациями. На сегодняшний день в большинстве из них созданы подразделения или выделены специальные штатные единицы для взаимодействия с религиозными объединениями. В Государственной Думе работает Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений (ранее Комитет по делам общественных объединений и религиозных организаций). Вопрос о создании отдельного государственного органа, отвечающего за взаимодействие государства и религиозных организации и реализацию религиозной политики, неоднократно поднимался от лица экспертного и академического сообщества, но всегда встречал неприятие со стороны российских религиозных организаций. Децентрализованная модель, в целом, показала свою устойчивость и переход к иному формату в России пока не планируется. В тоже время опыт ряда постсоветских государств (Грузии, Казахстана), эволюционировавших от децентрализованной к централизованной модели, показывает возможность подобных трансформаций в условиях сохранения стабильности государственно-конфессиональных взаимодействий.

Список литературы:

1. Закон України Про свободу совісті та релігійні організації // Відомості Верховної Ради УРСР (ВВР). 1991. № 25. Ст.283. - URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/987-12?lang=ru#Text> (дата обращения 01.11.2021).
2. Очілниця Держагентства з етнополітики та свободи совісті Олена Богдан: «Наш конкурс дуже політизували». - URL: https://lb.ua/society/2020/03/05/451799_ochilnitsya_derzhsluzhbi_z_etnopolitiki.html (дата обращения 01.11.2021).
3. Государственная служба Украины по этнополитике и свободе совести / О службе. - URL: <https://dess.gov.ua/status-and-functions/> (дата обращения 01.11.2021).
4. Совет по взаимодействию с религиозными объединениями / Официальный сайт Президента РФ. URL: www.kremlin.ru/structure/councils#institution-17 (дата обращения 01.11.2021).
5. Постановление Правительства Российской Федерации № 438 от 15 июля 2006 г. «Об утверждении Положения о Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 30. Ст. 3400.

**ПОСЛЕ 1999 ГОДА: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ
ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ И ХУДОЖНИКОВ
В КОСОВО И МЕТОХИИ**

Елезович З.М.

доктор культурологии,

Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич, Сербия,

научный сотрудник

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается борьба за выживание сербского искусства в Косово и Метохии. Подчеркивается, что после 1999 года сербский народ, в том числе сербские художники, были изгнаны из южной сербской провинции. Было уничтожено большое количество произведений искусства сербских художников. Тем не менее сербское искусство сохранилось на территории Косово и Метохии и добилось значительного прогресса в наше время.

Ключевые слова: Косово и Метохия, Сербия, искусство, художники, скульпторы.

**AFTER 1999 - THE STRUGGLE FOR THE SURVIVAL OF FINE
ARTISTS AND ARTS IN KOSOVO AND METOHİJA**

Elezović Z. M.

Doctor of Cultural Sciences

Institute for Serbian culture Prishtina - Leposavic

Research associate

E-mail: zvezdana.el@gmail.com

Abstract: The paper talks about the struggle for the survival of Serbian art in Kosovo and Metohija. After 1999, the Serbian people, including Serbian artists, were expelled from the southern Serbian province. A large number of works of art by Serbian artists were destroyed. Nevertheless, Serbian art took place in the area of Kosovo and Metohija and made significant progress in our time.

Keywords: Kosovo and Metohija, Serbia, art, painters, sculptors.

Сербское изобразительное искусство в Косово и Метохии постигла печальная участь в 1999 году, когда значительная часть произведений искусства пострадала, а большинство художников было изгнано из южной сербской провинции.

Срджан Маркович указывает на то, что изучать развитие факультета искусств в Приштине особенно сложно, поскольку архив этого факультета был уничтожен и бесследно исчез. По словам профессоров университета, были разграблены и мастерские сербских художников. Экстремисты уничтожили картины Петра Джузы, Зорана Йовановича Добротина, Хильмии

Чатовича, значительную часть картин Зорана Фуруновича, картины Зорицы Фурунович [9, с. 2].

Когда речь идет о недавних художественных достижениях академика Светомира Арсич-Басары, то они были созданы в значительной степени в ответ на тяжелую судьбу сербского народа в Косово и Метохии. Необходимость выразить свое отношение к несправедливости, нанесенной его народу и стране, побудила автора реализовать данные скульптурные композиции. Академик Басара отмечает: «Художник не может оставаться равнодушным, он должен реагировать своими средствами и переводить свое эмоциональное содержание в художественные достижения. Свое восстание против несправедливости он должен превратить в произведение искусства, а скульптор именно в скульптуру. Так я, как скульптор, реагирую через скульптуру ей соответствующим механизмом - формой» [2, с. 351].

Басара, как создатель, высказался в критике художественной сцены в южной сербской провинции. Он остался верен своему родному месту, которому сочувствует, и запечатлевает в своих скульптурах события, отмечающие это пространство. Время, оставившее в нем глубокий след и представляющее важный этап в скульптурном опусе - время начала страданий сербского народа в Косово и Метохии. Лучше всего это представлено в скульптуре «Хиросима» 1975 года. Художник никогда не закрывал глаза на страдания своего народа, а сопротивлялся через творчество. Об отражении чувств Басары, об угрозе самобытности сербского народа в их пространстве, проявляемых им через скульптуру, Срджан Маркович написал: «Естественная форма дерева подверглась сильным эмоциональным ударам, которые теперь заменены энергичными ударами долота по его волнистой форме с выразительным, рустикальным, грубым отрезанием частей. Возникла необходимость открыть ядро материи, обнаружить ее полость, населенную тьмой, и поместить в нее исконный человеческий страх перед возможностью вернуться к первым страницам *Книги Бытия*» [8, с. 77-122].

Басара обычно использует символы из национальной истории и православной религии в качестве образца для своих скульптур, что нечасто встречается в современном сербском искусстве. Об этой характеристике своего творчества художник говорит: «подход к национальным элементам сопряжен с большими рисками, и поэтому его избегают, поскольку всегда легче иметь дело с чистым эстетизмом, в основном присутствующим на нашей художественной сцене. Подойти к национальным темам сможет только человек, обладающий большой духовной силой, которая не даст пренебречь формой. Потому что скульптура может выжить и жить, только в том случае, если она несет в себе скульптурные качества» [7, с. 27].

Работы Басары нагляднее раскрывают внутренний мир художника. Он выражен универсальными символами и ценностями, что является следствием искренности художника, которая проявляется прежде всего в создании великих произведений искусства. Когда, своей интерпретацией он отвечает на тяжкое преступление, жертвой которого является его народ, Басара полностью выполняет все требования, предоставляя нам через свои произведения все

качества художественного выражения. Академик Басара о проблеме обработки материала говорит: «Чтобы найти соответствующую художественную реакцию, сделать ее более конкретной, мне пришлось искать подходящий материал и подходящие средства выражения. Не каждый материал подходит для выражения художником желаемого, в ангажированном смысле. Потребовалось время, чтобы переключиться с моих прежних выразительных материалов и форм на металл как основное средство работы. Недостаточно просто сказать - металл нужно было поставить на службу выразительности и соответствующим образом квалифицировать. В качестве материала ему пришлось пережить своего рода трансмиссию от обычного металла к художественному средству выражения, и этот процесс продолжается. Он самый главный, потому что легко решиться на какую-то вовлеченность, но она должна выражаться в художественных содержаниях. Необходимо довести его до совершенства художественным выражением, чтобы оно было не обычной массой, а чем-то, выражающим наше отношение и позицию, которую и наблюдатель может почувствовать» [2, с. 354].

Каждый материал подлежит обработке, если художник соблюдает его элементарные законы. В этом проявлении художник надлежащим образом выразил свое намерение и превратил материал в произведение искусства. Фигуры в его композиции излучают страх как ключевое чувство, напоминающее нам о подобных формах в некоторых других произведениях искусства. Один из таких примеров переживания страха можно почувствовать при наблюдении за фигурами человека и призрачных животных Джакометти [6, с. 9-22].

После 1999 года Зорица Фурунович продолжала заниматься творчеством и работать профессором на Факультете изобразительных искусств в Косовской Митровице. В Нови-Пазаре она выставила серию работ в 2009 году, картины и рисунки, которые она назвала «Прозаическими». Это, по словам художницы, «работы на акриле, бумаге и работы в комбинированной технике» [12].

Новое выражение Зорицы Фурунович основано на нескольких плоскостях, которые открываются во время углубленного исследования картин. На поверхностной плоскости, через которую устанавливается первая связь с картиной, наблюдатель встречает множество световых и хроматических пульсаций. Когда вспышка первого света раскрывается и когда хроматические выражения осваиваются, лица, события и воспоминания возникают из основы картины.

Есть фрагменты снов, воспоминаний и предчувствий, которые сталкиваются с тревожными фрагментами жизни; фрагментами загадочных и беспокойных аспектов мира и жизни, переступающих в некоторой степени порог живописи и приближающихся к откровению «пустоты», в которой можно различить отголоски прошлого, но также и призыв путешествовать за пределы времени жестокости [12].

О фотографиях, которые также были выставлены в Нови-Пазаре, автор говорит: «Моей целью было как-то затронуть душу зрителя, как это бывает

при чтении романа или прослушивании музыки». Критики положительно отзываются о ее творчестве. Они отмечают, что наблюдатель должен смотреть внимательно и мудро, чтобы сквозь ее картины увидеть лицо и душу автора [13].

Еще один художник, уроженец Косово и Метохии, зарекомендовал себя на нашей художественной сцене. Речь идет о Небойше Йочице, который родился в Ранилуге и преподает на Факультете искусств в Звечане [6]. Из своих различных произведений он наиболее известен своими мозаиками, но также создает не менее ценные картины и рисунки. Мозаику он создает из мрамора, гранита и песчаника. «Я выбрал натуральные материалы, стараясь использовать как можно меньше материала. Существует тенденция к минимализму, состоящая во взаимосвязи двух сходных материалов на мозаиках, и к тому же, доминирование в центре рисунка как одного художественного элемента, который, на мой взгляд, необходим для всех живописных техник», - объясняет художник [13].

В 2011 году Йочиц организовал выставку в Белградской крепости. Выставка состояла из двух частей - рисунков и мозаик. Рисунки следует рассматривать как визуальную систему, в которой присутствуют различные художественные ценности и элементы формы. Использованием различных материалов (карандаш, пастель, темпера и т. д.) была достигнута высокая степень структурного богатства. Вторая часть выставки состоит из мозаик, представивших Йочица как автохтонную, самостоятельную художественную фигуру. Это организованные целостности, отражающие знания автора. Своей умелой техникой исполнения они полностью передали авторский замысел [13].

Значительным циклом произведений Небойши Йочица являются его «Мультиформы». Это более новый цикл, созданный в 2007/2008 гг., который представляет собой подлинную и тонкую сцену материализованных форм. Картины большого формата (120x100 см; 100x80 см) следуют своему внутреннему «верованию», которое отображается уменьшенными средствами в тщательно контролируемом пространстве. Отличительной чертой его работ является доведенная до совершенства точность. Этому способствовало разделение тем на элементы, скрупулезная детализация, в результате чего упускается все лишнее. Такой подход к живописи предполагает взгляд на параллельную вселенную и внутреннюю сущность, читаемую на поверхности холста [14]. Исследовательская направленность Йочица предполагает использование материализации в сочетании традиционных техник и особых экспериментов с добавлением песка, проволоки и мелких предметов [1, с. 4].

Художественная и выставочная жизнь Небойши Йочица длится более двадцати лет, начиная с 1993 года. Он прошел путь от факультета искусств в Приштине, аспирантуры в Белграде до профессуры в Звечане. Он выбрал абстрактное выражение, которое постепенно развивал, не останавливаясь на более крупных опусах и фазах. Йочиц без опасения экспериментировал с разными техниками и материалами, выбирая из них те, которые наиболее точно выражают отношение этого художника к живописности, динамике и

сложности фактуры. Совершенно смело, но суверенно он входит в возможность принятия на холст различных материалов, которые не вызывают в воображении определенные объекты, но придают им более глубокое и универсальное содержание. Он строит картину слоями и выстраивает поверхности разных фактур, чего он умело достигает благодаря выразительно найденным и независимым отношениям выражения в изобразительном искусстве [3, 4].

Йоичич творит и в церковной среде. Среди его наиболее значительных работ - мозаики в церкви на Кипре, а также мозаики в его родном Косово. Общим элементом этих работ является неоднозначность выражения, которая отражается как в процессе работы, так и в понимании окружающего мира. Кроме того, Йоичич здесь направляется к сущностному изображению, которым управляет диффузный свет, тональная основа цвета и суверенная материя. В своих предыдущих произведениях автор творит в ключе монохромной живописи. Последние произведения выполнены по иному приему - более широким включением различных природных материалов (песок, дерево, камень), таким образом художник входит в область постмодернизма. Все эти элементы помещены в уменьшенную геометрическую структуру, источающую духовные и психологические моменты. Установление окончательного происхождения подчеркивается фрагментарным рисунком, иногда линия разделяет поверхности, или это рисунок, спровоцированный на слоистом фоне и стыке пигмента и энкаустики. Создаются поверхности нежных тонов, лазурного просветления и тонкой артикуляции. В некоторых местах сохраняется глубокий след рисунка или рисунок лишь слегка намекает на форму. Рисунок и цвет пересекаются в разных ритмах. Геометрия мозаики пронизывает поверхность краски и создает прочную форму двух веществ. Их объединяет приглушенный цвет, гармонирующий с другими строительными элементами, все более упускающий предметный и ассоциативный контекст изображения. Он постепенно исчезает перед нашествием чистой материи. Йоичич интересуется отношением цвета к другому цвету или тону в измененном веществе цвета, фактуры и ритма. Формы, обозначенные на рисунке (квадраты, треугольники, линии и лезвия, зазубренные острые кончики), умножаются и ограничиваются на больших поверхностях. Устранением мыслей, чувственных эмоций, полным погружением в произведение, выраженное гармонией материи, цветовыми отношениями и внутренним состоянием художника, и произведение, и автор достигают внутренней тишины через творческий процесс [4, 5].

5 октября 2009 года в Галерее Радио КиМ прошла выставка «Искусство жизни», на которой художники из Косово и Метохии, в основном проживающие в южной сербской провинции, представили свои работы. Творчество художников было жестоко прервано в 1999 году с прекращением работы всех институтов, существовавших в Приштине и связанных с этим видом творчества. В столице южной сербской провинции больше не было места для Факультета изобразительных искусств, галерей, мастерских и художников, исчезли и более мелкие культурные центры на всей территории

Косово и Метохии. Самыми важными творцами, которые в основном работали на Факультете, являются: Зоран Йованович Добротин, Зоран Фурунович, Петр Джуза, Хильмия Чатович, Зоран Каралеич, Зоран Славкович Кайзер, Зорица Фурунович, Томислав Трифич, Веселин Райович, Эрвин Чатович, Момир Кнежевич и другие, которые после изгнания в большинстве случаев больше не творят в Косово и Метохии. Эти художники принадлежали к вершине сербской художественной сферы, и что касается Приштины, они были стержнями культурной жизни, а их выставки в *Галерее искусств* и других выставочных площадях представляли элитные культурные события [11, с. 8-9].

Выставки, которые раньше носили представительный характер и проводились в городских галереях, теперь, за исключением крайне редких случаев, проходят в культурных центрах, альтернативных пространствах и даже в частных дворах. Организация обычно сводится к преодолению административных препятствий и общей нехватки материальных ресурсов, а поскольку жизнь свелась к сельской местности, местные власти в большинстве случаев вообще не интересуются никакими культурными мероприятиями. Можно сказать, что конфликт 1999 года и социальный контекст, сформировавшийся за последние десять лет, полностью разрушили художественную жизнь, доступную сербской публике. Однако это не совсем так! На уровне сообществ гетто и отчасти под влиянием Факультета изобразительных искусств и перемещенных художников появляются и умело работают новые имена, создающие свою небольшую аудиторию и даже учеников.

Список литературы:

1. Vajdić Bajić M. Jednaneformalnaumetničkagrupailisrodstvopoapstrakciji // *KatalogUmetnostkojapovezuje* (SremskaMitrovica: GalerijaLazarVozarević, april, 2009.
2. Елезовић З. Скулптуром против (Не)милосрдног анђела, Баштина. 2009. № 26. С. 348-357.
3. Јоцић Н. *Стремљења* // *Часопис за књижевност и уметност*. 2012. №52. С. 147-148.
4. Јоцић Н. Градска галерија „Мостови Балкана“, Крагујевац, 11. септембар 2009 - 06. октобар 2009.
5. Јоцић Н. Каталог изложбе - Културни центар „Лаза Костић,, Сомбор: март, 2009, С. 2-4.
6. *KatalogUmetnostkojapovezuje.SremskaMitrovica: GalerijaLazarVozarević, april, 2009.*
7. Мајхер В. Казивања и искази српских вајара (друга половина 20 и почетак 21 века). Београд: В. Мајхер, 2006.
8. Марковић С. Светомир Арсић Басара или скулптура као судбина. Београд: САНУ, 2004.
9. Марковић С. Факултет уметности у Приштини - Звечану: 1973-2013.: ликовни одсек. К. Митровица: Факултет уметности, 2015.

10. Soavi G. *Dessins de Giacometti*. Roma: Franzamayedizioni, 1980.

11. Ракочевић Ж. *Уметност живота: разговори на Косову и Метохију с почетка 21. века*. Приштина: Српско слово, 2014.

12. <http://www.rtvnp.rs/info/kultura/item/4486-izlozba-slika-zorice-furunovic>.

13. <http://rtvpancevo.rs/Vesti/Kultura/izlozba-skulptura-i-mozaika-u-istorijskom-arhivu.html>.

14.

http://www.butua.com/ustanove/moderna_galerija/08/jocic_milidrag_knezevic_vuc_kovic.htm.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ НА ФОНЕ АФГАНСКОГО КЕЙСА

Жоламан А.Е.

Евразийский национальный университет им. Л.Н.Гумилева,

Докторант по специальности «Политология»,

Институт анализа социально-политических процессов,

руководитель Отдела аналитики,

г. Нур-Султан, Казахстан

E-mail: Askar_001_kz@mail.ru

Анотация: В статье предлагается общий обзор и анализ афганского кейса с целью выявления приоритетных векторов развития международных отношений между сопредельными государствами и новым правительством Афганистана, изучения рисков и угроз для соседних государств, обусловленных вышеуказанным взаимодействием/отсутствием взаимодействия и обозначения потенциальных внешнеполитических трендов. Изучение афганского кейса проводилось посредством сравнительного анализа с сирийским кейсом, анализа информационного пространства сопредельных государств, ретроспективного анализа отношений отдельных субъектов международного пространства с Афганистаном. В ходе исследования установлено, что афганский кейс по своей сути и содержанию выступает в качестве прецедента, развитие которого с высокой долей вероятности определит дальнейший вектор международных отношений, его принципов и идеалов. В частности, в статье обозначены ряд рисков и определены предположительные сценарии развития афганского кейса и международных отношений в целом.

Ключевые слова: Афганский кейс, движение «Талибан», сирийский кейс, легитимация, информационное пространство / поле, субъекты информационного поля, парадигма.

POLITICAL AGENDA OF NEIGHBORING STATES AGAINST THE BACKGROUND OF THE AFGHAN CASE

Zholaman A.E.

*L.N.Gumilyov Eurasian National University,
Doctoral student in the specialty «Political Science»,
Institute of Analysis of Socio-Political Processes,
Head of the Analytics Department,
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: Askar_001_kz@mail.ru*

Abstract: *The article offers a general overview and analysis of the Afghan case in order to identify priority vectors for the development of international relations between neighboring states and the new government of Afghanistan, study the risks and threats to neighboring states due to the above interaction / lack of interaction and identify potential foreign policy trends. The study of the Afghan case carried out through a comparative analysis with the Syrian case, an analysis of the information space of neighboring states, a retrospective analysis of the relations of subjects of the international relations with Afghanistan. The study found that the Afghan case in its essence and content acts as a precedent, which will most likely determine the further vector of international relations, its principles and ideals. In particular, the article identifies a number of risks and identifies hypothetical scenarios for the development of the Afghan case and international relations in general.*

Key words: *Afghan case / Taliban / Syrian case / legitimation / information space / field / subjects of the information field / paradigm*

Анализ экономической обстановки, проведенный группой экспертов в рамках научной работы о «проблемах Афганистана в экономике и внешней торговле» свидетельствует о негативном влиянии захвата власти движением «Талибан» на социально-политическую обстановку в Афганистане [1, с. 126]. Данные обстоятельства отягчают политическую нестабильность в стране и социальную уязвимость населения. Согласно официальным данным, на текущий период население Афганистана составляет порядка 38 млн. граждан, из которых 54,5% населения живут за чертой бедности. В этой связи, не исключается, что обострение социально-политической обстановки с высокой долей вероятности подвигнет к миграции не только граждан, бегущих от режима Талибан, но и социально-уязвимые слои населения, этнические и религиозные меньшинства.

Аналогичная ситуация прослеживалась во время сирийского социально-политического кризиса: гражданская война, оккупация территорий террористическими организациями ИГИЛ, Талибан, Джабхат ан-Нусра и др. (*организации запрещены в РФ*), в ходе которой согласно данным Управления Верховного комиссара ООН по делам беженцев с 2011 года страну покинули порядка 6,7 млн. человек (порядка 30% населения) [2]. В данном контексте, с

учетом схожести социально-экономической, политической обстановки афганского и сирийского кейсов, не исключается исход по меньшей мере 10-12 млн человек, значительная доля которых с высокой вероятностью предпочтет в качестве основного маршрута государства Центральной Азии *(Иран с высокой долей вероятности продолжит придерживать политики закрытых границ из соображений религии и безопасности, Пакистан является зоной высокой концентрации Талибан)*.

В этой связи, представляется целесообразным обратить внимание на наиболее значимые проблемные аспекты, обуславливающие потенциальные риски и угрозы для стран Центральной Азии в случае эскалации социально-политического напряжения и обострения военного положения в Афганистане:

I. *Отсутствие единой концепции приема и распределения беженцев в ЦА.* На сегодняшний день отсутствуют региональные соглашения между странами Центральной Азии, регламентирующие алгоритм и порядок регистрации/подачи заявок о предоставлении убежища беженцам, что с высокой долей вероятности может стать причиной обострения отношений между отдельными субъектами региона. В частности, для приграничных с Афганистаном государств *(Таджикистан, Узбекистан и Туркменистан)* поводом для ухудшения отношений с другими странами региона может послужить отказ последних в принятии афганских беженцев *(релевантные настроения пользователей зафиксированы в информационном пространстве Казахстана, Кыргызстана и России в конце июня)*. В данном контексте, высока вероятность повторения сирийского сценария, в ходе которого значительные потери понесли приграничные государства, и страны, через которые проходил миграционный маршрут беженцев *(Турция, Македония, Греция, Кипр, Болгария и др.)* [3], что в последующем стало причиной геополитического шантажа *(угрозы Р.Эрдогана о роспуске лагерей для беженцев в Турции в случае отсутствия финансовых траншей со стороны ЕС)* [4], *(развитие торговых и военных отношений Турции с геополитическим оппонентом ЕС – Россией)* [5, с. 527].

II. *Ограниченность финансовых возможностей стран ЦА в контексте содержания беженцев.* Современная история стран Центральной Азии не имеет примеров организации масштабных лагерей для беженцев, чему свидетельствует отсутствие государственной программы, политики в данном направлении. Опыт миграционного кризиса в Европе в 2015 г. свидетельствует о важности решения таких вопросов как: наличие бесперебойных источников финансирования лагерей *(перебои/отсутствие в финансировании негативно сказываются на уровне обеспечения мигрантов товарами первой необходимости, и как следствие несут риск радикализации мигрантов)* для поддержания инфраструктуры *(электроэнергии, водоснабжения, связи и др., отсутствие которых способно спровоцировать рост недовольства)* и инклюзивных программ *(школы для детей, языковые курсы, профессиональные курсы и др. отсутствие которых отягчает социализацию потенциальных мигрантов)* [6].

III. *Риск роста межнационального напряжения в отношении афганских беженцев.* В частности, высоки риски неприятия со стороны местного населения афганских беженцев, что обусловлено языковым (*афганцы не являются тюрками и разговаривают на языках пушту и дари*), культурным (*в Афганистане продолжает осуществляться практика самосуда и кровной мести*), религиозным (*народам Афганистана характерна практика консервативного и фундаментального ислама, что может лечь в основу противоречий в связи со светским укладом жизни народов стран ЦА*) [7], ментальными и другими различиями (*среди афганцев распространен «разврат Бача», подразумевающий сексуальное насилие над молодыми парнями*) [8, с.10].

IV. *Размытие конфессиональной палитры в странах Центральной Азии.* В случае предоставления постоянного убежища афганским беженцам (*неоднородным по этническому и религиозному составу*) на территории стран Центральной Азии, следует ожидать инфильтрации фундаментальных исламских течений в местную религиозную практику [7]. Риск радикальной исламизации наиболее высок для стран с неустоявшейся традицией религиозного образования и дефицитом компетентного авторитетного национального религиозного духовенства.

V. *Рост террористических угроз.* По заключению экспертов в сфере религиоведения и конфликтологии, сравнение Талибан с ИГИЛ (*запрещённые в РФ организации*) неправомерно, в силу того что Талибан имеет четкую националистическую составляющую. Однако, не смотря на внутриафганскую направленность Талибан и имеющиеся идеологические разногласия с ИГИЛ, Аль-Каидой, Исламским движением Узбекистана (*ИДУ*), Исламским движением Восточного Туркестана (*ИДТВ*), и другими террористическими организациями (*запрещены в РФ*) пока отсутствуют гарантии, что Талибан будет препятствовать их деятельности, (*согласно данным, использованным в работе Клишиной Е.С., Киселевой А.Ю. «Принятие решений в США после событий 11 сентября 2001 года в действиях армии в Афганистане и внутренней политике» прослеживается вероятность сотрудничества Аль-Каиды и других региональных террористических организаций с движением Талибан (запрещены в РФ)*) [9], в том числе в приграничных с Китаем, Таджикистаном, Туркменией, Узбекистаном регионах [10, с. 484].

VI. *Отсутствие однозначной позиции по Талибану (организация запрещена в РФ).* На текущий период отсутствует внятная официальная позиция как со стороны региональных центров силы (России, Китая, Ирана и Пакистана), так и стран Центральной Азии, а предпринимаемые меры и диалог вносит двойные стандарты в позиционирование по отношению к Талибан (*с одной стороны, данное движение признано экстремистским, с другой, с этой организацией выстраивают диалог руководители внешнеполитических ведомств различных стран*). Вместе с тем, анализ зарубежного информационного пространства свидетельствует о возрастающей актуальности афганского кейса при определении дальнейшего вектора развития международных и внутригосударственных дел в сопредельных

государствах. В частности, аналогичный дискурс в постановке вопроса о перспективах взаимодействия субъектов международного права с движением Талибан (*запрещено в РФ*) прослеживается в работе Нессара М. «Афганский марафон: почему на переговорах в Дохе никто не спешит» [11, с. 102].

1. *КНР*. В контексте укрепления государственной безопасности наиболее сложной дилеммой для власти Китая станет выбор между реализацией экономического проекта «Один пояс - один путь» и статус-кво в отношении религиозных фундаменталистов. В частности, декларируемая готовность Китая вести переговоры с «новым правительством» Афганистана для достижения консенсуса по реализации проекта сухопутного маршрута шелкового пути, способна спровоцировать социальное напряжение в СУАР. В данном контексте, позиция Китая может быть расценена как следование власти двойным стандартам, в виде «диалога с террористами», при полном отсутствии инклюзии в отношении мусульман собственной страны.

2. *Российская Федерация*. Вопрос легитимации внешнеполитического сотрудничества России с движением Талибан (*запрещенного на территории РФ террористического движения*) является ключевым вопросом. С одной стороны, Россия на всех международных площадках декларирует о том, что переговоры с террористами недопустимы, с другой без участия России гуманитарный и продовольственный кризис в Афганистане будет только ухудшаться (*вероятность сотрудничества Афганистана и государств Центральной Азии снижается в случае неучастия России в этих процессах*). В этой связи, возникает дилемма, которая свидетельствует о том, что масштаб гуманитарной и демографической катастрофы в Афганистане напрямую будет зависеть от скорости выработки совместных решений для предупреждения негативных социально-экономических проблем. В частности, данная ситуация подтверждается в ходе анализа научной статьи Сафранчук И.А. «Афганистан в поисках баланса» [12, с. 115].

3. *Узбекистан*. Согласно официальной позиции Ташкента, отраженной в работе Притчина С.А. «Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года», Узбекистан готов строить диалог с политическими силами Афганистана во имя «мира и стабильности» в афганском обществе и на пространстве Центральной Азии [13, с. 783]. В свою очередь, не конкретизируется предельная цена мира и стабильности, обеспечиваемая Талибаном (*запрещенным на территории РФ террористическим движением*), что говорит, как об отсутствии комплементарного понимания о формах и механизмах взаимодействия, так и о политической неадекватности данного шага. В этой связи не исключается, что декларируемая позиция Узбекистана является частью выстраиваемого образа «ключевого суверена Центральной Азии». В данном контексте, одним из первых обозначив позицию страны в контексте афганского кейса, Узбекистан подчеркнул наличие политической воли и полномочий для ведения двусторонних переговоров с новой властью в Афганистане без директив и согласования своих действий с близлежащими державами.

4. *Таджикистан*. Согласно данным Л.А. Шашок, отраженным в научной статье «Анализ перспективы разоружения, демобилизации и реинтеграции фундаментального исламистского движения «Талибан» в Афганистане» следует, что таджики являются одним из наиболее многочисленных этнических меньшинств в Афганистане, по численности сопоставимым с населением всего Таджикистана [14, с. 84]. Более того, таджики, живущие в Таджикистане, зачастую не нуждаются в переводе или субтитрах для потребления информации из афганских ТВ, которая транслируется в том числе на приграничных территориях. Данные факторы обуславливают угрозы:

– *гуманитарного характера (при миграционных процессах, значительная доля этнических таджиков предпочитают бежать на историческую родину);*

– *идеологического характера (через открытое информационное пространство Талибан имеет возможность оказывать влияние на умы таджикистанцев);*

– *межэтнического характера (не исключается, что на фоне провокационных заявлений Душанбе, талибы могут целенаправленно оказывать давление на этнических таджиков внутри Афганистана, поддерживающих позицию исторической родины).*

Таким образом, в свете вышеизложенного прослеживается необходимость предметного изучения афганского кейса как проблематики, исход которой может определить дальнейший вектор внешнеполитических, геополитических и экономических процессов как в регионе, так и в мире целом.

Список литературы:

1. Литвинов Е.А., Савинов Ю.А., Тарановская Е.В., Скурова А.В. Проблемы Афганистана в экономике и внешней торговле // Российский внешнеэкономический вестник. 2021. № 9. С. 125-134.

2. Доклад Агентства ООН по делам беженцев о сирийском кризисе // Официальный сайт Агентства Организации объединенных наций по делам беженцев. - URL: <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html> (дата обращения: 15.03.2021).

3. Доклад Европейского совета о миграционной политике в контексте восточного-средиземноморского маршрута // Официальный сайт Европейского совета. - URL: <https://www.consilium.europa.eu/en/policies/eu-migration-policy/eastern-mediterranean-route/#> (дата обращения: 15.03.2021).

4. Потемкина О. Европейская повестка дня по миграции: итоги выполнения // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН. 2019. №6. С. 80-58.

5. Биринчи Э., Суджу А.Э., Сафранчук И.А. Роль незападных стран в формировании российской великодержавности: примеры Турции и Израиля // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. №3. С. 517-528. doi: 10.22363/2313-0660-2021-21-3-517-528.

6. Доклад Агентства ООН по делам беженцев о миграционном кризисе в Европе 2015 года // Официальный сайт Агентства Организации объединенных наций по делам беженцев. - URL: <https://www.unhcr.org/syria-emergency.html> (дата обращения: 08.08.2021).

7. Доклад о религиозной свободе в Афганистане за 2020 г. // Официальный сайт Государственного Департамента США. - URL: <https://www.state.gov/reports/2020-report-on-international-religious-freedom/afghanistan/> (дата обращения: 08.08.2021).

8. Saramad M., Abid A., Alavi M.J., Waziri B., Babrakzai N., Sultani L. The Causes and Consequences of Bachabazi in Afghanistan (National Inquiry Report) // Afghanistan Independent Human Rights Commission. 2002. С. 1-91.

9. Клишина Е.С., Киселева А.Ю. Принятие решений в США после событий 11 сентября 2001 года в действиях армии в Афганистане и внутренней политике // Научно-образовательный журнал для студентов и преподавателей «StudNet». 2021. №3. - URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prinyatie-resheniy-v-ssha-posle-sobytyi-11-sentyabrya-2001-goda-v-deystviyah-armii-v-afganistane-i-vnutrenney-politike> (дата обращения: 21.10.2021).

10. Булкин В.В., Моисеенко К.С. Терроризм в Центральной Азии (Таджикистан, Узбекистан, Туркменистан) // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 6. С. 479-486.

11. Нессар М. Афганский марафон: почему на переговорах в Дохе никто не спешит // Пути к миру и безопасности. 2021. № 1(60). С. 99–118.

12. Сафранчук И.А. Афганистан в поисках баланса // Россия в глобальной политике. 2012. - URL: <https://globalaffairs.ru/articles/afganistan-v-poiskah-balansa/> (дата обращения: 21.10.2021).

13. Притчин С.А. Трансформация подходов Узбекистана к Афганистану после 2016 года // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2020. Т. 20 №.4781-790. С. 781–789.

14. Шашок Л.А. Анализ перспективы разоружения, демобилизации и реинтеграции фундаментального исламистского движения «Талибан» в Афганистане // Исламоведение. 2020. Т. 11 № 2. С. 78–89.

К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ

Зарипзянова П. С.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
Институт «Таврическая академия», студент
E-mail: toryimi89@mail.ru*

Аннотация: В данной статье рассматриваются особенности модернизационных процессов в России. Осуществлён анализ специфики периодов модернизации. Освещены основные аспекты ключевых точек, которые являются отправными в начальных стадиях преобразований. Рассмотрены различные факторы, которые ускоряли или замедляли

модернизационные процессы. Охарактеризована проблема факторов влияния на процессы модернизации и их результаты.

***Ключевые слова:** модернизация, Россия, прогресс, западные страны, аппарат правления, толчок в развитие.*

TO THE QUESTION OF THE SPECIFICS OF MODERNIZATION IN RUSSIA

Zaripzyanova P. S.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Institute «Taurida Academy», Student

E-mail: toryimi89@mail.ru

***Abstract:** This article examines the modernization processes in Russian historiography. The analysis of the periods of history with the course of their development is carried out. Also, the main aspects have been worked out at key points, which are the starting points in the initial stages of transformations. A detailed excursion into the history of Russia is presented, namely, within the framework of its stages from the initial infection to the decline of the spheres of structures and further transformation into a new, separate state. Various factors that have played on the accelerated or degrading process of state development are considered, however, it is not always possible to compare factors with transformation with coronal changing events, this article will detail information on how factors affect the process of modernization, as well as what it ultimately leads to the end results.*

***Key words:** modernization, history of Russia, progress, western countries, government apparatus, impetus to development, Russia.*

Согласно теории, модернизация – это переход от традиционного общества к современному. Сам процесс модернизации складывается на протяжении многих веков. Россия вошла в этот процесс углубленно в XX веке, но примеры модернизационных процессов встречались и в более ранние периоды. При этом модернизация, как процесс изменений в той или иной стране, часто стремился к воспроизводству одной модели, которая считалась идеалом. Так, для Российского государства в определённые исторические периоды таковой являлась модернизация по «западному образцу». Однако было бы ошибочным утверждать, что «западная модель» модернизации является уникальной и идеальной. Россия на протяжении исторического развития старалась совершенствоваться по всем направлениям. В каждой новой эпохе в стране осуществляются преобразования, чтобы конкурировать с мировыми державами [5, с. 16-82].

В известном смысле истоки модернизационных процессов прослеживаются в период существования Древнерусского государства. Можно выделить ряд основных причин преобразований в данную эпоху. Одна и самая основная причина заключается в хаотичности того периода, так как не

было определённости ни в центре управления, ни в правительстве среди племенных союзов, и они были малыми самостоятельными государствами, у которых не было коммуникации друг с другом. Также одной из причин можно рассматривать неопределённость того времени: быстрый темп роста и развития приводит обычного человека в замешательство, поэтому процесс модернизации общества для него оставался позади, и он просто двигался вперед. Начиная с Древней Руси, процесс модернизации происходил циклически. Можно вспомнить аппарат управления, который был в тот момент, когда еще не пришли варяги на землю Новгородскую. Однако можно заметить, что сам аппарат управления в Древней Руси существовал, но пришедшие варяги скорректировали его и дали толчок для развития в новом государстве. Первыми полноценными правителями, которые внесли свой вклад в развитие Руси, были Рюрик, Олег, Игорь, Святослав, Владимир. Они модернизировали государство таким образом, что последующие князья, опираясь на их опыт и достижения, могли не только действовать по аналогии, но и не совершать тех ошибок, которые они могли бы сделать, не будь у них предшественников. Также следует упомянуть о таком источнике права на Руси, как «Русская Правда». Именно упорядочивание законов способствовало модернизационным процессам с социальным уклоном [1; 5].

Своеобразной «точкой отсчёта» модернизации в России считаются преобразования Петра Великого. При этом и до Петра I также совершались преобразования, которые способствовали активному продвижению в реформаторской деятельности.

Итак, кто же был родоначальником реформ первой четверти XVIII века? Можно сказать, что это были предшественники, которые стремились к улучшению ситуации в стране. Однако не все их действия приводили к тому, что государство становилось образцом для подражания других стран. Здесь можно вспомнить Смутное время, которое поглотило Россию по многим причинам. Можно с уверенностью сказать, что если бы не этот период истории, то Россия могла бы начать процесс активной модернизации раньше. XVIII век вошёл в историю как век просвещения и модернизации, именно с него начинаются отечественные преобразования, которые стали прообразом последующих масштабных реформ.

В XVIII веке можно выделить двух правителей, которые в наибольшей степени преобразовывали страну – это Петр Великий и Екатерина Великая. Однако их политика шла наперекор некоторым канонам и стереотипам, которые устанавливались многие века, а итоги модернизации экономики страны и ее социальной структуры были противоречивыми. Причина состояла в том, что и Петр I, и Екатерина II осуществляли преобразование страны на крепостнических основах. Так, Петр Великий, кардинально изменив промышленную сферу, оставил старые порядки в сельском хозяйстве. Он попытался приспособить к новым потребностям социальные отношения, но создал стройную иерархию зависимых от трона сословий. В результате мечты Петра I о государстве «общего блага» превратились на практике в создание бюрократического государства. Потерпел поражение и рывок в

преобразовании крепостнической структуры, предпринятый Екатериной Великой. XVIII столетие стало веком утверждения абсолютной монархии, укрепления привилегий дворянства и усиления крепостного гнета. Самодержавие сосредоточило в своих руках неограниченную государственную власть. Важнейшие черты и элементы бюрократического государственного аппарата и абсолютизма в России в XVIII веке явились основой последующего развития русского самодержавия [3].

Преобразования XVIII века стали «толчком» для модернизации в последующем. При этом необходимость изменений в России стала осознавать не только часть представителей дворянства, а и люди, жившие в государстве, стали бороться за право «оставаться людьми». Одним из событий, подтолкнувших к решительным действиям, была Отечественная война 1812 года, в сражениях которой столкнулись две империи: одна – с доминированием крепостного права (Россия), другая – диаметрально противоположно относилась к предоставлению прав и свобод человека и гражданина (Франция).

Рост настроений в пользу коренных перемен находит поддержку и в правительственных кругах, где в 1817–1819 гг. в условиях секретности ведется работа над планом ликвидации крепостного права. В основе упомянутого документа лежала идея продажи государству помещичьих имений, возможность помещикам избавиться от долгов и стимулировать их к переводу своих хозяйств на рациональную основу: использование наемных рабочих, сдача земли и т.п. Сама необходимость реформ в сознании части аристократии начинает возникать достаточно рано. Так, начиная с Павла I, возникает идея о реорганизации крестьянской жизни [5]. Николай I слишком опасался гневных критиков приверженцев крепостничества и участи своего отца Павла I. Однако с приходом к власти Александра II поменялась стратегия и мышление, многим дворянам стало не выгодно держать у себя крепостных крестьян.

Основной особенностью процесса модернизации конца XIX – начала XX века считается вмешательство государства в экономику. Это предполагало введение золотого запаса рубля и его незатруднительную конвертируемость. Многие экономисты утверждают, что постреформенное время до 1914 года было периодом устойчивого экономического роста Российской империи. Так, в начале XX века происходит скачок в промышленном производстве: развиваются новые предприятия, улучшаются условия труда и т.п. Тем не менее, отмеченные преобразования привели Российскую империю к революционным событиям первой четверти XX века.

Процесс форсированной модернизации в XX веке можно считать одним из самых сложных этапов отечественной истории. Здесь сыграли роль такие факторы, как революции, переход к новой экономической системе и системе государственного устройства. Предполагался переход в кратчайшие сроки к более высокому уровню развития – оформлению индустриального общества, что требовало, по мнению руководства СССР, концентрации всех усилий страны на создании тяжелой индустрии. Мощный индустриальный потенциал

должен был обеспечить реорганизацию всех отраслей экономики, преобразование социальной структуры общества, что привело бы к построению социализма. Характеризуя общую картину первой половины XX века, можно сказать, что процесс модернизации прошел неоднозначно. Не смотря на ряд неоспоримых эффектов, форсированный индустриальный рывок был достигнут ценой величайшего перенапряжения сил и привел не только к деформации в экономике, а и практически принес в жертву социальный организм.

Конечно, Советский Союз старался идти по своему пути развития, однако, политико-идеологические, экономические и иные особенности организации системы, в конечном счёте обусловили крах реализации советского проекта. Был взят курс на вхождение в западноцентричную мир-систему. Модернизацию конца XX – начала XXI века можно рассматривать как единообразный процесс, когда страна пыталась угнаться за западными странами. С появлением современной России как самостоятельного государства происходит трансформация общественных взглядов на происходящее. И в настоящее время наблюдается модернизация сознания людей, которые с течением времени адаптируются к быстро изменяющемуся миру [4].

Если подытожить, то можно сказать, что процесс модернизации в отечественной истории повторялся циклически [2; 5] и был направлен не только на преобразования в техническом плане развития, но также на общественное сознание, которое изменялось на протяжении циклов модернизации.

Список литературы:

1. Рогачев А. Г. Создание древнерусского государства и его модернизация в IX–XIII веках // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2015. № 2. С. 153-162.
2. Дунаева Ю. В. Модернизация в России: основные теоретические подходы (обзор литературы) // Политическая наука. 2003. № 2. С. 188-209.
3. Андреева Т. В. Власть и реформы в России в первой половине XIX в.: историография конца XX – начала XXI в // Петербургский исторический журнал. 2014. №2. С. 202-238.
4. Тютюкин С. В. Проблемы модернизации России в XIX – начале XX столетия. (Материалы к курсу) // XX век и Россия: общество, реформы, революции. 2016. Вып. 4. С. 121-189.
5. Гавров С. Н. Модернизация России: постимперский транзит. М.: МГУДТ, 2010. 269 с.

ВИЗИТ КОРОЛЯ ПЕТРА I КАРАГЕОРГИЕВИЧА В РОССИЮ В 1910 ГОДУ

Заркович С. Весна

*Доктор исторических наук,
Институт сербской культуры Приштина-Лепосавич, Сербия,
старший научный сотрудник
E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com*

Аннотация: В статье рассматривается значение визита короля Петра I Карагеоргиевича в Россию в 1910 году. Этот визит был первым после вступления на престол и свидетельствует о решимости короля, а также правительства в Белграде, связать во внешней политике Сербию с Россией. Дипломаты Королевства Сербия обращались к российской стороне с многочисленными просьбами принять визит короля в Санкт-Петербурге. Благодаря их усилиям российский царь откликнулся положительно, и в марте 1910 года был назначен визит. Решение русского царя Николая II принять сербского короля было с воодушевлением встречено в Сербии, но не в некоторых европейских столицах. В Вене к этому событию отнеслись не просто с особым вниманием, а, скорее, с подозрением. Учитывая, что болгарский правитель посетил Россию до короля Петра I, Австро-Венгрия опасалась сближения славянских стран.

Ключевые слова: Королевство Сербия, Россия, король Петр I Карагеоргиевич, российский царь Николай II, история сербско-российских отношений.

THE VISIT OF THE KING PETAR I KARADJORDJEVIĆ TO RUSSIA IN 1910

Zarković S. Vesna

*PHD of Historic Sciences,
The Institute of Serbian Culture Prishtina/Leposavić Serbia
Senior Research Associate
E-mail: vesna.zarkovic07@gmail.com*

Abstract: This paper is speaking about the importance of the visit of the king Petar I Karadjordjević to Russia in 1910. This visit was the first after his arrival on the throne and it indicated to the commitment of the king, and Government in Belgrade, that Serbia in his foreign policy would be connected to Russia. Diplomats of the Kingdom of Serbia were referring to Russian part to accept the king's visit to Petersburg. Thanks to their engagement, Russian tsar replied positively and the visit was scheduled in March 1910. The decision of the Russian tsar Nikolay II to Receive Serbian king was enthusiastically accepted in Serbia, but not in some European capitals. This event was viewed in Vienna with special attention, and suspicion as well. Bearing in mind the fact Bulgarian Crown prince had visited

Russia before the king Petar I Karadjordjević, Austria-Hungary, feared the rapprochement of Slavic peoples.

Key words: *The Kingdom of Serbia, Russia, the king Petar I Karadjordjević, Russian tsar Nikolay II, the history of Serbian-Russian relations.*

Король Петр I Карагеоргиевич (1844–1921) был сыном князя Александра и княжны Персиды. Он закончил начальную и среднюю школу в Белграде и продолжил образование в Женеве и Париже. Он принимал участие на стороне французов во Франко-прусской войне, а также под псевдонимом «Петар Мрконић» проявил себя в качестве добровольца в восстании против Османской империи в Герцеговине в 1875 году. После убийства короля Александра Обреновича в 1903 году он был избран королем Сербии [1, с. 41, 44].

После смены династий в Королевстве Сербия и того, как был свергнут король Александр Обренович, страна оставалась изолированной. Международная общественность негативно отреагировала на офицерский переворот, и некоторые страны ввели санкции против Сербии [2, с. 22]. Последовал кризис, который привел к разрыву отношений с Великобританией. Интересы, волновавшие британцев, касались вопроса заговора, влияния убийц на нового короля, династических вопросов, условий возобновления дипломатических отношений и внутривнутриполитической ситуации в стране [3, с. 234]. Дипломатические отношения с Великобританией были установлены через три года после издания королевского указа. Согласно указу от 1906 года, основные заговорщики были уволены на пенсию и удалены из общественной жизни и сербской политической сцены. Новым посланником в Белграде был назначен Джеймс Битом Уайтхед, советник посольства Великобритании в Берлине [3, с. 260–261]. Позже Англия и Франция проявили меньший интерес к событиям на Балканах. Такое отношение устраивало Австро-Венгрию, а также и тот факт, что Россия была занята войной с Японией. После кризиса на Дальнем Востоке заинтересованность России возросла, а Сербия, опасаясь австро-венгерских устремлений, сосредоточилась на более тесном сближении не только с Россией, но и с Болгарией [4, с. 17].

С приходом к власти Петра I Карагеоргиевич возникло желание, но также и необходимость Королевства Сербия установить более тесные связи с Россией. Поэтому ее правительство много раз пыталось привлечь придворных в Санкт-Петербурге и принять нового сербского короля. Все усилия сербской стороны не принесли результатов, так как многие вопросы остались нерешенными.

В первую очередь, навязывался так называемый вопрос о заговоре, а не организация визита во многом зависела от оборонительной российской политики того времени на Балканах и также от желания договориться о возникших проблемах с Австро-Венгерской империей.

Еще во время кризиса, связанного с заговором, Королевство Сербия пыталось расположить к себе Россию и оказывать влияние на принятие решения о визите короля Петра I Карагеоргиевича. Дипломаты Сербии и даже

сам король считали, что поездка будет иметь большое значение, особенно после посещения России князьями Болгарии и Черногории. Поэтому весной 1905 года правительство Королевства Сербия направило такое предложение, но оно не было принято. Такой исход повлиял на встречу сербских дипломатов по инициативе Йована Жуйовича. На собрании был определен внешнеполитический курс, а также было решено создать лучшие условия для поездки короля, в частности дожидаться подписания мирного договора на Дальнем Востоке. Хотя к тому времени вопрос о заговоре был решен, визит короля не был организован в ближайшие три года. Однако это не уменьшило интерес России к событиям в Европе [5, с. 444].

Ситуация в Сербии еще более осложнилась аннексией Боснии и Герцеговины, которая потребовала более активного посредничества России в межгосударственных отношениях на Балканах. В таких обстоятельствах только Россия представляла собой противовес Австро-Венгрии и ее дальнейшему проникновению на восток [6, с. 183]. Аннексия Боснии и Герцеговины положила конец сотрудничеству между Россией и Австро-Венгрией, и было очевидно, что Россия поддержит сближение балканских стран [7, с. 102]. После кризиса аннексии, отношения между двумя противоборствующими сторонами осложнились, и стало ясно, что какое-то время не могло быть и речи о более тесном сотрудничестве между Россией и Австро-Венгрией [8, с. 342]. Учитывая такие обстоятельства, в дипломатических кругах Королевства Сербия более интенсивно задумывались о встрече короля и русского царя.

Визит Петра I Карагеоргиевича в Россию имел большое значение не только для короля, но и для государства. За все семь лет пребывания у власти король Петр I не посетил Россию с официальным визитом, так что это был его первый визит. Он был направлен на четкое определение внешней политики Сербии, которая продолжала поддерживать дружбу с Россией и ее народом [9, с. 3 (18/31 март 1910 г)].

Много лет до этого в Сербии рассматривался вопрос визита короля Петра I к русскому царю, но в России не было заинтересованности в реализации этой идеи. Посольство Королевства Сербия и его посланник Димитрий Попович в Санкт-Петербурге располагали информацией о том, что приезд сербского короля не рассматривается в российских кругах [10, с. 191, док. 13]. Министр иностранных дел Королевства Сербия Милован Милованович по собственной инициативе побеседовал с российским послом в Белграде Василием Сергеевым и выразил пожелание осуществить визит короля. Милованович считал, что таким образом улучшится внутренняя ситуация в Сербии и отношения между Сербией и Болгарией. Его мнение разделяли король, правительство, но также и все серьезные политики страны. По словам Миловановича, визит сербского короля повлиял бы и дополнительно побудил Россию проявить больший интерес к Сербии. Поэтому он посоветовал посланнику в Санкт-Петербурге незаметно запустить эту инициативу в официальных российских кругах [10, с. 349, док. 145]. Получив инструкции, посланник Попович телеграммой сообщил

Министерству иностранных дел в Белграде, что царь из-за заранее запланированных поездок летом занят [10, с. 354, док. 148]. По имеющимся данным, российский государь был бы рад визиту короля, поэтому этот вопрос должен был быть поднят после уже запланированных царских путешествий [10, с. 357–358, док. 151]. Министр иностранных дел Милованович считал, что визит был бы более эффективным, если бы он был организован в Санкт-Петербурге, если бы король получил российский полк и, если бы уделили ему такое же внимание, как и другим балканским правителям в торжественных случаях [10, с. 364, док. 156].

Российский царь был настроен на встречу с сербским королем, о чем есть свидетельства сербского посланника в Санкт-Петербурге [10, с. 381, док. 172]. Василий Сергеев обладал такими же сведениями, полученными от своего правительства, но также и от его личных источников, поэтому он заверил Миловановича, что причины визита сербского короля в Россию обоснованы и что он будет реализован [10, с. 404, док. 191]. Позитивное отношение российских дипломатов, а также царя еще больше способствовало актуализации вопроса о визите короля в Министерстве иностранных дел в Белграде. Именно поэтому Милованович встретился с Сергеевым, который взял на себя обязательство продолжать настаивать на положительном решении сербских запросов [10, с. 407, док. 194].

Сербские дипломаты в Белграде и Санкт-Петербурге пытались приехать как можно раньше, но из-за запланированных императором обязательств сделать это было невозможно. Поэтому в разговоре российских дипломатов с посланником Поповичем можно было услышать предложение организовать встречу двух правителей в Крыму. Сербский посланник считал Санкт-Петербург лучшим выбором, а это означало, что нужно подождать еще некоторое время. Решение о месте и дате встречи не могло быть принято министром иностранных дел Александром Петровичем Извольским, потому что окончательное решение зависело от царя [10, с. 416, док. 205].

17 июня 1909 г. посланник Попович сообщил Миловановичу, что Извольский передал Николаю Валерьевичу Чарикову решение царя организовать визит в Санкт-Петербург. Получив это сведение, Попович планировал заняться приготовлениями и организацией как можно более торжественной встречи [10, с. 474, док. 217]. В российском министерстве иностранных дел ничего не имели против того, чтобы местом встречи был назначен Санкт-Петербург, но подчеркивалось, что царь завершит свои обязательства только в середине декабря [10, с. 609–610, док. 311].

По сведениям Поповича, на запланированные поездки царя могло повлиять состояние здоровья императрицы Александры Федоровны. В связи с ухудшением здоровья врачи рекомендовали ей отпуск, и по этой причине королевская чета планировала недельную поездку в Крым [10, с. 738–739, док. 411]. В связи со сложившейся ситуацией министр иностранных дел Извольский считал, что переговоры о визите короля следует отложить до возвращения императора в Санкт-Петербург, то есть до конца года [11, 1042, док. 627].

После нескольких месяцев переговоров между дипломатами двух стран, в начале февраля 1910 года, было принято решение о визите короля в Россию, но точная дата тогда не была названа. 3 марта газета «Самоуправа» опубликовала новость о том, что министр иностранных дел Милованович был проинформирован посланником России в Белграде Николаем Хенриковичем Хартвигом о решении царя Николая II принять с визитом сербского короля. На этот раз о дате тоже не было речи, поэтому Милованович инициировал визит короля в Санкт-Петербург 22 марта 1910 года. Вскоре петербургский посланник Попович проинформировал Министерство иностранных дел, что царь принял предложенную дату [5, с. 445].

До окончательного отъезда осталось почти две недели, и это время потребовалось для определенных приготовлений и четкого определения требований и целей. Перед представителями сербской дипломатии была возложена новая задача - проинформировать великие державы о планируемом визите в Санкт-Петербург. Здесь в первую очередь имелась в виду Австро-Венгрия. Поездка короля имела особое значение для сербской дипломатии, потому что считалось, что Россия может полагаться на Сербию, по сравнению с Болгарией. Такого мнения придерживался и Милованович, который телеграммой сообщил посланнику в Вене Георгию Симичу, что поездка короля в Санкт-Петербург была выражением сербских чувств и признательности царю и русскому народу за их поддержку в создании независимого сербского государства. Кроме того, этот визит являлся первым из запланированных [5, с. 446]. Министр иностранных дел Австро-Венгрии запланированный визит не одобрял, а венские газеты начали публиковать тексты схожего содержания. Согласно их мнению, встреча двух правителей олицетворяла стремление русского царя привлечь на свою сторону балканские страны таким образом, чтобы создать балканский союз. Это приводит нас к выводу, что австро-венгерские круги были расстроены, особенно если учесть тот факт, что до короля Петра I Россию посетил и болгарский король Фердинанд [5, с. 447].

Визит короля Петра I в Санкт-Петербург, как и предыдущих королей Сербии, был выражением чувств сербского народа к России и ее правителю. Одновременно — это благодарность за помощь и жертвы во время создания современного сербского государства. Планировалось, что король в сопровождении Николы Пашича, Милована Миловановича и остальной свиты отправится из Белграда в Санкт-Петербург по кратчайшему пути через Пешт, Одерберг и Варшаву. Также план предусматривал, что после пребывания в России, король посетит Константинополь и султана Мехмеда V, откуда он вернется в Белград через гору Афон, Салоники и Скопье [12, с. 440, док. 170]. Планом предусматривалось, что король пробудет в России восемь дней [13, с. 2, 3 марта 1910 г.]. Вскоре была составлена окончательная программа королевской поездки, согласно которой планировалось отправиться в дорогу 20 марта в 10 часов. В тот же день было запланировано оглашение воззвания, которым король бы сообщил народу, что в его отсутствие его будет представлять наследник престола Александр [13, с. 2, 4 марта 1910 г.]. Весть о

визите короля Петра I Карагеоргиевича вскоре распространилась по европейским дворам, и пресса также писала об этом событии. Среди них на переднем крае была венская пресса, в которой также упоминалось, каким образом сербский король взойшел на престол. По случаю публикаций в венской прессе российская газета «Новое время» опубликовала резкую статью, в которой акцент делался на том, что долгое время так негативно о России писали немного, но такая практика началась после того, как стало известно о визите сербского короля [13, с. 1, 5 марта 1910 г.]. В отличие от венской прессы, которая выражала негативное отношение Австро-Венгрии к сближению славянских народов, сербская пресса придавала этому визиту большое значение. Белградская газета «Политика» утверждала, что это путешествие не провоцирующее, это всего лишь путь того, кому бросают вызов; оно не обижает, потому что исходит от обиженных [13, с. 1 (7 марта 1910 г.)]. Для получения как можно более точных новостей в этой газете было назначено лицо, ответственное за рассылку самых обширных телеграфных отчетов [13, с. 2 (7 марта 1910 г.)].

В день отъезда короля Петра I в Белграде царило праздничное настроение, и люди пошли в сторону вокзала, чтобы поприветствовать своего правителя. На перроне выстроилась почетная рота VII пехотного полка «Король Петр I» с флагом и музыкой. На проводах присутствовали члены российского посольства в Белграде, члены дипломатического корпуса, государственные советники, митрополит Димитрий и депутаты. Кроме них, присутствовали и старшие офицеры, члены Генерального штаба, старшие должностные лица, муниципальные советники, руководители и секретари всех министерств. Ровно в 9 часов и 30 минут поезд отправился от вокзала под крики присутствующих: «Счастливого пути, Государь! Да здравствует король Петр! Да здравствует Россия!» [13, с. 2 (8 марта 1910 г.)].

Короля сопровождали в генеральской форме: премьер-министр Никола Пашич, министр иностранных дел Милован Милованович, начальник Министерства иностранных дел Мирослав Спалайкович, секретарь М. Шайнович, первый адъютант, полковник Юришич, управляющий Двором П. Попович, маршал Дж. Остойич, капитан по ордонансу Лукичевич, начальник королевской канцелярии Д. Йанкович, королевский врач доктор Св. Николаевич и несколько гвардейцев. До них в Санкт-Петербург уже прибыл посланник России в Белграде Хартвиг [13, с. 2 (8 марта 1910 г.)].

По пути через Венгрию собирался сербский народ и встречал короля. На границе с Россией его встретил посланник Королевства Сербия в Санкт-Петербурге Димитрий Попович и сербский консул в Варшаве. В роли посланников русского царя, короля встретили генерал-адъютант Максимович, полковник Свечин, адъютант крыла и варшавский генерал-губернатор Скалон. Король, его свита, и царские посланники переместились в императорский поезд и продолжили путь в Санкт-Петербург [13, с. 2 (9 марта 1910 г.)].

Король Петр I Карагеоргиевич прибыл на вокзал Санкт-Петербурга 22 марта, до полудня, откуда продолжил свой путь в Царское Село. Во время пребывания в Санкт-Петербурге ему был предоставлен поезд, состоящий из

двух локомотивов и шестнадцати вагонов. Королевский вагон был в готическом стиле и имел кабинет, спальню и помещение для прислуги. Как только он прибыл в Царское Село (16 часов 45 минут), на вокзале его встретила почетная рота, составленная из гусар Императорской гвардии, с музыкой и хором труб. На левом фланге находились великий князь Николай Николаевич, императорская свита, министр иностранных дел, российский посланник в Белграде Хартвиг, сотрудники посольства Сербии, великие князья Андрей Владимирович, Димитрий Павлович и Константин Константинович со своими сыновьями, воевода Йован Константинович, принцы Александр и Петр Ольденбургские, князь Александр Георгиевич Романовский, герцог Лейхтенбергский, герцог Михаил Георгиевич Мекленбург-Стрелицкий, великий князь Борис Владимирович. Незадолго до прибытия поезда прибыл российский царь, который тепло приветствовал короля Петра I. Два правителя направились в сторону Александровского дворца, где король Петр I сначала приветствовал императрицу Александру Федоровну, а затем направился к Большому дворцу. В Царском Селе был организован обед, на котором присутствовали все великие князья и около 500 российских сановников. Царь Николай произнес тост на русском языке в честь сербского короля и высказал теплое приветствие по случаю его приезда. Тогда он подчеркнул тесную связь двух славянских народов. На сербском языке король Петр I высказал благодарность за теплый прием и подчеркнул важность дружеских связей между Сербией и Россией. Во время ужина российский царь лично вручил царю орден Святого Андрея. Помимо него медали получили: Никола Пашич, Орден Белого Орла с бриллиантами, Милован Милованович, Орден Белого Орла с лентой и Мирослав Спалайкович, Орден Святого Станислава с лентой. После ужина царь Николай и король Петр I подолгу беседовали в королевских покоях [13, с. 2-3 (10 марта 1910 г.)].

На следующий день, 23 марта, король Петр I прибыл из Царского Села в Санкт-Петербург в 11 часов 25 минут. Днем, в 14 часов 30 минут, король и сопровождающие его лица посетили императрицу-мать Марию Федоровну, а затем великих княжон Марию Павловну и Марию Александровну, герцогиню Саксен-Кобург-Готскую, великих князей Михаила, Георгия и Сергея Михайловича и великих княжон Ксению Александровну и Ольгу Александровну. По этому поводу король, в знак почтения, отличил орденом Святого Саввы с бриллиантами российскую императрицу Александру Федоровну и императрицу-мать Марию Федоровну. Кроме этого, награды предназначались и российским министрам, сановникам и придворным. Король также наградил русского генерала Максимовича орденом сербского Белого Орла I степени, а генерала Свечина - орденом Святого Саввы II степени. С другой стороны, царь Николай наградил секретаря короля Йанковича орденом Святого Станислава I степени, первого адъютанта королевского полковника Юришича и секретаря Шайинович - орденом Святого Станислав II степени, майоров Поповича, Остоича и Йосифовича - орденом Святой Анны II степени, капитана Лукачевича - орденом Святого Станислава III степени и

королевского доктора Николаевича - орденом Святой Анны III степени [13, с. 2 (11 марта 1910 г.)].

Вечером того же дня, 23 марта, в посольстве Сербии в Санкт-Петербурге был организован ужин. Состоялась также встреча Пашича, Миловановича и Спалайковича с Извольски [13, с. 2 (11 марта 1910 г.)]. На встречах представителей сербского правительства и Извольского шла речь о том, каким образом можно гарантировать целостность Балканского полуострова [13, с. 1 (12 марта 1910 г.)].

Следующие дни ознаменовались многочисленными визитами и встречами короля Петра, сначала с великими российскими князьями, министром иностранных дел Извольски, российским посланником в Белграде Хартигом, российским посланником в Софии Сементовски, а затем с муниципальной делегацией, которая вручила ему хлеб-соль на дорогой золотой тарелке. Король посетил Церковь Святых Петра и Павла и возложил серебряные венки на могилы Александра II и Александра III. После этого он посетил Храм Воскресения Христова, построенный на месте гибели царя Александра II, затем отправился в монастырь Александра Невского и побеседовал с митрополитом Антонием, который по благословению подарил ему икону Святого Александра Невского, брошюру и альбом с различными изображениями монастыря [13, с. 2 (12 марта 1910 г.)].

Пребывание сербского короля в Санкт-Петербурге не осталось незамеченным в российской прессе. Санкт-Петербургские газеты писали положительные статьи о сербском короле и его стране и подчеркивали успехи Сербии в экономическом и военном планах [13, с. 2 (12 марта 1910 г.)].

Утром 25 марта короля посетил царь Николай в Зимнем дворце. Затем последовала экскурсия по знаменитой и богатой сокровищнице императора Александра II. Короля Петра I поразили царская корона и скипетр, украшенные драгоценнейшими бриллиантами. Тут находился драгоценный бриллиант «Орлов», который, по тогдашним оценкам, стоил два с половиной миллиона рублей. Также король посетил знаменитый музей Эрмитаж. За это время Думу посетили Пашич, Милованович и Спалайкович. Состоялась также встреча Извольского и Миловановича, на которой в первую очередь обсуждались вопросы строительства железной дороги Дунай-Адриатическое море, а также сербско-турецкие отношения. Министр финансов Коковцев подробно представил Пашичу и Миловановичу программу укрепления экономических отношений между Россией и Сербией [13, с. 2 (13 марта 1910 г.)].

Накануне отъезда короля из Санкт-Петербурга в Москву в Царском Селе был устроен праздничный обед. Король поблагодарил царскую семью за теплый прием в Царском Селе и Санкт-Петербурге и выразил желание, чтобы его вскоре посетил наследник престола Александр Карагеоргиевич [13, с. 2 (14 марта 1910 г.)].

Визит короля Петра и сербской делегации имел большой отклик не только в российской, но и в европейской прессе, в которой первенствовали французы. Практически все российские газеты много писали о встрече и

приеме сербского короля. В газете «Новое время» публиковались фотографии короля Петра, Пашича и Миловановича, а в газете «Биржевые ведомости», помимо благоприятной статьи о короле Петре под названием «Гость России», были опубликованы биографии всех членов королевской свиты. Для русской прессы этот визит стал намеком на лучшие дни для всего сербского народа [13, с. 1 (15 марта 1910 г.)]. Статья, опубликованная в газете «Новое время», пошла еще дальше и описала короля Петра I как великого героя, подчеркнув его храбрость во франко-германской войне, в которой он участвовал добровольцем на французской стороне и был награжден крестом почетного легиона за храбрость. Кроме того, подчеркивались и его заслуги в герцеговинском восстании [9, с. 3 (18/31. марта 1910 г.)].

Король Петр I выехал из Санкт-Петербурга в Москву 26 марта в 7 часов вечера. Его сопровождали великие князья Дмитрий Павлович и Николай Николаевич, герцоги Ольденбургские, Лейхтенбергский и Мекленбург-Стрелицкий, министры Столыпин и Извольский, а также многие другие высокопоставленные лица. На следующий день в 9 часов утра он прибыл в Москву с делегацией, где их встретили на вокзале губернатор и командующий Москвой, председатель московской общины и делегация сербской колонии. Оттуда он отправился в Кремлевский дворец, а затем присутствовал на богослужении в Успенском соборе. Он посетил церковь Святого Архангела Михаила и чудотворный монастырь, где находится могила великого князя Сергия Александровича [13, с. 2 (15 марта 1910 г.)].

Короля Петра I восторженно встречали в Москве, равным образом, как и в Санкт-Петербурге. Ему уделялось самое пристальное внимание, и у свиты были самые красивые помещения, украшенные дорогой мебелью, коврами и историческими картинами. В их распоряжении были многочисленные прислуги, а также дворцовая машина для каждого члена [13, с. 2 (15 марта 1910 г.)]. 28 марта во всех церквях Кремля прошел молебен в честь короля Петра I и Сербии, и его приветствовали многочисленные люди на улицах, по которым он проходил. Он выехал из Москвы со своей свитой в Киев [13, с. 2 (16 марта 1910 г.)].

После отъезда сербского короля из Санкт-Петербурга русское правительство выступило с официальным заявлением о важности встречи двух правителей. Было отмечено, что на встречах министры иностранных дел обсудили ряд важных вопросов. Цель заключалась в том, чтобы подчеркнуть хорошие отношения между двумя странами, а также мирную политику Королевства Сербия, которая должна была стать гарантом мира и стабильности на Балканах. Российское правительство поддержало приверженность Сербии проведению мирной политики с Османской империей, Болгарией и другими соседями. В официальном заявлении написано, что визит короля Петра I в Россию внес большой вклад в решение проблем мирным путем [14, с. 624–625].

Визит короля Петра I в Россию имел многозначный характер и не только способствовал подъему репутации сербского государства, но и опроверг утверждения многих европейских политиков, которые постоянно повторяли

истории об изолированности страны. Об этом свидетельствует тот факт, что король и сопровождающая его делегация были встречены с величайшими почестями, а также речь русского царя, публично заявившего, что Россию и Сербию связывают многовековые дружеские отношения [9, п. 3 (18/31 марта 1910 г.)].

Через три месяца после возвращения короля из России в Белграде состоялся Славянский конгресс. Среди участников, ранее побывавших в Софии, были президент московского муниципалитета, депутаты государственной Думы, российский посланник в Вене и многие другие. Гостям было оказано гостеприимство и они были приняты в Королевском дворе. Славянский конгресс, а также другие более поздние мероприятия продемонстрировали желание Королевства Сербия поддержать сближение славянских народов не только в культурном, но и в политическом плане. Это было еще одним подтверждением приоритетной внешней политики Сербии, на которую Австро-Венгрия изначально ничего не заявляла, но без всякого сомнения выковывала новые планы по предотвращению усиления славянства на Балканах [15, с. 28].

Второй официальный визит короля Петра I состоялся в следующем, 1911 году. Поводом для этого визита является венчание дочери короля, принцессы Елены и великого князя Ивана Константиновича Романова. Венчание состоялось 3 сентября, и король воспользовался возможностью, чтобы углубить отношения с Россией, поэтому в тот же день он назначил российского царя командующим сербским 16-ым пехотным полком. Спустя три дня военный министр вынес решение, согласно которому «16 пехотный полк первого призыва народной армии» получил имя «16 пехотный полк царя Николая II». За два дня до венчания российский царь назначил короля Петра начальником российского 14-го Олонцкого полка [2, с. 34–35]. Так появилась надежда, что сближение двух стран и их правителей выведет Сербию из изоляции и позволит ей приблизиться к балканским странам.

Список литературы:

1. Љушић Радош. Карађорђевићи. Београд: Народна књига, 2001. 167 с.
2. Бабац М. Душан. Александар I – витешки краљ. Београд: Evro Book, 2018. 364 с.
3. Растовић Александар. Велика Британија и Србија 1903–1914. Београд: Историјски институт, 2005. 269 с.
4. Радивојевић С. Мирослав. Србија и Русија 1913–1918. Докторска дисертација у рукопису. Београд: Филозофски факултет, 2019. 394с.
5. Живојиновић Р. Драгољуб. Краљ Петар I Карађорђевић у отаџбини 1903–1914. године, књ. II. Београд: Завод за уџбенике, 2009. 530 с.
6. Историја српског народа, књ. VI/1. Београд: Српска књижевна задруга, 1983. 679 с.
7. Павловић К. Стеван. Србија – историја иза имена. Београд: Clío, 2004. 301 с.

8. Ђоровић Владимир. Односи између Србије и Аустро-Угарске у XX веку. Београд: Библиотека града Београда, 1992. 870 с.

9. Српско коло. 1910.

10. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. III, св. 5/I / Приредио Војводић Михаило. Београд: Српска академија наука и уметности, 2014. 765 с.

11. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. III, св. 5/II / Приредио Војводић Михаило. Београд: Српска академија наука и уметности, 2014. 1315 с.

12. Документи о спољној политици Краљевине Србије 1903–1914, књ. IV, св. 1/I / Приредили Алексић-Пејковић Љилана и Џамбазовски Климент. Београд: Српска академија наука и уметности, 2012. 818 с.

13. Политика. 1910.

14. Иностранци. Владарске посете у Петрограду и Цариграду // Српски књижевни гласник, књ. 24, свеска осам / Ур. Јован Скерлић. Београд: Нова Штампарија „Давидовић“, 1910. с. 624–628.

15. Пушкић Жељана. Кнегиња Јелена Карађорђевић. Мастер рад у рукопису. Београд: Филозофски факултет, 2018. 40 с.

К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ИНКЛЮЗИИ В ВУЗОВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Зиновьева В.И.

Кандидат исторических наук,

ФГБОУ ВО Томский государственный университет систем управления и радиоэлектроники, доцент

E-mail: valentina.i.zinoveva@mail.ru

Аннотация: *В статье рассматривается переход к инклюзивному образованию в российских вузах, подчеркивается, что он связан с институционализацией, образованием соответствующих структур и унификацией их функций. Указывается, что формирование оптимальной модели инклюзии как фактора этого процесса обосновывается опытом практической работы, который накоплен в образовательном пространстве. В статье представлен вариант модели, разработанный в Томском государственном университете систем управления и радиоэлектроники (ТУСУР). На основе создания социальной службы - Центра доступности образования здесь было положено начало психолого-педагогическому сопровождению студентов с инвалидностью и ограниченными возможностями здоровья. Групповое проектное обучение студентов академических групп и разработка ими социальных проектов вовлекают их в решение актуальных вопросов инклюзии. Предлагается актуализировать инициативу и самоорганизацию внутри вузов и административную поддержку данной практики.*

Ключевые слова: инклюзивное образование, студенты со специальными потребностями, модель, институционализация, психолого-педагогическое сопровождение.

ON THE ISSUE OF THE INCLUSION MODEL IN THE UNIVERSITY SPACE

Zinovieva V. I.

Candidate of Historical Sciences,

*Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR),
Senior Researcher at the Scientific and Educational Center of the Department of*

History and Social Work

E-mail: valentina.i.zinoveva@mail.ru

Abstract: The transition to inclusive education in Russian universities is associated with institutionalization, creation of the specific branches and the unification of their functions. The formation of the most convenient model of inclusion as a factor in the process is substantiated by the experience that has been accumulated in the educational space. The article presents a case of such model at the Tomsk State University of Control Systems and Radioelectronics (TUSUR). On the basis of the creation of a social service - the Center for the Accessibility of Education, we began the beginning of psychological and pedagogical support for students with disabilities. Group project training of students and the development of social projects by these students involve them in solving topical issues of inclusion. It is proposed to update the creativity and self-organization within universities and administrative support for this practice.

Key words: inclusive education, students with special needs, model, institutionalization, psychological and pedagogical support.

Работа выполнена в рамках базовой части государственного задания «Наука», FEWM-2020-0036.

Дискуссии по теме перехода к инклюзивному образованию в нашем обществе идут уже не первый десяток лет, а формирование оптимальной модели, а также институционализация далеки от завершения. Правовая база этого процесса содержится в ряде законов РФ, принятых на рубеже XX - XXI вв. [1, 2, 3]. Целевой группой выступают студенты со специальными потребностями, т.е. студенты с инвалидностью, которая определяется МСЭ и студенты с ограниченными возможностями здоровья, которые этот статус получают по решениям психолого-медико-педагогических комиссий. Как известно, институционализация (создание социальных структур) в практической социальной работе включает последовательно этапы спонтанной помощи, содействия через благотворительность, обмен опытом на конференциях, конгрессах и, наконец, образование социальных служб. В вузовском образовании сегодня все эти направления присутствуют, однако

завершающий этап развивается достаточно медленно. В общественном мнении складываются различные позиции по пониманию проблем, связанных с переходом от медицинской модели к социальной в отношении инвалидов. По выражению П. Бергера и Т. Лукмана, «зачатки институционализации проявляются в каждой социальной ситуации, продолжающейся какое-то время» [4, с. 94] и, с другой стороны, «любой отдельный институт – это объективированная человеческая деятельность» [4, с. 101-102]. Любое действие, пишут авторы, «которое часто повторяется, становится образцом и может быть совершено в будущем тем же самым образом и с тем же практическим усилием» [4, с. 90]. Таким образом, образец или модель становления социального института выступает как фактор институционализации, а «институционализированный мир воспринимается людьми в качестве объективной реальности» [4, с. 100].

В многочисленных публикациях актуальной остается классификация инклюзии как инфраструктурной, образовательной и социальной, предложенная Э. К. Наберушкиной [5]. В статье З. В. Крецан и И. С. Морозовой анализируются новые подходы инклюзии для магистров [6.]. Административные аспекты инклюзии на примере конкретного региона в своих работах характеризует И. В. Захарова [7].

Целью данной работы является выявление элементов оптимальной модели инклюзии, включая абитуриентский и студенческий этапы сопровождения на основе опыта Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. Алгоритм модели складывался с 2009 г. на основе исследований в рамках гранта Правительства РФ, Госзаданий «Наука», гранта Президента «Содействие формированию проактивной инклюзивной среды в вузах г. Томска», научного руководства групповым проектным обучением студентов ТУСУРа. Социальные проекты студентов развивают все формы практической социальной работы по сопровождению студентов со специальными потребностями, формируют сообщества студентов-инвалидов и не инвалидов.

В вузовской модели инклюзии необходимо учесть два этапа: 1) поступление абитуриентов со специальными потребностями в вуз; 2) психолого-педагогическое сопровождение на протяжении первого года обучения и последующих лет. Применительно к первому этапу важны:

- инфраструктурная доступность помещения Приемной комиссии, учебных корпусов, аудиторий, в которых проводятся экзамены, наличие технических средств, доступная среда для проживающих в общежитиях и налаживание их бытовых условий;
- полнота и доступность информации о правилах поступления, льготах, учете нозологии (отсутствие слуха, зрения, ограниченность передвижения и пр.) при сдаче экзаменов и в дальнейшем обучении по направлениям подготовки.

Применительно ко второму этапу важнейшее значение имеют следующие элементы:

- наличие в вузе «Положения об организации образовательной деятельности для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья»;
- завершение институционализации и образование специальной структуры в вузе: службы сопровождения, центров, Положения о структурном подразделении, направлениях его деятельности;
- изложение студентам целевой группы в ясной языковой форме информации о специальных условиях обучения и мерах поддержки для выравнивания условий обучения в соответствии с Федеральными Законами РФ;
- признание принципа: право студента-инвалида на собственную позицию в вопросе сопровождения его обучения в вузе;
- ежегодный учет численности студентов с специальными потребностями, заполнение ими заявлений о согласии или отказе от специальных условий обучения;
- выполнение Дорожной карты взаимодействия с РУМЦ;
- налаживание обратной связи со студентами целевой группы с использованием электронных ресурсов, организация групп в социальных сетях;
- планирование и реализация мероприятий по социальной инклюзии, формирование клубов и др. сообществ студентов-инвалидов и не инвалидов по реализации их интересов;
- формирование плана расходов в бюджете вуза для помощи этим студентам;
- формирование позитивной неконфликтной атмосферы в вузе.
- В данной модели ключевое значение имеет самоорганизация и инициатива, преимущественно со стороны кадров гуманитарных кафедр, поддержка ректоратом направлений инклюзивного образования, привлечение студентов к социальному проектированию. Решающее значение в этой деятельности имеет институционализация, создание Центра доступности образования (ЦедО), который организует эту работу, устанавливает горизонтальные связи по сопровождению целевой группы как внутри вуза, так и с партнерами из других образовательных учреждений, изучает и использует лучший опыт.

По итогам исследования, проведенного в конце 2020 г из шести государственных томских университетов только в трех: ТУСУРе, Томском государственном университете (ТГУ), и Сибирском медицинском университете (СибГМУ) приняты «Положения об организации образовательного процесса для обучения инвалидов и лиц с ограниченными возможностями здоровья», а институционализация завершилась только в ТУСУРе. В остальных вузах за переход к инклюзии отвечают или назначенные ректоратами определенные лица из числа преподавателей, или административных сотрудников, или эта функция остается в рамках обязанностей проректора по социальным вопросам.

Таким образом, на современном этапе развития инклюзивного процесса в рамках конструирования новой социальной реальности востребована в вузах социальная активность профессорско-преподавательского корпуса и административная поддержка для завершения институционализации и налаживания системной работы по сопровождению студентов со специальными потребностями.

Список литературы:

1. Федеральный Закон от 24.11.1995 №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в РФ». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 12.08.2021).
2. Федеральный Закон от 3.05.2012 № 46-ФЗ «О ратификации Конвенции о правах инвалидов». – URL: <https://base.garant.ru/70170066/> (дата обращения: 12.08.2021).
3. Федеральный Закон «Об образовании в РФ» от 29.12.2012 № 273-ФЗ. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 16.08.2021).
4. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Academia-Центр». «Медиум». 1995, 322 с.
5. Наберушкина Э.К. Ориентиры развития инклюзии в пространстве высшей школы // Человек. Общество. Инклюзия. 2017. № 4. С. 18-28.
6. Крецан З.В., Морозова И.С. К вопросу актуализации преподавания дисциплины «Психология инклюзивного образования» // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 октября 2021 г.). / гл. ред. С.В. Алехина; ред. совет: Е.Н. Кутепова, Е.В. Самсонова. М.: МГППУ, 2021. С.21-24.
7. Захарова И.В. Административные аспекты инклюзии регионального образовательного пространства // Инклюзивное образование и общество: стратегии, практики, ресурсы: Материалы VI Международной научно-практической конференции (Москва, 20-21 октября 2021 г.) / гл. ред. С.В. Алехина; ред. совет: Е.Н. Кутепова, Е.В. Самсонова. М.: МГППУ, 2021.С.72-75.

УКРАИНА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЗОНА ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ

Иванков К.В.

ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им.

В.И. Вернадского»,

аспирант кафедры политических наук и международных отношений

E-mail: admiralmyers@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проблема развития Украины как государства, способного в условиях стратегической нестабильности XXI века стать местом возникновения новых конфликтов в Черноморском регионе. Анализируются причины высокой конфликтности региона сквозь призму цивилизационного и геополитического подходов. Определяется роль Украины в политике государств так называемого «коллективного Запада» в Черноморском регионе, а также её значение в контексте противодействия угрозам национальной безопасности Российской Федерации. Анализируются внешнеполитические и внутривнутриполитические причины, детерминирующие как непоследовательную и, в отдельных ситуациях, неадекватную политику украинской стороны, так и активное вмешательство в политику Украины других государств, в частности, государств Запада. Подчеркивается, что Украина в условиях стратегической нестабильности может быть использована внешними политическими акторами в качестве потенциального триггера для новых конфликтов в регионе. При этом главной опасностью подобных конфликтов является их неуправляемость, а также возможность быстро трансформироваться в новое глобальное вооруженное противостояние.

Ключевые слова: Черноморский регион, Украина, конфликт, стратегическая нестабильность, международные отношения.

UKRAINE AS A POTENTIAL ZONE OF CONFLICT ESCALATION IN THE BLACK SEA REGION

Ivankov K.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

Department of Political Sciences and International Relations,

postgraduate student

E-mail: admiralmyers@mail.ru

Abstract: The article gives the review of the problem of Ukraine as a state of emergence of new conflicts in the Black Sea region in the context of strategic instability in the 21-st century. The causes for the high conflict potential of the region are considered through the framework of civilizational and geopolitical approaches. The role of Ukraine in the Western states politics in the Black Sea region is defined, as well as the importance of Ukraine in the context of addressing

threats to national security of the Russian Federation. The foreign-policy and domestic-policy causes defining both the inconsistent and inadequate Ukrainian policy, as well as active interference of other states (in particular the Western states) in the policy of Ukraine were analyzed. It is emphasized that Ukraine in conditions of strategic instability can be used by external political subjects as a potential trigger for new conflicts in the region. In this regard the major jeopardy of such conflicts is their uncontrollability, as well as the ability of quick transformation into a new global armed confrontation.

Key words: *the Black Sea region, Ukraine, conflict, strategic instability, international relations.*

Развал Союза Советских Социалистических Республик явился переломным событием, которое ознаменовало начало нового периода в истории человечества. Его ключевыми особенностями стали разрушение прежней системы международных отношений, попытка Соединенных Штатов Америки установить свою гегемонию в современном мире, рост международной напряженности, неопределённость ближайшего будущего, чрезмерно высокие притязания стороны, победившей в Холодной войне, вместе с неготовностью стороны, потерпевшей поражение, дать достойный ответ на актуальные вызовы времени. Крушение великой державы, которая оказывала значительное влияние на мировую политику, сопровождалось многочисленными конфликтами, обострением межэтнических противоречий, усилением националистических течений в ряде бывших союзных республик, а также приобретением указанными течениями антироссийской направленности. Система международных отношений в начале XXI века приобрела характеристики, которые А. С. Панарин определял как «стратегическая нестабильность» [1].

В условиях стратегической нестабильности значительно возрастает вероятность как возникновения новых региональных конфликтов, так и возможность их быстрой трансформации в масштабные международные конфликты, способные вовлечь в свою орбиту великие державы. Результатом подобной трансформации может стать новая мировая война, которая в состоянии уничтожить человечество. В данной связи следует обратить внимание на регион, который характеризуется отдельными исследователями как «мировой лидер по концентрации взрывоопасных точек» – Черноморский регион, способный стать местом возможного начала глобального противостояния, а также на государство Украина как на одно из наиболее нестабильных государств региона, на территории которого сталкиваются интересы великих держав.

Заявленная тема исследования – многомерна, что определяется как условиями, которые детерминируют высокую конфликтогенность Черноморского региона, так и разнообразием подходов к его изучению. Рассматриваемый регион является местом, по которому проходят культурные, политические и цивилизационные разломы, что было отражено, в частности, в работе С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций». Например, в период

«Мира Холодной войны» в 1960-е годы регион выступал местом столкновения государств «Свободного мира» и «Коммунистического блока», а в период «Мира разных цивилизаций» после 1990-х годов – местом соприкосновения западной, православной и исламской цивилизаций [2, с. 18–21]. Кроме того, юго-восток Черноморского региона является составной частью «Евразийских Балкан» – региона, представляющего собой, по словам З. Бжезинского, силовой вакуум, и характеризующегося высокой плотностью населения, этнической неоднородностью, значительными межэтническими противоречиями, а также внутренней нестабильностью. Более того, на Евразийских Балканах сосредоточены значительные залежи полезных ископаемых и запасы углеводородов [3, с. 215–219]. Указанные факторы стали причиной вмешательства ряда государств в политические процессы данного региона.

Кроме того, дестабилизирующим фактором в Черноморском регионе, значительно усиливающим международную напряженность, выступает ряд латентных, «замороженных» конфликтов (Нагорно-карабахский конфликт, Приднестровский конфликт, Кавказский кризис в Абхазии и Южной Осетии), характерной особенностью которых является их возможная трансформация в «горячую» фазу [4].

В контексте рассмотрения заявленной темы ключевым становится вопрос о границах Черноморского региона. В литературе представлен широкий спектр подходов к их определению. Однако, ряд этих подходов носит во многом инструментальный характер, то есть формулирует регион исходя из интересов отдельных политических акторов, а также тех действий, которые необходимо предпринять для их реализации. Одним из таких подходов является концепция «Большого Черноморского региона», сформулированная Р. Асмусом и Б. Джексоном в статье «Чёрное море и пределы свободы». В данной концепции, Черноморский регион включает в себя государства-члены НАТО (Болгарию, Румынию и Турцию) и постсоветские государства (Молдову, Украину, Россию, Грузию, Армению, Азербайджан) [5]. Такая конфигурация региона формируется из необходимости государств Запада решить следующие стратегические задачи: консолидация мира и стабильности в Европе; противодействие угрозе будущему Евроатлантической безопасности, исходящей из Большого Ближнего Востока; необходимость обеспечения доступа Европы к источникам энергетических ресурсов [5]. Аналогичным образом происходит формирование региона в случае его рассмотрения сквозь призму инициативы Еврокомиссии «Черноморская синергия».

Рассмотренный подход к анализу Черноморского региона подвергается обоснованной критике. Так, например, доцент кафедры политических наук и международных отношений КФУ имени В.И. Вернадского А.Р. Никифоров отмечает, что расположение государства в непосредственной близости от Черного моря, не делает это государство черноморским в функциональном смысле; в этой связи, включение в Черноморский регион государств, не имеющих выхода к Азово-Черноморскому побережью, «носит в разных

трактовках произвольный, случайный или конъюнктурный характер» [6, с. 47–48]. В этой связи А.Р. Никифоров использует количественные характеристики и выдвигает следующий перечень государств, составляющих Черноморский регион: Абхазия, Болгария, Турция, Украина, Грузия, Румыния, Россия.

Рассматривая Украину как потенциальную зону эскалации конфликтов в Черноморском регионе, необходимо обратить внимание на факторы, определяющие её конфликтный потенциал. В литературе существуют различные подходы к анализу данной проблемы. Так, например, С. Хантингтон сквозь призму цивилизационного подхода характеризовал Украину как «расколотую страну с двумя различными культурами» [2, с. 255]. Цивилизационный разлом, отделяющий государства Запада от государств православной цивилизации, проходит прямо по её центру в течение многих столетий, что, согласно одному из приведённых С. Хантингтоном сценариев, может привести к дезинтеграции указанного государства [2, с. 255–256]. Одним из аргументов, подтверждающих данный тезис, а также наглядно демонстрирующих раскол внутри украинского общества, выступают данные об электоральных предпочтениях населения Украины [2, с. 257]. Более того, воссоединение Крыма с Россией в 2014 году, а также образование Донецкой и Луганской народных республик выступили очередным подтверждением данного тезиса С. Хантингтона, а также свидетельствуют о возможной дальнейшей дезинтеграции Украины.

Роль Украины в Черноморском регионе с точки зрения столкновения интересов великих держав была рассмотрена З. Бжезинским. В частности, он отмечал, что потеря Украины в ходе распада СССР значительно ограничила геостратегический выбор России, сделала невозможным воссоздание Россией евразийской империи, а также отдала её от Европы [3, с. 161–162, 197]. В этой связи, для государств Запада, с одной стороны, в целях противодействия России необходимо поддерживать состояние геополитического плюрализма на постсоветском пространстве, то есть обеспечивать создание новых альтернативных российскому интеграционных проектов, либо направленных против неё; а также обеспечивать «дробление национально-государственных суверенитетов над территорией» в регионе [7, с. 134–136]. С другой стороны, Украина выступает территорией, важной с точки зрения обеспечения национальных интересов Российской Федерации, а потому установление над ней контроля со стороны геополитических противников России, и, тем более, организация их военного присутствия на территории этого государства, являются значительным вызовом национальной безопасности России.

Положение Украины как потенциальной зоны эскалации конфликтов определяется не только внешними факторами, но и её политическим курсом. В этом отношении, речь идёт о фактическом отсутствии в политике Украины ответственного субъекта государственной власти, способного выработать стратегический курс развития государства и общества. Это положение превратило Украину в объект международной политики, политическая система которого пребывает в постоянном кризисе, характеризующимся неадекватными действиями политического руководства и государственных

институтов, а также ориентированностью политической элиты на обеспечение личных интересов [8, с. 61–62].

Вместе с тем, на политику Украины оказывается значительное внешнее воздействие, в частности, со стороны государств Запада. Осуществляется систематическое противодействие участию Украины в экономических проектах, противоречащих интересам США (например, проект включения Украины в стратегию «Один пояс – один путь») [9]. В условиях продолжающегося конфликта на Донбассе, со стороны НАТО осуществляются поставки вооружений и военной техники на Украину. Кроме того, в Черноморском регионе регулярно проводятся военные учения НАТО с участием украинских вооруженных сил, целью которых является отработка украинскими военными мероприятий по разрешению данного конфликта силовым путём [10]. Важно подчеркнуть, что такая стратегия в корне противоречит существующим международным договорённостям по мирному урегулированию конфликта. Кроме того, украинская сторона регулярно нарушает режим прекращения огня, использует запрещённые виды вооружений. Указанные факты свидетельствуют о наращивании военного присутствия НАТО в регионе, «накачивании» Украины вооружениями, поддержке со стороны государств Запада как существующего политического режима Украины, так и действующих на её территории экстремистских и неонацистских группировок [11].

В заключение необходимо подчеркнуть, что рассмотренная политика государств Запада свидетельствует о возможном использовании Украины в качестве триггера для эскалации новых конфликтов в Черноморском регионе. Принимая во внимание его высокий конфликтный потенциал, опасность указанной практики состоит в том, что конфликт может не только стать неуправляемым, но и вовлечь в себя великие державы, что приведёт к новому глобальному вооруженному противостоянию.

Список литературы:

1. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2004. 640 с.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон, [пер. с англ. Т. Велимеева]. М.: Издательство АСТ, 2017. 576 с.
3. Бжезинский З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский; [пер. с англ. О. Уральской]. М.: Издательство АСТ, 2018. 384 с.
4. Арбатова Н.К. Замороженные конфликты в контексте европейской безопасности // Индекс безопасности. № 3 (94). Т 16. С.57-66.
5. Ronald D. Asmus, Bruce P. Jackson The Black Sea and the Frontiers of Freedom // Policy Review, June 1, 2004. – URL: <https://www.hoover.org/research/black-sea-and-frontiers-freedom> (дата обращения: 01.11.2021).
6. Никифоров А.Р. Черноморский регион: опыт пространственных измерений // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. №2. С. 47-52.

7. Курьлев К.П., Дегтерев Д.А., Смолик Н.Г. Количественный анализ феномена геополитического плюрализма постсоветского пространства // Вестник международных организаций. 2018. Т. 13. № 1. С. 134–156.
8. Чигрин В.А. Особенности формирования украинской политики и их влияние на интеграционные процессы на постсоветском пространстве: тезисы доклада // Международная конференция журнала «Международная жизнь» «Особенности современных интеграционных процессов на постсоветском пространстве. Крым – новая реальность» 15–19 октября 2014 года. Ялта, 2014. С. 61–63.
9. Юрченко С.В. Социально-политический кризис на Украине 2013–2014 годов и проблемы «Шелкового пути» // Международная жизнь. 2019. №3. С. 203–205.
10. На Украине начались учения «Объединенные усилия – 2021» с участием. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/12476307> (дата обращения: 01.11.2021).
11. Никольский А. Патрушев: ситуация на Украине может развиваться по афганскому сценарию. - URL: <https://tass.ru/politika/12165663> (дата обращения: 01.11.2021).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА

Каленова Т.С.

*Кандидат исторических наук,
Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
доцент кафедры политологии
г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: kalenovats@mail.ru*

Жалелова Г.М.,

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева,
докторант специальности «Культурология»,
г. Нур-Султан, Казахстан
E-mail: gulzhan--z@mail.ru*

Аннотация: *Статья посвящена вопросу формирования национальных ценностей и исторической памяти в Казахстане в условиях глобализации. В работе раскрывается суть и роль программной статьи Первого Президента Республики Казахстан Н. Назарбаева от 12 апреля 2017 года «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» как основа государственной политики в реализации духовной модернизации Казахстана.*

Ключевые слова: *Республика Казахстан, глобализация, национальные ценности, национальный код, историческая память, казахский народ, история Казахстана, казахстанское общество, духовная модернизация.*

NATIONAL VALUES AND HISTORICAL MEMORY OF THE KAZAKH PEOPLE

Kalenova T.S.

*Candidate of Historical Sciences,
L. N. Gumilyov Eurasian National University,
Associate Professor of the Department of Political Science,
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: kalenovats@mail.ru*

Zhalelova G.M.

*L. N. Gumilyov Eurasian National University,
doctoral student of the specialty "Cultural Studies"
Nur-Sultan, Kazakhstan
E-mail: gulzhan--z@mail.ru*

Abstract: *The article is devoted to the formation of national values and historical memory in Kazakhstan in the context of globalization. The paper reveals the essence and role of the program article of the First President of the Republic of Kazakhstan N. Nazarbayev dated April 12, 2017 "Looking into the future: modernization of public consciousness" as the basis of state policy in the implementation of spiritual modernization of Kazakhstan.*

Key words: *Republic of Kazakhstan, globalization, national values, national code, historical memory, Kazakh people, history of Kazakhstan, Kazakh society, spiritual modernization.*

Казахский народ имеет богатое историческое прошлое, страницы его истории неразрывно связаны с историей всей Центральной Азии и Евразии, территория которых по праву считается одним из древнейших центров человеческой цивилизации. Сегодня история Казахстана переживает новое рождение. В условиях, когда идет активный процесс возрождения духовности общества, рост его национального самосознания и национальной гордости, историческая память, восстановление объективной и правдивой истории Казахстана с древности по современность имеют огромное значение [1].

Конец двадцатого века ознаменовался для казахского народа выдающимся историческим событием – восстановлением государственного суверенитета. Все атрибуты суверенной казахской государственности воссозданы. Суверенитет Казахстана признан мировым сообществом.

Республика Казахстан образовалось по волеизъявлению казахского народа на его исконной территории. Уже в силу одного этого обстоятельства Казахстан является национальным государственным образованием. Национальная воля казахского народа и его политическое самоопределение — вот главные основы его государства.

Однако сама по себе независимость без исторической памяти народа является чисто внешним признаком государственности. Для реального

суверенитета не менее важна историческая память, ведь ничто иное как изучение истории не способствует развитию патриотизма.

Историческая память является неотъемлемой частью национального самосознания, формирования единого общества, объединенного общими ценностями. В ходе исторического процесса Казахстан стал полиэтничным государством. Сегодня эта особенность нашего общества является важным преимуществом на международной арене. Молодое поколение, родившееся в независимом государстве, вне зависимости от своей этнической принадлежности, является частью единого общества. Для этого поколения Казахстан является единственной Родиной, на развитие которой устремлены все мысли и дела [2].

Историческая память приобретает особую актуальность для Казахстана и потому, что в процессе укрепления государственности формируется новая концепция нации, самобытное национальное самосознание, национальная и государственная идентичность. А в процессе формирования национального самосознания фиксируется и закрепляется представление об уникальности собственного исторического опыта и оригинального культурного наследия. Одновременно происходит концептуализация будущего нации и национально-государственного устройства, осмысление роли, которую нация призвана сыграть в мировом культурно-историческом и политическом процессах.

Первый Президент Республики Казахстан Н.А. Назарбаев, обдумывая настоящее и будущее казахстанской государственности, отмечал: «Становление и развитие нации невозможно без сохранения исторической памяти народа». Такая фиксированность на проблеме актуализации исторической памяти определяется особой значимостью этого феномена. Историческая память – это уникальный пантеон национальной идентичности. Она содержит представления и знания об исторических событиях исключительной важности, судьбоносных поворотах в жизни общества, наследие выдающихся представителей культуры, науки, политики и т.д.

Елбасы Н.А. Назарбаев отмечал, что «у нас, казахстанцев, есть единые политические ценности. И задача состоит в том, чтобы эти ценности стали главными, доминирующими в гражданском сознании народа Казахстана». Развивая эту мысль, Н. Назарбаев акцентировал внимание на важности формирования у казахстанцев «идентификации своей гражданской политической судьбы с государством Казахстан» [3].

В программной статье Первого Президента Республики Казахстан Н. А. Назарбаева «Взгляд в будущее: модернизация общественного сознания» говорится о том, что в новой реальности внутреннее стремление к обновлению — это ключевой принцип нашего развития. Чтобы жить лучше, надо измениться. В эпоху глобализации развитие должно основываться на базовых общечеловеческих ценностях, таких как гуманизм, справедливость, нетерпимость к насилию, уважение прав и свобод личности. Современный человек и сообщества успешны в том случае, если проявляют способность к широкому и гибкому взаимодействию, солидарность и «здоровое» чувство планетарного коллективизма. Однако данная форма общественного сознания

не должна исключать осознания каждым человеком и народом своих устойчивых национальных и духовных корней, своей культурной самобытности и цивилизационной идентичности. Предложенное Н.А. Назарбаевым прагматическое преобразование определенных традиционных устоев с сохранением национального культурного и исторического наследия – это наиболее перспективный путь развития для современного казахстанского общества [4].

Программная статья Елбасы Н. Назарбаева «Болашаққа бағдар: рухани жаңғыру» – важный исторический документ периода Третьей модернизации, который открывает новое пространство для определения судьбы народа в пространстве новой эпохи, способствует определению направлений развития государства. Н. Назарбаев, всесторонне анализируя особенности формирования национального государства в условиях глобализации, предложил конкретные пути сохранения и развития национального сознания в XXI веке.

В программной статье акцентируется внимание на ключевом условии дальнейшего развития страны – модернизации сознания, основных приоритетах национального самосознания XXI века, которые являются индикатором основного положения современного общества и самосознания каждого гражданина Казахстана. А также раскрывается важность органичного сочетания традиции и модернизации на новом этапе развития Казахстана. Первое условие модернизации нового типа – это сохранение своей культуры, собственного национального кода.

«Нынешняя задача – формирование новой реальности нашего народа, повышение качества нации в целом. В казахском обществе должны торжествовать новые принципы и новые ориентиры. То есть, исходя из политической преемственности в модернизации национального сознания, мы должны приложить максимум усилий, чтобы духовная модернизация переросла в национальную модернизацию и послужить подъему нашей нации на новый качественный уровень», - отметил Глава государства К. Токаев в Послании народу Казахстана в 2020 году.

Историческая память является стержнем, создающим основу духовного развития человека и социума в целом. Теряя ее, человек не способен генерировать свое позитивное будущее. Как член общества, такой человек не может предложить ничего позитивного для будущих поколений. В связи с этим историческая память выступает основой полноценного духовного развития любой страны.

Орхан Памук подчёркивал, что историческая память является двигателем социального и духовного развития любого государства. Когда стирается память, то исчезает и государство. Когда Чингиз Айтматов писал о манкуртизме, то имел в виду, что для создания эффективного государства у людей должна быть историческая память. Она обеспечивает благородство, моральный фундамент, чтобы люди думали о своем будущем. Это главный генератор развития. Человек без этого не способен развиваться, не может быть созидателем, он будет все разрушать.

В настоящее время одна из ключевых задач государства – это поиск исторических корней для того, чтобы найти в них основу для благополучного будущего.

За 30 лет независимости сделано очень много: осмыслены исторические корни народа, расправлены крылья, получено признание всего мира, имеются дипломатические отношения со многими странами [5]. «Народ может сохранить свою независимость только в рамках сильного сплоченного государства. При всем многообразии мнений главное – не ослабить фундамент, на котором стоит независимый Казахстан» [6], отметил Президент Республики Казахстан Касым-Жомарт Токаев.

Теперь наша задача – идти вперед, и чтобы это делать, казахстанцы должны гордиться своей страной. Главная магистраль движения – справедливое общество, равноправные граждане. Все должны быть удовлетворены физически, морально и духовно социально-экономическими процессами в стране, чтобы в последующем передать поколениям эстафету победы. Тогда можно говорить, что наш Казахстан устойчиво развивается.

Республика Казахстан является новой исторической формой государственности казахского народа. Сохранение стабильности и вклад в процветание страны является целью всего казахстанского народа, взятого в единстве всех этносов и конфессий. Пополнение исторической памяти казахского народа новыми страницами укрепит государство, национальную идентичность и ценности казахстанской нации.

Благодаря толерантности и мудрости казахского народа, а также разумной, сбалансированной и справедливой политике Главы государства в Казахстане закрепились атмосфера согласия и стабильности.

В настоящее время Республика Казахстан, получившая благодаря общественному согласию и политической стабильности, достигнутым успехам внутри страны и миролюбивой внешней политике всеобщее международное признание, превратилась в сильное и успешное государство – авторитетного инициативного игрока на мировой арене, развивающееся по точно определенным направлениям, посредством реализации четко выверенных стратегий.

Список литературы:

1. Жубатканов К. Важность истории Казахстана в духовном возрождении казахского народа // Вестник казахско-русского международного университета. 2018. № 5.

2. Хамедов А. М. Память для будущих поколений. - URL: <https://assembly.kz> (дата обращения: 01.09.2021).

3. Алимova С. Роль исторической памяти в сохранении национального кода Казахстана // Шарайна. 30.08.2018.

4. Абуов Н. Историческая память и духовная модернизация. - URL: https://www.nkzu.kz/files/dep/dvr/statia/nurbolat_abuov.pdf. (дата обращения: 01.09.2021).

5. Токаев К. Независимость возможна только в рамках сильного государства. - URL: https://www.inform.kz/ru/kasym-zhomart-tokaev-nezavisimost-vozmozhna-tol-ko-v-ramkah-sil-nogo-gosudarstva_a3594590 (дата обращения: 01.09.2021).

6. Саиров Е. Без исторической памяти нет дальнейшего развития // Литер. 2021.15.05.

РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС

Карпова Е.И.

*Санкт-Петербургский экономический университет,
студентка*

E-mail: kati16106@mail.ru

Аннотация: В статье уделяется основное внимание современной политике Российской Федерации, которая характеризуется активной вовлеченностью в деятельность международных организаций. Подчеркивается, что страна имеет ряд стратегических причин для формирования активного диалога со странами-участницами БРИКС. В 2019 году по инициативе российской стороны был проведен Международный Муниципальный Форум стран БРИКС, который позволил представителям муниципалитетов стран-участниц обговорить ряд важных тем, для того чтобы использовать опыт и подписать соглашения по множеству инвестиционных проектов. В рамках статьи исследуется развитие международных отношений на муниципальном уровне в рамках сотрудничества России в БРИКС.

Ключевые слова: международное муниципальное сотрудничество, БРИКС, Россия, Международный Муниципальный Форум.

THE ROLE OF RUSSIA IN THE DEVELOPMENT OF INTERNATIONAL MUNICIPAL COOPERATION OF BRICS PARTICIPANT COUNTRIES

Karpova E.I.

*Saint-Petersburg State University of Economics,
student*

E-mail: kati16106@mail.ru

Abstract: The modern policy of the Russian Federation is dynamic in the activities of international organizations. The country has a number of strategic reasons for forming an active dialogue with the BRICS countries. In 2019, at the initiative of the Russian side, the International Municipal Forum of the participating countries was held, which allowed representatives of the municipalities of the participating countries to discuss a number of important topics

in order to use the experience and sign an agreement on a variety of investment projects. The article examines international relations at the municipal level within the framework of Russia's cooperation in the BRICS.

Key words: *international municipal cooperation, BRICS, Russia, International Municipal Forum.*

Российская Федерация является одним из влиятельных политических акторов на международной арене. Огромная территория, богатая природными ресурсами, военная мощь, технологии, уровень образования и ряд других факторов придают стране значимость в рамках нынешней геополитической расстановки сил.

Особая активность России отмечается и в рамках сотрудничества внутри международных интеграционных объединений. Одним из ярчайших примеров является сотрудничество России со странами-членами БРИКС.

В числе первостепенных причин активного диалога в рамках БРИКС со стороны России необходимо выделить: стабильность; безопасность; инновационный рост [3].

Во-первых, значимую роль в связи с современными геополитическими событиями, приобретает стабильность. Территориальные конфликты, национальный эгоизм в эпоху пандемии лишь обострились. Геополитическая напряженность нарастает с каждым годом, переходя в информационное пространство, где активно используются новейшие инструменты ведения гибридной войны. Членство в БРИКС подразумевает схожесть взглядов России со взглядами государств-участниц этой организации, а также возможность совместного отклика на предстоящие вызовы непредсказуемого мира.

Безопасность также выступает основной причиной для активного диалога России со странами-членами БРИКС. Несмотря на появление пандемии, проблемы терроризма, наркоторговли не исчезли, что говорит о необходимости находить совместные пути решения этих проблем. И, в конечном счете, именно программы развития сотрудничества в области роста инноваций и технологий выдвигаются на первый план и входят в стратегию деятельности России в БРИКС.

В XXI веке международное сотрудничество перестает быть делом лишь национального уровня управления, оно плавно перетекает в сферу управления интересов регионального и локального порядка. Подобному процессу способствует ряд весомых причин. В первую очередь, современные тенденции к городской урбанизации увеличили интерес и обособленность данных структур к мировой обстановке. Также, глобализация показала, что именно города становятся распределителями ресурсов в мире. И наконец, городские власти в полной мере осознают безграничность возможностей сотрудничества с различными международными политическими акторами [4]. В этой связи следует отметить, что Россия предложила одну из привлекательнейших инициатив по сотрудничеству со странами БРИКС на муниципальном уровне.

Одним из ярчайших проявлений муниципального сотрудничества выступает созданный по инициативе муниципалитета Купчино, г. Санкт-Петербург, Международный Муниципальный Форум стран БРИКС. Впервые он был проведен в 2019-м году. В 2021-м году на период с 5 по 6 ноября планируется проведение III Международного Муниципального Форума стран БРИКС. Ежегодно он проводится при поддержке Министерства Иностранных дел России, Россотрудничества и Правительства Санкт-Петербурга. При этом популярность Форума растет из года в год. Если на Форуме в 2019-м году численность участников составила порядка 700 человек, то в 2020-м году наблюдалось существенное увеличение до 3500 участников.

В данном случае институт общественной дипломатии играет одну из важнейших ролей в процессе экономического развития. Помимо этого, происходит обмен опытом, развитие связей в области культуры, туризма, промышленности, спорта, транспорта и т.д. Более того, Форум становится привлекательной экономической площадкой. На нем ежегодно заключаются соглашения в области инноваций и экономики.

Экономическое взаимодействие России со странами-участницами представляется все более и более интересным вектором развития. Страны-члены БРИКС обладают колоссальным экономическим и интеграционным потенциалом [2]. На Форуме 2019 года представители всех стран отметили, что города и местные власти являются важными акторами в международном сотрудничестве. Активно в рамках диалога стран обсуждаются такие проекты как «Умный город». В рамках данного проекта предполагается проведение работ по объединению в единую цифровую структуру систем водоснабжения, электричества, газа, а также дорожного трафика. Также большой интерес на Форуме в 2021-м году вызвала тема создания единой системы библиотек, которая основывается на единой истории, во избежание фальсификации истории и различных трактовок исторических событий.

Таким образом, в рамках организации БРИКС практикуется эффективное сотрудничество на муниципальном уровне, которое укрепляет отношения между странами и способствует развитию практики управления важнейшими сферами жизни человека и взаимообогащению опыта государств-партнёров.

Список литературы:

1. В Государственной Думе обсудили международное сотрудничество муниципалитетов // Госдума. – URL: <http://duma.gov.ru/news/45496/> (дата обращения: 12.09.2021).
2. Власкин Г.А., Глинкина С.П., Ленчук Е.Б. Сотрудничество со странами БРИКС в интересах модернизации российской экономики // Стратегия России в БРИКС: цели и инструменты М.: РУДН, 2013. 429 с.
3. Стратегия развития БРИКС и приоритеты для России: докл. к XXI Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 2020 г. / М. Л. Баталина, Т. В. Бордачев, М. С. Бочкова и др.; под

науч. ред. Т. А. Мешковой ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. 194 с.

4. Сидоренко Н. О. Международное сотрудничество органов местного самоуправления: теоретические аспекты // Вестник государственного и муниципального управления. 2012. №4. С.27-34.

5. BRICS Business Council Annual Report. The BRICS Partnership For Global Stability, Universal Security And Innovative Growth. - URL: <https://brics-russia2020.ru/news/20201111/1126176/Delovoy-совет-BRIKS-podvel-itogi-raboty-v-khode-rossiyskogo-predstavitelstva-v-obedinenii-v-2020.html> (дата обращения: 12.09.2021).

МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НЕЛИБЕРАЛЬНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ?

Киселева Д.А.

Бакалавр политологии,

*Национальный исследовательский университет Высшая школа
экономики, студент 2-го курса магистратуры*

Сунгуров А.Ю.

Доктор политических наук,

*Национальный исследовательский университет Высшая школа
экономики, профессор*

Аннотация: В работе предлагается отойти от устойчивого подхода к гражданскому обществу как к совокупности общественных организаций, разделяющих либеральные ценности. На примере состава Совета по развитию гражданского общества и правам человека при Президенте РФ показано наличие в его первых составах представителей организаций, которые можно отнести к нелиберальным – религиозные («Союз Православных женщин»), государство-центрические (ориентированные на оборону и государственный суверенитет («Армия и общество», «Совет по внешней и оборонной политике), лоялистские («Общероссийский народный фронт»).

Ключевые слова: гражданское общество, нелиберальное гражданское общество, президентский совет.

CAN WE SPEAK ABOUT NON-LIBERAL CIVIL SOCIETY?

D.A. Kiseleva

National research university Higher School of economics, student of 2-nd years of MA

A.Yu. Sungurov

Dr. Pol. Sci.,

National research university Higher School of economics, Professor

Abstract: *It is proposed to go away from the traditional approach to civil society as a complex of social organizations, sharing liberal values. It is shown at the example of personal content of Presidential Council for civil society development and Human Rights that between its members are representatives of organizations, which can be refer to illiberal: religious (Union of orthodoxal women) state-centric (oriented to the army and state sovereignty (Army and Society, Council for foreign and defensive politics), loyalty (All-Russian popular Front) «Совет по внешней и оборонной политике), лоялистские («Общероссийский народный фронт»).*

Key words: *Civil society, illiberal society, Presidential council.*

Понятие гражданского общества широко использовалось начиная с 90-х годов и продолжает использоваться сегодня. Вместе с тем важно ясно понимать содержание этого понятия. В качестве рабочего определения мы будем использовать определение, данное одним из авторов этого текста, понимая гражданское общество как совокупность свободных ассоциаций граждан (и многообразных связей между ними), уважающих законы государства и действующих достаточно автономно [1, с 25]. Развитию гражданского общества в России посвящено большое число публикаций, приведем здесь лишь немногие из них [2; 3; 4].

Мы привыкли рассматривать гражданское общество как один из инструментов создания и поддержания демократии. Однако в современных исследованиях всё чаще встречаются упоминания «нелиберального гражданского общества» или «негражданского общества». В 2018-м году был выпущен доклад Foreign Policy Center, в котором рассматриваются пять наиболее свободных (на момент выхода доклада) постсоветских государств, не являющихся частью Европейского союза: Армения, Грузия, Украина, Киргизия и Молдова [5]. По словам автора доклада, в этих странах было замечено развитие консервативных, антизападных движений. Причины этого явления А. Хуг видел в современных проблемах (финансовый кризис 2008-го года, политика Дональда Трампа, проблемы в отношениях между ЕС, США и Россией), а также отмечал общее советское прошлое пяти стран [5]. Однако стоит отметить, что вопрос развития нелиберальных движений поднимался и в более ранних исследованиях, где речь шла не только о новых демократиях и переходных режимах. Так в 2001-м году была опубликована статья С. Чемберс

и Дж. Коппштейна «Плохое гражданское общество», в которой авторы пытались найти объяснение тому, почему нелиберальные идеи возникают и становятся популярными даже в старых демократиях [6]. А в 2006-м году вышла статья Денисы Костовиковой о нелиберальном обществе в посткоммунистической Сербии [7]. О необходимости учитывать наличие среди общественных групп России наличие и существенной «негражданственной» компоненты писал в 2002 г. Д.В. Гончаров [8]. Таким образом, можно сделать вывод, что феномен нелиберального гражданского общества не является новым, однако он остался не изучен, так как не вошел ни в сравнительные исследования демократий и более закрытых режимов, в которых мы предполагаем, что: во-первых, гражданское общество сильно, а, значит, либерально и демократично; во-вторых, должно быть либерально и демократично, но не развито. Перечисленные выше работы показывают нам, что феномен нелиберального гражданского общества выходит за рамки конкретных режимов и регионов. При этом все авторы в своих работах пытались найти обоснование того, почему в изучаемых ими странах появились и поддерживаются подобные идеи. А. Хуг говорит нам об историческом бэкграунде государств, что отсылает нас к идее Р. Инглхарта о том, что «экономические, политические и культурные факторы», являющиеся продуктами исторического развития государства, влияют на то, насколько устойчива будет демократия в этих странах [9, с. 1220-1221]. Однако идея культурного наследия была отвергнута С.Чемберс и Дж. Коппштейном, которые предложили экономическое обоснование проблемы: они считали, что с развитием экономики растет неравенство и это меняет запросы граждан [6, с. 860]. Но, если говорить об экономическом неравенстве, мы можем обратиться к коэффициенту Джини и увидеть, что уровни неравенства в Америке, Украине и Армении будут совершенно разные [10], однако нелиберальное гражданское общество есть во всех этих странах.

Мы предлагаем сместить фокус исследований на более подробное изучение самих нелиберальных групп. Мы предполагаем, что эти движения и организации могут иметь общие черты. Узнав больше о характеристиках нелиберального гражданского общества, мы сможем в будущем вернуться к вопросу о том, почему оно формируется. В данной работе представлены первые шаги по анализу нелиберального гражданского общества в России. В качестве подхода к такому анализу будет использован анализ состава нескольких структур, созданных в интервале между 2003 и 2013 годами, и объединяющие представителей общественных организаций как либерального, так и нелиберального толка. Это созданный в 2003 г. Совет при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, Общественная палата РФ (2006 г.), Общероссийский народный фронт (2011 г.), Изборский клуб (2012 г.) и Общероссийский гражданский форум (2013).

Данное сообщение посвящено анализу состава первой из перечисленных структур - Совета при Президенте РФ по развитию гражданского общества и правам человека, который был создан при самом активном участии основных правозащитных организаций России, входивших в оргкомитет Московского

гражданского форума 2001 года [11]. Эта структура, члены которой могут обсуждать темы, максимально приближенные к тому, что мы считаем либеральным и именно в них они могут проявить свое отношение к ценностям либерального гражданского общества.

Для сбора данных в работе использовались списки членов Совета, представленные в книге «Искусство невозможного. Президентский совет по правам человека [12]. Составы в книге разбиты на четыре периода: идеалистический (1993-1996), академический (1996-2002), героический (2002-2009), прагматический (с октября 2012) – и мы для удобства будем придерживаться этого же разделения. Мы изучали, в каких общественных организациях состоят эксперты, а затем исследовали и сами организации, и движения. Для этого мы использовали официальные сайты, блоги, страницы в соцсетях.

Для начала мы проанализировали составы Совета в первые три периода его существования. Дело в том, что в то время эксперты приглашались в эту структуру лично, по мере необходимости. В 2012-м году система была изменена: НПО выдвигали кандидатов на вакантные места, граждане имели возможность поучаствовать в онлайн-голосовании и выбрать новых членов совета. Обновление процедуры могло привлечь новые типы организаций, поэтому, чтобы иметь возможность отследить этот процесс, в ходе исследования мы решили вынести четвертый период на отдельное изучение.

Нам действительно удалось найти среди членов Президентского Совета по правам человека представителей нелиберальных движений и организаций. Мы также заметили, что их можно разбить на следующие типы:

1) Религиозные («Союз Православных женщин»). Представители подобных организаций и движений могут заниматься не только вопросами культуры и религии, но и другими социальными и политическими вопросами. Предложенные причины и способы решения проблем при этом будут соответствовать религиозным, консервативным, традиционалистским взглядам членов этих движений и организаций.

2) Ориентированные на суверенитет и оборону, государствоцентрических – как правило, антизападные («Армия и общество», «Совет по внешней и оборонной политике).

3) Лоялистские («Общероссийский народный фронт»). Основная цель таких организаций – поддержание действующего режима. Создаются они, как правило, лояльными Владимиру Путину активистами и политиками (а в случае с «Общероссийским народным фронтом» - по предложению самого В. Путина). На страницах таких организаций мы можем найти высказывания и статьи, поддерживающие политику президента – обычно это статьи и высказывания, обличающие врагов режима и/или отрицающие нарушение прав, признаваемое другими правозащитниками.

Наши результаты релевантны не только для выбранной нами структуры. Возвращаясь к докладу Foreign Policy Center, мы можем отметить, что в исследованных авторами странах были отмечены похожие тенденции. Так авторы тоже отметили религиозные группы, НПО и аналитические центры,

продвигающие консервативные взгляды и интерпретирующие данные для обоснования необходимости укрепления связей с Россией (что можно сопоставить с антизападными идеями, развивающимися и в России) [5]. Помимо этого, авторы выделяют крайне правые националистские движения и «социально-консервативные группы давления и агитации».

Таким образом, мы можем утверждать, что феномен нелиберального гражданского общества актуален для различных режимов, стран с различающимся историческим прошлым, с несовпадающими интересами на международной арене. При этом у нелиберальных групп в разных странах отмечаются общие черты. Это означает, что при более подробном исследовании этих конкретных групп возможно в будущем найти ответ на вопрос, почему такие движения возникают и развиваются в различных странах.

Список литературы:

1. Сунгуров А.Ю. Гражданское общество и его развитие в России. Учебное пособие. – СПб.: Издательство «ЮТАС», 2008. – 128 с.
2. Белокурова Е. Концепция гражданского общества и современная российская политика // Политическая наука. 2003. № 1. С. 79-102.
3. Мерсиянова И.В. Определение понятия «гражданское общество»: опыт систематизации // Гражданское общество в России и за рубежом. 2011. №4. С. 2-6.
4. Гражданское общество: зарубежный опыт и российская практика. Ред. А. Е. Лебедев, Ф.Я. Рубинштейн. СПб.: «АЛЕТЕЙЯ», 2011. – 348 с.
5. Hug A. Introduction: The Rise of Illiberal Civil Society? - July 18, 2018 - URL: <https://fpc.org.uk/introduction-the-rise-of-illiberal-civil-society/> (дата обращения: 29.10.2021)
6. Chambers S., Kopstein J. Bad civil society // Political Theory. – 2001. – Vol. 29. – №. 6. – P. 837-865.
7. Kostovicova D. Civil society and post-communist democratization: Facing a double challenge in post-Milošević Serbia // Journal of Civil Society. – 2006. – Vol. 2. – №. 1. – p. 21-37.
8. Гончаров Д.В. По ту сторону “негражданственности” // Полис. 2002. №5. С. 34-42.
9. Inglehart R. The renaissance of political culture // The American Political Science Review. – 1988. – P. 1203-1230
10. Gini Coefficient by Country / World Population Review URL: <https://worldpopulationreview.com/country-rankings/gini-coefficient-by-country> (дата обращения: 31.10.2021).
11. Сунгуров А.Ю. Президентский совет по развитию гражданского общества и правам человека: эволюция за четверть века // Общественные науки и современность. 2020. № 4. С. 90–106.
12. Федотов М.А. (ред.) Искусство невозможного. Президентский совет по правам человека. 1993-2018 - М.: Инфинитив, 2019 – 416 с.

**ОТ «ЯЛТЫ» ДО «ЯЛТЫ»: СИМВОЛ «ЗЕЛЕНОГО ЛУГА» В
МЮЗИКЛЕ «ЯЛТА, ЯЛТА» ЗАГРЕБСКОГО ГОРОДСКОГО ТЕАТРА
КОМЕДИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА
И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ**

Кнежевич Ясмина

*Доктор филологических наук,
Институт сербской культуры Приштина / Лепосавич, Сербия
Научный сотрудник отдела литературы
E-mail: jasmina_vucetic@yahoo.com*

Аннотация: Вдохновленный мемуарами Черчилля, в которых представлены воспоминания о знаменитой Ялтинской конференции, прошедшей в Ливадии с 4 по 11 февраля 1945 года, композитор Альфи Кабилю и либреттист Милан Гргич написали музыку и тексты к известному мюзиклу «Ялта, Ялта», который с 1971 года по сегодняшний день идет на сцене Загребского городского театра комедии. Помимо замечательных песен, которые безупречно и продуманно следуют друг за другом, пацифистский и гимновый тон спектакля в финальной части способствовали неослабевающей популярности мюзикла, авторы которой, озабоченные судьбой мира, постоянно сотрясаемого конфликтами и расстановкой сил, отправляются на поиски зеленого луга. В мюзикле, расположенный на крайнем юге земного шара, зеленый луг представляет собой воображаемое архетипическое пространство счастья и безопасности, о котором мечтает каждый из нас и которое в неприкосновенности существует только в крайних уголках человеческой души и в произведениях искусства.

Ключевые слова: Ялтинская конференция, «Ялта, Ялта», мюзикл, символ, аргонавты, Альфи Кабилю, Милан Гргич.

**FROM YALTA TO YALTA: THE SYMBOL OF THE «GREEN
MEADOW» IN THE MUSICAL «YALTA, YALTA» OF THE ZAGREB
CITY COMEDY THEATER IN THE CONTEXT OF POLITICAL SPACE
AND SOCIAL TIME**

Knezhevich Yasmina

*Doctor of Philology,
Institute of Serbian Culture Pristina / Leposavic, Serbia,
Researcher of the Literature Department
E-mail: jasmina_vucetic@yahoo.com*

Abstract: Inspired by Churchill's memoirs in which the memories of the famous Yalta Conference held in Livadia from February 4 to 11, 1945 are exhibited, composer Alfi Kabiljo and librettist Milan Grgić wrote music and lyrics for the famous musical "Yalta, Yalta", which has been performed on the stage of the Zagreb City Comedy Theater since 1971, until today. In addition to the great songs, which

follow one another flawlessly and well-thoughtfully, the pacifist and in the final part of the anthemic tone of the play contributed to the undiminished popularity of the musical, whose authors, worried about the destiny of the world which is continuously interrupted by clashes, start their search for a green meadow. Located in the extreme south of the globe, the green meadow represents the imaginary, archetypal space of happiness and security that each of us dreams of, and which, intact, exists only in the extreme corners of the human soul, and in works of art.

Key words: *Yalta Conference, "Yalta, Yalta", musical, symbol, Argonauts, Alfi Kabiljo, Milan Grgić.*

Памяти Теодоры Пфайффер – Доды.

Интерес человека к феномену времени восходит к Античности, как мы указывали во вступительной части доклада, представленного в прошлом году на этой же научной встрече, в котором мы рассмотрели хронотоп Крыма в путевых записках Йована Джорджевича *Путешествие в Крым*. С тех пор и до недавнего времени люди часто и с удовольствием предаются размышлениям о феномене времени, потому что, благодаря неизбежному непрерывному течению, его нельзя игнорировать, в отличие от феномена пространства. Интерес ко второму возобладает только в XX веке, когда наряду с развитием промышленности и технологий, а значит, и возможностью перевозки людей и товаров из одного места в другое за более короткое время, а также все более жестокими формами борьбы для господства над территорией на первый план выйдет феномен пространства. В последние годы массовые, трагические миграции населения, долгое время не ведущего кочевой образ жизни, придадут феномену пространства особую значимость и значение. Но как определенное пространство приобретает символическое значение и превращается в символ? На пересечении диахронической оси времени и синхронного пространственного плана некоторые события пространственно и временно сохраняются в памяти поколений. Одна из них - Ялтинская конференция (также известная как Крымская конференция), в которой приняли участие представители Соединенных Штатов Америки, Советского Союза и Великобритании (Ф. Д. Рузвельт, И. В. Сталин и У. Черчилль). Конференция проходила с 4 по 11 февраля 1945 года в Ливадии близ Ялты.

«Нет более удобного „места“ и момента. Дата выбрана не случайно. Если бы конференция проводилась летом, англо-американцы имели бы преимущество, особенно после больших успехов Монтгомери и Брэдли во время боевых действий во Франции. Тогда они рискнули бы стать громче. К тому же, Рузвельт был бы более энергичным, собранным и даже более осторожным в предвыборный период. Сталин согласился на конференцию только в декабре, то есть когда гитлеровские армии, особенно под командованием Рундштедта, опасно продвигались к Маасу, и когда верховное англо-американское командование оказалось в очень затруднительном положении. Он явно ждал того момента, когда западные союзники окажутся в неприятном положении. Сегодня битвы на Рейне затихают перед фантастическими ударами Жукова и Конева на Висле и Одре. Еще одно

преимущество. Сталин знал, что Рузвельт будет веселым, расслабленным и не слишком подозрительным после выборов. Это не первый раз, когда Сталин проявляет чувство реальности и ощущения правильного момента» [1, с. 123].

В отличие от автора указанной книги, Черчилль крайне отрицательно относился к месту встречи и выразил своё неудовольствие в телеграмме президенту Рузвельту во время его круизной поездки на Мальту: «За десять лет терпеливых поисков место похуже Ялты в мире не могло быть выбрано Климатический курорт, особенно для тифа и некоторых смертоносных паразитов. Что касается подъездных путей, то они не только опасны, но и непроходимы» [1, с. 132].

Из-за всего этого, а также в связи с выполнением миссии по переделу территории, Уинстон Черчилль обозначил ее кодом «Аргонавт» [1, с. 120], тем самым добавляя к нему мифическое измерение. Название более чем символично: подобно мифическим аргонавтам, которые отправились в долгое и неопределенное путешествие, полное искушений, чтобы завоевать золотое руно и, таким образом, вернуть утраченную власть над тронном, и этим новым, «современным» аргонавтам пришлось плавать по морям и преодолевать невзгоды и опасности, чтобы достичь своей цели. Решения, принятые на Ялтинской конференции, хорошо известны: они предусматривали денацификацию, демилитаризацию и раздел Германии после окончания войны, а также военные репарации; они касались деталей основания Организации Объединенных Наций, а также судьбы Югославии и Польши; была достигнута договоренность о вступлении России в войну против Японии и принята Декларация об освобожденной Европе. Но подобно тому, как мифическому герою Ясону не удалось вернуть власть над родиной, нашим героям после Конференции не удалось обеспечить мир и процветание в мире. Вместо этого они соскользнули в Холодную войну.

Спустя четверть века после этой конференции, в Загребе, городе на территории бывшей СФРЮ, после успешного мюзикла «Великая гонка», премьера которого состоялась в 1969 году, дуэт, состоящий из либреттиста Милана Гргича и композитора Альфи Кабилю, впервые написал финальную песню «Пусть весь этот мир», а затем и весь мюзикл «Ялта, Ялта», вдохновленный воспоминаниями Уинстона Черчилля и событием, изменившим образ мира. Вышеупомянутую песню гимнового характера, «содержащую славянские мелодии и стремление всего мира к месту, где нет войн и где нет проблем» [4], сыграет Вице Вуков в 1970 году на фестивале «Yamaha» в Токио, оставит сильное впечатление у публики и получит вторую премию. Успех, который она тогда пережила, длится и по сей день: упомянутая песня ожила и вошла в народ, а мюзикл непрерывно исполняется с 1971 года до сих пор. Костяк событий в мюзикле «Ялта, Ялта» - это конференция в Ялте, но главные действующие лица конференции не являются главными героями мюзикла. План повествования был перенесен со сцены, на которой происходила мировая драма, за кулисы, он был передан с вершины мировой силы к маленькому, обычному человеку, поэтому вместо Сталина, Рузвельта и Черчилля у нас в качестве главных героев мюзикла их камергеры

(Гриша - русский, Ларри - американец и Стэнли - английский камергер), а также Нина Филипповна, домработница виллы Арамовски, где происходит действие. Деление мира и настоящая борьба, последствия которой редко ощущаются теми, кто инициирует и влияет на борьбу, происходит между камергерами как представителями народа, наиболее глубоко чувствующего последствия мировых событий. Отсутствие доверия и соперничество, характерные для представителей стран, присутствовавших на Конференции, будут переданы на их камергеров, которые, следуя примеру своих начальствующих, будут бороться за имеющееся в их распоряжении пространство. Нина Филипповна, домработница виллы, своим теплом постарается снять напряжение среди камергеров. Ее дальновидная забота о судьбе планеты сублимирована видением «зеленого луга» как метафоры древней человеческой утопии о безобидном конце Земного шара, где нет войны, ненависти и зла.

В спектакле, расположенный на крайнем юге планеты, в Антарктиде, зеленый луг становится местом упразднения соперничества и конфликтов, символом непобедимого пространства, сопротивляющегося разделению, мечтой о счастье, обеспечиваемой защитной энергией определенного места, о котором мечтают как актеры мюзикла, так и их теневые правители, которые, паря над картой мира, также замечают появление зеленого пятна далеко на юге, которое распространяется и сопротивляется разделению.

Основной сюжет и кульминация действия мюзикла связаны с мотивом зеленого луга: генералы и агенты арестовывают Нину, желая узнать все о внешнем виде зеленого луга, но вскоре освобождают ее, пообещав не делить этот кусок Земли. Нина и камергеры прощаются, обещая друг другу, что однажды они отправятся вместе в это защищенное пространство счастья, под возвышенными, похожие на гимн стихи финальной песни: *«Пусть весь этот мир еще сияет на солнышке, / пусть вся наша страна станет счастливой! / Пусть весь этот мир назовут сказкой, / ароматный и зеленый, весь цветущий и невинный луг из сна!»* [6]. По крайней мере, в качестве проекции человеческих желаний и стремлений в человеческой душе есть место, всегда будет вне досягаемости сил власти, которое не сможет быть разделено, обесценено или осквернено. Однако оно существует и в песне, под эгидой искусства. Вероятно, это ключевая причина того, почему упомянутый мюзикл пережил разделение блоков, перерисованный образ мира, войну в бывшей СФРЮ и постоянно исполняется на сцене театра комедии в Загребе с 1971 года по сегодняшний день. Если политика не может предоставить нам «зеленый луг» в осязаемом, материальном мире, лишенном войн и низких человеческих страстей, это обязательно сделает искусство. Или, по крайней мере, оно не перестанет пытаться этого делать

Список литературы:

1. Conte A. Jalta ili podjela svijeta / Prevod: Ivo Klarić // Zagreb: Matica hrvatska, 1968. S. 290.
3. <https://www.bbc.com/serbian/lat/svet-43553575>

4. (www.zamp.hr/autori/pregled/mojapjesma)

5. <https://www.culturenet.hr/hr/kazaliste-komedija-najavljuje-750-izvedbu-mjuzikla-jalta-jalta/67751>

6. Jalta, Jalta [štampana muzikalija]: musical u 2 čina = musical in 2 acts / Zagreb : Ars Croatica : Društvo skladatelja Hrvatske, 1980.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СИНТЕЗ КУЛЬТУРЫ: ОБРАЗ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ МИХАИЛА ПОГОДИНА И ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА

Ханна Ковальска-Стус

Доктор философских наук,

Краков, Польша

E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Аннотация: Для этой статьи выбраны два исследователя польской истории: Михаил Погодин (1800-1875) и Георгий Гачев (1929-2008). Предметом исследований Погодина была история, как объективное пространство, обустроенное по рациональным принципам, общим для всех народов. Для Гачева история уходит на второй план, на первом у него, даже не поляки, а польскость как господствующий над историей, пространством и поляками субъект. Оба исследователя создают оригинальный и правдивый образ Польши и поляка как онтологический субъект истории, существующий в определенном пространстве. Этот подход интересен особенно для поляков, так как выявляет аспекты истории Польши, непостижимые польскими историками.

Ключевые слова: М. Погодин; Г. Гачев; история Польши; римские и греческие свойства историографии.

HISTORY AS A SYNTHESIS OF CULTURE. THE IMAGE OF THE HISTORY OF POLAND BY MIKHAIL PETROVICH POGODIN AND GEORGY GACHEV

Hanna Kowalska-Stus

Doctor of Philosophy, Krakow, Poland

E-mail: hanna.kowalska-stus@uj.edu.pl

Abstract. Two researchers of Polish history were selected for this article: Mikhail Pogodin (1800-1875) and Georgy Gachev (1929-2008). The subject of Pogodin's research was history, as an objective space, arranged according to rational principles, common to all peoples. For Gachev, history fades into the background, in the first place for him, not even Poles, but Polishness as a subject dominating history, space and Poles. Both researchers create an original and true image of Poland and the Pole as an ontological subject of history that exists in a

certain space. This approach is interesting especially for Poles, as it reveals aspects of Polish history that are incomprehensible to Polish historians.

Key words: *M. Pogodin; G. Gachev; the history of Poland; Roman and Greek properties of historiography.*

Современные исследователи исторической памяти обращают внимание на различия в интерпретации исторических событий в историографии отдельных государств. Подчеркивается, что различия связаны с политикой памяти. Но уже в древности вырисовывалась существенная разница в понимании и способе интерпретации исторического материала у греков и римлян. Это имеет важное значение для понимания вопроса о том, на чем основываются различия в понимании истории в Польше и России. Если попытаться вкратце объяснить разницу, то надо подчеркнуть, что греки, а за ними византийцы и вся православная культура свидетельствовали о том, что мир обладает устойчивым онтологическим статусом, подлинной реальностью и самостоятельностью. Онтологизм в понимании мира и человека остался общей чертой для древних и христианских греков. В православных культурах человек представлен как часть онтологически определенного пространства, а не как звено эволюции во времени. Пространственный хронотоп причастен бытию через качественное пространство (*etendue*), которое по отношению к бытию раскрывается как теологемное, антропологемное. Этот хронотоп имеет отношение к сознанию через статическое время (*temps*) и обуславливает возможности временной онтологии [1].

«На Востоке христианство приобрело типичные черты восточной мировой религии с ее абсолютизацией пространственного единства мира, – отсюда его явная статичность, идейная и институциональная неизменность, слабая приспособляемость к исторической динамике, традиционность (тяготеющая подчас к архаике, консерватизму, духовному „фундаментализму“), с акцентом на коллективное и всеобщее, конечное спасение» – подчеркивает Елена Яковлева, изучившая категорию времени и пространства в русском языке [2]. Человек существовал в пространственной семантической сфере и, в связи с этим пространственное учение о человеке и истории приобрело государственный облик.

Для этой статьи выбраны два исследователя польской истории: Михаил Погодин (1800-1875) и Георгий Гачев (1929-2008). Выбор продиктован не датами их жизни и не развитием историографии как науки. С исторической точки зрения они пришли к почти сходным взглядам на историю Польши. Разница в подборке экзemplификационного материала, что привело, в случае Гачева, к более углубленному, метафизическому образу, не столько истории Польши, а польскости, которая была субъектом конкретной истории. Предметом исследований Погодина была история, как объективное пространство, обустроенное по рациональным принципам, общее для всех народов, которые должны по нему передвигаться при помощи карты. Единственное, что нужно, — это уметь карту прочитать. А поляки, увы, этому не научились. Потому получают отрицательную отметку, как неуспевающие.

Для Гачева история уходит на второй план, на первом у него, даже не поляки, а польскость как господствующий над историей, пространством и поляками субъект. Оба исследователя создают оригинальный и правдивый образ Польши и поляка как онтологический субъект истории, существующий в определенном пространстве. Этот подход интересен особенно для поляков, так как выявляет аспекты истории Польши, непостижимые польскими историками.

Польская историография подчинена темпоральному аспекту, редко национальный характер, сформированный в определенных пространственных и культурных условиях, выдвигается в основу исторического диагноза. Очень мало внимания уделяется простому человеку. Только в последние годы появились работы, посвященные роли польского крепостного крестьянства в национальной истории. Вид польской историографии можно определить как политический. Перспектива истолкования польской истории русскими исследователями касается новых сфер понимания ее истоков.

Михаил Погодин

Взгляды Михаила Петровича Погодина выявляют основные различия между русским и польским взглядом на государство и общественную жизнь. Как тогда, так и теперь для русского аналитика важно мнение Европы, замечается ее невежество и двойные стандарты¹.

В 1865 г. Погодин опубликовал статью «Польское дело», в которой подытожил свои сорокалетние высказывания на тему «польского вопроса», затем поступили другие обширные публикации на эту тему. Читал также лекции по польской истории в Московском университете в 1830/1831 г., что имело особый резонанс.

Погодин преследовал романтическое убеждение, что именно в истории скрывается тайна бытия народа. Потому зывал к тщательному изучению истории Польши, что должно было помочь соединить ее с Россией. Он сравнивал процессы исторического развития, искал закономерности, указывал на параллели, выдвигал общую концепцию. Историческую закономерность усматривал в переходе от феодализма к самодержавию. В центре его внимания стояла государственность [3].

---

¹ Исследования относительно Европы в России начались в 60-ые годы XVIII в., однако серьезные научные работы появились только во второй половине XIX в. Они опирались на романтическую идею исторического анализа. Представляют их историки консервативного толка: М. О. Коялович, И.П. Филевич, П.Д. Брянцев, Д.И. Иловайский, Н.Я. Данилевский, также как и либерального и приближенного к нему толка: Ф.М. Уманец, А.Н. Пыпин, В. А. Бибасов, Н.И. Кареев, С.М. Соловьев, В.М. Ключевский, А.П. Погодин. Русские историки с исследованиями на тему истории Польши знакомили прежде всего студентов. История Польши занимала первое место в области исследования истории славян, которая была обязательным предметом в Московском университете.

Погодин в своих рассуждениях о Польше решающими назвал следующие вопросы: происхождение властвующих слоев общества, устройство государства, принадлежность к славянскому миру. Польскую шляхту, как никогда не чувствующую никакой симпатии к славянам и к своим собственным соотечественникам, считал чужого происхождения. Сотрудничество в Крымской войне с турками воспринимал как проявление неприязни к славянским народам.

У каждого из славянских народов был в истории период величия. Сейчас его переживает Россия и потому необходимо сотрудничество славян с Россией для общего благополучия, чего опасается Европа – писал Погодин в 1859 году. После Крымской войны, в статье «Польша и Россия» исторические взгляды Погодина укладывались в имперские категории. Между Польшей и Россией не должно быть границ [4]. Границы — это только географическая условность: «Русские в Польше, поляки в России, вплоть до Восточного океана и Гималайских гор! Польша и Россия — это сила, необоримая в Европе!» [4]. Национальность — это понятие другого порядка, оно находит выражение в языке, культуре, конфессии. Эти замечания были сделаны в 1861 г. в канун январского восстания. Погодин писал в статье под заглавием «Послание к полякам»: «О, если б нам досталось сколько-нибудь вашей живости! О, если б вам досталось сколько-нибудь нашего терпения! А где любовь, там и жизнь, и свобода, и счастье» [5].

Главным пунктом исторического спора между Россией и польскими политическими элитами были бывшие восточные земли Речи Посполитой (Могилевская, Витебская, Минская, Вольнская, Подольская), в этническом смысле русские. Для Погодина очевидным является, что Россия не может от них отречься. Претензии поляков кажутся ему непонятными и по этой причине, что жившей там шляхте постоянно угрожает местное крестьянское население. Польша там чужой элемент, вызывающий угрозу конфликта [6]. В «Польском вопросе» (1863) Погодин подробно разъясняет сложные отношения между русскими княжествами и Литвой, а также между Польшей и Литвой. В манере историографии 19 в. Он разъясняет эту проблему в плане политики, хотя более существенную роль сыграли тогда религиозный и культурный аспекты. Упоминается и о роли иезуитов, но замалчивается грандиозная проблема последствий брестской унии. Акцент на политическое освещение упускает из виду главное бедствие – преобразование культуры. Погодин ставит во главу угла польско-русского конфликта выше названные земли и потому упрекает Екатерину II в том, что она вступила в сговор с Пруссией и Австрией вместо того, чтобы отнять у Польши русские земли и гарантировать ей независимость. Но сразу появляется сомнение, связанное с оценкой шляхетского политического менталитета: «Но согласились ли бы на то поляки, поняли ль бы они тогда справедливость, необходимость и пользу такого законного предложения, которого не понимают до сих пор» [6]? Этот менталитет формировался столетиями, он помешал реформам сейма 1661, 1662 ведущим к созданию сильной королевской власти. Погодина удивляет

факт, что поляки не заступались за Познань, Силезию и Краков, а переживали за Вольнь. Этого очевидного факта не замечают польские историки.

В результате постоянной распри Польша в тяжесть России, от неё нет ни политической, ни экономической пользы, в добавок она осложняет международные отношения – констатирует Погодин. Историк пророчески утверждает, что свобода, дарованная полякам, обернется для них несчастьем: «Вы начнете спорить между собою, как спорили прежде, как спорите теперь в Париже, Лондоне, в Швейцарии, в Америке, в лагере инсургентов; а предметов для спора накопилось гибель: социализм и аристократическое начало, безверие и католицизм, республика и монархия, союз Французский или Английский — вы сумеете найти и еще много! [6].»

Это польские пороки, препятствующие образованию успешного государства. Если бы Россия могла бы от Польши получить гарантию, что она сможет спокойно самоуправляться. Но увы: «Оставив Польшу, мы должны были бы стоять всегда настороже, с многочисленными войсками, по западной границе, иначе она всегда будет подвергаться опасности вторжения. Польша послужит неприятелю готовым бастионом». И сразу добавляет: «Прошу прощения у поляков, которых все-таки люблю от души, которых блистательным качествам, и преимущественно патриотизму, хоть и увлекающему к заблуждениям, отдаю полную справедливость» [6]!

В «Письме к историографу Богемии Палацкому» Погодин объясняет причины падения Польши (либерум вето, свободные выборы, дворянская вольность, угнетение крестьянства), неразумные поступки, ухудшающие положение: бунт по отношению к конституции 3 мая, союз с Наполеоном, уничтожение Польского королевства в последствии ноябрьского восстания 1830 г., крах реформ гр. Велепольского после январского восстания 1863 г. [7]. «Они хотя и непременно границ 1772 года, границы 1772 года это есть пункт помешательства у поляков» [7]!

Январское восстание, в понимании Погодина, было реакцией шляхты на освобождение крестьян Александром II. Этот мотив появляется в его многочисленных письмах и статьях, направленных за границу. Этим он доказывает неспособность польской шляхты одобрить движения русской власти в пользу демократизации и улучшения позиции крестьян.

Новая политическая программа России после Крымской войны опиралась на освобождение славянских народов. Ее оформляли Михаил Погодин и генерал Леонтий Дубельт (III Отделение). О славянском союзе под покровительством России и о возможности самостоятельного существования Польши писал Погодин: «Вся европейская печать кишит статьями о польском вопросе. Неужели молчать должны только мы, русские, до которых он больше всех касается? Нет, европейцы должны узнать наше мнение, должны принять на свои веса наши доказательства. Весы их, мы знаем, кривы, не верны, когда дело касается предметов, приносящих пользу или причиняющих вред России, которая до сих пор представляется в их воображении каким-то грозным призраком, но все-таки мы должны говорить хоть для немногих, способных судить *sine ira et studio*. В 1854-м году предлагал совершенное отделение

Польши от России и возвращение политической самобытности в пределах Польского языка, в 1856 году желал ей полной автономии» [6].

Эти взгляды совпадали с ожиданиями той преимущественной части поляков из этнически польских земель, которые боролись с германизацией в прусской части и нищетой в австрийской. Такого рода планы были реализованы графом Велепольским и Друцким-Любецким, которые в революционных кругах считались предателями.

Георгий Гачев

Другой подход к осмыслению истории Польши применил Георгий Гачев [8]. Он опирается в своих исследованиях на материалы художественной литературы, что превосходно в том, что не принуждает к лишней привязанности к историческим событиям. Национальный образ мира, по мнению Гачева, направляет данный народ по-своему этот мир обустроить: «Главный принцип — это пространство. Национальные образы мира — это как бы сны народов о Едином. Зачем же заниматься снами? А чтобы не принимать их за действительность, отдавать себе отчет в ограниченности и локальности наших даже самых общих представлений. В то же время через сопоставление и взаимную критику разных «снов» есть надежда и до образа истинной реальности докопаться» [8].

Такой подход не под силу ни историкам, ни философам, ни политологам² а только культурологам, у которых: «рассудочное и образное мышление работают вместе». Гачев пользуется греческими терминами: «космос», «хаос», «логос». «Онтологическим, а не междусобойчиком гносеологическим поддается. Синкретическому тождеству Бытия и Мышления» [9]. «Метод умозрения, «исхождение Духа» не от части («я»), но от Целого: у каждого народа, культурной целостности, есть свой особый строй мышления, который и предопределяет картину мира, что здесь складывается и, сообразуясь с которою и развивается история, и ведет себя человек и слагает мысли в ряд, который для него доказателен, а для другого народа — нет» — утверждает Гачев [9]. Космос — это единство с местной природой, психея — это национальный характер, Логос — склад мышления. Свобода нации рождается в синтезе труда, культуры и истории. Смысл существования прозревает искусство.

Польша занимает похожее место на геополитической карте, так же как Россия, замечает Гачев, — между Востоком и Западом, Севером и Югом. Видное место в этом плане Польша заняла раньше России. Она боролась с тевтонцами и татарами. Потом эту роль переняла Россия. За это время Польша выработала рыцарский дух, воплотившийся впоследствии в шляхетстве, честь и гордость, свою разновидность культуры ренессанса и барокко, науку в лице Коперника (Павел Влодковиц), метафизическую мысль. В этот период

---

² Политика — совершенно не мудра, лишена Софии, ибо видит-понимает лишь ближайшие интересы.

польская культура не создала эпопеи, что связано с отсутствием синтетического решения во «логосе Социума»: «Хотя и величается Польшею и политиканствует, но на самом-то деле Целого своего не читит — как Государства. И даже если жертвуют ей собою, то ближе жертвы Польше — каждый приносит свободную жертву своему самоуважению и чувству чести. И это в нем не унижительно и не комично, как это будет выглядеть на русскую эстетику и этос, отчего и пародируют тут польское «самохвальство» и «гонор» — как маски поляка — и Пушкин, и Глинка, и Достоевский и проч.» [8].

Гачев замечает, что когда исчезло польское государство, тогда появился эпос: «Пан Тадеуш», «Дзяды» и «Конрад Валленрод», «Книга пилигримства польского народа», «Крымские сонеты», творчество Словацкого и Красинского³. Гачева удивляет факт, что польская романтическая литература не выражает благодарности за восемь веков благополучия, и за то, что, освободившись от государства полякам открылось «поприще творчества — во Духе»! И даже упрекает Мицкевича: «Но — подросток и юноша! Такой разум у Мицкевича и его героя вначале, и такой мятеж на Бога! — как будто только что совершилось изгнание из рая — без грехопадения с нашей стороны» [8].

Гачев акцентирует внимание на следующих явлениях, создавая образ Польскости: государство — индивид, авторитет (короля, отца, мужское начало), мессианство, Польскость, язык.

Государство – Индивид. Слова Польша и государство не являются в польской культуре синонимами. «Нет в Польше самости у Государства, снимается форма Державы. Не переливают ценности личностей — в ее самость». Для поляков ценнее свобода как таковая. Не как форма, а как существо. Часто она отождествлялась с жертвой. В польском логосе единица равна всеобщему, отсюда и «либерум вето», которое вызывало опасность для государства, но выдвигало на первый план личность как принцип. Личность становилась равной государству, социуму. В польском логосе в результате этого жертвой не воспринималось государство, а только личность.

Авторитет (короля, отца, мужское начало). Король, отец не пользуются авторитетом. Не существует архетип Отца, роль авторитета исполняет Мать. Она управляет мужем и сыном: «Отец: Яцек Соплица = ксендз Робак («червь») хоть и героичен, но без царя в голове Сын — Тадеуш — тоже мелковат» [8].

Мессианство. Мессианство тесно связано с романтизмом в польской культуре. Оно отождествило Польскость с Христом. Польша воспринималась как жертва, Агнец, потерпевший за грехи всей Европы. Мицкевич провозгласил этот новый статус Польши, воздвиг Польшу из геополитического пространства в духовно-метафизическое. Историческая

---

³ В поэме «Пан Тадеуш»: «Мерность рассказа, и гомеровские развернутые сравнения на материале быта и природы, и вообще подача материала под солнцем спокойного ока, олимпийски как бы, наводят на мысль, что ту же функцию являет сей эпос, как потом, кстати, и русская эпопея — «Война и мир» [8].

трагедия стала сотериологической. Поляк, умирая за Польшу, спасал Европу. Стоит добавить, что поляки сражались во всех восстаниях Европы XIX в., шли на бой с Наполеоном, бились в парижской коммуне и весне народов, не говоря о польских восстаниях, присутствовали на всех фронтах I и II мировых войн. «Просто диву даешься, как история, словно нарочно, изоощряется ставить Польшу и поляков в многоэтажно трагические неразрешимые ситуации. Вот и с Варшавским восстанием — вспышка в воздух оказалась напрасною с точки зрения практической пользы: свои — расколоты. А отчего? От того, что не при себе, а распялены на дыбе и кресте соседних интересов, ищущих своего через и сквозь них: и германство, и российство, и советство, и Европа. А поляк — на Кресте этом пребывай, прибит! Но — и гордится этой призванностью высокой» [8].

Польскость не обитает на земле, а ближе неба, Девы Марии, Королевы Польши: «В метафизическом этом святом пространстве — учет ценностей и побед иной идет, нежели критериями земных успехов и неудач-поражений. Так затеяно и Варшавское восстание, так и ныне – движение Солидарности. Оба питают субстанцию Польскости: неуловимую и незримую, как невидимый град Китеж» [8].

Польскость. Поляк обитает не на земле, а в трансценденции, там он воплощается в свою суть – в Польскость. «Польскость, Ее царство — не от мира сего, не совпадает с величиной страны Польши или личности Поляка, но питается и тем и другим» [8].

Польскость двуполярна. С одной стороны, сарматский шляхетский идеал свободы, перевоплотившийся в романтическое мессианство Христа народов, в нематериальность трансцендентной Польскости. С другой – позитивистский иной образ индивида, мира, ценностей: В «Камо грядеши» Сенкевича представлен уже иной поляк: углубившийся и в борьбе самосмирения, возводивший красоту души того, кого Кордиан и Конрад полагали Хамом Винция — шляхтича качества вначале: геройство, спесь к рабам, пылкость, когда воля и желания опережают рассудок, он через таинство индивидуальной любви ко пленнице-христианке входит в иной образ и себя как человека. В нем рождается слух на голос и душу ближнего. Умеряет и свои мстительные порывы отмстить-убить Нерона, понимая, что иная победа дана христианину: над телом и страхом смерти — и через милосердие и возлюбление «врага» [8].

В польской культуре второй половины XIX в. Гачев увидел процесс смирения, осознания народной правды. Смирения перед простым ближним, способность увидеть в нем творческое начало. Это был период роста логоса. Лучшим примером является «Свадьба» Высяпанского, где Польскость трансцендентная встречается с земной. Гачев подчеркивает, что: «Если б не прошел маскарад Польской истории в основных ее персонажах: не было б кульминации и главного сюжета «Свадьбы»: диалога эпох и установок жизни и путей. Зов в душах, в душевной реальности /Она — суть/ пуше внешней реальности тел и истории. Но она — как Китеж: Полнота и роскошь Несбыточности — и уозсть и скука Сверхненности, свершения тоже нужны

для Духа — как питание. Ведь и пышный цветник «Свадьбы» и витиеватых пар там — лишь на фоне и в диалоге с суровостью прежних времен и исторических задач, и болей Польши — по этой канве расшит быть смог» [8].

В 1939 году Польша совершает свою судьбу жертвы, будучи раздавлена двумя сверхдержавами. Польскость проявляется также в период «Солидарности»: 1980-1981 гг. Она олицетворяет испытанный в истории «метод метафизического сопротивления». На этот раз без крови, в духовном движении: «Усилили субстанцию Польскости этим духовным усилием и творчеством» — замечает Гачев. «И не в том победа, что они победили на земле и в политике, и вещественно, — это как раз бы было поражение сущности Польскости — но вся мистерия и драма Солидарности по классическому польскому сценарию разыграна: в некоей меже Времени и Пространства: чуть упреждая события, не выждав, не добившись и мелкой пользы, хотя могли — но тут взыскуем Абсолют! — и на этом «погорели»: сорвались и проиграли — внешне» [8]. И опять поражение и трагедия после свадьбы. Как у Выспянского синтез трансцендентного с земным: «Но они нужны именно друг другу: то Солидарность, то Ярузельский, но оба — наши и лишь, как команды футбольные, разделены для игры истории и питания и воспроизведения динамического и живого — все той же сути Польскости» [8].

Итого. Для культуролога работа с историографическим материалом представляет некоторую трудность. Он привык, общаясь с артефактами, что в них в оболочке эстетических приемов хранится жемчужина правды. Искусство, однако, не является единственным источником информации на тему данной культуры. История, с ее многогранной тематикой является также неотъемлемым источником информации. Однако использование историографических работ наводит на опасные рифы. Разобраться в огромном материале противоречивых оценок, субъективных нарративов, предвзятого освещения фактов, одностороннего их выбора, с одной стороны трудно, но с другой, это позволяет воспринимать весь этот историографический материал как продукт культуры. Потому критерием оценки является степень согласованности данной исторической работы с онтологией культуры автора. Если эта согласованность в большой степени существует, то образ мира, представленный в работе — убедительный. Греки сказали бы — согласный с логосом. Такого характера работы стараются вывить ядро, вокруг которого данная культура строит жизнь общества. Условием является осознание существования онтологии культуры. Поскольку чертой латинской культуры являлся темпоральный подход к окружающей действительности, ее историографический метод состоял в том, чтобы выстроить причинно-следственную цепочку событий. Идеальный источник, из которого вырастала эта цепочка, определял смысловое содержание повествования. Стоит сравнить «Политику» Аристотеля и труды Катона, Цицерона, Сенеки и Марка Аврелия, чтобы убедиться в разнице подходов. Греки выявляли правду, относясь к синтетическому образу данного политического строя, относя его к идеалу космической гармонии. Римляне сосредоточивались на одной проблеме, к которой они проявляли живой

интерес. С точки зрения этой перспективы надо заметить, что образ истории Польши Погодина и Гачева, связанный с греческой традицией, содержит не только большую долю правды, но досконально вписан в ядро польской культуры, объективно характеризует польский национальный характер и вносит существенный вклад в историю Польши.

Список литературы:

1. *Носков А.В.*, Онтология времени и онтология пространства как основания различения фундаментальных ориентаций в философии, Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat . URL: <http://www.dissercat.com/content/ontologiya-vremeni-i-ontologiya-prostranstva-kak-osnovaniya-razlicheniya-fundamentalnykh-ori#ixzz5VWhA9nhc>
2. *Яковлева Е.С* Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М., 1994. URL: <https://www.litres.ru/static/or3/view/or.html>
3. *Аржакова Л.М.* Польские статьи М.П. Погодина. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polskie-stati-m-p-pogodina-1830-h-gg>
4. *Погодин М. П.* Польша и Россия. URL: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_polsha_i_rossia_1859.html
5. *Погодин М. П.* Послание к полякам. URL: http://az.lib.ru/p/pogodin_m_p/text_1863_poslanie_k_polyakam.shtml
6. *Погодин М.П.* Польский вопрос. URL: http://dugward.ru/library/pogodin_m_p/pogodin_polskiy_vopros.html
7. *Погодин М.П.* Письмо к историографу Богемии Палацкому. URL: http://az.budclub.ru/p/pogodin_m_p/text_1861_pismo_palatzkomu.shtml
8. *Гачев Г.Д.* Национальные образы мира. Соседи России. Польша, Литва, Эстония. М.: Прогресс-Традиция, 2003; URL: <https://ru.scribd.com/document/468572984/-pdf>
9. *Гачев Г.Д.* Национальный Космо – Психо – Логос. URL: <http://www.trinitas.ru/rus/doc/0016/001f/00163713.htm>

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗЛЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Когут В.Г.

*кандидат политических наук,
Секретариат МПА СНГ,
Заместитель Генерального секретаря
E-mail: vgkogut@gmail.com*

Нурьшев Г.Н.

*доктор политических наук,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
профессор кафедры международных отношений, политологии и истории
E-mail: g.nuryshhev@yandex.ru*

Аннотация: В работе отмечается, что в настоящее время в условиях турбулентности системы международных отношений в Причерноморье складывается новая геополитическая реальность, новый баланс и расстановка сил между основными геополитическими игроками, ведущими «Большую игру». Подчеркивается, что в этих условиях Причерноморье, имеющее огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры, становится ареной жесткого столкновения противоборствующих интересов и устремлений различных геополитических игроков, которые, переплетаясь, создают новые геополитические узлы. Делается вывод о том, что в этих геополитических реалиях усилия России должны быть направлены на распутывание сложившихся геополитических узлов в Причерноморье с сохранением своих геополитических позиций в регионе.

Ключевые слова: талассократия, турбулентность, баланс сил, геополитические игроки, геополитические узлы, геополитическая конкуренция, кольцо «анаконды».

GEOPOLITICAL NODES OF THE BLACK SEA REGION IN THE CONDITIONS OF TURBULENCE IN THE SYSTEM OF INTERNATIONAL RELATIONS

Kogut V.G.

*candidate of political sciences, Secretariat of the Council of the
Interparliamentary Association of the Union of Independent States, Deputy General
Secretariat,
E-mail: vgkogut@gmail.com*

Nuryshv G.N.

*Doctor of Political Science, St. Petersburg State University of Economics,
Professor at the Department of International Relations, Political Science and
History,*

E-mail: g.nuryshv@yandex.ru

Abstract. *The paper notes that at present, in the context of the turbulence of the system of international relations in the Black Sea region, a new geopolitical reality is emerging, a new balance and alignment of forces between the main geopolitical players leading the «Great Game». It is emphasized that in these conditions the Black Sea region, which has enormous natural resources and strategically important transport and energy corridors, becomes an arena for a tough clash of opposing interests and aspirations of various geopolitical players, which, intertwining, create new geopolitical nodes. It is concluded that in these geopolitical realities, Russia's efforts should be aimed at untangling the existing geopolitical nodes in the Black Sea region while maintaining its geopolitical positions in the region.*

Key words: *Thalassocracy, turbulence, balance of power, geopolitical players, geopolitical nodes, geopolitical competition, ring «anaconda».*

В настоящее время в условиях турбулентности системы международных отношений в Причерноморье складывается новая геополитическая реальность, новый баланс и расстановка сил между основными геополитическими игроками, ведущими «Большую игру». На мировой арене идет геополитическая война за перестройку мирового пространства, за захват максимально возможных сфер влияния.

Мировая талассократия вступила в непосредственное военно-политическое противостояние с Россией. В этом противостоянии талассократические силы умело использует противоречия между элементами российско-евразийского, ближневосточного (афразийского) и европейского природных и культурных миров этой циркумпоптийской области.

Реализация Евросоюзом программы «Восточного партнерства» создала ситуацию геополитической конкуренции с Россией на всем постсоветском пространстве, и, прежде всего, в Причерноморье, что соответствовало американо-евразийской геостратегии в отношении Евразии — созданию вокруг нее кольца «анаконды» [1, с. 505]. Наступательный характер западных геополитических проектов и оборонительная политика России отражаются в доктринальных документах этих государств. Отсюда формирование новой геополитической конфигурации реализуется за счет России и стремлением в дальнейшем «выстроить новый геополитический облик ЧР и без России» [1, с. 512].

В этих условиях Причерноморье, имеющее огромные природные ресурсы и стратегически важные транспортные и энергетические коридоры, становится ареной жесткого столкновения противоборствующих интересов и

устремлений различных геополитических игроков, которые, переплетаясь, создают новые геополитические узлы.

Одним из крупнейших игроков, создающих перекрестное геополитическое поле в данном регионе, являются США. Неслучайно пристальное внимание России вызывают размещение сил ВМС США в территориальных водах Украины, в частности на Южном Буге, Днестре, Дунае, а также строительство американской военной базы с пунктом управления ВМС США в городе Очаков. Представляет геополитический вызов России и возросшая американская военная активность, создающая взрывоопасные ситуации в регионе.

Так, корабли НАТО и самолеты наблюдения систематически пересекают международные воды и воздушное пространство в Черном море. В его акватории только в 2021-м году прошел целый ряд учений НАТО, включая *See Breeze 2021*, *Cossack Mace 2021*, *Three Swords 2021*, *Agile Spirit 2021* и др. Более 20 боевых кораблей ВМФ РФ, принимающих участие в командно-штабных учениях «Кавказ-2020» в сентябре 2020-го года, вынуждены были «зажать» три военных корабля НАТО в Черном море, чтобы не позволить им нарушить российскую границу [2]. Такие примеры не единичны.

По мнению западных аналитиков, американские бомбардировщики B-1, способные нести новые противокорабельные ракеты большой дальности LRASM с высокотехнологичным многорежимным самонаведением, за счет значительной дальности полета в 8 тысяч километров во время военного конфликта могут из воздушного пространства НАТО превратить в тир все Черное море и Черноморский флот России [3].

Весьма воинственными были заявления министра обороны США Ллойда Остина во время визита в октябре 2021 года в Грузию, Румынию и Украину. Этот визит продемонстрировал, что Белый дом рассматривает Причерноморье в качестве одного из основных фронтов противостояния с Россией. Визит Л. Остина был направлен на активизацию конфронтации с Россией и укрепление сотрудничества между прибрежными странами Черноморского региона.

В этой связи в Грузии была парафирована новая шестилетняя программа военной подготовки, в Украине достигнута договоренность о поставках новых партий вооружения и патрульных катеров, а в Румынии – дополнительные меры по усилению ее роли как центра координации и разведки в Черном море. Кроме того, США пытаются усилить военный потенциал Болгарии, Грузии, Румынии, Турции и Украины, а также наладить взаимодействие между ними. При этом Вашингтон старается удерживать под контролем двух своих ключевых союзников на Ближнем Востоке – Тель-Авив и Анкару [4].

В настоящее время Турецкая Республика является региональной державой в Причерноморье с секторальным лидерством в глобальном масштабе с усилившемся стремлением к доминированию под знаком идеи пантюркизма и возрождения имперского неосманского духа [1, с. 505].

Поэтому Анкара после развала СССР практически сразу же заявила о своих претензиях на геополитическое доминирование в Причерноморье и

предприняла конкретные шаги, чтобы заполнить возникший геополитический вакуум, включающие такие инициативы, как Организация черноморского экономического сотрудничества (ОЧЭС), «Великий Туран», «Черноморская гармония», Платформа стабильности и сотрудничества на Кавказе, концепции «Стратегической глубины» и «Морального реализма». Они стали результатом пересечения ситуативных и долгосрочных интересов Анкары и Вашингтона [1, с. 511].

Турция имеет собственный сильный ВМФ в Черном море и международно-правовой статус, обеспечивающий исполнение Конвенции Монтрё. Газопроводы TANAP и «Турецкий поток» дают ей высокий геоэкономический статус. Она проводит самостоятельную политику партнерства и сотрудничества с РФ, пока это в полном объеме соответствует турецким стратегическим интересам. Но Анкара начинает сразу выступать против российской геополитики, противоречащей им.

Турецкая сторона до сих пор отвергает воссоединение Крыма с Россией. Поэтому Турцией предпринимаются попытки использования крымских татар в качестве активного инструмента собственных геополитических интересов на территории Крыма (с перспективой на его отуречивание). Геополитические интересы Анкары стали размывать смысл основных положений Конвенции Монтрё. В связи с этим, строительство канала «Стамбул» дает повод для коррекции Конвенции Монтрё, так как точками входа в Эгейское, Мраморное и Черное моря станут не только проливы Дарданеллы и Босфор [5].

Сегодня у Турции главной задачей является сохранение геополитического влияния в Сирии. В противном случае очевидна дестабилизация внутренней ситуации в стране и новые проблемы в отношениях с Израилем. Поэтому в сирийский Идлиб и вошла огромная колонна турецких войск, чтобы с помощью своих союзников закрепиться в этом регионе и взять под контроль другие курдские территории.

В связи с этим активизируется турецкая гуманитарная политика в Крыму и на Кавказе. Здесь геополитические интересы Турции открыто вступают в противоречие с интересами России. Анкара стремится препятствовать усилению Черноморского флота и российского присутствия в Сирии [6].

У части экспертов складывается впечатление, что Москва недооценивает геополитический размах Эрдогана. Анкара поддерживает политику Киева по возвращению Крыма, содействует привлечению внимания к «проблеме» крымско-татарского населения. Балансируя между Москвой и Киевом, Турция пытается получать экономические выгоды от сотрудничества с Россией и одновременно сохранять «окно» возможностей для взаимодействия с Украиной, выступая за расширение взаимовыгодного стратегического партнерства. Не случайно Киев проводит политику, направленную на обострение российско-украинских отношений в Черноморском регионе.

Нарастающая активность Эрдогана способствует формированию новой геополитической реальности. 12 ноября 2021 года на 8-м саммите в Стамбуле

объявлено о планах по изменению «Совета сотрудничества тюркоязычных стран» на «Организацию тюркоязычных государств». Реализация проекта «От Тюркского совета – к Тюркскому союзу» включает и создание единого алфавита, языка и далее – государственного объединения. Так может быть реализована мечта Эрдогана об одной нации в шести государствах (Турции, Азербайджане, Казахстане, Узбекистане, Киргизии, а также Туркменистане как наблюдателя). В перспективе Турция начнет привлекать к деятельности этого Союза тюркоязычные республики самой России [7]. Уже сегодня некоторые русскоязычные турецкие СМИ ставят на один ряд с Азербайджаном Республику Саха и Татарстан. А это уже весьма серьезный вызов и для внутренней геополитики многонациональной России.

Турками фактически выкуплена вся Грузия, что свидетельствует о том, что Анкара успешно работает не только с мусульманскими странами. На Турцию приходится 80 % внешних инвестиций в Грузию. Большая часть грузинских сельскохозяйственных предприятий де-факто являются турецкими.

Анкара вместе с Тбилиси реализуют инфраструктурные проекты: Центральный магистральный нефтегазопровод Баку – Джейхан и железнодорожная магистраль Баку – Ахалкалаки – Карс. Наряду с этим, турецкая компания ENKA строит ключевой грузинский проект Намахван-ГЭС. Более того, Турция активно эксплуатирует крупнейшие аэропорты страны (Тбилиси и Батуми). Турецкие компании осуществляют строительство буквально всего: государственных и военных объектов, железных дорог, автомагистралей.

Турция заключила с Грузией де факто антиконституционное соглашение, согласно которому на 90 лет получает в пользование Риони, крупнейшую реку в западной Грузии вместе со всей ее долиной на протяжении 320 км. Более того Турция уже более 10 лет обучает грузинскую армию по программе взаимодействия с НАТО.

В Грузии активно действуют Турецкое агентство по международному сотрудничеству и развитию (ТІКА), Фонд Юнуса Эмре и Управление по делам религии и другие культурные и гуманитарные организации. В грузинских вузах созданы специальные отделения, реализуется проект «Тюркология». Таким образом, становится очевидным, что Грузия фактически полностью является собственностью Турецкой Республики [8].

Долгосрочными задачами определяется стремление европейцев на геополитическое лидерство в Причерноморье, что предполагает радикальное изменение расстановки сил в регионе. Поэтому за последнее время ЕС выдвигает ряд инициатив, направленных на ограничение российского геополитического присутствия в Причерноморье. «Черноморская синергия», «Восточное партнерство» и другие инициативы европейцев направлены на усиление геополитического влияния на причерноморские страны, на поощрение их к проведению антироссийской геополитики.

В создавшихся условиях, односторонние и провокационные действия Украины в отношении России будут негативно отражаться на ситуации в

Причерноморье. Тем более, что в регионе прочно закрепились тенденции разделения государств по политическим предпочтениям, и практически отсутствуют многосторонние проекты. Торгово-экономическое и энергетическое сотрудничество России и причерноморских стран осуществляется в условиях информационно-политического прессинга. Эти и другие факторы все туже затягивают узел геополитических проблем в Причерноморье [9].

Среди причерноморских стран активным членом НАТО и ЕС является Румыния, где дислоцированы почти 1000 американских военнослужащих, американские крылатые ракеты большой дальности и американская система ПРО Aegis. Особое значение в румынской геополитике имеет Черное море. Бухаресту остро не хватает «талассократичности» румынского национального сознания, поэтому он пытается вывести народ «в море» хотя бы на уровне создаваемых им патриотических конструкций. Помимо Дуная и Днестра, Чёрное море представляется Бухарестом в качестве конституирующего элемента национальной румынской идентичности, свидетельствующей о румынском народе как черноморской нации.

Черноморский вектор геополитики Бухареста направлен на достижение регионального лидерства в геополитическом узле Турция – Румыния – Польша в виде антироссийского санитарного кордона от Балтийского моря до Чёрного. Этот геополитический узел необходим для Бухареста и расширения его геополитической экспансии от Чёрного моря через Закавказье к Каспию и в Центральную Азию. Такие цели Румынии определяются ее желанием стать энергораспределительным узлом Европейского Союза на основе своей нефтяной промышленности и транспортной системы. К тому же Бухарест хочет стать геополитическим плацдармом США в Черном море, предоставив Пентагону свою территорию и акваторию для дополнительного контингента и вооружений в целях дальнейшего «сдерживания» России.

В этом направлении ключевыми объектами внимания Бухареста являются Грузия, Армения и Азербайджан. Поэтому Бухарест стремится объединить тему российских миротворцев в Приднестровье и Нагорном Карабахе, также вопрос Крыма и Донбасса в выгодном для себя свете в целях усиления румынского присутствия в этих регионах. Чтобы ослабить присутствие России в Причерноморье, румынская геополитика считает необходимым модернизировать идеологически и функционально программу Восточного партнёрства и возобновить проект ТРАСЕСА – транспортного коридора Европа – Кавказ – Азия для минимизации товарно-логистических связей между Россией и странами СНГ [10].

В апреле 2021 года Румыния и Польша торжественно отметили 100-летие Конвенции об оборонном союзе между Королевством Румыния и Речью Посполитой, подписанной правительствами короля Фердинанда I и Юзефа Пилсудского. Во время торжеств отмечалось, что польско-румынский военный союз отражает проект Пилсудского по созданию блока государств между Балтикой, Адриатикой и Чёрным морем в качестве бастиона для сдерживания России, предтечи проекта «Троеморье».

Бухарест называет сухопутный коридор между Балтикой и Чёрным морем черноморско-балтийским (ponto-baltic), Варшава – балто-черноморским (balto-czarnomorski). Румыния наряду с Турцией пытается взять на себя функцию сдерживания России в Большом Черноморском регионе (Wider Black Sea region). Бухарест заявляет о «втором румынском народе» в Молдавии как вспомогательном плацдарме восточного фланга Атлантического блока [11].

Националистические круги Румынии все активнее стали проявлять симпатии к идеологии и деятельности Украинско-польско-канадского центра «Прометей» во Львове, который озабочен «средой безопасности Балто-Черноморско-Каспийского региона». Своим названием центр показывает свою идеологическую связь с польским прометеизмом – интеллектуально-политическим течением в межвоенной Польше, развивавшегося под эгидой Пилсудского. Целью прометеизма остается подготовка расчленения России по национальным границам [12].

Таким образом, в условиях турбулентности системы международных отношений усилия России должны быть направлены на распутывание сложившихся геополитических узлов в Причерноморье с сохранением своих геополитических позиций в регионе. Поэтому Россия обязана обратить внимание на:

- активизацию российской военно-политической деятельности, направленной против расширения блока НАТО на всю акваторию Черного моря и появления новых внерегиональных геополитических игроков;
- развитие евразийских интеграционных процессов для укрепления постсоветского геополитического пространства;
- создание новых трубопроводных проектов на энергетических транспортных потоках, включая «Голубой поток» и «Турецкий поток», для сохранения геополитических позиций России на южном геополитическом векторе [1, с. 510].

Решение этих задач требует совершенствования экономического потенциала не только Юга, но и всей России, перехода на мобилизационные проекты, новую индустриализацию на условиях протекционизма и осознания своей футуристической миссии.

Список литературы:

1. Ирхин А.А., Москаленко О.А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498-516.
2. Наумов В. Российские корабли зажали военные суда НАТО в Черном море. - URL: https://nation-news.ru/558294-rossiiskie-korabli-zazhali-voennye-suda-nato-v-chernom-more/?utm_medium=referral&utm_source=infox.sg&utm_campaign=exchange (дата обращения: 03.11.2021).
3. Дубинин А. Forbes: самолеты НАТО намерены превратить Черноморский флот в тир. - URL: <https://politros.com/223894-forbes-samolety-nato-namereny-prevratit-chernomorskii-flot-v-tir> (дата обращения: 27.10.2021).

4. Анисимов В. Неравная схватка: США пытаются бросить вызов России в Черном море. - URL: <https://cont.ws/@fybcbvjd/2121653/full> (дата обращения: 30.10.2021).
5. Ковитиди О. Ф. Проблемы безопасности в Черноморско-Каспийском регионе в условиях изменения геополитической ситуации: вызовы для России. - URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2019/10/01/kovitidi-problemy-bezopasnosti-v-chernomorsko-kaspijskom-regione.html> (дата обращения: 31.10.2021).
6. Гулевич В. Геополитические танцы вокруг Причерноморья. - URL: <https://oko-planet.su/politik/politikday/128763-geopoliticheskie-tancy-vokrug-prichernomorja.html> (дата обращения: 01.11.2021).
7. Аксенов С. Чем России грозит создаваемый Анкарой «Союз тюркских государств»? - URL: https://svpressa.ru/politic/article/308399/?utm_source=politobzor.net (дата обращения: 30.08.2021).
8. Анжей В. Стальная хватка «мягкой силы»: Турция в Грузии. - URL: <https://topwar.ru/182200-stalnaja-hvatka-mjagkoj-sily-turcija-v-gruzii.html> (дата обращения: 23.07.2021).
9. Жильцов С. С. Черноморский геополитический «узел»: схватка за доминирование. - URL: <http://www.kavkazoved.info/news/2019/10/27/chernomorskij-geopoliticheskij-uzel-shvatka-za-dominirovanie.html> (дата обращения: 02.11.2021).
10. Гулевич В. О месте Черноморско-Кавказского региона в румынской геополитике. - URL: <https://vpoanalytics.com/2021/09/20/o-meste-chernomorsko-kavkazskogo-regiona-v-rumynskoj-geopolitike/20/09/2021> (дата обращения: 21.09.2021).
11. Гулевич В. Контуры их новой восточной политики – Великая Румыния и Троеморье. - URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/06/25/kontury-ih-novoj-vostochnoj-politiki-velikaja-rumynija-i-troemore-53867.html> (дата обращения: 04.09.2021).
12. Гулевич В. Идеология подрыва российской государственности подбирается к России. - URL: <https://www.fondsk.ru/news/2021/11/05/ideologia-podryva-rossijskoj-gosudarstvennosti-podbiraetsja-k-rossii-54840.html> (дата обращения: 05.11.2021).

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ВЫХОДА США ИЗ АФГАНИСТАНА

Комарецкий А.Д.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студент*

E-mail: komaretskii.a.d@yandex.ru

Аннотация: *В последние месяцы эксперты всего мира, рассматривая события в Афганистане, как будто соревнуются между собой, кто же назовет больше вызовов и угроз, которые могут исходить от нового правительства Кабула. В большинстве случаев речь идет о потоках мигрантов, новых волнах терроризма, торговле наркотиками и гуманитарной катастрофе. Прогнозируются негативные последствия не только для стран Ближнего Востока, Центральной и Южной Азии, но и для всего мира. В то же время лишь немногие эксперты оценивают не только угрозы, но и возможности, которые открываются перед мировым сообществом и перед соседними с Афганистаном странами. В рамках статьи проведен анализ различных точек зрения и приведен возможный исход событий для России.*

Ключевые слова: *Афганистан, Талибан, терроризм, угрозы, возможности, признание, Россия, Китай.*

THE GEOPOLITICAL IMPACT OF THE US WITHDRAWAL FROM AFGHANISTAN

Komaretskii A.D.

*Saint Petersburg State University of Economics,
student*

E-mail: komaretskii.a.d@yandex.ru

Abstract: *In recent months, experts from all over the world, considering the events in Afghanistan, seem to be competing among themselves, who will name more challenges and threats that may come from the new government of Kabul. In most cases, we are talking about migrant flows, new waves of terrorism, drug trafficking and a humanitarian catastrophe. Negative consequences are predicted not only for the countries of the Middle East, Central and South Asia, but also for the whole world. At the same time, only a few experts assess not only the threats, but also the opportunities that open up to the world community and to the countries neighboring Afghanistan. The article analyzes various points of view and provides a possible outcome of events for Russia.*

Key words: *Afghanistan, Taliban, terrorism, threats, opportunities, recognition, Russia, China*

Геополитическому положению Афганистана многие страны мира уделяют пристальное внимание. Страна занимает важное место в Центральной Азии, и с этой территории возможен контроль политики региональных стран. Долгое время контроль над Афганистаном осуществляли США, но в августе 2021 года эта эпоха закончилась: Вашингтон принял решение ускорить вывод войск из страны, что позволило представителям движения «Талибан» (запрещено в Российской Федерации) быстро продвинуться по стране и захватить столицу, а вместе с ней и власть в стране, так как правительственные войска без поддержки США не смогли дать отпор. Следующим этапом отношений мирового сообщества и новой власти в Кабуле станет официальное признание, в таком случае страны, поддерживавшие новое правительство Афганистана, получат поддержку Кабула и возможность расширить свою зону влияния. Рассмотрим страны, которые будут стараться призвать Афганистан на свою сторону.

Одной из стран, с которой у прежнего правительства Афганистана были разногласия – это Пакистан. Основным противоречием была линия Дюранда, граница, которую Афганистан не признает как утверждённую, в связи с тем, что она разделяет единые этнические группы [1]. Пакистан использовал пуштунов для продвижения своих интересов в Афганистане, которые периодически поднимали тему создания нового государства – Пуштунистана, территория которого охватывала бы земли по обе стороны от линии Дюранда [2]. Приход движения «Талибан» (запрещено в Российской Федерации) позитивно воспринят Исламабадом, что выражается в признании новой власти Кабула: Пакистан был одной из первых стран, признавших новое правительство [3]. Основной причиной принятия нового правительства стало то, что оно, в отличие от правительства Ашрафа Гани, хуже относится к Индии, что снизит ее влияние в регионе. Несмотря на то, что проблема пуштунов остается нерешенной [4], и маловероятно, что «Талибан» (запрещен в Российской Федерации) признает линию Дюранда в качестве официальной границы, отношения между странами улучшатся благодаря оперативному признанию нового правительства и экономическому взаимодействию.

Заинтересован в Афганистане и Китай. С уходом США из страны для Пекина открываются возможности расширения сферы влияния, заключения новых контрактов на добычу полезных ископаемых и продолжения реализации экономических проектов. Недра Афганистана богаты золотом, медью, редкоземельными металлами и железной рудой [5]. Следует также выделить обильные запасы лития, который необходим для производства современных электрических батарей. Наиболее вероятно, что Китай станет одним из основных партнеров Афганистана, так как новое правительство позволит Пекину продолжить реализацию своего проекта экономической экспансии «Один пояс – один путь», которому не давала развиваться предыдущая прозападная власть. Тем не менее, эксперты все еще спорят, является ли победа «Талибана» (запрещен в Российской Федерации) возможностью или вызовом для Китая [6].

В возрождении транспортного пути заинтересована и Турция. Проект Нового Шелкового Пути призван соединить Турцию с Афганистаном через Грузию, Азербайджан и Каспийское море, и получить выход в Центральную и Южную Азию [5].

Свои интересы в Афганистане есть и у России. Основная задача сейчас состоит в том, чтобы не допустить в Афганистан снова американские войска, равно как и не допустить их в соседние с Афганистаном страны. Об этом косвенно сказал Министр иностранных дел России Сергей Лавров во время своей вступительной речи в рамках третьего заседания Московского формата консультаций по Афганистану 20 октября 2021 года [7]. Министр также отметил предпринимаемые новым правительством Афганистана усилия по стабилизации военно-политической обстановки и по налаживанию деятельности государственного аппарата. Прозвучал призыв оказывать Кабулу финансово-экономическую и гуманитарную помощь, который подчеркнул противоположность позиции Москвы относительно позиции Вашингтона. С приходом «Талибана» (запрещен в Российской Федерации) к власти, США решили бороться с новой властью экономически. США ограничили доступ к 7 млрд долларов, принадлежащих Афганистану и хранящихся в США [8]. Кроме того, доступ к еще 500 млн долларам ограничил Международный Валютный Фонд [9]. На встрече G20 Китай попытался призвать США предоставить Кабулу доступ к деньгам, но поддержки от остальных участников не получил [10]. Учитывая, что сейчас в поисках финансирования Кабул будет искать любую помощь, для России открывается окно возможностей. Помимо Финансовой помощи Россия, как крупный игрок на международной арене, может помочь и с международным признанием. Этот вопрос также обсуждался в рамках заседания Московского формата, о чем сообщил спецпредставитель Президента России по Афганистану Замир Кабулов [11]. Он также подчеркнул, что «безусловно, этот момент когда-то наступит». С похожим заявлением выступил и сам Президент России, Владимир Путин, в ходе пленарной сессии дискуссионного клуба «Валдай», сказав, что Россия приближается к принятию решения об исключении «Талибана» (запрещен в Российской Федерации) из списка террористических организаций, но сделать это должен в первую очередь Совет Безопасности ООН [12]. В сотрудничестве с Россией заинтересован и Афганистан. После прихода к власти новое правительство решило возобновить проект газопровода ТАПИ, соединяющего Туркменистан, Афганистан, Пакистан и Индию с проектной мощностью 33 млрд кубометров в год [5]. При благоприятном исходе проект может стать важным звеном единой евразийской газотранспортной системы. Кроме того, возможно сотрудничество в сфере добычи полезных ископаемых: на территории Афганистана находятся залежи нефти, урана и других полезных ископаемых, в которых заинтересована Россия.

Заинтересованы в мирном решении афганского вопроса и региональные страны, не претендующие на контроль территории. Афганистан представляет угрозу для региона и для мира в целом, так как с приходом «Талибана»

(запрещен в Российской Федерации) в стране может начаться рост количества террористических группировок, усилиться экспорт наркотиков. Не стоит забывать и про возможное возвращение США в виде военных баз в Афганистан или в граничащие с ним странами, о чем предостерег Министр иностранных дел России Сергей Лавров 27 октября во время встречи в Тегеране с представителями Китая, Ирана, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана и Туркмении [13].

В то же время прозападные издания стремятся напугать соседние с Афганистаном страны, заявляя, что «Талибан» (запрещен в Российской Федерации) будет пытаться подорвать инфраструктуру и газопровод в Туркменистане [14], хотя на самом деле в планы Кабула входит сотрудничество с целью продления линии газопровода для реализации упомянутого проекта ТАПИ. Также иронично звучат заявления американцев о том, что после вывода войск они продолжают оказывать финансовую и консультативную поддержку новому правительству Афганистана [15], хотя финансовая поддержка прекратилась еще до того, как территорию Афганистана покинул последний военный США. Другое издание пытается пугать Индию расширением сферы влияния Пакистана и Китая [16], хотя Индия также может использовать Афганистан и в своих целях: в очередной раз вспомним проект ТАПИ, который даст Индии доступ к российскому газу. Несмотря на пропаганду против Афганистана, сами афганцы надеются на хорошие отношения с США, согласно заявлению представителя «Талибана» (запрещен в Российской Федерации) Сабуила Моджахеда [17].

Подводя итог, следует сказать, что перед новым афганским правительством помимо решения вопроса о международном признании стоит вопрос о стабилизации обстановки внутри страны. На территории Афганистана продолжают действовать группировки ИГИЛ-Х и Аль-Каиды (организации признаны террористическими, их деятельность запрещена на территории Российской Федерации), с которыми Кабулу предстоит бороться [18], с чем ему может помочь мировое сообщество, в том числе и Россия. Также есть предположения, что за Афганистан вновь развернется геополитическая борьба. В этой связи необходимо сформулировать единую позицию и следовать ей не только в международных форматах, но и в рамках двусторонних отношений. В то же время прогнозируется рост влияния России в обеспечении безопасности в регионе [19]. Таким образом, ближайшими шагами мирового сообщества навстречу Афганистану будут официальное признание нового правительства, возвращение Кабулу возможности контролировать денежные средства и выстраивание отношений с позиции дипломатии, а не грубой силы.

Список литературы:

1. Гул Мохаммад С., Юсифова Е.С. Геополитическая роль Афганистана. Обеспечение региональной безопасности // Центр Льва Гумилёва. 21.07.2015. - URL: <https://www.gumilev-center.ru/geopoliticheskaya-rol-afganistana-obespechenie-regionalnoj-bezopasnosti/> (дата обращения: 30.09.2021).

2. USA's military withdrawal from Afghanistan: Impact on the region // Financial Express. 18.08.2021. - URL: <https://www.financialexpress.com/defence/usas-military-withdrawal-from-afghanistan-impact-on-the-region/2312901/> (дата обращения: 29.09.2021).
3. Кортунов А.В. Решение проблемы Афганистана: необходимые условия и международные последствия: доклад Российского совета по международным делам (РСМД) // Российский совет по международным делам (РСМД). № 76/2021. 46 с.
4. Subramanian N. Explained: Why Durand Line is a friction point between Afghanistan and Pakistan // The Indian Express. 09.09.2021. - URL: <https://indianexpress.com/article/explained/durand-line-friction-point-between-afghanistan-pakistan-7485631/> (дата обращения: 30.09.2021).
5. Гурков А. Бизнес с «Талибаном»: чем Афганистан интересен Китаю, Турции и России // Deutsche Welle. 18.08.2021. - URL: <https://www.dw.com/ru/biznes-s-talibami-afganistan-interesen-knr-turcii-rossii/a-58890142> (дата обращения: 30.09.2021).
6. Maung D. China-Taliban Relations More A Problem than an Opportunity: Eurasia Group President // Vision Times. 07.09.2021. - URL: <https://www.visiontimes.com/2021/09/07/china-taliban-relations-more-a-problem-than-an-opportunity-ian-bremmer-believes.html> (дата обращения: 30.09.2021).
7. Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В.Лаврова на третьем заседании Московского формата консультаций по Афганистану, Москва, 20 октября 2021 года // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 20.10.2021. - URL: https://www.mid.ru/ru/vistupleniya_ministra/-/asset_publisher/MCZ7HQUMdqBY/content/id/4913770 (дата обращения: 30.10.2021).
8. Henney M. Biden administration freezes \$7B in Afghan reserves, limiting Taliban cash access // FOX Business. 24.08.2021. - URL: <https://www.foxbusiness.com/politics/biden-administration-freezes-afghan-reserves-taliban-cash-access> (дата обращения: 30.10.2021).
9. Martin E. IMF Curbs Afghanistan's Funding Access, Squeezing Taliban // Bloomberg. 18.08.2021. - URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2021-08-18/imf-says-afghanistan-can-t-access-sdrs-or-fund-s-resources> (дата обращения: 20.10.2021).
10. Фролов Н. Афганистан — тайна современной геополитики: что там происходит и что может произойти? // Русская Весна. 21.10.2021. - URL: <https://rusvesna.su/news/1634748754> (дата обращения: 30.10.2021).
11. Участники «московского формата» обсудили признание талибов, сообщил МИД // РИА Новости. 20.10.2021. - URL: <https://ria.ru/20211020/vopros-1755392985.html> (дата обращения: 30.10.2021).
12. Путин заявил, что Россия подходит к исключению талибов из списка террористов // Интерфакс. 21.10.2021. - URL: <https://www.interfax.ru/russia/798691> (дата обращения: 21.10.2021).

13. Настасьев Д. Лавров призвал соседей Афганистана не дать разместить у себя войска США // Лента.ру. 27.10.2021. - URL: <https://lenta.ru/news/2021/10/27/closesthegatesforusa/> (дата обращения: 27.10.2021).

14. Akylbayev I. What Does the US Withdrawal From Afghanistan Mean for Central Asia? // The Diplomat. 25.05.2021. - URL: <https://thediplomat.com/2021/05/what-does-the-us-withdrawal-from-afghanistan-mean-for-central-asia/> (дата обращения: 21.10.2021).

15. Wimbush E. US withdrawal from Afghanistan spells dangerous geopolitical realignments // The Hill. 04.02.2021. - URL: <https://thehill.com/opinion/international/546208-us-withdrawal-from-afghanistan-spells-dangerous-geopolitical> (дата обращения: 21.10.2021).

16. Shuja A. The Rationale of US Withdrawal From Afghanistan // The Geopolitics. 18.07.2021. - URL: <https://thegeopolitics.com/the-rationale-of-us-withdrawal-from-afghanistan/> (дата обращения: 22.10.2021).

17. USA beenden ihren Einsatz in Afghanistan // ZDF Heute. 31.08.2021. - URL: <https://www.zdf.de/nachrichten/politik/afghanistan-usa-truppenabzug-102.html> (дата обращения: 23.10.2021).

18. Lieven A. Who are the Islamic State in Afghanistan? // Responsible Statecraft. 26.08.2021. - URL: <https://responsiblestatecraft.org/2021/08/26/who-are-the-islamic-state-in-afghanistan/?fbclid=IwAR3vpA4rpGm3s7ioPDvUsTaO2GFOwvnY4nQ-3FYAgBq54rtBtuyNwpS2yTc> (дата обращения: 21.10.2021).

19. Umarov T. Do the Taliban Pose a Threat to Stability in Central Asia? // Carnegie Moscow Center. 03.09.2021. - URL: https://carnegiemoscow.org/commentary/85271?utm_source=rssemail&utm_medium=email&mkt_tok=MDk1LVBQVi04MTMAAAF_SoWpD4aQhwq6uRu_GIarFw_ZOI_34KyhmAZ32eCSQU_3dgDJtDCB37Zvdj7Y9eJhGeOv6k162QTPgABbXw_BuKjy6_7II6XMT5jqrAycukKk (дата обращения: 21.10.2021).

КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Конысбек Ж. Т.

*Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева, Казахстан,
магистрант*

E-mail: konysbekov.1996@gmail.com

Аннотация. В данной статье рассматриваются актуальные вопросы исследования казахских диаспор в системе всемирных диаспор, которые в научной этнополитической литературе ещё недостаточно изучены. В статье уделено внимание и дискуссионным вопросам.

Ключевые слова: этнические казахи, диаспора, миграция, национальность, соотечественники, этническая идентичность, глобализация.

KAZAKH DIASPORA AS AN OBJECT OF ETHNOPOLITICAL RESEARCH

Konysbek Zh. T.

*L. N. Gumilyov Eurasian National University, Kazakhstan,
1st year master's student of the specialty "Political Science"
E-mail:konysbekov.1996@gmail.com*

Abstract. *This article discusses topical issues of the study of Kazakh diasporas in the system of world diasporas, which have not yet been sufficiently studied in the scientific ethnopolitical literature. The article also pays attention to controversial issues.*

Keywords: *ethnic Kazakhs, diaspora, migration, nationality, compatriots, ethnic identity, globalization.*

В современный исторический период, в эпоху глобализации, возрастает актуальность научной экспертизы важнейших ценностей казахской диаспоры. Причины данного явления: во-первых, наряду с политической, культурной независимостью страны в ее историческом сознании стали закрепляться особые качества и приоритеты. Страна строит большие стратегические планы на свое историческое будущее, уделяет большое внимание судьбе каждого из наших соотечественников, обращая внимание на то, что его личная жизнь переплетается с менталитетом народа, с Отечеством.

Социальные, политические изменения в соседних государствах, конфликты и проблемы, тенденции их продвижения вперед в цивилизационном смысле не могут не беспокоить исследователей в нашей стране. Ведь на современном этапе информационные взаимосвязи, быстрота передачи информации сближают между собой даже отдаленные страны. Мы полагаем, что в этих условиях философско-социологические проблемы казахской диаспоры не только привлекают внимание исследователей, но и беспокоят весь наш народ. Для систематизации нашей национальной истории целесообразно провести всестороннее обсуждение проблем идентификации и объединения этнических казахов в странах ближнего и дальнего зарубежья. Для ученых важно, чтобы особое внимание уделялось различным особенностям и менталитету в жизни казахов, в том числе в России и Беларуси, Центрально-Азиатском регионе, соседней Монголии и в Китае, которые являются частью евразийской интеграции.

Из многообразных социальных групп, составляющих сегодняшнюю общность человечества, на первый план выходит этническая общность. В современном мире она характерна для большинства стран, от архаических этнических общностей до суперэтнических, с различными социально-политическими, экономическими структурами и в подавляющем большинстве - полиэтническими. Как известно, «этнический ренессанс» различного характера, охвативший мир, отличается своим сложным, изменчивым,

противоречивым, конфликтным характером, иногда вызывающим напряженность в политическом пространстве.

Возрастающая роль этнических процессов в современное время обусловлена ростом национального самосознания, которое вызывает интерес к культуре своего народа. В то же время этнические идентичности нередко преобладают в межличностных, межэтнических и межгосударственных отношениях, что иногда приводит к политизации этнических признаков и их духовной депривации.

Чрезмерная политизация этничности имеет место, прежде всего, в период кризиса экономической жизни общества, безработицы и социальной конкуренции, роста общественной напряженности. Это происходит вследствие нарушения прежних политических, правовых, идеологических и экономических регуляторов межэтнических отношений и неспособности сформировать новые [1, с.117].

Именно с учетом таких тенденций возник интерес к проблеме казахской диаспоры на современном этапе, что акцентирует внимание исследователей на выявлении этих аспектов. Также очевидно, что диаспоральная политика правительства Казахстана по отношению к соотечественникам не направлена на разделение народов или постановку вопроса о превосходстве одной нации над другими по политическим или культурным вопросам. Поэтому можно считать, что взвешенная национальная политика имеет большое теоретическое и практическое значение для всех национальностей, народностей и этнических групп.

Этико-аксиологический анализ духовной культуры казахского народа помогает понять особенности этнической общности, которые проявляются не только на исторической родине в Казахстане, но и во многих странах огромного евразийского пространства. Особенно большое значение в диаспоральном вопросе имеет созданный в 2014-м году Евразийский экономический союз. Теперь для наших соотечественников из соседних стран будут максимально интегрированы экономические связи и увеличены возможности для наших соотечественников, занимающихся бизнесом [2, с. 137].

В своей культурной и миграционной политике Республика Казахстан в последнее время стала придавать большое значение этому вопросу не только в теоретическом смысле, но и в социокультурном, духовном и практическом аспектах. Понятно, что изучение проблем внутренней интеграции и сотрудничества в социокультурном понимании любой нации как полноценного исторического субъекта истории - важный шаг в плане расширения горизонтов национального мировоззрения.

Одна из актуальных задач - юридически обеспечить функционирование казахской диаспоры. В связи с этим необходимо как можно скорее решить такие актуальные вопросы, как обеспечение соответствующими учебниками молодежи, проживающей в России, в Узбекистане и в других странах, а также меры, направленные на сохранение родного языка.

В эпоху современной глобализации существуют актуальные проблемы для казахской духовности в целом, требующие более точного и научного рассмотрения в аксиологическом контексте. Специалисты, изучающие менталитет и духовность казахского народа, не сомневаются в его уникальной системе ценностей, особом национальном самосознании. Однако, поскольку мы испытываем сильное влияние межкультурных коммуникаций, необходимо учитывать особенности духовного мира, который веками создавался и развивался на огромном евразийском пространстве.

По словам Ингвара Сванберга, среди тюркских народов, по сравнению с другими народами тюркского происхождения, казахи представляют собой этническую диаспору, менее склонную к ассимиляции, стойкую и обладающую духовным иммунитетом. Сохранение казахского менталитета и национальной целостности других казахских диаспор, проживающих в такой этнической и языковой среде, является характерной чертой казахской диаспоры, проживающей во всех 40 странах мира. Это результат большой преданности казахов своей нации, родине, языку, религии, обычаям и традициям, в целом национальной культуре, традиционному мировоззрению, мудрости и зарождению таких прекрасных качеств в истории, традиционной культуре [3, с. 46].

Важным является анализ этических ценностей казахской диаспоры в Центральной Азии и России в масштабах осмысления современного смысла и содержания диаспоралогического учения, выявления его философских аспектов через научно-исследовательские практики, а также рассмотрение проблем модернизации ценностного каркаса зарубежных казахов. Совершенно очевидно, что по этому вопросу можно сделать выводы в инновационном ключе. При этом важно не только всесторонне раскрыть суть проблемы, но и сделать логические выводы, связанные с ее будущим.

Предполагалось, что многие казахи со стрессом воспринимают свое положение за рубежом, среди многомиллионной диаспоры, с точки зрения этнической и исторической несправедливости, поэтому было указано на этнопсихологический аспект проблемы. По-новому было сформулировано положение о том, что жизнь казахской диаспоры теперь может рассматриваться не только как трагедия, но и как новая возможность для укрепления своего менталитета и национальной культуры.

Подводя итог сказанному, отметим, что в эпоху глобализации этнодиаспоральное пространство казахов характеризуется различными особенностями в каждой стране, даже во внутренних условиях СНГ. Например, диаспоральное пространство в России рискует остаться в рамках категории «русскоязычное население» для казахской этнической группы. К сожалению, аналогичная ситуация существует и в других странах (Узбекистан, Монголия, Китай, Турция, страны Европы). В связи с этим, на сегодняшний день возрастает роль устойчивого диалога, укрепления отношений с соотечественниками из разных уголков мира на уровне этнокультурного сотрудничества.

Список литературы:

1. Назарбаев Н. Тарих толкынында. – Алматы: Атамұра, 1999. 273 с.
2. Ачкасов В.А. Этнополитология. — М.: Издательство Юрайт, 2014. 219 с.
3. Асылбек М.Х., Асылбекова Ж.М. Социально-демографическое развитие населения Казахстана в годы суверенитета // Отан тарихы, 2010. С. 45-49.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ

Коряковцева О.А.

*доктор политических наук,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, профессор кафедры теории и методики
профессионального образования,
директор Института развития кадрового потенциала
E-mail: youth1@mail.ru*

Бугайчук Т.В.

*кандидат психологических наук,
Ярославский государственный педагогический университет
им. К.Д. Ушинского, доцент кафедры теории и методики
профессионального образования
E-mail: mischenko@inbox.ru*

Аннотация: В статье представлен теоретический анализ проблемы глобализации мирового сообщества, особый акцент сделан на роль цифровизации в процессе формирования Гражданина. Авторы статьи раскрывают специфику влияния глобализации и цифровизации в первую очередь на молодое поколение россиян и становление их гражданской идентичности, отмечается важность привлечения сети Интернет в качестве инструмента самоопределения личности. При этом ценностная составляющая гражданской идентичности должна быть сформирована гораздо раньше, чтобы молодое поколение могло сделать правильный выбор в процессе идентификации.

Ключевые слова: глобализация, молодое поколение, гражданская идентичность, цифровизация, гражданское общество.

GLOBALIZATION OF THE WORLD COMMUNITY AND THE PROBLEM OF CIVIL PERSONALITY FORMATION

Koryakovtseva O.A.

Doctor of political science,

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
professor of the Department of theory and methods of professional education,
director of the Institute for human resource development*

E-mail: youth1@mail.ru

Bugaychuk T.V.

candidate of psychological sciences,

*Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky,
associate professor of the Department of theory and methods of professional
education*

E-mail: mischenko@inbox.ru

Abstract: *The article presents a theoretical analysis of the problem of globalization of the world community, with a special emphasis on the role of digitalization in the process of forming a Citizen. The authors of the article reveal the specifics of the impact of globalization and digitalization, first of all, on the young generation of Russians and the formation of their civic identity, the importance of using the Internet as a tool for personal self-determination is noted. At the same time, the value component of civic identity should be formed much earlier so that the younger generation can make the right choice in the identification process.*

Key words: *globalization, young generation, civic identity, digitalization, civil society.*

Состояние современного общества, его особенности и тенденции развития, безусловно, связаны с процессами «глобализации», увеличение интенсивности информации и степени открытости, размывания национально-культурных границ. Данные процессы оказывают сильнейшее влияние на экономическую, политическую, гражданскую, культурную и другие сферы жизни общества. Но, кроме того, они ведут и к трансформации самоосмысления и самосозидания каждой личности. В условиях быстрого роста информационного потока, его высокой плотности и неоднородности социальные технологии трансформируются, изменяя формы и способы идентификации человека [1].

Проблему глобальной цифровизации на ежегодном заседании международного дискуссионного клуба «Валдай», который проходил с 18 по 21 октября 2021 года в Сочи и заглавной темой которого была «Глобальная встряска – XXI: человек, ценности, государство», обозначил в своем выступлении Президент России В.В. Путин. Он отметил, что «страна, как и весь мир, проходит через изменения, которые становятся все глубже и

фундаментальнее. Технологическая революция, впечатляющие достижения в области искусственного интеллекта, электроники, коммуникаций, генетики, биоинженерии, медицины открывают колоссальные возможности, но при этом как прикладной аспект возникают философские, моральные, духовные вопросы, которыми ещё недавно задавались только писатели-фантасты». Рассуждая о проблемах и причинах глобализации, Президент говорит о том, что «изменения набирают обороты, и их, безусловно, не остановить, потому что они носят, как правило, объективный характер, и реагировать на их последствия придётся всем вне зависимости от политического устройства, экономического состояния или преобладающей идеологии... Подход в духе «своя рубашка ближе к телу» окончательно стал нормой, теперь этого даже и скрывать не пытаются, а зачастую даже этим кичатся, выставляют напоказ. Эгоистические интересы полностью взяли верх над понятием общего блага» [2].

Сегодня важно сказать о том, что глобализация в социокультурной сфере, сопровождающаяся отказом от многих традиционных ценностей, оказала воздействие на идентичность современных россиян [3]. Различные аспекты политической жизни молодого поколения вызывают довольно бурные дискуссии, из-за доминирования масс-медиа в процессах воспитания и формирования мнений, интенсификации информационного обмена, приводящего к кардинальным трансформациям, молодое поколение является самым изменяющимся субъектом гражданского общества: в первую очередь меняются факторы, детерминирующие становление их системы ценностей, механизмы формирования их личностных качеств и социализации в целом. В этой связи перед наукой встает вопрос о выработке технологий и моделей формирования новой идентичности молодых граждан России [4], что имеет стратегическое значение для успешного будущего российского государства. В политологии становится востребованным интегративный подход к научному познанию в общем и к проблеме становления гражданской идентичности, в частности. Как пишут отечественные политологи, «отмечается эффект давно обсуждаемого движения за междисциплинарную интеграцию научного знания в изучении политики, оно выявилось как стремление к пересечению границ в объектной, предметной, методологической и методической частях исследований (количественные и качественные, мягкие и строгие методы, изучение природы и общества, сети и ассамбляжи, законы и неопределенность и т.д.)» [5].

Спецификой нашего исследования стало изучение становления гражданской идентичности молодого поколения россиян как индикатора политической стабильности с позиции интегративного подхода, что привело к поиску стратегической концепции формирования гражданской идентичности в период социокультурной трансформации общества. В таком ракурсе изучение становления гражданской идентичности молодых россиян представляется новым вектором. Следует подчеркнуть, что калькирование западных схем и их отечественные интерпретации для исследования российской идентичности сопряжены с преодолением ряда теоретико-

методологических проблем: отделением действительной эвристической ценности концепций от их идеологических наслоений; рассмотрением теорий с целью согласования в них субъективных и объективных факторов; анализом концепций с точки зрения их прогностической и практической ценности.

Социально-политическая и культурная сложность мирового сообщества в контексте глобализма, подвижность маркеров воображаемых границ, по которым «люди могут выстраивать отношения, стимулируют поиски коалиций и механизмов, способствующих восприятию мира и жизни в условиях разнообразия культур и человеческих связей. К таким коалициям относится гражданская идентичность» [6, 8].

Сегодня в мировых средствах массовой информации встречается множество тревожных публикаций о том, что «в условиях глобализации и информатизации государство - нация исчезает» [7], превращаясь в недостижимый идеал. В этих условиях понятие национальной принадлежности размывается и может наполняться различным смыслом (сопровождаться этническими, политическими, религиозными коннотациями) в зависимости от контекста. Значит, сам процесс идентификации сопровождается тотальной неуверенностью человека, пытающегося установить границы своего «я» и границы «другого», определить свои потребности, интересы и ожидания. Понимание гражданской идентичности наукой как политологического концепта, способствующего восприятию мира даже в период экзистенциального кризиса, предполагает, что «гражданство — это приобретенное качество индивида, связанное с сознательным его выбором» и, таким образом, более соответствующее гуманистическим и демократическим тенденциям современной науки и политической практики [8].

Ядром отношений, создающих гражданскую идентичность, являются «активность духа и активность действий» личности (по Н.А. Бердяеву [9]), которые необходимо формировать в подрастающем поколении на нравственной основе, чтобы избежать деструктивных явлений. Внутренняя духовная пустота порождает ощущение бессмысленности жизни, отсюда – деструктивная «активность действий»: «бегство» молодежи в виртуальную «нереальную жизнь», наркотики, алкоголь, Интернет, политические и компьютерные игры, другие поведенческие аддикции. Мы убеждены, что «активность духа» личности возможно сформировать только при условии осознанного ею выбора (но не вседозволенности). Неустойчивость как личностной, так и гражданской идентичности порождает проблему формирования активности духа подрастающего поколения в связи со сложившейся в современном российском обществе аномией (Э. Дюркгейм – безнормие [10]). Это состояние общества, когда наступает дезинтеграция и распад системы ценностей, обеспечивающих общественный порядок, что крайне опасно не только для отдельной развивающейся личности, но и для устойчивости общества и государства в целом, вот почему гражданская идентичность выступает индикатором политической стабильности в государстве.

Одним из важных социокультурных инструментов развития гражданской идентичности являются средства массовой информации и в первую очередь - Интернет. В современном мире виртуальные социальные коммуникации становятся главным средством общения и воздействия на социум. Первичная социализация молодежи, а также социальная идентификация осуществляются именно посредством социальных сетей, поскольку именно «в цифровую эпоху под влиянием сети Интернет происходят интенсивные процессы реструктуризации моделей социальной идентичности и социального поведения пользователей» [11]. Отметим, что многие сетевые микросообщества отличаются трайбализмом, то есть не зависят от экономических, социальных и даже мировоззренческих характеристик традиционного социума. Вместе с тем, как отмечают исследователи, мировая глобализация вовлекает во взаимодействие разные сообщества и культуры и требует развития идентичностей, диалектически противоположных социальной стандартизации [12]. Вот почему базовыми константами социального бытия становятся толерантность, плюрализм, космополитизм и глобализм. Очевидно, что процессы глобализации разрушают национальный суверенитет и обостряют проблемы национальной идентичности, стремление наций к самобытности и к самоопределению. «При разрушении любой ценностной системы, объединяющей общество, возрастает роль национальной идентичности как естественной реакции на неопределенность» [13]. Участие в глобальных сетях меняет социальную идентичность: увеличивается склонность к сотрудничеству [14], - но для России очевидно и обратное: увеличение глобальной социальной идентичности ведет к уменьшению гражданской идентичности, а степень солидарности и общности с гражданами, со страной – снижается. Вряд ли это способствует политической стабильности гражданского общества. Следовательно, в условиях такого массивированного воздействия на сознание юных граждан [15] необходимо создание общегосударственной системы, интегрирующей образовательную и молодежную политику по формированию гражданской идентичности.

Проведённые нами в течение ряда лет исследования результатов некоторых социальных практик подтверждают, что в стабильном обществе доминирует объективная составляющая, а в условиях радикальной трансформации социокультурных ценностей и норм (что и происходит сегодня в России в процессе сетевого общения), преобладает субъективная составляющая идентичности. Именно это преобладание определяет особую сложность процесса становления гражданской идентичности молодёжи «цифрового поколения».

Многообразие информации ставит человека в ситуацию, когда он не в состоянии осмысливать получаемую информацию, у него не остается времени делать выводы, встраивать ее в систему своего мировоззрения, он способен ее только «потреблять». Духовный мир как целостная система разрушается, приобретая черты эклектичности и релятивизма. В этой ситуации формирование идентичности осложняется разрывом социокультурных связей

между поколениями и глубоким социальным неравенством, сложившимся в обществе.

Кризис гражданской идентичности связан с потерей или, лучше сказать, утратой некоторых элементов этой сложной системы ценностей, чувств, правил, традиций. Следовательно, формирование гражданской идентичности необходимо рассматривать в плоскости ее восстановления, возвращения. Но мы должны отдавать себе отчет в том, что это во многом будет новая форма идентичности, не совпадающая с прежней (например, характерной для советского времени).

Как справедливо замечает А.А. Лисенкова, виртуальное пространство привлекает собой поле для экспериментов с собственной идентичностью, что приводит к изменению традиционного баланса между общественным и частным и формирует принципиально новый процесс идентификации личности [16]. Значит, рассматривая роль мировой социокультурной трансформации в формировании личности, такие науки как философия, политология, психология и социология должны остановиться на проблемах, которые сопровождают этот во многом субъективный процесс. И, прежде всего, на проблеме формирования гражданской идентичности в современном обществе с его неустойчивостью, кризисами, рисками и угрозами.

Субъективированное становление гражданской идентичности в российской поликультурной и мультиэтнической среде – это сложный процесс, требующий интегративного подхода и разработки феноменологической модели формирования гражданской идентичности молодого поколения россиян. В России разработка такой модели приобретает острую необходимость. Важно говорить о том, что идентификационное пространство в условиях глобализации становится шире, чем пределы отдельного государства, поэтому процессы трансформации идентичности направлены на пересмотр основ национальной и государственной идентичности и определены появлением новых объектов идентификации и новых форм идентичности, непривязанных к определенному месту, возникновением гибридных идентичностей посредством пересечения старых и новых классификаций на основе конфликта коллективистских и индивидуалистических ценностей. Неустойчивость как личностной, так и гражданской идентичности обостряет проблему гражданского становления и формирования «активности духа» подрастающего поколения, решение которой крайне важно не только для отдельной развивающейся личности, но и для стабильности общества и государства в целом.

Список литературы:

1. Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В. Гражданская идентичность молодежи: современный взгляд // Культура. Политика. Понимание (философско-политические проблемы идентичности: Россия и современный мир). Белгород, 2016. С.56-61.

2. Выступление Владимира Путина на заседании Валдайского клуба (текст). - URL: <https://eadaily.com/ru/news/2021/10/21/vystuplenie-vladimira-putina-na-zasedanii-valdayskogo-kluba-tekst> (дата обращения: 21.10.2021).
3. Шикова Р.Ю. Гражданская идентичность молодежи в современной России // Трансформация публичной сферы и сравнительный анализ новых феноменов политики: сб. науч. ст. Краснодар: КубГУ, 2010. С. 91-97.
4. Михайлов В.А., Михайлова Н.В. К дискуссии о проблеме российской идентичности // Вестник российской нации. 2009. №5 (7). С.47-57.
5. Гаман-Голутвина О. В., Сморгун В. В., Тимофеева Л. Н. Траектории политического развития России // Власть. 2020. Том 28. № 4. С. 253-258.
6. Дробизева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. Т. 26. № 1. С. 7–31.
7. Joseph J. Language and identity: National, ethnic, religious. Houndmills, Basingstoke, Hampshire & New York: Palgrave Macmillan, 2004. 268 p.
8. Зорькин В. Д. Как сохранить государство в эпоху этносоциального многообразия // Российская газета (Федеральный выпуск) N 5579.13.09.2011. - URL: <http://www.rg.ru/2011/09/13/zorkin.html> (Дата обращения: 16.10.2021).
9. Бердяев Н.А. Мое философское миросозерцание // Н.А. Бердяев о русской философии. Свердловск, 1991. Ч.1. 287 с.
10. Дюркгейм Э. Представления индивидуальные и представления коллективные // Дюркгейм Э. Социология. ее предмет, метод, предназначение / Пер. с фр.А. Б. Гофмана. М.: Канон. 1995. С. 208–243.
11. Шестопал Е.Б., Селезнева А.В. Социокультурные угрозы и риски в современной России // Социологические исследования. 2018. № 10. С. 90–99.
12. Пэлфри Дж., Гассер Урс. Дети цифровой эры. М.: Эксмо, 2011. 368 с.
13. Коробейникова Е. А. Глобализация и национальная идентичность // Вестник современных исследований. 2019. № 1. С. 83-85.
14. Grimalda G., Buchan N., Brewer M. Social identity mediates the positive effect of globalization on individual cooperation: Results from international experiments. PLoS ONE, 2018. 12-13 p.
15. Магомедов Д. 3 Современные технологии формирования общероссийской идентичности // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2018. Т. 12. № 1. С. 79-83.
16. Лисенкова А.А. Самокатегоризация как форма идентичности в социальных медиа // Ценности и смыслы. 2017. № 3 (49). С. 28–34.

**ГИБЕЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В
ДЕРЕВЕНСКОЙ БЫТНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В.
НА МАТЕРИАЛАХ ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА
«ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ»**

Кушнерева К.В.

Вологодский научный центр Российской академии наук»

(ФГБУН ВолНЦ РАН),

аспирант

E-mail: k.v.kushnerova@yandex.ru

***Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ
«Трансформация российского общества 1950–1990-х гг.: классовый генезис
и эволюция экономического устройства», проект № 19-18-00269.***

Аннотация: В тексте, с помощью социально-исторического контекста анализируется повесть В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» (1976 г.). Дается краткий экскурс о литературном наследии автора и его биографии. Освещаются мотивы написания данного произведения, как одного из ярких воплощений жанра «деревенская проза». Характеризуются крестьянские ценности и их исчезновение в связи с технологическим прогрессом. Подвергается осмыслению проблема потери связи с родной землей среди жителей села. Исследуется вопрос утраты духовного единения с местом рождения, а также трансформации традиционных представлений и идеалов среди молодежи. Делается вывод о том, что «Прощание с Матёрой» – произведение не только о судьбе сибирского села, затопленного ради великой стройки, но, в первую очередь, труд, поднимающий тему планетарного масштаба. Анализируется популярность повести, как в кругу читателей, так и в среде литераторов. Проводятся исторические параллели с повестью Р.В. Сенчина «Зона затопления».

Ключевые слова: художественная литература, крестьянские ценности, деревенская проза, сельский быт, общественное сознание, В.Г. Распутин.

**THE DEATH OF TRADITIONAL PEASANT VALUES IN THE
VILLAGE LIFE OF THE SECOND HALF OF THE XX CENTURY. BASED
ON THE MATERIALS OF THE STORY BY V.G. RASPUTIN "FAREWELL
TO MATER"**

Kushnerova K.V.

Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences" (FSBI VolSC

RAS), Postgraduate student

E-mail: k.v.kushnerova@yandex.ru

Abstract: *In the text V. G. Rasputin's novel "Farewell to Matera" (1976) is analyzed with the help of socio-historical context. A brief tour of the author's literary heritage and biography is given. The motifs of writing this work as one of the brightest incarnations of the genre of "village prose" are illuminated. Peasant values and their disappearance due to technological advances are characterized. The problem of loss of communication with native land among the villagers is being considered. The issue of the loss of spiritual unity with the place of birth, as well as the transformation of traditional ideas and ideals among young people is investigated. It is concluded that "Farewell to Matera" is a work not only about the fate of the Siberian village, flooded for the sake of a great construction, but, first of all, work that raises the topic of planetary scale. The popularity of the story is analyzed, both among readers and among writers. Historical parallels are drawn with the story of R.V. Senchin "The flood zone."*

Key words: *fiction, peasant values, rural prose, rural life, social consciousness, V. G. Rasputin.*

Валентин Григорьевич Распутин (1937–2015) – известный русский писатель и публицист, общественный деятель. Один из наиболее значительных представителей «деревенской прозы». Своим литературным дебютом В.Г. Распутин считал повесть «Деньги для Марии», появившуюся в печати в 1967 году. Но уже до ее публикации, еще в 1965 году, он был рекомендован в Союз писателей СССР [8, с. 3].

Одним из значительных явлений как в литературе XX века, так и в литературе жанра «деревенская проза», явилась публикация повести В.Г. Распутина «Прощание с Матёрой» в 1976 году.

Действие книги происходит в 1960-х годах в деревне Матёра, расположенной на одноименном острове посередине реки Ангары. В связи со строительством Братской ГЭС деревня должна быть затоплена, а жители переселены. Многие люди не хотят оставлять Матёру, в которой провели всю свою жизнь. Это преимущественно старики, принимающие согласие на затопление деревни как измену предкам, похороненным в родной земле. Главная героиня, Дарья Пинигина, белит свою избу, которую через несколько дней предаст огню санитарная бригада, и не соглашается, чтобы сын перевёз её в город. Старушка не знает, что будет делать после гибели деревни, боится перемен. В аналогичной ситуации находятся другие старики, которые уже не в состоянии привыкнуть к городской жизни. Сосед Дарьи, Егор, вскоре после отъезда в город умирает, а его жена, Настасья, возвращается в Матёру. Гораздо легче переносит прощание с родной землёй молодёжь – внук Дарьи – Андрей, или её соседка – Клавка. Молодое поколение верит, что в городе найдёт лучшую жизнь, не ценит родной деревни.

«Прощание с Матерой» – трагедия, история беды, которая имеет не национальные, и тем более не местные, а планетарные истоки и последствия.

Сам Валентин Григорьевич про повесть говорил: «То, что происходило на Ангаре во время строительства электростанций, я видел воочию, это надо было только осмыслить. Моя деревня тоже испытала переселение – трагедию,

которая, в сущности, стала знаком времени. Это действительно трагедия: уходят в небытие родные могилы, вся прежняя жизнь, не один пласт, на котором стояла деревня, а все ценности и святости, которые она нажила. Об этом надо было написать, окунувшись в глубины народной беды. Возможно, что-то не удалось. Может быть, оказалось не по силам, а может быть, я считал тогда, что написать нужно именно так» [7, с. 5].

«Сюжет каждой вещи Распутина связан с испытанием, выбором, с темой жизни и смерти. Смерть высвечивает характеры всех действующих лиц, в «Прощании с Матёрой» – в последние дни перед потоком, который меняет судьбы всех персонажей, обостряет вопрос о смысле жизни, соотношения нравственности и прогресса, бытия и небытия, прошлого и будущего, старого и нового – недаром так ощутимы библейские реминисценции в повести» – писал Вахрамеев В.В [3, с. 120]. Получается можно говорить о том, что повесть показывает потерю жителей деревни своей связи с родиной, родной землей. Только молодому поколению, духовная связь с местом рождения и жительства которых не так крепка, легко получается преодолеть сомнения и сделать выбор в пользу переезда из поднадоевшего сельского быта, переехать в город.

В «Прощании с Матёрой» короткий экскурс в прошлое подчеркивает: эта земля была согрета и передана людям предками, она стояла века и все, что на ней выросло и окрепло, достойно бережного, хозяйского мудрого и трезвого отношения [8, с. 33]. И начав строительство на этой территории, истории деревни, той многовековой придет конец и никогда уже население не вернется в свою «Матёру».

Бражников И.Л. говорит о произведении так: «Остров «Матёра», каким его создал художественный гений В.Г. Распутина, обладает рядом существенных отличий от обыкновенного мира «большой земли», тоже представленном в его знаменитой повести «Прощание с Матёрой». Прежде всего, остров отличает своеобразие течения времени. Здесь время как бы заканчивается, исчезает оно преодолено и побеждено вековечностью» [2, с. 21].

«Прощание с Матёрой» – произведение не о судьбе сибирского села, затопленного ради великой стройки, а это произведение на мировую тему, так как тема отношения к родным местам интересует всех во всем мире. Повесть Распутина В.Г. связывает судьбу уходящей в прошлое традиционной России с судьбой мира.

По мнению Штракова А.Н.: «За минувшие тридцать лет жизни человека во всем мире подверглась глобальным изменениям, вся жизнь, кажется стала подчиняться каким-то другим законам. А повесть «Прощание с Матёрой» не только продолжает оставаться актуальной, но и помогает понять нашу сегодняшнюю действительность».

Валентин Курбатов, известный литературный критик писал: «Эта повесть не только выдающееся произведение «деревенской прозы» из ряда её вершинных достижений, но и, как выясняется по прошествии времени, одна

из самых значительных книг отечественной литературы советского периода [6, с. 4].

Таким образом, перед нами действительно повесть-притча, трагедия – предупреждение о том, что с гибелью мира, хранящего прошлое, погибнет неизбежно и мир будущий. После этого потопа, по мысли Распутина, новый мир не появится вообще [3, с. 122].

Разрыв с деревней, со своим родом в контексте деревенской прозы трактуется однозначно: «Оторвать человека от родины означает разрушить не только экономическую, но и нравственную сторону его жизни», – писал выдающийся представитель «деревенской прозы» Василий Иванович Белов [1, с. 99].

На первый взгляд в «Прощании с Матерой», с этой крестьянской Атлантидой, почти святой землей, обетованным островом, уходящим на дно рукотворного моря, Распутин идет дальше Белова. Именно в освящении, «сакрализации» (сакрализированный-святой) уходящих патриархальных миров. Если у Белова священна изба, «сосновая цитадель», очаг жизни, то у Распутина весь остров Матера – это обетованная земля, исключительное безгрешное пространство, отделанное многими водами от чуждого грешного мира. Водный рубеж – лучшая граница [9, с. 8].

По выходе повесть вызвала огромный литературный и общественный резонанс – было ясно: писатель в яркой художественной форме не только поднял острейшие социальные, нравственные, экологические проблемы, но и на примере сибирской деревни, обреченной на гибель, поставил поистине бытийные вопросы, напрямую связанные с будущим страны, судьбой народа и отдельного человека. Выводы Распутина В.Г. были тревожны: утрата корней, вековых традиций, связи поколений чревата национальной трагедией. «Правда в памяти. У кого нет памяти, у того нет жизни», – говорит автор главной героини повести старухи Дарьи [6, с. 4].

Подводя итог, стоит отметить, что повесть «Прощание с Матёрой» стала одним из значительных явлений в литературе второй половины XX в., многозначителен тот факт, о том, что произведение было экранизировано в 1981 году под названием «Прощание». Уже на современном этапе, через год после смерти автора, выходит некое продолжение-ответ знаменитой повести «Зона затопления» Романа Сенчина. Новый виток истории о деревенских жителях, выселенных в город с родной земли, которая вот-вот будет затоплена – на этот раз гидроэлектростанции [4, с. 214]. Посвятив свою книгу В.Г. Распутину, Сенчин тем самым попытался ответить классику. Но, чтобы вступить с ним в диалог, нужно иметь что сказать нового, в противном случае вместо ответной реплики прозвучит эхо [4, с. 216]. Также стоит отметить стихотворение Натальи Егоровой, которое носит одноименное название «Прощание с Матёрой» [5, с. 8]. Так этими фактами можно подчеркнуть, что повесть находила и продолжает находить отклик в сердцах, как простых читателей, так и в среде литераторов.

Список литературы:

1. Белов В. И. Избранное. М: ИТРК, 2002. 608 с.
2. Бражников И. Л. Время, история и вечность в повести В. Распутина «Прощание с Матерой» // Литература в школе. 2010. № 3. С. 21–23.
3. Вахрамеев В. В. В тени мирового древа: земля или территория? (художественный мир повести В. Распутина «Прощание с Матерой») // «Увидеть лицо человечьё»: от литературы – к жизни: [пособие для учителей литературы]. Вологда, 2011. С. 120-122.
4. Грицаенко Д. Эхо с Матеры // Знамя. 2016. № 3. С. 214–216.
5. Егорова Н. Н. И судит мир прощающий Христос : [стихи] // Наш современник. 2016. № 4. С. 3–10.
6. Курбатов В. Прощание с собой: [к 30-летию выхода в свет повести В. Г. Распутина «Прощание с Матёрой»] // Литературная газета. 2006. 13 сент.-19 сент. С. 4
7. Румянцев А. Г. Талант из глубины Сибири: Валентин Распутин // Литература в школе. 2017. № 10. С. 2–8.
8. Тендитник Н. С. Судьба Сибири – личная судьба: О творчестве В. Распутина Красноярск : Изд-во Краснояр. ун-та, 1985. 44 с.
9. Чалмаев В. А. «Откройте русскому человеку русский " свет"». Валентин Григорьевич Распутин// Литература в школе. 2005. №9. С. 2–8.

ТРАНСЛЯЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ МЕГАМОДЕРНА

Лойко О.Т.

*Доктор философских наук,
Национальный исследовательский Томский политехнический
университет, профессор
E-mail: olgaloyko@tpu.ru.*

Исследование выполнено в рамках повышения конкурентоспособности Национального исследовательского Томского политехнического университета

Аннотация: Работа посвящена исследованию социальной памяти как особого способа сохранения ценностно-смыслового поля культуры. В статье рассматривается культурно-исторический ландшафт социальной памяти, ее отличие от памяти исторической и делается вывод о том, что в обществе постмодерна происходит закономерный процесс реактивации – реконструкции, рекатегоризации содержания социальной памяти. Высказывается предположение о том, что этот процесс, являясь закономерным и исторически обусловленным, тем не менее нуждается в постоянной корректировке с целью объективного понимания содержания социальной памяти.

Ключевые слова: социальная память, ценностно-смысловое поле культуры, культурный ландшафт, общество постмодерна.

THE TRANSLATION OF THE CONTENT OF SOCIAL MEMORY IN THE SOCIETY OF MEGAMODERN

Olga T. Loyko

Doctor of Philosophy,

National Research Tomsk Polytechnic University, Tomsk,

E-mail: olgaloyko@tpu.ru

Annotation: *The article is devoted to the study of social memory as a special way of preserving the value-semantic field of culture. The article examines the cultural and historical landscape of social memory, its difference from historical memory, and concludes that in postmodern society there is a natural process of reconstruction-reactivation – recategorization of the content of social memory. It is suggested that this process, being natural and historically determined, nevertheless needs constant adjustments in order to objectively understand its content.*

Key words: *social memory, value-semantic field of culture, cultural landscape, postmodern society.*

The study was carried out within the framework of improving the competitiveness of the National Research Tomsk Polytechnic University

Социальная память являет собой онтологическую основу бытия человека, группы, общества. Расширение историко-культурного диапазона за счёт вовлечения в массовое сознание новых источников, артефактов, воспоминаний приводит к необходимости их осмысления и встраивания в общую картину понимания прошлого. Анализ ландшафта социальной памяти [1] позволяет выявить типологические характеристики ее социокультурного бытия в обществе постмодерна, когда происходит эпистемологический сдвиг основных констант ее бытия.

Сложность и полифоничность изучения социальной памяти предполагает выявление специфики этого феномена в контексте существования рядоположенных явлений, таких, как, в первую очередь, историческая память. Пока мир социума совпадал по своему содержанию и ценностным ориентирам с миром истории, человечество довольствовалось исторической памятью - своеобразной хроникой событий, где одобрение и/или порицание были раз и навсегда установлены [4, с. 17]. С момента открытия социального аспекта остро ощущается потребность в нормативном отношении к прошлому, которое оказывало все более заметное влияние на настоящее, транслируя в его содержание свои, претерпевшие значительные изменения под воздействием воспоминаний, метатипы. П. Н. Милуков связывает появление социальной памяти с петровскими реформами, с культурной традицией, которая расширяется и при посредстве новой

интеллектуальности оказывает влияние и на другие социальные слои. «С этого момента является в России непрерывная и прочная социальная память» [6].

Социальная память, вопреки стремительно меняющемуся контенту, остается важнейшим элементом культуры. Именно она способна передать ценностно-смысловой мир культуры от одного поколения к другому. Социальная память, выступая хранительницей разнообразных культурных смыслов и значений, в процессе коммуникаций создает из них сложный символический текст современной культуры.

Уникальные свойства памяти интересовали человечество с давних времен. Вольтер посвятил памяти одну из своих философских повестей. «Случай с памятью» наглядно описывает, что произойдет, если человечество потеряет такой ценный дар, как память. Музы, лишив людей памяти, по сути, лишили их всего. Михаил Ломоносов позже подтверждает данную мысль в своих работах. Таким образом, можно сделать вывод, что память является одним из ключевых условий жизни на земле. Потеряв память, люди погружаются в хаос. Они не понимают, зачем они на земле, что им делать, куда стремиться. Они не могут работать, содержать семью, растить детей, вообще приносить людям пользу. Этот же эффект можно наблюдать в странах, которые по разным причинам хотят стереть из памяти народа свое так называемое «черное» прошлое.

Прошлое необходимо анализировать, делать полезные выводы, а не стирать из сознания поколений. Возможно, когда-нибудь люди это осознают. Ведь размышления на данную тему ведутся всегда.

Память, ориентированная в прошлое, невольно элиминирует значимость события, уже свершившегося и именно поэтому забытого. Социокультурная память в силу присущей ей модальности имеет дело с актуальным, незавершенным бытием, которое продолжает длиться. То, что не закончено, не забывается. Но незабываемое в содержании социальной памяти, которое М. Хайдеггер называет памятью о бытии, для того чтобы обладать статусом бытийности, должно выступать в определенных формах. Таковыми наиболее значимыми формами бытия социальной памяти выступают миф, архетип, текст. Если миф способен сохранить и трансмутировать непосредственное содержание социальной памяти, так называемую память рода, архетип, выступая как означиваемое, показывает его глубинную сущность, то текст в силу универсальности, присущей ему как форме бытия социальной памяти, способен благодаря бесконечному числу интерпретаций зафиксированного в нем ценностно-символического содержания социальной памяти представить более полно смысл запоминаемого [5].

Считается, что именно Хальбваксу удалось переместить фокус интересов историков с объекта «прошлое» на «память» и «коллективную память». Основная идея работы заключается в том, что память индивидов и групп социально детерминирована, именно для анализа этой общественной составляющей автор использует понятие «рамки» [9]. «Чаще всего я вспоминаю о чем-то потому, что к этому побуждают меня другие, что их память помогает моей памяти, а моя память опирается на их память. В таком

смысле получается, что существует коллективная память и индивидуальные рамки памяти, и наше индивидуальное мышление способно к воспоминанию постольку, поскольку оно заключено в этих рамках и участвует в этой памяти» [9, с. 22].

Следующим компонентом является взаимосвязь понятий «память» и «место». Термин «место памяти» введено французским ученым П. Нора в начале 80-х годов XX века. Оно воплощает в себе единство духовного и материального порядков, которое со временем и по воле людей стало символическим элементом наследия национальной памяти общности. Местами памяти, по мнению Нора, могут быть памятники культуры и природы, праздники, эмблемы, люди, здания, книги, песни, торжества в честь людей или событий и т.д. Создаются такие места с целью сохранения памяти группы людей. Их главная роль символическая, они должны создавать представления общества о самом себе. Важно, что места памяти могут нести разные значения, и эти значения могут меняться, например с помощью текстов. На примере смены мест памяти нации можно изучать изменение исторического самосознания и коллективной идентичности. Нора выделяет три вида таких изменений. Во-первых, отдельные места могут быть забыты или вытеснены из памяти. Во-вторых, забытые места памяти могут заново приобрести важное значение. В-третьих, перемены можно наблюдать даже в тех местах, которые имели и имеют свое место в коллективной памяти нации [7].

«Места памяти рождаются и живут благодаря чувству, что спонтанной памяти нет, а значит, нужно создавать архивы, нужно отмечать годовщины, организовывать празднования, произносить надгробные речи, нотариально заверять акты, потому что такие операции не являются естественными. Вот почему охрана меньшинствами спасенной памяти в специальных ревностно оберегаемых центрах способна лишь накалить добела истину всех мест памяти. Без коммеморативной бдительности история быстро вымела бы их прочь. Это и есть главные бастионы мест памяти. Но если бы тем, кто их защищает, ничто не угрожало, то не было бы необходимости их строить. Если воспоминания, которые они заключают в себе, были бы действительно живы, в этих бастионах не было бы нужды. Если бы, напротив, история не захватила их, чтобы деформировать, трансформировать, размять и превратить в камень, они не стали бы местами для памяти. Именно такое движение туда и обратно составляет их суть: моменты истории, оторванные от течения истории, но вновь возвращенные ей. Уже не вполне жизнь, но еще и не вовсе смерть, как эти ракушки, оставшиеся лежать на берегу после отлива моря живой памяти» [7, с. 24].

Анализ основных, но далеко не всех имеющихся исследовательских парадигм – следующие возможные пути исследования социальной памяти. Выделим наиболее существенные.

1. Реактивация социальной памяти, которая ранее была уделом интеллектуальной элиты, в обществе постмодерна стала достоянием самых широких масс. Образ прошлого, под воздействием, прежде всего, Интернета

стал стремительно меняться. Публичность и полная открытость интернет-пространства привела не только к переосмыслению, но, что зачастую несет негативный отпечаток, утрате этической осмысленности прошлого. Примером реактивации содержания памяти может служить материал, представленный в 2016 г. в эфире канала RadioBaltkom. Исполнительный директор центра исследования социальной памяти Латвийского университета Андрис Сауитис обсуждал в прямом эфире результаты опроса, которые в течение десяти лет проводятся с целью выяснения динамики развития общественного сознания жителей этой страны. Звонок в студию. Звонивший поделился ошарашивающим фактом: «Моя дочка, второклассница, после урока рисования, с восторгом рассказывала о замечательном художнике XX в. Адольфе Гитлере, о котором ей сообщила учительница рисования. Мне пришлось долго объяснять ей что именно «нарисовал» этот замечательный «художник» на карте мировой истории [8].

Сама по себе реактивация приводит к реконструкции иного понимания событий. Содержание этого нового реконструированного события получает собственное бытие, онтологический статус которого обосновывается именно новыми, до сих пор неизвестными и/или по-иному интерпретированными источниками. Особое место в реконструкции социальной памяти приобретает факт создания и трансляции массовых концептов, помещенных в новый историко-культурный ландшафт. Именно благодаря перемещению многие феномены социальной памяти получают мифологическое бытие.

2. Реактивация порождает новую реконструкцию, в процессе которой содержимое следов памяти подвергается время от времени реорганизации под влиянием свежих обстоятельств ее транскрипции. Принципиально новым феноменом является то, что память закладывается не единожды, а на протяжении ряда эпизодов ее востребованности. Примером может служить реконструирование феномена блокады в культурной памяти XXI века. Блокаду Ленинграда, длившуюся 872 дня, сравнивают с блокадой Берлина, длившейся менее года (21 июня 1948 – 11 мая 1949). Компаративистика, как научный метод, способна придать значимость сравниваемых событий. Но только не в этом случае. Блокада Берлина проходила совершенно в других условиях, население Берлина получало достаточное количество продуктов по воздушному мосту, организованному союзниками. Жители Берлина 1948 года вспоминали: «Они (американцы) разбомбили наши города, теперь пусть бомбят картошкой» [2]. Два этих события объединяет только название, но именно на этом строится политика искаженной реконструкции значимости исторического события и сознательного и/или неосознанного внедрения его в контекст культурной памяти.

3. Содержание социальной памяти в ее постоянной рекатегоризации осуществляется не в безвоздушном пространстве. В рамках социального ландшафта происходит дематериализация прошлого и стремительный переход прошлого в виртуальную реальность. Стремительно меняется форма и структура социального времени. Время как линейный процесс стремительно исчезает. Меняемся мы (общество, человек, группа), меняется и наше время.

Происходит своеобразное расширение настоящего как сферы параллельных и зачастую разновекторных измерений социального времени. Бытие социальной памяти представляется как фиксация ее онтологической сущности, когда реализуется способность памяти фиксировать отношения памяти к природной среде в ее основных исторических этапах. Социальная память как институт позволяет легитимизировать содержание тех или иных событий, определяющих структуру памяти, выделять значимые или, напротив, утратившие свое значение феномены памяти. Именно этот феномен создает воспитывающий ресурс памяти. Но одновременно выступает причиной ее фальсификации. На экзистенциональном уровне социальная память может предстать как память рода, семьи, нации. В этом случае именно память проявляет себя как память субъективная, ценность которой определяется обращению к личным воспоминаниям. Особую ценность в этом отношении получают личные документы и дневники.

Изменение темпоральности социальной памяти связано, как отмечает Гумбрехт, с ее дигитализацией. Совершенство электронных носителей памяти привело к возникновению еще одной мифологемы – реальной возможности зафиксировать все события прошлого и актуального настоящего, как бы переводя содержание культурной памяти из ее за-бытия в бытие и впоследствии в со-бытие. «Компьютер стал ныне диспозитивом, делающим знание доступным в невиданных объемах и небывалой концентрации, но одновременно возникает отчуждение знания от вопроса о его прикладном значении» [10].

Подводя итог сказанному, отметим, что процессы реактивации, реконструкции, рекатегоризации являются закономерной траекторией развития социальной памяти в ландшафте общества постмодерна. Эти процессы могут быть управляемыми или неуправляемыми. Если контент дигитального бытия социальной памяти ориентирован на восстановление истинного ее содержания, есть надежда на сохранение и трансляцию смысловых и ценностных характеристик культуры. Человек стоит перед выбором, и только активная осознанная траектория его личного культурного бытия способна не допустить утраты сущностных основ культурной памяти.

Список литературы:

1. Аникин Д.А. Пространство социальной памяти: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата философских наук. Саратов, 2008. 22 с.
2. Берлин /Berlin 1948-1949 (CNNColdWar). – URL: www.youtube.com (дата обращения: 21.06.2021).
3. Вольтер. Случай с памятью. – URL: <https://www.litmir.me/br/?b=298338&p=1> (дата обращения: 23.06.2021).
4. Лойко О.Т. Миф – архетип – текст – литургия: бытие социальной памяти. Томск: Изд-во ТПУ, 2018. 194 с.

5. Лойко О.Т. Онтология текста социальной памяти // Известия ТПУ. 2006. №1. – URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ontologiya-teksta-sotsialnoy-pamyati> (дата обращения: 04.06.2021).
6. Милюков П.Н. Интеллигенция и историческая традиция // Вопр. философии. 1991. № 1. С. 112-157.
7. Нора П., Озуф М. Проблематика мест памяти. Франция-память. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1999. С. 17-50.
8. Сауитис А. Гитлер великий художник. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=eLSvoKQ8bak> (дата обращения: 10.06.2021).
9. Halbwachs M. On Collective Memory/ Lewis A. Coser, trans. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 256 p.
10. Gumbrecht H.U. Unsere breite Gegenwart. Berlin Suhrkamp Verlag., 2010. 143 p.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЯ И ЭЛИТЫ НА ПРИМЕРЕ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА I

Лубешко А.Н.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе,
студент*

E-mail: lubeshkoa@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения элиты и власти в период правления Павла I. Обращается внимание на то, что между интеллигенцией и императором была напряженность, которая в конечном итоге привела к заговору и убийству монарха.

Ключевые слова: Павел I, элита, власть, противостояние, дворянство, отношения правителя и элиты.

THE INTERACTION OF THE RULER AND THE ELITE ON THE EXAMPLE OF THE REIGN OF PAUL I

Lubeshko A.N.

*Lomonosov Moscow State University branch in Sevastopol,
student*

E-mail: lubeshkoa@inbox.ru

Abstract: The article examines the relationship between the elite and the authorities during the reign of Paul I. Attention is drawn to the fact that there was tension between the intelligentsia and the emperor, which eventually led to a conspiracy and the murder of the monarch.

Key words: Paul I, elite, power, opposition, nobility, relations between the ruler and the elite.

Эпоха каждого правителя предполагала функционирование элиты, которая является неотъемлемой частью политических, социально-экономических, культурных и военных процессов, происходящих в стране. У каждого монарха отношения с элитой выстраивались по-разному. У одного она была лишь советником в проведении реформ, генератором идей, но принятие решения все равно оставалось за правителем. Однако, были случаи, когда вся власть была именно в руках представителей элиты, а монарх лишь исполнял церемониальные обязанности. Отметим, что отношения власти и элиты являются практически вечными сюжетами, требующими тщательного изучения.

Фигура Павла Петровича всегда оставалась для многих людей загадочной и сложной. Его противоречивая политика стала объектом множества дискуссий, которые продолжаются уже третий век. Большинство законов и иных подзаконных актов появились, как результат плохих отношений Екатерины и Павла. В.О. Ключевский писал: *«Насколько Екатерина действовала для развития и процветания страны, настолько Павел пытался сделать все наоборот, лишь бы было не так, как делала мать»* [1]. Поведение матери по отношению к сыну выросло в будущем императоре непринятии екатерининских порядков и огромное желание изменить все, чего коснулась ее рука. И, как известно, это коснулось не только екатерининских реформ, но и ее фаворитов, в то время составлявших основу политической элиты страны. Павел объявил войну дворянству, которое при Екатерине переживало свой «золотой век»: вернул налоги и телесные наказания для дворян, отменил массу привилегий, резко ограничил дворянские права.

После вступления на престол, Павел I позвал к себе графа Ростопчина и сказал ему следующее: «Ты устал, и мне совестно; но потрудись, пожалуйста, съезди с Архаровым к графу Орлову и приведи его к присяге. Его не было во дворце, а я не хочу, чтобы он забывал 28 июня. Завтра скажи мне, как у вас дело делается» [2, с. 286]. В этих словах, сказанных Ростопчину, можно проследить боль и ненависть за 1762 год. В Павле всю жизнь жила обида на мать, за смерть его отца Петра III, и его потенциального убийцу – графа Орлова. Но это была не единственная причина ненависти императора к фаворитам Екатерины Великой. Например, А. Н. Вельяминов-Зернов пишет: «Орловы покусались на его [Павла] жизнь, Потемкин обращался с ним с величайшим презрением и заносчивостью, Зубов не оказывал ему должного внимания, как к наследнику престола» [3, с. 232]. Можно сказать, что Павел ненавидел «любимчиков» императрицы.

Со вступлением Павла Петровича на престол началась смена кадров. «Едва успевали прочесть в газете о новом назначении, пишет княгиня Дашкова, как лицо, назначенное на ту или другую должность, бывало уже перемещено» [4, с. 237]. Многие приближенные к Екатерине лица были посланы или отправлены в отставку. Возьмем ту же Екатерину Дашкову, подругу и сподвижницу Екатерины Великой, сыгравшую значительную роль в дворцовом перевороте 1762 года, приведшем на престол Екатерину II. В своих

мемуарах она пишет: «Ты уверяешь, мой друг, что Павел оставит меня в покое после коронации? Разве ты его не знаешь? ... Меня ожидает целый ряд гонений, и я приму их с покорностью» [4, с. 236].

Но не смотря на ненависть к матери, император вначале благообразно сохранил большую часть служащих. К таким можно отнести вице-канцлера с 1775 г. и номинального руководителя в международных отношениях со времени смерти Панина (1783 г.) Остермана, стоявшего во главе этого ведомства лишь формально. Павел любил его, поэтому сделал его своим канцлером, но тот фактически не исполнял своих обязанностей. Похожая ситуация была с Архаровым, помогавшим предупредить или сломить предполагаемое сопротивление Алексея Орлова. В своих целях он был очень хитер, но сильно недооценивал окружающих. После коронации он сопровождал императрицу Марию Федоровну, с которой у него случился интересный разговор. В ходе него он делал ехидные намеки на переворот 1762 года, с лживыми инсинуациями, о смысле которых можно догадаться. Несмотря на свою наивность, Мария Федоровна все поняла и передала мужу. 17 июня 1797 г. Николай Петрович был удален.

Но участь отстранения коснулась не всей екатерининской интеллигенции. Время и придворные интриги пощадил Суворова. Фельдмаршал не одобрил военных реформ государя, он был против формы прусского образца и не видел смысла в плац-параде. На что получил от Павла выговор: «Фельдмаршал граф Суворов, отнесясь, что так как войны нет – ему нечего делать, за подобный отзыв отставляется от службы» [5]. Но как бы император не недолюбливал Суворова после того, как его войска трижды разбили французов в Швейцарии и совершили знаменитый переход через Альпы- преодолели перевал Сен-Готард, через который и сейчас решаются пройти только опытные альпинисты с полным снаряжением, в письме к фельдмаршалу не смог удержаться от восхищения: «Недоставало вам такого рода славы – преодолеть и самую природу. Но вы и над нею взяли вверх...».

Многие дворяне ненавидели императора. Им не нравился действующий режим в стране. После екатерининского «золотого века дворянства», интеллигенция была лишена большинства прав, чем была очень недовольна. Доходящие до жестокости методы управления Павла I, созданная им обстановка страха и неуверенности, недовольство высших дворянских кругов (лишенных былой свободы и привилегий), столичного гвардейского офицерства и нестабильность политического курса привели к возникновению заговора против императора. При Павле опальными становились не только подданные, а и родные императора, что выступало угрозой для самой династии. Сложившаяся ситуация позволила участникам мятежа считать себя остающимися преданными Романовым.

У Павла Петровича всегда были проблемы с доверием. Из-за драматичных событий детства Павел привык ко всему относиться с недоверием, подозрительностью. Он был не в силах разобраться во всех противоречиях, поэтому легко присваивал себе чужое мнение, также быстро его менял. Многие его поступки были совершены импульсивно и ему нужен

был совсем небольшой повод для того, чтобы их поменять. Не стоит забывать о его такой особенности характера, как внушаемость и переменчивость, чем пользовались многие люди в его окружении. Подтверждением этому может стать разговор императора с Петром Паленым – организатором заговора против царя. Павел знал, что на него собираются совершить покушение, поэтому решил спросить Палена о его участии в нем. Тот в свою очередь признался великому князю, что он действительно состоит в данной группе и даже является ее руководителем. На удивленные возгласы Павла, Петр Пален спокойно ответил, что императору не о чем беспокоиться, ведь он держит все в своих руках и в скором будущем поведает все тайны ему и обеспечит безопасность жизни. Павел ему поверил. Общее число людей, вовлеченных в заговор, по разным оценкам составляет от 180 до 300 человек. К основным действующим лицам можно отнести Петра Палена, Никиту Панина, Платона Зубова, Осипа Рибас. Также учувствовали офицеры, командиры гвардейских полков, шефы полков. Круг лиц, выступавших против императора, был очень большим.

В ночь на 12 марта 1801 г. произошло убийство императора. Павла попытались заставить подписать отречение, но он категорически отказывался. После перекидывания словами монарх оттолкнул левую руку Платона Зубова, на что последний, сжимая в руке тяжелую золотую табакерку, со всего размаха нанес правой рукой удар в левый висок императора, вследствие чего тот без чувств повалился на пол. «В ту же минуту француз-камердинер Зубова вскочил с ногами на живот Императора, а Скарятин, офицер измайловского полка, сняв висевший над кроватью собственный шарф Императора, задушил его им. Таким образом его прикончили...» [6]. Напряженные отношения с элитой привели к Павла к насильственной кончине.

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод, что в период правления Павла I отношения власти и элиты были достаточно напряженными. Из-за своего драматичного детства Павел ненавидел многих людей из екатерининской интеллигенции, они, в свою очередь, были противниками его режима, поэтому и самого императора. Постоянное противостояние элиты и Павла привели к гибели императора и становления нового режима уже его сына Александра I.

Список литературы:

1. Павел I - жизнь и судьба наследника Петра III во время правления его матери Екатерины II. - URL: <https://xn--2-7sbasbs11azs.xn--p1ai/%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8/%D0%BF%D0%B0%D0%B2%D0%B5%D0%BB/> (дата обращения: 25.09.2021).
2. Шильдер Н.К. Император Павел Первый: Историко-биографический очерк. СПб: Типография А.С. Суворина, 1901. 688 с.
3. Неверов А. В. Взаимоотношения Екатерины II и наследника престола Павла Петровича в контексте мемуарной литературы // Наука и инновации XXI века: материалы IV Всероссийской конференции молодых ученых

(Сургут, 30 ноября 2017 г.) Сургут: Сургутский государственный университет, 2017. 231-234 с.

4. Дашкова Е.Р. Записки княгини Дашковой: перевод с французского по изданию, сделанному с подлинной рукописи: с приложением 4-х портретов, разных документов и писем и указателя / под ред. и с предисл. Н. Д. Чечулина. СПб: издание А. С. Суворина, 1907. 366 с.

5. Валишевский К. Павел I. Сын Екатерины Великой. – URL: https://www.litres.ru/static/or4/view/or.html?baseurl=/download_book/172359/60101026/&art=172359&user=945241662&uilang=ru&catalit2&track_reading (дата обращения: 30.09.2021).

6. Саблуков Н.А. Записки Н. А. Саблукова о временах императора Павла I и о кончине этого государя. - URL: <https://www.litmir.me/br/?b=577649&p=1> (дата обращения: 25.09.2021).

КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856 ГГ.: ПРЕЖНИЕ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Любин В.П.

*Доктор исторических наук,
ИНИОН РАН, г. Москва,
Ведущий научный сотрудник
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com*

Аннотация: В статье представлены прежние и новые исследования по истории Крымской войны 1853-1856 гг. Автор рассмотрел и оценил лишь часть из этого большого потока научной литературы, поскольку всесторонний охват данных изданий в краткой статье не представляется возможным. Избранные материалы способны отразить общие тенденции проведенных исследований. Отмечается, что интерес к крымской истории заметно возрос в связи с возвращением Крыма в Россию в 2014 г. и со сложившейся вокруг полуострова в последние годы обостренной ситуацией в международных отношениях.

Ключевые слова: Крымская (Восточная) война, Российская империя, Британская империя. Французская империя, Османская империя, Пьемонт.

THE CRIMEAN WAR OF 1853-1856: PREVIOUS AND NEW INTERPRETATIONS

Lyubin V.P.

*Doctor of Historical Sciences, INION RAS, Moscow,
Leading Researcher
E-mail: valerij.ljubin@gmail.com*

Abstract: *This article presents scientific research on the history of the Crimean War of 1853-1856. The author has reviewed and evaluated only a part of this large stream of scientific literature, as comprehensive coverage of these publications in a short article is not possible. The selected materials are able to reflect the general trends of the research conducted. It is noted that interest in Crimean history has increased markedly due to the return of Crimea to Russia in 2014 and the aggravated situation in international relations around the peninsula in recent years.*

Keywords: *The Crimean (Eastern) War, the Russian Empire, the British Empire, French Empire, Ottoman Empire, Piedmont.*

Крымская война 1853-1856 гг. издавна находится в центре внимания историков как в России, так и за рубежом. Интерес к крымской истории в последние годы возрос. Обострение ситуации в международных отношениях вокруг полуострова, издавна игравшего видную роль в истории, способствует и повышению интереса к событиям Крымской войны у архивистов [см. 30, 12], отечественных и зарубежных историков.

«Классикой» стали труды таких известных отечественных исследователей, как А.М. Зайончковский, Е.В. Тарле, И. В. Бестужев, В.Д. Поликарпов и др. [2; 5; 22; 24]. В последние годы переиздан ряд книг об этой войне, выходящих начиная с XIX в. Эти исследования, как и мемуары, не потеряли научной ценности [4; 7; 17; 28].

Многие из появившихся в последние годы работ посвящены не рассматривавшимся прежде аспектам. Авторы трудов 2000-2010-х годов рассмотрели освещение войны в прессе, организацию тыла, медицинское обеспечение и др. [19; 31; 39; 42]. Раньше историки были сосредоточены на причинах войны, споре о принадлежности религиозных объектов в Святой земле, военных действиях, в основном близ Севастополя (и меньше на других театрах военных действий), героизме защитников города, неудачном для России окончании войны, смене курса внешней и внутренней политики [1; 2; 5; 7; 17; 26; 27; 32; 40; 43; 44; 46] и обусловленному поражением началу реформ [20; 34; 45].

В современной украинской историографии к сюжетам крымской истории, хотя и обращаются, например, в выходящих в Киеве альманахах «Наш Крым» [13-16], но собранные во 2-м выпуске альманаха статьи о Крымской войне из докладов 2-й международной конференции под названием «Крым в истории Украины», посвященной ее устроителями, по их выражению, «160-й годовщине капитуляции России в Крымской войне 1853-1856 гг.» [14], доклады польских и украинских представителей дают мало нового в сравнении с последними работами современных российских, а также американских и западноевропейских историков. (Если не считать новым украинско-польским вкладом не очень уместно примененный термин капитуляция, историки обычно больше все же связывают его с «безоговорочной капитуляцией» Германии в 1945 г., а о ней нынешние

украинские власти по-видимому не хотят знать, запрещая все, что связано с празднованием 9 мая победы СССР и его союзников, как и с символами этой победы).

Общепризнанно, что Крымская (или в некоторых прежних обозначениях: Восточная) война стала крупнейшим событием крымской, да и всей русской, европейской и мировой истории середины XIX в. Иногда ее сравнивают с Первой мировой войной 1914-1918 гг. Изданная недавно в Германии коллективная монография со статьями на разных западноевропейских языках, например, озаглавлена: «Крымская война как первая европейская война масс-медиа» [38]. Но хотя в войну 1853-1856 гг. и был вовлечен ряд европейских держав, объединились они, однако, против всего одного государства – Российской империи, которой они хотели помешать продолжать играть одну из главных ролей в определении международной обстановки в Европе и мире.

Неискушенные читатели знают только о боевых действиях в Крыму, но на самом деле война против России велась на больших просторах, и ей приходилось отвечать на нападения противников во многих местах своей территории - от Балтики до Тихого океана. Это была война между Российской империей, с одной стороны, и коалицией в составе Британской, Французской, Османской империй и Сардинского королевства (в кратком обозначении - Пьемонта), с другой. При молчаливой поддержке этой коалиции правителями и других европейских держав. Боевые действия разворачивались на Кавказе, в Дунайских княжествах, на Балтийском, Белом, Баренцевом, Чёрном и Азовском морях, на Тихом океане – на Камчатке (3) и Курилах. Наибольшей интенсивности они достигли в Крыму, у Севастополя, поэтому война и получила название Крымской.

В современной западной историографии обращают на себя внимание недавние труды английских исследователей О. Файджеса [39], А.Д. Ламберта, С. Бэдсея [40; 41], К. Хибберта [27], канадца А. Трубецкого [26] американца А.К. Рата [44], итальянки Дж. Лами [42]. Файджес и Хибберт оценивают значение этой войны для Британской империи, действия английских войск на Крымском полуострове. Ламберт и Бэдсей нашли новые аспекты в освещении войны в газетных репортажах. Рецензируя книгу Файджеса, Лами отмечает, что, представляя объемное полотно Крымской войны, тот «не ограничивается изучением дипломатической и/или военной истории Крымской войны», а пытается «совместить военные и дипломатические аспекты с общественными». Он пишет также о коммуникациях, о медицинской помощи, сопоставляет противоположные мировоззрения участников конфликта, и старается объяснить всё это доступным языком, понятным и для неспециалистов [11, с. 184]. Рат в своей книге расширил для западного читателя понимание Крымской войны как происходившей не только на территории Крыма, но и вне ее, на бескрайних границах России от Балтики, Белого и Баренцева морей до Амура, Камчатки и Курил. В работе Лами подчеркивается, что эта война резко поставила вопрос о модернизации, в которой нуждались Российская и Османская империи.

То, что эта война была не только «Крымской», а велась на широчайшем пространстве действительно неплохо отразил Рат. Оценка достоинств и упущений книги этого американского автора дана в рецензии российского историка Д.Ю. Плотникова [21]. Большинство работ по истории войны сосредотачиваются на Черном море и Крымском ТВД, в то время как военные действия на Дунае и Кавказе, а также морские кампании на Балтийском и Белом морях и Тихом океане освещаются по остаточному принципу, отметил рецензент. Против обозначения войны как Крымской неоднократно протестовали некоторые авторы, в их числе, например, русский историк Л.Г. Бескровный и англичанин Э. Ламберт, отвергавшие эту «терминологическую диктатуру» [1, 41]. Но побеждает все же устоявшееся обозначение данного события – «Крымская война» [21].

Все авторы замечают, что причины войны отчасти были связаны с обострением Восточного вопроса. В российской историографии долго господствовал взгляд академика Е.В. Тарле, что в назревавшем конфликте в равной мере несправедливую, захватническую политику занимали и Англия, и Франция, и Россия [24, т. 1, с. 8-26]. В современной российской историографии эта точка зрения откорректирована [23]. Прежние подходы пересматриваются и в интерпретациях западных авторов [26-27, 32, 36, 38-42, 44].

Подходы западной историографии удачно обобщила профессор Миланского университета Дж. Лами в работе «Крымская война как фактор модернизации. Пример Османской и Российской империй» [(42, с. 157-172). «Суждения о Крымской войне противоречивы: с одной стороны, её называют бесполезной войной, с другой, - она представляется как самая крупная война в Европе в столетие между наполеоновскими войнами и Первой мировой войной. В последнее время появляется все больше исследований, авторы которых подчеркивают её значение с точки зрения модернизации, потому что даже при первом взгляде можно найти, что эта война дала много нового во всех сферах: от военного дела до медицины, от средств связи – достаточно вспомнить о телеграфе – вплоть до печатных изданий и фотографии. Это была война, при которой проявилось участие общественного мнения, благодаря развитию информационной журналистики [40]. Поражение в Крыму, как известно, привело к тому, что в России по инициативе Александра II были предприняты самые крупные реформы, которые пережила царская империя от времени Петра I до Октябрьской революции 1917 г. [20; 34; 45]. Турция, т.е. Османская империя, также предприняла серию реформ, самостоятельных или введенных из-за рубежа, воздействие которых на ход турецкой истории необходимо ещё определить, но нельзя отрицать их значения» [42, с. 158].

Цели войны как ослабление России и отобрание у нее существенной доли ее территории были четко сформулированы руководителем британской политики лордом Пальмерстоном в марте 1854 г. в письме членом кабинета министров. Он ошибочно полагал, что Севастополь можно будет взять всего за неделю. В июне 1854 г. официальная «Таймс» пояснила: «Политическая и стратегическая цель предпринятой войны не может быть достигнута, пока

существует Севастополь и русский флот. Как скоро этот центр русского могущества на Черном море будет разрушен, рушится и все здание, сооружением которого занималась Россия столько веков... Севастополь — это ключ позиций между Дунаем и берегами Мингрелии...» [39, с. 327].

Г.А. Санин, напоминает, что 2 сентября 1854 г. объединённая эскадра Англии, Франции и Турции в составе 89 боевых кораблей и 300 транспортов подошла к берегам Крыма и высадила армию близ Евпатории (62 тыс. солдат, 114 осадных и 134 полевых орудий) [22, с. 190; 23, с. 37]. Город захватил передовой отряд из французской, английской и турецкой пехоты в три тысячи человек. Беспрепятственно прошла высадка всех других сил. Так началась война в Крыму против России объединённых сил трех империй. В 1855 г. к антиросийскому союзу присоединилось Сардинское королевство, отправившее войска в Крым [11; 33; 35-37; 42; 46].

Среди новых направлений современной историографии - изучение медицинских аспектов войны. Автор замечательной монографии на эту тему Ю.А. Наумова пишет: «По настоящее время справедливо считается, что Крымская война была одной из неблагоприятных в медицинском отношении. Военно-медицинские потери 1853-1856 гг. сразу же после войны заставили всерьез задуматься военное руководство о системе организации медицинского обеспечения сухопутных сил...» [19, с. 7]. На Западе первой сестрой милосердия принято считать англичанку Флоренс Найтингейл. Но она прибыла в Крым, где войска коалиции вели осаду Севастополя, весной 1855 г., т.е. гораздо позже российских медсестер. «Мы имеем долг истребовать пальму первенства в деле столь благословенном, благотворном и ныне всеми принято», считал хирург Н.И. Пирогов. Описание Пироговым действий «Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и в Херсонской губернии с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г.» стало одним из источников вдохновения швейцарца А. Дюнанна, когда он создавал Международный комитет Красного Креста.

Жертвы были велики как со стороны русской армии, но не менее и со стороны противников. «По официальным данным Медицинского департамента, во всех русских войсках в течение Крымской войны было зарегистрировано 4605796 больных и раненых воинских чинов, из которых 406368 умерло» [19, с. 297].

В работах современных отечественных и зарубежных авторов даны интерпретации хода боевых действий, наступлений и отступлений противостоящих военных группировок, действия флотов. Одновременно оцениваются итоги войны и переговоры.

К концу 1855 г. боевые действия в Крыму прекратились. Стороны начали готовиться к переговорам о мире. В Париже открылся дипломатический конгресс. По его итогам 18 марта 1856 г. был подписан Парижский мирный договор между Россией, с одной стороны, и Францией, Великобританией, Турцией, Сардинией, Австрией и Пруссией, с другой. Территориальные потери России были настолько ничтожны, что британский представитель на конгрессе лорд Дж. Кларенгтон заявил, что он не понимает:

кто выиграл, а кто проиграл войну. По словам Тарле: «За зелёным столом, где заседали дипломаты на Парижском конгрессе сидели невидимые тени защитников Севастополя и помогали русскому представителю отстаивать интересы Родины» [цит. по: 23, с. 39].

Через три месяца после заключения мира «30 июня 1856 года в семь часов утра английские суда с войсками вышли из Балаклавской бухты. Перед уходом из Крыма союзники ограбили всё, что было можно» [29, с. 41; 25]. По условиям Парижского мира Россия оставляла за собой Севастополь и Крым, но должна была вернуть Турции крепость Карс, уступала Молдавскому княжеству бессарабские земли в дельте Дуная. Самым тяжёлым для России условием договора, которое, как это ни парадоксально, затрагивало и «победительницу» Турцию, являлась «нейтрализация» Чёрного моря [7]. России и Османской империи запрещалось держать там военные флоты и строить береговые укрепления. В нейтральные воды любая держава имела право ввести свой военный флот. Одесса, Крым, Кавказ оказывались не защищенными от любого военного вторжения.

«Одной из целей союзников в Крымской войне являлось расчленение и ослабление Российской империи. Это стремление получило наиболее яркое отражение в призыве Г. Пальмерстона отбросить Россию назад по всей европейской границе от Балтики до Кавказа. Воинское мужество русской армии и дипломатия А.М. Горчакова – А.Ф. Орлова значительно поубавили аппетиты союзников. На Парижской мирной конференции их планы были реализованы лишь в небольшой мере» [8, с. 33]. Через пятнадцать лет, 1 марта 1871 г. в Лондоне была подписана конвенция, отменявшая режим демилитаризации Чёрного моря, как это предусматривалось статьями Парижского мира 1856 г. [18]. Умелые дипломатические маневры министра иностранных дел Горчакова завершились успехом России – отменой ограничительных статей Парижского трактата.

Крымская война как первая общеевропейская война, разразившаяся в середине XIX в., будет привлекать внимание исследователей и в дальнейшем. И новые исторические труды будут добавлять к уже созданной историками нескольких поколений панораме новые интересные черты, которые прежде не были в нее внесены.

Список литературы:

1. Бескровный Л.Г. Русское военное искусство XIX в. М.: Наука, 1974. 361 с.
2. Бестужев-Лада И. В. Крымская война 1853-1856 гг. М.: Изд-во АН СССР, 1956. - 174 с.
3. Бриг Д. Дальневосточный рубеж Крымской войны. Оборона Петропавловска. URL: <https://topwar.ru/123568-dalnevostochnyy-rubezh-krymskoy-voyny-oborona-petropavlovsk.html> Дата обращения 25.12.2021.
4. Ершов А.И. Севастопольские воспоминания артиллерийского офицера. М.: ГПИБ, 2015. 193 с.

5. Зайончковский А. М. Восточная война 1853-1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908, Т. 1; 1913, Т.2. [Переиздание: Т. 1, 2. СПб.: Полигон, 2002. 566 с.].
6. Зайцев И.В. Крымская историографическая традиция XV – XIX вв.: пути развития, рукописи, тексты и источники. М.: Восточная литература, 2009. 301 с.
7. Жомини А.Г. Россия и Европа в эпоху Крымской войны. История русской политики на Востоке. М.: Индрик, 2017. 608 с.
8. Игнатьев А.В., Сахаров А.Н. Российский дипломат А.М. Горчаков // Канцлер А.М. Горчаков: 200 лет со дня рождения. М.: Международные отношения, 1998. 406 с.
9. Кайдалова Е.В. Крымская война. СПб.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2015. 87 с.
10. Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России / Министерство иностранных дел России. Ижевск, 2018. 600 с.
11. Лами Дж. Рец. на: Orlando Figes. Crimea. l'ultima crociata. Torino: Einaudi, 2015. 531 p. // Исторический вестник. Т. 32. М., 2020. С. 184-187.
12. Любин В.П. Рец. на: Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск, 2018 // РЖ «История». М., 2020, № 3. 20, № 3. С. 56-58.
13. Наш Крим. Вип. I. К.: НАН України, etc., 2015. 264 с.
14. Наш Крим. Вип. II. К.: Ін-т укр. археології та джерелознавства імені М. С. Грушевського, 2016. 284 с.
15. Наш Крим. Вип. III. К.: Ін-т укр. археології та джерелознавства імені М. С. Грушевського, 2017. 240 с.
16. Наш Крим. Вип. IV. К.: Ін-т укр. археології та джерелознавства імені М. С. Грушевського, 2019. – 268 с. + ілл.
17. Милнер Т. Крым. Ханы, султаны, цари. Взгляд на историю полуострова участника Крымской кампании. М.: Центрполиграф, 2015. 253 с.
18. Нарочницкая Л.И. Россия и отмена нейтрализации Чёрного моря 1856-1871. К истории Восточного вопроса. М., 1989. 224 с.
19. Наумова Ю.А. Ранение, болезнь и смерть. Русская медицинская служба в Крымскую войну 1853-1856 гг. М.: Regnum, 2010. 320 с.
20. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М.: Независимая газета, 1993. 421 с.
21. Плотников Д.Ю. Э. Рат об «имперском контексте» Крымской войны 1853-1856 гг. Рец. на: Rath A.C. The Crimean War in Imperial Context, 1854–1856. New York: Palgrave Macmillan, 2015. XVII - 301 p. // Исторический курьер. 2018. № 2. Стаття 12 // <http://istkurier.ru/data/2018/ISTKURIER-2018-2-12.pdf> Дата обращения 25.11.2021.
22. Поликарпов В. Павел Степанович Нахимов. М.: Воениздат, 1960. 312 с.
23. Санин Г.А. Крым. Страницы истории: пособие для учителей. М.: Просвещение, 2015. 81 с.

24. Тарле Е.В. Крымская война. М., 1941. Т. 1, 2. (Переиздание: М.: Эксмо, 2003. 558 с.).
25. Толстой Л.Н. Севастополь в августе 1855 года // Толстой Л.Н. Повести и рассказы в двух томах. М., 1978. Т. 1. С. 96-154.
26. Трубецкой А. Крымская война. М.: Ломоносовъ, 2010. 320 с.
27. Хибберт К. Крымская кампания 1854-1855 гг. Трагедия лорда Раглана. [Пер. с англ. Л. А. Игоревского]. М.: Центрполиграф, 2014. 346 с.
28. Хрущов А.П. История обороны Севастополя: Записки генерал-адъютанта Александра Петровича Хрущова. СПб., 1889. Переиздание: М., изд. Книга по требованию, 2012. 173 с.
29. Шавшин В. Балаклава. Судак; Симферополь: Таврия, 1990. 111 с.
30. Шубин А.В. Введение. Крым: История в документах // Крым в развитии России: история, политика, дипломатия. Документы Архивов МИД России. Ижевск, 2018. С. 8-31.
31. Эрлихман В. Крымская война доктора Пирогова // Историк. М., 2016, № 4. С. 24-29.
32. Badem K. The Ottoman Crimean War (1853-1855). Leiden, Boston, Brill, 2010.
33. Berti G. Russia e Stati italiani nel Risorgimento. Torino, 1957. 874 p. Рус. перевод: Берти, Джузеппе. Россия и Итальянские государства в период Рисорджименто. М.: Изд-во иностр. лит., 1959. 746 с.
34. *Carrère D'Encausse H. Alexandre II: Le printemps de la Russie. Paris: Fayard, 2008. 522 p. Рус. перевод: Каррер д'Анкосс Э. Александр II: весна России. М.: Росспэн; Фонд "Президентский центр Б. Н. Ельцина", 2010. 415 с.*
35. Crimea // *Enciclopedia Italiana*. Roma: Treccani, 1949. Vol. XI. P. 894-899.
36. Dante F. I cattolici e la guerra di Crimea. Cosenza, Roma: Periferia, 2005. 235 p.
37. Di Nolfo E. Europa e Italia nel 1855-56. Roma: Istituto per la storia del Risorgimento italiano, 1967. 543 p.
38. Der Krimkrieg als erster europäischer Medienkrieg. Georg Maag, Wolfram Pyta, Martin Windisch (Hg.). Bd. 14. Münster: LIT Verlag, 2010. 288 S.
39. Figes O. The Crimean War, 1853-1856. A History. N.Y.: Picador, 2010. 665 p. Итал. перевод: Figes O. Crimea: Ultima crociata. Torino: Einaudi, 2015. 531 p.
40. Lambert A.D., Badsey S. The Crimean War: The War Correspondents. Dover (NH): Alan Sutton Publishing, 1994. VIII-335 p.
41. Lambert A.D. The British Grand Strategy against Russia 1853-1856. Farnham, England: Ashgate, 2011, 2nd edition. XVI-380 p.
42. Lami G. La guerra di Crimea come fattore di modernizzazione. Il caso dell'Impero ottomano e dell'Impero russo // La Crimea tra Russia, Italia e Impero ottomano. A cura di A. Ferrari e E. Pupulin. Venezia: Ed. Ca' Foscari, 2017. P. 157-172.
43. Plokhly S. The City of Glory: Sevastopol in Russian Historical Mythology // *Journal of Contemporary History*. L., 2000. Vol. 35, N 3, Juli. P. 369-383.

44. Rath A. C. The Crimean War in Imperial Context, 1854-1856. New York: Palgrave Macmillan, 2015. XVII - 301 p.
45. Seton-Watson H. Storia dell'impero russo (1801-1917). Torino: Einaudi, 1971. 287 p.
46. Valsecchi F. L'Europa e il Risorgimento: alleanza di Crimea. Firenze: Valecchi, 1968. 549 p.

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Мальцева Д. А.

*Кандидат политических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры теории и философии политики
E-mail: buenafiesta@mail.ru*

Сафонова О. Д.

*Кандидат политических наук,
Санкт-Петербургский государственный университет,
доцент кафедры политических институтов и прикладных
политических исследований
E-mail: o.safonova@spbu.ru*

Петрунина М. А.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
студентка 2 курса магистратуры
E-mail: maripetrunina11@gmail.com*

Тузова П. Р.

*Санкт-Петербургский государственный университет,
студентка 4 курса
E-mail: tuzovvva@gmail.com*

Аннотация: В работе анализируется состояние реализации государственной политики в области патриотического воспитания в условиях цифровизации. Проведенное исследование позволяет сделать выводы о ценностных паттернах, интересах, потребностях и предпочтениях российской молодежи. Обозначаются основные проблемы, значимые для молодого поколения и предлагаются актуальные пути их решения. Анализируется контент медиа-среды, основных используемых молодежью социальных сетей и каналов коммуникации. В заключении выдвигаются тезисы об актуальных технологиях образования, выносятся предложения по оптимизации стратегий реализации молодежной политики в России.

Содержание работы сводится к актуализации цифровой трансформации практик публичной коммуникации, которая является перспективным инструментом для государственной власти в дискурсе обеспечения оптимизации форм и методов работы в области патриотического воспитания граждан.

***Ключевые слова:** молодежная политика, патриотическое воспитание, молодежь, дискуссионные площадки, цифровизация.*

PATRIOTIC EDUCATION OF YOUTH AS A FACTOR OF THE STABILITY OF POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Maltseva D. A.

Candidate of Political Sciences

St. Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Theory and Philosophy of Politics

E-mail: buenafiesta@mail.ru

Safonova O. D.

Candidate of Political Sciences

St. Petersburg State University, Associate Professor of the Department of Political Institutions and Applied Political Studies

E-mail: o.safonova@spbu.ru

Petrunina M. A.

Saint Petersburg State University, 2nd year graduate student

E-mail: maripetrunina11@gmail.com

Tuzova P. R.

Saint Petersburg State University, 4th year student

E-mail: tuzovvva@gmail.com

Abstract: *The paper analyzes the state of implementation of state policy in the field of patriotic education in the conditions of digitalization. The conducted research allows us to draw conclusions about the value patterns, interests, needs and preferences of Russian youth. The main problems that are significant for the younger generation are identified and current ways of solving them are proposed. The content of the media environment, the main social networks and communication channels used by young people are analyzed. In conclusion, theses on current educational technologies are put forward, proposals are made to optimize strategies for implementing youth policy in Russia. The content of the work is reduced to the actualization of the digital transformation of public communication practices, which is a promising tool for public authorities in the discourse of ensuring the optimization of forms and methods of work in the field of patriotic education of citizens.*

Key words: youth policy, patriotic education, youth, discussion platforms, digitalization

В настоящее время в условиях цифровизации границы привычного размываются на глазах, все стремительно меняется, и эти тенденции детерминируют не только повседневные паттерны поведения, но напрямую затрагивают и глобальные политические и экономические процессы, трансформируя стратегии познания в целом. В каком направлении будут развиваться цифровые технологии дальше, кто их будет использовать и для достижения каких целей – это уже далеко не просто техническая или, шире, научная проблема. Это целый комплекс политических и социально-культурных вопросов, требующих всеобъемлющей и адекватной оценки, выработке стратегий по дальнейшему управлению их развитием.

В данных реалиях молодежь, безусловно, является не только одним из основных акторов социально-политических процессов и весьма активным представителем гражданского общества, но и драйвером реформ, одновременно, сохраняющим и аккумулирующим в себе протестный потенциал. Поэтому целью данной работы стало выявление благоприятных компонентов воздействия цифровизации на молодежь в рамках реализации молодежной политики в России с акцентом на патриотическое воспитание. Это обусловило необходимость решения следующих исследовательских задач: организацию фокус-групп для проведения анализа обозначенной проблематики, изучение контента медиасреды, ставшей платформой для коммуникации юного поколения, обозначение основных трендов реализации молодежной политики в условиях цифровизации.

Культура является существенной детерминантой системы жизненных ценностей, и, хотя люди обладают собственными мировоззренческими особенностями, общество имеет подобные фундаментальные представления о добре и зле; мере допустимости вещей; важности и приоритетах. В течение различных исторических периодов шкала ценностей претерпевала изменения, но главные базовые критерии продолжают оставаться актуальными и в сегодняшних реалиях. Однако, можно утверждать, что в условиях повсеместной цифровой трансформации крайне важно подробно исследовать влияние цифровых медиа, которые являются масштабной составляющей формирующейся цифровой реальности и существенной частью жизни современного человека, формирующей его аксиологические проекции: социальные сети, блоги, каналы Youtube, по сути, транслируют «новые» истины и смыслы, дают установки для восприятия того, что происходит в мире, и куда следует двигаться.

Так, для выявления возможных агентов воздействия на молодежь в дискурсе повсеместной цифровизации были организованы фокус-группы, результаты которых проанализированы с учетом тематических отклонений, коннотаций и интонаций речи участников. В соответствии с ними становится понятно, что все более явно прослеживается запрос юного поколения на «новую искренность». Молодежи необходимы площадки для дискуссий, она

заинтересована в прямой коммуникации с представителями власти и различных организаций. Стремление к диалогу на равных – один из наиболее заметных трендов. Помимо этого, актуализируется каналлизация творческого потенциала молодых людей. Популяризация и политизация стрит-арта и граффити, кинематографа и модной индустрии, набирающие популярность фотовыставки социальных тематик свидетельствуют о том, что молодежь реализует символическую политику «снизу» все активнее. Молодежные и общественные организации своим функционированием лишь подтверждают актуальность, создавая повестку дня исследуемой социальной группы. Набирающая обороты форумная кампания видится авторам качественным инструментом оптимизации формата диалога молодежи с различными авторами. Молодежный туризм, в свою очередь, формирует мировоззрение молодых людей, закладывая ценности патриотизма и уважения к Родине. Реализация грантовых программ и качественное развитие АИС «Росмолодежь» с проектами по всей стране синтезирует в себе площадки коммуникации, определяющие и гармонизирующие смысловое и идеологическое становление молодежи. Популяризирующееся волонтерское движение не только свидетельствует о сохранении ценностей взаимовыручки, помощи, сострадания, но и предлагает молодежи формат эффективной межличностной коммуникации. В ходе исследования было выявлено, что самые разные проблемы, такие как занятость и безработица, вопросы доступности различных видов образования или даже психо-эмоциональное состояние подрастающего поколения представители современной молодежи хотели бы обсуждать открыто и публично. Примерами таких дискуссионных площадок становятся ОЦ «Сириус», всевозможные форумы, слеты и фестивали. Повышается значимость интенсификации подобных инициатив и их преумножения.

Кроме того, стоит отметить, что онлайн-пространство предоставляет нам широчайший спектр возможностей для актуализации управленческих стратегий в исследуемой области. Масштабная цифровизация всех жизненных процессов в большей степени затронула коммуникацию людей. Молодежь – как раз то поколение, которое быстро подхватывает и распространяет тренды в этой сфере. Форматы стримов, аудио- и видеоконференций, онлайн-форумов, дискуссионных Telegram-каналов, наконец, пространство TikTok, где каждый может высказаться и быть услышанным, качественно трансформирует конфигурации общения молодежи. Все вышеперечисленные инструменты (создание дискуссионных площадок, форумная кампания, развитие молодежного туризма, интенсификация сектора креативной экономики и др.) успешно подвергаются диджитализации. Государству необходимо интенсифицировать усилия по гармонизации сценариев реализации молодежной политики, включаться в социальные дискуссии, корректируя вектор в условиях быстрых темпов развития цифровизации. Вопрос патриотического воспитания, таким образом, становится приоритетным. Это указывает на необходимость властного конструирования ценностных идеалов в онлайн-пространстве, переноса в него символического,

идеологического, патриотического содержания и воздействия. О важности патриотического воспитания неоднократно говорили и писали президент В. В. Путин [1, 2], министры и губернаторы, представители органов власти в центре и на местах.

Также проведенный в рамках исследования анализ контента социальных медиа демонстрирует, что в сферу интересов официального дискурса сейчас входит развитие инструментов патриотического воспитания. Воздействие на этот аспект имеет особую важность в условиях подмены инфлюенсерами истинных ценностей мнимыми, популяризации общества потребления, распространения правового нигилизма. Рост протестного потенциала молодежи также включает в себе существенную степень политического риска.

Таким образом, по мнению авторов исследования, безусловно, необходимо взять под управленческий контроль развитие цифровых технологий в контексте реализации государственной политики в сфере патриотического воспитания, законодательного регулирования и направить их на создание условий для формирования активной жизненной позиции и гражданской ответственности современной молодежи. Цифровые технологии не только проверяют на прочность традиционные устои и подвергаются обществу опасности потерять системообразующие основы, но в то же время предлагают новые сценарии сохранения, продвижения и популяризации культурного наследия. Стоит отметить, что возможности для интеллектуального и духовного развития сегодня практически безграничны. С помощью цифровых технологий образование и просвещение стали доступными каждому: на специализированных платформах представлены программы и курсы от ведущих учебных заведений и уникальных образовательных платформ, в открытом доступе находятся базы данных научных публикаций, художественных изданий и др. Одной из самых главных воспитательных задач любого государства является воспитание полноценного гражданина. Главными помощниками государства в данном направлении деятельности являются образовательные и социально-культурные учреждения, осуществляющие программы и планы по гражданско-патриотическому и военно-патриотическому воспитанию подрастающего поколения [3]. Таким образом, можно заключить, что цифровая трансформация – перспективный инструмент, с помощью которого российское государство имеет реальную возможность обеспечить совершенствование форм и методов работы по патриотическому воспитанию граждан, что в стратегической перспективе продемонстрирует существенную практическую значимость.

Список литературы:

1. Путин В. В. Программа патриотического воспитания должна основываться на базовых ценностях. – URL: <https://tass.ru/obschestvo/7325009> (дата обращения 02.11.2021).

2. Стенографический отчет о встрече В.В. Путина с представителями общественности по вопросам патриотического воспитания молодежи. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/16470> (дата обращения 02.11.2021).

3. Чавыкина У. Г., Комлева А. А. Проблема гражданского и патриотического воспитания в центрах патриотического воспитания молодежи // Актуальные вопросы социальной педагогики и психологии: теория и практика: Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции, Чебоксары, 19 ноября 2019 года. Чебоксары: Общество с ограниченной ответственностью «Издательский дом «Среда», 2019. С. 210-213.

**ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЕ
РАЗМЫШЛЕНИЯ
(РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕПИСКОП НЕСТОР (ДОНЕНКО)
ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ)**

Масаев М.В.

*Доктор философских наук,
ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет им. В. И.
Вернадского», профессор;
Таврическая духовная семинария,
заведующий кафедрой православного богословия и философии,
проректор по научной работе*

Аннотация: в данной работе предпринимается попытка аналитического осмысления книги епископа Нестора (Доненко), поскольку имеется насущная необходимость популяризации идей православного богословия и дальнейшего закрепления образов исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти и наследия.

Ключевые слова: любовь, свобода, аналитические размышления, епископ Нестор (Доненко)

**LOVE IS BORN IN FREEDOM: ANALYTICAL REFLECTIONS
(BOOK REVIEW: BISHOP NESTOR (DONENKO) LOVE IS BORN IN
FREEDOM)**

Masayev M.V.

*Doctor of Philosophy,
V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Professor;
Taurida Theological Seminary,
Head of the Chair of Orthodox Theology and Philosophy, Vice-Rector in
Scientific Work*

Abstract: *This work attempts to analyze the book of Bishop Nestor (Donenko) analytically, since there is an urgent need to popularize the ideas of Orthodox theology and further consolidate the images of confessors of faith in order to fix in our minds the positive aspects of our common historical memory and heritage.*

Keywords: *love, freedom, analytical reflections, Bishop Nestor (Donenko)*

Аналитически размышлять и писать рецензию на видного подвижника православия, коим является епископ Ялтинский Нестор (Доненко) – дело весьма ответственное и сложное. И, тем не менее, мы отваживаемся это сделать, поскольку чувствуем насущную необходимость в деле популяризации идей православного богословия и дальнейшего закрепления образов исповедников веры с целью фиксации в нашем сознании положительных моментов нашей общей исторической памяти [3; 4] и наследия.

Епископ Ялтинский Нестор (Николай Николаевич Доненко), vicarius Симферопольской и Крымской епархии Украинской Православной Церкви Московского Патриархата, – настоятель храма Покрова Пресвятой Богородицы в посёлке Нижняя Ореанда (Большая Ялта), преподаватель Таврической духовной семинарии, автор исследований о новомучениках и исповедниках Русской Православной Церкви, известный читателю по двухтомному изданию под названием «Наследники Царства», книгам «Новомученики Феодосии», «Священномученик Аркадий, епископ Бежецкий», «Ялта – город веселья и смерти», «Крымская епархия под началом святителя Луки» и многим другим. До монашеского пострига – протонерей Николай Доненко, три десятилетия совершавший в Крыму своё церковное и священническое служение.

Монахиня Евстолия (Егорова) подчёркивала в предисловии [1] к изданию: «26 лет настоятельства, восстановления из руин архитектурной жемчужины Южного берега – Покровского храма (см. также: [2]), возрождение литургической и приходской жизни, архивные исследования, издательская деятельность, преподавание, научные и творческие контакты – это лишь немногие сухие факты биографии» [1, с. 4].

«Погружение в историю эпохи гонений, соприкосновение с документами и живыми свидетелями подвига новомучеников, мысленное и сердечное проживание тех трудных и экстремальных обстоятельств, в которых святые оказывались победителями по благодати, стало основой духовного опыта епископа Нестора. А общение с живыми носителями Духа, подвижниками и старцами XX века помогало сохранить трезвенное отношение к себе, пастырскую чуткость и открытость к людям» [1, с. 4].

Данная книга появилась по многочисленным читательским просьбам – в частности, из расшифровок аудиозаписей проповедей и бесед, подборок журнальных и газетных публикаций и докладов. Последний раздел посвящен истории Крымской епархии. В нём на основании уникальных архивных данных автор восстанавливает историю Крымской епархии первой половины XX столетия, образы исповедников веры, а также приводит данные об

открытых гонителях и тайных доносчиках, а также о тех, кто искал способы выживания и компромисса с существующей властью ради земного благополучия.

У читателя может возникнуть вопрос о том, почему автор назвал свою книгу «Любовь рождается в свободе». Дело в том, что данное название может иметь неоднозначное толкование, и внутренние (да и внешние) враги и недоброжелатели православия (да и христианства в целом) могут серьёзно раскритиковать его, интерпретируя данное название в своих узкокорыстных интересах.

И автор (возможно, предвидев это) обосновывает, по сути дела, выбранное им название книги уже в самом начале работы: «Бог может всё, кроме одного. Он не может спасти человека без его согласия. *Сотворив человека свободным, Бог тем самым ограничил Своё всемогущество. Человек, полюбивший свою свободу как дар Божий, несомненно, с уважением отнесётся к чужой свободе и примет её в полной мере. Ведь только в свободе может родиться любовь* (выделено нами – М. М.) [с. 3].

То есть, любовь «не появляется по принуждению. «По тому узнают все, что вы Мои ученики, ели будете иметь любовь между собою», – говорит Господь (Ин. 13, 35). Семья, человеческие отношения, церковный приход, монастырь – везде, откуда не изгнана свобода, так возможна и любовь...» [с. 3].

Структура книги весьма многоаспектна и охватывает самый широкий спектр самых разнообразных и актуальных на сегодня проблем – от глобальных проблем мирового православия до региональных, а также и межличностных вопросов повседневного человеческого бытия.

В подразделе «Богословие мученичества» епископ Нестор справедливо отмечает: «Всем лучшим, что есть у нас, в нашем сердце, жизни, культуре и цивилизации, мы обязаны Православной Церкви, Христову свету, «просвещающему и освящающему всякого человека, грядущего в мир. Представления и жизни и смерти, небу и земле, истине и справедливости, верности, жертвенности и так далее выросли из опыта прочтения Нового Завета, вошли в нашу культуру, быт и повседневность, стали отличительной чертой восточно-христианской цивилизации» (с. 8).

И далее владыка переходит на наши Отечественные реалии: «Русская жизнь, русский мир полны противоречий и взаимоисключающих движений. В нашей истории были удивительные взлёты и трагические провалы, трещины и разрывы, из которых поднимались inferнальные испарения... Но были и удивительные прозрения, Божественные посещения. Порой взаимоисключающее сосуществовало, находилось рядом так близко, как только могло быть, образуя боль и трагедию для целого поколения...»

История Крыма, как и всей России, особенно в XX веке, была исполнена потрясением и болью, которая красной нитью прошла через судьбы лучших представителей нации, способных говорить «нет» лукавству, лжи и насилию, в каких бы обликах они ни представлялись. Подобные люди – свет и соль нашей земли, в первую очередь мученики, исповедники и подвижники

благодетеля. Если мы можем говорить с другими народами на равных, то это потому, что у нас есть такие же гениальные писатели, учёные философы, как во Франции, Германии, Англии. И если их присутствие дает нам право вести диалог на другом уровне, то наличие великих святых дает нам особое дерзновение свидетельствовать об Истине, их глазами видеть самих себя и весь мир в свете евангельской правды и, соответственно, свидетельствовать об этой правде своими словами, поступками, всей своей жизнью. Собор новомучеников Российских – это не что иное, как смысловая и духовная скрепа, сохраняющая, вопреки всему, русский мир целостным. Для русской и восточно-христианской цивилизации вообще это – несущая конструкция нашей жизни, некая Богом дарованная реальность, краеугольный камень, то, что помогает нам увидеть иное качество бытия, ощутить и осмыслить своё предназначение. *За последнее десятилетие мы пережили множество кризисов – экономический, политический, культурный, моральный, но самый страшный из них – это кризис нашей идентичности. Мы усомнились в своём первородстве, в своём особом предназначении, что повлекло за собой великие потрясения и общенациональную трагедию. Нам необходимо вернуться к незамутненным источникам нашего духовного и национального бытия, устремить свой ум и сердце ко Христу и Его Святой Церкви (курсив наш – М. М.).* И в этом отношении опыт XX века, начиная от Святейшего Патриарха Тихона до Святителя Луки Крымского, есть не что иное, как источник нашего национального вдохновения. Это новые обстоятельства в истории русского мира, порождающие новые смыслы, которые, в свою очередь, приводят нас на Голгофу, к Животворящему Кресту. Именно отсюда происходит Божественная правда, которая облекается в плоть и кровь русской истории, являясь для нас непреходящей ценностью, особым смыслом, небесной радостью, которую мы должны вмести́ть в своё сердце и поделиться ею с другими» [с. 8-10].

Достаточно показательно ещё одно наблюдение автора рецензируемой книги:

«Все главные события XX века, на мой взгляд, происходили в России или так или иначе имели к ней отношение. Те, кто ещё совсем недавно представлялся большинству главным в истории ушедшего столетия, - деятели и творцы новой коммунистической реальности, такие как Ленин, Бухарин, Троцкий, Рыков и прочие, - медленно, но верно растворяются в памяти нового поколения. И в то же время на историческом горизонте появляются блистательные имена, такие как преподобномученица княгиня Елизавета и инокиня Варвара, священномученик Владимир Киевский (см. например: [5]), Святейший Патриарх Тихон, священномученики Петр Крутицкий, Иларион Верейский, Фаддей Тверской и, конечно же, крымские святые – совершители практического богословия.

Наиболее почитаемый из них – священноисповедник чудотворец Лука Крымский (см., например: [6; 7; 8]), который с поразительным блеском соединил в себе православное богословие, целостность научной картины мира (см., например: [9]), исповеднический подвиг и огромный труд врача-хирурга и теоретика» [с. 12].

Безусловно, что очередной подарок читателю от владыки Нестора будет весьма полезным в деле дальнейших общих подвигов – больших и малых – в деле укрепления православной веры и обретения того, к чему призывал нас всех Христос – бескорыстной, всеобщей и всепобеждающей Любви.

Список литературы:

1. Монахиня Евстолия (Егорова) Предисловие к изданию // Епископ Нестор (Доненко) Любовь рождается в свободе. Симферополь: Н. Орианда, 2020. 408 с. С. 4-5.

2. Масаев В., Масаев М. Храм Покрова Пресвятой Богородицы в Нижней Ореанде просит помощи / Владимир Масаев. Михаил Масаев // Крымская газета. 1993. № 157 (290). 27 августа.

3. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, И. А. Андрющенко, Е. Б. Ильянович // Текст и коммуникация в пространстве культуры: коллективная монография / под общ. ред. Д. С. Берестовской и И. А. Андрющенко. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 192 с. С. 92-98.

4. Масаев М. В. Историческая память как общественный и культурный феномен (социально-философский анализ) / М. В. Масаев, Е. Б. Ильянович // XIX Таврические научные чтения: сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «История в мемориальном пространстве» (27-30 мая 2019 г., Симферополь – Алушта) / гл. ред. Е. Б. Вишневская. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2019. 360 с. С. 162-166.

5. Лисюнин Виктор (протоиерей). Веры нерушимой основание: священномученик Владимир (Богоявленский), митрополит Киевской и Галицкий, как представитель тамбовского духовенства / В. Ф. Лисюнин. Тамбов, 2019. 142 с.

6. Марушак Василий, протодиакон. Святитель-хирург: житие архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) / протодиакон Василий Марушак. – М.: Даниловский благовестник, 2007. 416 с.

7. Лисюнин, В. Ф. Тамбовская Голгофа святителя Луки: по свидетельствам очевидцев: монография / науч. ред., авт. вступ. ст.: Л. Г. Протасов. Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2012. 540 с.

8. Масаев М. В. Некоторые грани биографии великого подвижника российского православия / Масаев М. В., Свешникова И. П. // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием IV Ялтинские философские чтения «Проблемы гуманитарного знания и крымский культурный ландшафт» Феномен «русской революции» в социально-гуманитарном знании (23-24 ноября 2017 года, г. Ялта) / Отв. ред., к.ф.н., доцент Разбеглова Т.П. Ялта, 2018. 122 с. С. 34-36.

9. Масаев М. В. Современное развитие идей В. Ф. Войно-Ясенецкого (святителя Луки) о синтезе науки и религии / Свешникова И. П., Масаев М. В. // Политическое пространство и социальное время: синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского

форума 17-20 мая 2018 года, г. Ялта / Под ред. Т. А. Сенюшкиной.
Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С. 164-170.

ЭТНИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Мелибаев А.С.

*Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского,
Студент,*

*Студенческое научное общество «Школа молодого политолога»,
заместитель председателя
E-mail: amelibaev@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается феномен этнического лидерства, который является неотъемлемой частью современной политической среды, выполняя в ней фундаментальные функции. Анализируется медиаторская функция, которая чаще всего используется государством для привлечения этнических лидеров в качестве посредников для урегулирования или предупреждения межэтнических конфликтов.

Ключевые слова: этическое лидерство, глобализм, политические трансформации, медиаторство, предупреждение этнических конфликтов.

ETHNIC LEADERSHIP IN THE CONTEXT OF POLITICAL TRANSFORMATIONS

Melibaev A.S.

*V.I. Vernadsky Crimean Federal University, student
Student Scientific Society «School of a young political scientist», vice-chair
E-mail: amelibaev@yandex.ru*

Abstract. The article examines the phenomenon of ethnic leadership, which is an integral part of the modern political environment, performing fundamental functions in it. The article considers the mediation function, which is most often used by the state to attract ethnic leaders as intermediaries for the settlement or prevention of interethnic conflicts.

Keywords: ethical leadership, globalism, political transformations, mediation, prevention of ethnic conflicts.

В условиях современных политических трансформаций одной из наиболее актуальных тем становится этническое лидерство и его влияние на политические процессы, как в национальном, так и в международном масштабе. В решающей степени это связано с тем, что этнические лидеры могут играть двойственную роль в политике – с одной стороны, они обладают достаточными ресурсами влияния на этнические группы, чтобы

дестабилизировать политическую систему, с другой стороны, их деятельность может привести к противоположному результату и иметь положительный эффект как для общества в целом, так и для самой этнической группы.

Прежде всего следует определить, что включает в себя понятие «этническое лидерство». Лидерство – это феномен, суть которого заключается во взаимодействии лидера с ведомыми; рассматривается как влияние или обладание властью. Отсюда возникает двусмысленность термина «этническое лидерство»: с одной стороны, его можно рассматривать как влияние определенной личности на этническую группу, с другой – влияние самой группы на общество в целом. Остановиться стоит на первом определении.

В современном динамичном мире изменения в политической сфере вынуждают общество становиться более гибким. Это обуславливает потребность в формировании нового звена в системе управления, которое бы гарантировало коммуникацию власти с обществом, в частности – с этническими группами. Роль представительства многочисленных национальных групп отдана этническим лидерам.

Основными политическими трансформациями, имеющими отношение к исследуемой теме, можно назвать «детерриториализацию», которая характеризуется размыванием геофизических границ, «обесцениванием» пространства, за счет новых средств коммуникации. Этот процесс активизирует деятельность национальных диаспор, поддерживающих связь с исторической родиной, и в то же время создает условия для бурной деятельности транснациональных корпораций [1]. «Исчезновение» границ влечет за собой следующую трансформацию – беспрепятственное перемещение капитала и идеологий, которые имеют способность одновременно исчезать и появляться в разных точках мира. Тенденция господства, сопряженная с тенденцией сопротивления, влечет «идеологический раскол», который формирует свое политическое измерение как на уровне отдельных социокультурных групп, так и в глобальном масштабе.

Деятельность этнических лидеров характеризуется определенным набором функций, который, на наш взгляд, формирует их отношение к происходящим в политической сфере трансформациям. Во-первых, это этническая интеграция, а также актуализация этнической идентичности. Именно эта функция формирует противовес тенденции деградиации (крушению традиций), одной из основных политических трансформаций современного мира. При этом этническая идентичность тесно связана с национально-культурной идентичностью. Как отмечает Т.А.Сенюшкина, «национально-культурная идентичность формируется в процессе отождествления индивида, группы индивидов, народов с их местом, ролью, системой связей и отношений как в социокультурном, так и в политическом пространстве. В её основе лежит общность людей, которые долгое время находятся в общем культурно-символическом пространстве, взаимосвязаны общими ценностями, нормами и идеалами» [2, с. 147].

Во-вторых, это функция этнического представительства в различных государственных структурах и СМИ. В том числе речь идет о дипломатических отношениях со странами исторической принадлежности той или иной диаспоры. Именно здесь можно наблюдать симбиоз политических трансформаций и этнического лидерства, за счет улучшения международной коммуникации и, отчасти, «размывания границ». Также следует упомянуть медиаторскую функцию, которая чаще всего используется государством для привлечения этнических лидеров в качестве посредников для урегулирования или предупреждения межэтнических конфликтов [3].

Таким образом, можно сделать следующие *выводы*:

1. Этническое лидерство – это феномен, суть которого заключается во взаимодействии лидера с этнической группой, который укрепляет его личное влияние или обеспечивает ему обладание властью.
2. Деятельность этнических лидеров характеризуется определенным набором функций, который формирует их отношение к происходящим в политической сфере трансформациям.
3. Этнические лидеры могут играть двойственную роль в политике – с одной стороны, они обладают достаточными ресурсами влияния на этнические группы, чтобы дестабилизировать политическую систему, с другой стороны, их деятельность может привести к противоположному результату и иметь положительный эффект как для общества в целом, так и для самой этнической группы.
4. Особое значение имеет медиаторская функция, которая чаще всего используется государством для привлечения этнических лидеров в качестве посредников для урегулирования или предупреждения межэтнических конфликтов.

Список литературы:

1. Сарайкина Г.С. Политические трансформации и их последствия в современном глобализирующемся обществе // Социология власти. 2008. №4. С. 219-225.
2. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред. Т.А. Сеньюшкина; науч. ред. Е.А. Сеньюшкин. – Симферополь: Н.Оріанда, 2022. – 320 с.
3. Лубский А.В., Бедрик А.В., Сериков А.В. Социальный статус этнического лидера (на примере диаспор Ростовской области) // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2017. №4 (196). С.10-15.

СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КРЫМУ

Налбандян Э.Н.

ГБОУВОРК «Крымский университет культуры, искусств и туризма»,
аспирант

E-mail: nelemn88@yandex.ru

Аннотация: Технологические изменения в способах межкультурной коммуникации в современном обществе самым непосредственным образом влияют на всю систему коммуникаций. Процессы глобализации ведут к изменениям в процессе восприятия культурных кодов. Но именно в такой ситуации разным культурам нужно выбирать стратегии поведения, чтобы по-прежнему оставаться значимыми в своей среде, иметь воздействие на подсознательном уровне, быть символическим капиталом. Данное исследование посвящено тем символам, которые используют наиболее значимые этнические группы Крыма для накопления символического капитала.

Ключевые слова: коммуникация, межкультурная коммуникация, культура, код, символ, символический капитал.

SYMBOLIC CAPITAL AS A FACTOR OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMMUNICATION IN CRIMEA

Nalbandyan E.N.

Crimean university of culture, art and tourism,

PhD student

E-mail: nelemn88@yandex.ru

Abstract: Technological changes in the methods of intercultural communication in modern society directly affect the entire communication system. The processes of globalization lead to changes in the perception of cultural codes, where they begin to look like an entourage in an absorbing society of consumption. But it is in such a situation that different cultures need to choose behavioral strategies in order to remain significant in their environment, to have an impact on the subconscious level, to be symbolic capital. Our research will be devoted to those symbols that are used by the most significant ethnic groups of Crimea for the accumulation of symbolic capital.

Key words: communication, intercultural communication, culture, code, symbol, symbolic capital.

В условиях интеграции Крыма в российское социокультурное пространство особую роль приобретает такой феномен как символический капитал. Актуальность исследования символического капитала также связана с тем, что на сегодняшний день коммуникация все чаще понимается как

«...вид социальной активности, который затрагивает производство, передачу и получение символических форм. В данном случае символическая форма – это некий нематериальный субстрат, за которым стоит смысл сообщения» [1, с. 7]. Таким образом, в процессе коммуникации мы придаем ту или иную форму различным «смыслам», а процесс передачи, получения и обмена этими смыслами задает ход коммуникационным процессам. Сказанное выше применимо также и к процессам, связанным с межкультурными коммуникациями.

Культура рассматривается как система коммуникаций, обмена информацией, а явления культуры – как системы знаков, символов. Таким образом, культура представляет собой набор «кодов», предписывающих человеку то или иное поведение. В этом смысле межкультурные коммуникационные потоки становятся намного более структурно сложными, так как в безграничных потоках информации необходимо выстроить тот значимый код, который будет наиболее узнаваем. Для кого-то – это механизм идентификации, для других – инструмент в борьбе за ресурсы.

В многокультурных обществах очень важно выстроить такую коммуникацию, которая, с одной стороны, представляла бы значимость для разных культур, с другой – обеспечивала конструктивный характер межэтнического взаимодействия. В таком случае можно говорить о наличии символического капитала – некоторой значимости, которую имеет индивид или группа индивидов, его признание в социальном пространстве.

Другими словами, «символический капитал» есть значение, присущее определенной группе символов, интерпретируемых в качестве значимых. Ими являются, например, дворянские титулы, звания или должности, образование, обладание выгодными связями, репутация, знаки высокого социального статуса, а также принадлежность к тому или иному статусному сообществу.

С этой точки зрения, символизация капитала, его «перемещение» в символический универсум придает его обладателю «абсолютный» вес в глазах окружающих. В этой связи актуальным становится процесс изучения символического капитала, который приобретает значимость в процессе взаимодействия разных культур, так как разные культуры обладают разным символическим капиталом.

Любая коммуникация по своей сути символична. Она представляет собой процесс кодирования и адекватного декодирования информации. Символы несет в себе сказка, которая задает паттерны поведения или язык, который определяет образ мышления и распознавания информации. Поэтому главным становится не сам факт передачи сообщения, а его дешифровка и понимание: «Установки и чувства, народные обычаи и нравы — это основа и исток той паутины понимания, которую мы называем «культурой». Сущность культуры – это понимание» [2].

Символы должны быть понятны и значимы. Как писал А.Ф. Лосев, «...всякий символ заключает в себе образ, но не сводится к нему, поскольку подразумевает присутствие некоего смысла, нераздельно слитого с образом, но ему не тождественного. Образ и смысл образуют два элемента символа,

немыслимые друг без друга» [3]. Поэтому символы существуют внутри интерпретаций. Эти интерпретации могут быть абсолютно разными, но верными как с одной, так и с другой стороны. Но для того, чтобы интерпретация была одинаково воспринята с точки зрения «своих», очень важно уметь декодировать информацию на разных уровнях. Пласты культуры очень разнообразны. Каждый пласт имеет свою систему кодов, свой уровень: общекультурный код, раскрывающийся посредством наиболее общих разделяемых индивидом культурных норм и ценностей; кластерный код, распознаваемый через ситуационную актуализацию субкультурных норм и ценностей; индивидуальный код, распознаваемый на основе специфического сочетания норм и ценностей, уникальных для конкретного индивида [4, с. 88].

Интерпретация, которую придают символу в межкультурной коммуникации, всегда направлена на реализацию определенного социокультурного проекта. В современных реалиях особенно сложно фиксировать потоки коммуникации, так как она все больше перемещается в виртуальное пространство.

Так, на начало 2021 года общемировая аудитория интернета составила 4,66 млрд. человек, таким образом, в онлайн находится порядка 60% мирового населения. Число активных пользователей составило 4,2 млрд. человек, при этом прирост по отношению к 2020 году составил более 10% [4].

Аудитория российского сегмента интернета в январе 2021 года, по данным Mediascope, составила 97,4 млн. человек. Из них более 90% пользователей интернета заходят в сеть каждый день [5]. Это означает, что количество коммуникаций, совершаемых при помощи Интернета, растет с каждым днем. При этом невозможно сказать, какие технологические возможности появятся через 5-10 лет, но уже сегодня можно сделать вывод, что Интернет-пространство в скором времени коренным образом изменит человека и превратит его в субъект, очень сильно отличающийся от нашего современника.

Поколение «Z» больше ориентируется на игровые, творческие или проектные формы коммуникации, которые становятся полностью ориентированными на социальные сети. Новые площадки коммуникации в интернет-пространстве также рождают и иные эффекты. Так, в новых информационных условиях можно не только наблюдать за общественно-политическими и социально-культурными процессами, но и активно участвовать в их обсуждении. Одним из проявлений новых типов коммуникации можно назвать то, что данные каналы получают больший отклик и доверие общества в отличие от традиционных. Это происходит благодаря свойству новых быть причастными к событию: они дают возможность индивиду самому оценивать событие, опираясь на увиденные факты. Более того, благодаря сетевой структуре Интернет-среда создаёт широкие возможности горизонтальных коммуникаций. Если традиционные каналы коммуникации ориентированы преимущественно на одностороннюю трансляцию информационного контента сверху вниз, от субъекта к целевым аудиториям, то современные онлайн-ресурсы

предоставляют широчайшие возможности горизонтальной коммуникации между самими конечными реципиентами информации.

Само представление об интернете как о свободном сетевом пространстве, в котором содержатся истинные и отличные от официальных средств массовой информации знания о мире и происходящих в нем процессах, уже является основной для закладывания основ виртуальной псевдореальности, которая очень часто воспринимается в качестве объективной. Кроме того, глобальный характер сетевых коммуникаций позволяет сегодня конструировать и транслировать универсальные виртуальные ценности и смыслы, а также формировать универсальные представления о реальности в общемировых масштабах, что, при сохранении сегодняшних тенденций, позволяет вести речь об угрозе исчезновения в будущем национальных особенностей и традиционных ценностных, символических и смысловых пространств в государствах, население которых активно потребляет информацию из интернет-источников.

Процессы глобализации ведут к изменениям в процессе восприятия культурных кодов, где они начинают быть похожими на антураж в поглощающем обществе потребления. Но именно в такой ситуации разным культурам нужно выбирать стратегии поведения, чтобы по-прежнему оставаться значимой в своей среде, иметь воздействие на подсознательном уровне, быть символическим капиталом. Одним из способов такого воздействия ученые называют информационное накопление и отмечают, что этот процесс приводит к повышению значимости данной культуры. Но для того, чтобы данное накопление было произведено, огромное значение имеют смыслы, которыми это присутствие наполняется. В этой связи особый интерес представляют те смыслы-символы, которые используют этнические группы Крыма для накопления символического капитала.

Как известно, Крым – многонациональный регион: «здесь проживают представители более 150 национальностей. В религиозном смысле палитра Крыма также разнообразна. Среди наиболее многочисленных конфессий, представленных в Крыму, особо следует отметить православие, ислам, армянскую апостольскую церковь и иудаизм» [7, с. 242].

Важную роль в формировании культурно-символического пространства полуострова играют традиционные праздники. Как отмечает Т.А.Сенюшкина, «Крым как полиэтничный и поликонфессиональный регион характеризуется многосоставной структурой традиционных праздников, основу которых составляют религиозные праздники. Традиционными для Крыма становятся также и новые политические праздники, которые связаны с воссоединением Крыма с Россией. Исследование политических и религиозных и праздников в общем культурно-символическом пространстве и социальном времени Крыма позволяет на исследовательском уровне выявить механизмы идентификационных практик, как устоявшихся, так и вновь образующихся» [8, с. 95], что также оказывает влияние на формирование символического капитала.

Кроме этого, в современном культурном пространстве Крыма можно отметить символы, используемые для повышения значимости крымскотатарского этноса: образ героя Амет-Хана Султана, дважды героя Советского Союза, придание национальным и религиозным крымскотатарским праздникам статуса общерегиональных выходных; придание нового статуса строительству религиозного сооружения (соборная мечеть, как наиболее масштабное религиозное сооружение мусульман в Восточной Европе).

В качестве перспектив исследования данной темы можно определить такие направления: наиболее востребованные в российском Крыму символические коммуникации, а также внешние вызовы, которые актуализируют использование символического капитала. Именно посредством изучения этих вопросов представляется возможным определить эпистемологическое значение символического капитала и особенности его использования в структуре современных межкультурных коммуникаций в Крыму.

Список литературы:

1. Кирия И. В., Новикова, А. А. История и теория медиа / И. В. Кирия, А. А. Новикова; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. – 423с.
2. Парк Р. Размышления о коммуникации и культуре / Р. Э. Парк // Избранные очерки : сб. пер. / Р. Э. Парк ; ред. Д. В. Ефременко ; пер. В. Г. Николаев. – Москва, 2011. – С. 140–157.
3. Межкультурные коммуникации: размерность и измерения: монография / под общей ред. Е.В. Черного. – Симферополь: ООО «Антиква», 2016. – 222 с.
4. Назаренко А. Н. Визуальные образы в культурном пространстве современных медиа: 24.00.01 – Теория и история культуры: дис.канд. культ./ Назаренко Алексей Николаевич. – Санкт-Петербург, 2021. – 195 с.
5. DIGITAL 2021: GLOBAL OVERVIEW REPORT // We Are Social, Hootsuite, 2021. - URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2021-global-overview-report> (дата обращения 04.01.2021).
6. Mediascope, WEB-Index. - URL: <https://webindex.mediascope.net/general-audience> (дата обращения 03.06.2021).
7. Сенюшкина Т.А. Традиционный праздник в культурно-символическом пространстве и социальном времени: крымское измерение // Политическое пространство и социальное время: Правда и ложь в политике и искусстве. Сборник научных трудов XXXVI Международного Харакского форума 15–17 мая 2019 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной и Д.Танчича. – Симферополь : ИТ «АРИАЛ», 2019. – С.240-247.
8. Национальная идентичность и коллективная память: между прошлым и будущим [коллективная монография] / отв. ред.Т.А.Сенюшкина; науч. ред. Е.А.Сенюшкин. – Симферополь: Н.Орианда, 2022. – 320 с.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (СИБИРЬ. 1917-1920 ГГ.)

Наумова Н.И.

Кандидат исторических наук,

Национальный исследовательский Томский государственный университет, доцент

E-mail: tomnin@yandex.ru

Аннотация: В статье рассматриваются проблемы государственно-вероисповедной политики правительства адмирала А.В. Колчака на территории Сибири. Регион являлся поликонфессиональным сообществом, где проживали православные, католики, мусульмане, евреи, буддисты, язычники. После Февральской революции религиозные ограничения были отменены и созданы новые условия для устройства собственной духовной жизни и межконфессионального общения, которые имели региональные особенности. Действующие на территории Сибири государственные структуры исходили из учета многообразия религиозных интересов. Раскрываются принципы взаимодействия с неправославными конфессиями, реализация их прав и свобод. Советская власть постепенно уменьшала роль религиозных организаций, ограничивала их деятельность. Особое внимание уделяется взаимоотношениям правительства адмирала А.В. Колчака с Русской Православной Церковью, ее особой ролью в общественно-политической жизни и государстве. Прослеживается связь церковных организаций с различными государственными институтами.

Ключевые слова: Сибирь, конфессии, правительство А.В. Колчака, религиозная политика.

RELIGIOUS POLITICS IN THE STRUCTURE OF SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES OF THE REGION DURING THE TRANSITION PERIOD (SIBERIA, 1917-1920)

Naumova N.I.

Candidate of Historical Sciences,

National Research Tomsk State University, Associate Professor

E-mail: tomnin@yandex.ru

Abstract: The article examines the problems of the state-confessional policy of the government of Admiral A.V. Kolchak in Siberia. The region was a polyconfessional community where Orthodox, Catholics, Muslims, Jews, Buddhists, and pagans lived. After the February Revolution, religious restrictions were lifted. The new conditions for organizing one's own spiritual life and interfaith communication were created. Those conditions had regional characteristics. State structures operating on the territory of Siberia proceeded from taking into account

the diversity of religious interests. The principles of interaction with non-Orthodox confessions, the implementation of their rights and freedoms are revealed.

The Soviet government gradually reduced the role of religious organizations and limited their activities. Particular attention is paid to the relationship between the government of Admiral A.V. Kolchak and the Russian Orthodox Church, its special role in social and political life and the life of the state. The connection of church organizations with various state institutions is traced.

Key words: *Siberia, confessions, government of A.V. Kolchak, religious policy.*

В период 1917-1920 гг. на территории России шел сложный процесс становления нового общественного устройства, что требовало переосмысления практики государственного строительства, взаимодействия государственных институтов с различными социальными объединениями. Необходимо было сформировать новые принципы отношений государства с религиозными структурами на общероссийском и региональном уровне, решить проблемы правового равенства религий, их социального статуса, выработки вероисповедной политики. Подобные задачи встали перед советской властью, региональными правительствами, сформированными на территории Сибири, Северо-Запада и Юго-Востока России, которые по-разному представляли социальную роль религиозных институтов. Специфика военно-политического противостояния влияла на вероисповедную политику.

Советский период характеризуется непримиримостью к религиозным идеям. В основе коммунистической идеологии лежала доктрина, в которой религия рассматривалась как форма общественного сознания, которая отомрет в бесклассовом обществе. Позднее в 1917 г. преодоление религиозной идеологии стало рассматриваться уже не как закономерный процесс, а как необходимое условие для утверждения нового общества. Религиозные организации оценивались как антинародные, обслуживавшие эксплуататорские классы. Интеграция церкви поэтому в общественно-государственную структуру была невозможной. В основу церковно-государственных отношений был положен принцип «отделения». Основная цель заключалась в возможно быстром уничтожении религии путем институционального разрушения церковных структур, лишения церкви материальной базы, духовного влияния.

Другие государственные образования, действовавшие в 1917-1920 гг. на территории России, включая Сибирь, отказались от негативного отношения к религиозным идеям и структурам. В своей политике правительство Колчака (ноябрь 1918 – январь 1920 г.) руководствовалось тесно связанными идеями, государственности, патриотизма, стремилось опираться на культурно-традиционную самобытную систему общества. Большевики рассматривались в качестве идейных врагов и разрушителей основ жизни.

Сибирь представляла собой полиэтническое и многоконфессиональное сообщество, где проживали христиане, мусульмане, иудеи, буддисты, язычники. Каждой новой власти в регионе требовалось определить место

религиозных структур в рамках конкретного региона, способы взаимодействия с ними.

В этот период колчаковская власть исходила из признания многообразия конфессиональных интересов. Религия рассматривалась как неотъемлемая часть общественной жизни. Прослеживалось стремление сохранить церковь, религиозные структуры в экстремальных условиях Гражданской войны. Таким образом обеспечивалась возможность самоидентификации личности, ее право на свободу вероисповедания, возможность создавать религиозные организации. Одновременно власть регулировала процессы в сфере государственно-вероисповедных и межконфессиональных отношений.

Правительство адмирала А.В. Колчака пыталось создать новый тип государственно-конфессиональных отношений, регулируя этот процесс на правовой основе. С той целью было создано Главное управление по делам вероисповеданий. Это был высший орган, через который «осуществлялись мероприятия Правительства в области отношений Российского государства к вероисповеданиям, в его пределах, существующих», христианских и нехристианских. Новая структура не представляла собой Синод. Внутренняя автономия религиозных организаций в той или иной степени обеспечивалась. Возглавил Управление доктор церковного права П.А. Прокошев [1, с. 141-143]. Свое влияние на организацию духовной жизни даже урянхов, жителей протектората - Урянхайского края – власть осуществила, утвердив главу Духовного управления ламаистов [2, с. 100].

К этому времени религиозные сообщества значительно изменились, увеличилась их самоорганизация, повысилось стремление к автономии. Представители разных народов проявляли самостоятельность в решении этноконфессиональных проблем. На региональных съездах поляков, эстонцев, евреев, мусульман обсуждался религиозный вопрос как важная основа идентификационных процессов, национальной жизни. Формировались собственные органы управления религиозной жизнью [3, с. 95-257].

Русская Православная Церковь в годы Гражданской войны пережила кардинальные институциональные изменения, избавилась от государственной опеки. Приобрела автономное управление, избрав Патриарха, и пыталась выстроить модель взаимоотношений с государственной властью в новых социально-политических реалиях. Своеобразное преломление этих тенденций произошло, на территории, подконтрольной власти адмирала А.В. Колчака.

Правительство Колчака признавало морально-воспитательное значение религий, традиционных религиозных институтов, их организующую роль. Белые правительства отменили действие советского декрета об отделении церкви от государства. Придерживались в основном тех принципов в религиозной политике, которые были провозглашены Временным правительством, что позволило расширить повседневную деятельность религиозных общин, их участие в образовательной, благотворительной, гражданской сферах.

О значении религии для мусульман было сказано на 1-м мусульманском областном съезде, на котором ее определили «основным национальным

признаком», в сравнении с которой «язык стоит на втором месте». Подчеркнута была интегрирующая роль ислама, который объединяет мусульман в «особую нацию» [4, с. 47]. «Еврейская религия» на 1-м съезде еврейских общин Сибири и Урала была названа тем средством, «которое сохраняло народ в течение многих веков» [4, с. 196-197].

Сложными были отношения власти с новой организацией мусульман – Национальным управлением мусульман внутренней России и Сибири, которое провозгласило культурную автономию мусульман с широким кругом полномочий в сфере религиозной и духовной жизни и образования. По существу, это в какой-то мере изолировало мусульман. Власть полагала, что организация присваивает часть государственных функций. И потому официально не была признана. В России опыт взаимодействия с мусульманскими Духовными управлениями имелся, но ограничивался лишь религиозной стороной. Новые присвоенные полномочия власть считала незаконными. Государство стремилось не допустить превращения общества в конгломерат этноконфессиональных групп.

В условиях Гражданской войны и разрыва связей с Патриархом было создано Временное Высшее Церковное управление (ВВЦУ) Сибири для осуществления всей полноты духовной власти над православными на Востоке страны. На этой территории церковь приобрела некоторую автономию. ВВЦУ представляло собой верховный канонический, распорядительный и исполнительный орган церковной власти на территории региона. Полномочия ВВЦУ признавались до восстановления прерванной связи с патриархом. ВВЦУ обеспечивало работу епархий, приходов, осуществляло проповедническую деятельность, взаимодействовало с правительством. Власть выделяла средства на его нужды. Церквям и монастырям вернули конфискованные земли. Духовные лица, священники, высшие иерархи получали материальное вознаграждение.

«Основные начала» отношений государства и церкви были сформулированы П.А. Прокошевым. Значение православной церкви он определил тем, что содействует «возрождению России» и государственному строительству, проповедует «христианские принципы», помогая «моральному и политическому» оздоровлению России, «уменьшает море страстей». Православную церковь он определил «первой между равными». Свое понимание проблем религиозного равенства обосновано было следующим образом: отношение власти к конфессиям должно быть равное, но «не в смысле математическом - каждому поровну», а «в смысле справедливого – каждому – свое». Более привилегированное положение имеет та, «к которой принадлежит большинство населения» и которая имеет «большой круг воздействия». Но «особых привилегий», как это было раньше, не имеет [5]. Заведующим и его заместителем назначались православные.

Полностью ли государственные институты были отделены от религиозных? Перестала ли власть быть светским государством? В политике колчаковского правительства прослеживается привлечение в государственную сферу религиозных организаций. В мусульманских, еврейских, христианских

школах преподавался Закон Божий. Необходимость православного образования обосновывалось разочарованием «в атеизме и революционных идеях, чтобы русская душа была направлена не на путь беспочвенной мистики, а в русло православного христианского учения». Предложены были для этого и средства [6].

С одной стороны, от несения воинской повинности были освобождены духовные лица всех исповеданий. Но в армии действовало около 2 тыс. военных священников. Были введены должности епископов армии, создана должность главного священника во флоте. Формировались добровольные части из христианских и мусульманских верующих: «полки Иисуса», дружины «Святого Креста», отряды «Зеленого знамени» - «доблестных защитников веры».

Связь государства и церкви прослеживается на уровне законосовещательной власти. В декабре 1919 г. Совет министров утвердил положение о Государственном Земском совещании, в который должны были войти представители от вероисповедных организаций: православных, буддистских, еврейских [7, л. 123].

Тесная связь государства и церкви прослеживалась в том, что съезд сибирского духовенства в апреле 1919 г. призвал Верховного правителя, как располагающего «Божьей Благодатью, главой церкви. Священникам было предложено упоминать его имя в молитвенном богослужении [8, с. 13].

В годы Гражданской войны правительство А.В. Колчака осуществляло политику, направленную на взаимосвязь церкви и государства на основе определенной автономии церкви (церковное законодательство, управление и суд), невмешательства государства во внутренние ее дела. Управление имело в основном светский характер.

Список литературы:

1. Законодательная деятельность Российского правительства адмирала А.В.Колчака (ноябрь1918г.-январь1920г.). Вып.1.Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 148 с.
2. Наумова Н.И. Урянхайский край в политике Российского правительства.1918-1919гг. // Личность. Общество. История: К 80-летию профессора М.С. Кузнецова: Сборник научных статей и материалов. Томск: Изд-во Том. Том. ун-та, 2002. С. 87-102.
3. Кутилова Л.А., Нам И.В., Наумова Н.И., Сафонов В.А. Национальные меньшинства Томской губернии. Хроника общественной и культурной жизни.1885-1919. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. 298 с.
4. Нам И.В. Культурно-национальная автономия в истории России. Документальная антология. Т. 1. Сибирь. 1917-1920. Томск: Изд-во ТГУ, 1998. 307 с.
5. В ведомстве исповеданий (беседа с проф. Прокошевым) // Правительственный вестник. Омск. 1919. 7 янв.
6. Религиозное образование в Сибири // Русская армия. Омск. 1919. 1 авг.

7. Журнал заседания Совмина об изменении положения о государственном земском совещании и положение о выборах в Государственное земское совещание. Российский центр хранения и изучения документов новейшей истории (РЦХИДНИ). Ф.71. Оп.5. Д.182.

8. Коголь Т.Н. Православная церковь в Сибири в период Гражданской войны // Вестник Томского государственного педагогического университета. 1999. Вып. 1. С. 11-14.

ГЕОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ

Павловцева О. В.

*Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
студентка*

E-mail: pavlovtsevaov@bk.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена анализу геополитических вопросов современной Японии. Внешнеполитическая стратегия Страны восходящего солнца обусловлена ее ресурсами и заявляемыми приоритетами. Значительное внимание уделяется рассмотрению военно-промышленных, экономических, природных ресурсов Японии, как средствам для осуществления ее внешнеполитической стратегии. Реализация современной внешней политики Японии зависит от пацифистского характера ее Конституции, серьезного финансового статуса в мире, одного из ведущих положений в мировой экономике, а также от минимального состояния природных ресурсов. Влияние современных и исторических проблем формирует процесс реализации национальных интересов Японии в мире. Поясняются важнейшие векторы геополитики Японии в отношении к Соединенным Штатам Америки, Китаю, Северной и Южной Корее, а также России. В статье затрагивается тематика методов достижения политических целей, в том числе и инструментом мягкой силы Японии.

Ключевые слова: Геополитика, современность, Япония, внешнеполитические ресурсы, приоритеты, векторы по странам.

GEOPOLITICS OF MODERN JAPAN

Pavlovtseva O.V.

Saint Petersburg State University of Economics, student

E-mail: pavlovtsevaov@bk.ru

Abstract: This article analyses issues of geopolitics of modern Japan. The foreign policy strategy of the Land of the Rising Sun is determined by its resources and declared priorities. Considerable attention is paid to the consideration of the military-industrial, economic and natural resources of Japan as a means for the implementation of its foreign policy strategy. The realization of Japan's modern

foreign policy depends on the pacifist nature of its Constitution, significant financial status in the world, one of the leading positions in the world economy, and the minimum state of natural resources. The influence of modern and historical problems shapes the process of realizing Japan's national interests in the world. The most important vectors of Japan's geopolitics in relation to the United States of America, China, North and South Korea, and to Russia are explained. The article touches the subject of methods of achieving political goals, including the instrument of Japan's soft power.

Key words: *Geopolitics, modernity, Japan, foreign policy resources, priorities, vectors by country.*

Направление политических интересов государства, как объекта геополитики, – на мировое пространство, и процесс его освоения представляет комплекс мероприятий по распространению государственного суверенитета и соблюдению национальных интересов государства [1]. Совокупность внешнеполитических целей и способов их реализации составляет концепцию внешней политики государства.

Внешнеполитическая стратегия Японии основана на желании сохранить свой статус ведущей региональной и мировой державы. Внешнеполитические ресурсы Японии позволяют ей успешно реализовать консервативную стратегию внешней политики, декларируемую руководством Японии. Совпадение интересов политических сил с национальными интересами обеспечивают успех на пути реализации этой политики.

Геополитика современной Японии отличается от геополитики других развитых стран несколько сдержанным характером, ввиду наличия в ее Конституции 9-й статьи, которая ограничивает военно-политическое влияние Японии в мире [2]. Однако Япония поддерживает высокий уровень развития военно-промышленного комплекса. Военно-морские и военно-воздушные силы [3, 4] соответствуют лучшим мировым стандартам, притом, что Япония не имеет атомных субмарин. Япония не ведёт исследований в области военного применения ядерной энергии, но обладает необходимыми материалами и технологиями, позволяющими создать ядерное оружие. Изолированное географическое положение служит фактором дополнительной защиты для безопасности страны. Япония расположена на 6800 островах в Тихом океане, где на Хонсю живет примерно 80 % японцев. Желание Японии играть весомую роль посредством ВПК и выйти из-под давления 9-й статьи в последние годы проявляется все более явно.

Тем не менее, внешнеполитические ресурсы Японии позволяют характеризовать Японию, как страну с высокими возможностями для проведения целенаправленных действий и достижения желаемых результатов на международной сцене. Интересы ведущих политических сил Японии отличаются высоким патриотизмом, а в Японии число политических партий больше, чем где бы то ни было. С 1955 года доминирует ЛДПЯ, которая включает большую часть влиятельных глав корпораций, общин и местных сообществ.

Япония имеет собственный финансовый центр – Токийскую фондовую биржу и играет важную роль в международном движении капитала, как крупнейший в мире нетто-экспортёр инвестиций. Япония оказывает серьезное влияние на глобальные тенденции в сфере международных экономических отношений, так как входит в число самых крупных экономик планеты. Все большие промышленные компании Японии являются транснациональными корпорациями. Независимо от того, что госдолг Японии – самый большой госдолг в мире [5, 6], и составляет около 250 % ВВП, – жизнь в Стране восходящего солнца вполне комфортна. Основная проблема Японии – очень ограниченные собственные природные ресурсы. Практическое отсутствие топливных, истощение земельных, рыбных ресурсов, – требует значительных государственных затрат. Япония импортирует сырье и экспортирует промышленные товары: электронные схемы, машины и оборудование, имея значительные производственные мощности и высокие информационные технологии.

Минимальное состояние природных ресурсов не может способствовать автономному процветанию народного хозяйства Японии. Поэтому правительство идет на заключение взаимовыгодных соглашений с другими странами и партнерами. Япония, утратившая часть своих экономических прифитов в связи с прорывом китайской экономики, вынуждена усиливать процессы интеграции и искать новые связи – она является членом более 90 международных организаций и задействована на мировом, региональном и субрегиональном интеграционных уровнях. Японское правительство активно заключает двухсторонние соглашения со странами – значимыми для государства партнерами, – во всем мире. Япония географически расположена в центре АТР и ближайшие морские соседи – страны с более слабым экономическим положением: Вьетнам, Филиппины, Малайзия, Индонезия, куда Япония инвестирует, развивая взаимовыгодные отношения.

Имея сильные перечисленные внешнеполитические ресурсы, Япония заявляет о своих приоритетах в Синей книге дипломатии [7]. Цели внешней политики Японии включают шесть приоритетных направлений японской дипломатии. Основой внешней политики Японии для защиты и продвижения национальных интересов премьер-министр Ёсихидэ Суга и министр иностранных дел Тосимицу Мотэги считают союз с США. Два следующих вектора внешней политики Японии направлены на реагирование по различным проблемам, связанным с Северной Кореей, Китаем, Южной Кореей и Россией. Четвертый вектор – проблемы на Ближнем Востоке, пятый относится к экономической дипломатии во главе с Японией, и шестой – это реагирование на глобальные проблемы.

Кроме того, 2020-й год стал годом противостояния глобальному кризису. Япония признает, что для реагирования на него необходимо международное сотрудничество, особенно поддержка развивающихся стран со слабыми медицинскими системами. Глобальный кризис противостояния новой вирусной инфекции сказался и на японской экономике. Падение ВВП в 2020-м году стало достаточно заметным, хотя в текущем году в Японии

ожидают рост этого показателя. Уменьшились объемы экспорта, произошло сокращение доходов населения и компаний. Власти Японии считают, что сегодня международное сообщество сталкивается с серьезными проблемами помимо пандемии – брошен вызов универсальным ценностям и международному порядку. Также существует проблема изменения климата, и общие проблемы, такие как киберпространство и экономическая безопасность.

В Белой книге о сотрудничестве в целях развития от 2020-го года зафиксированы усилия Японии. «Основываясь на идее «безопасности человека», Япония активизирует свои усилия по решению глобальных проблем, таких, как достижение целей устойчивого развития, путем активного и стратегического использования ОПР. Кроме того, Япония будет сотрудничать с другими странами, чтобы реализовать «углеродную нейтральность», которая сократит выбросы парниковых газов практически до нуля к 2050 году, чтобы реализовать... Парижское соглашение» [8].

В 2021 году Япония по-прежнему уверена в себе: «Глядя на мир, уважая многосторонность и стремясь к свободному и справедливому порядку и построению правил с точки зрения экономики, мы продолжим играть ведущую роль» [9].

Коснемся конкретнее содержания основных направлений японской геополитики.

Первостепенное значение Япония придает укреплению отношений с США, как ядру системы обеспечения безопасности, а также проводит активную дипломатию по развитию сотрудничества и поддержанию инициатив президента Байдена. Между Японией и США активно осуществляются политические, научные, культурные связи.

Недопущение роста вооружений Северной Кореи входит в первостепенные интересы Японии. Япония желает продолжать сотрудничество с КНДР, но в рамках выполнения резолюций Совета Безопасности ООН о прекращении испытаний ядерного оружия. А также при возврате Кореями похищенных спецслужбами в 70 – 80-х годах граждан Японии.

Тесные связи с Китаем развиваются по многим направлениям. Во взаимоотношениях стран существует определенный статус-кво, обусловленный документами о нормализации отношений, – несмотря на неоднозначное отношение Японии к развитию экономики Китая, несмотря на сложные отношения, возникшие на почве послевоенных разногласий, а также на существование территориального спора с КНР о необитаемых островах Сенкаку (Дяоюйдао), расположенных в Восточно-Китайском море. Кроме того, не так давно лидер Японии комментировал действия Китая по вопросам Гонконга, Тайваня и Синьцзяна, что не могло остаться без внимания Пекина [10].

Япония и Южная Корея демонстрируют определенный позитив в развитии отношений между странами. Но разный взгляд на события Второй мировой войны, несмотря на растущие экономические и культурные связи, «проблемы рабочих с бывшего Корейского полуострова и проблемы женщин

для утех» [9, с. 39], существующий территориальный спор по принадлежности двух небольших скалистых островов Такэсима (Лианкур) осложняет политические отношения двух стран.

Отношения Японии с Россией на фоне введения Японией довольно ограниченных санкций по некоторым текущим политическим поводам, затруднены невозможностью разрешения спора о Северных территориях – островах Курильской гряды: Чотокудзима, Кокугодзима, Ситандзима и Томай (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группа островов Хабомай). Хотя Япония нацелена на развитие отношений с Россией, в том числе в проектах по добыче нефти и газа на Сахалине, она считает, что эти острова оккупированы без юридических оснований и продолжают являться территорией Японии [11]. Природные богатства небольшой цепочки земли и скал, историческая память о 17 тысячах депортированных японцев в 1948 году, – не дают смириться японцам с потерей островов.

Каждый вектор внешней политики Японии имеет свои особенности, цели и характеризуется своими методами достижения этих целей. Япония эффективно использует все средства для их реализации: информационно-пропагандистские, политические, экономические и военные. Япония работает в сфере дипломатии, уделяя особое внимание ведущей экономической дипломатии и реагируя на глобальные проблемы. Государство готово не только проявлять твёрдость в отстаивании своих национальных интересов, но и выдвигать важные инициативы по общемировым проблемам, активно проецировать в мир свою мягкую силу – серьёзный инструмент культурной политики Японии, средство созидания привлекательного образа Страны восходящего солнца, и завоевания определенных позиций на мировой сцене. Реализовывать интересы государства популяризацией своей культуры за рубежом, распространением японского языка и образования, смягчением визовых требований, осуществлением молодежных, научных и художественных обменов – все, что входит в инструмент мягкой силы, как метода убеждения и достижения своих геополитических целей.

Список литературы:

1. Нурышев Г.Н., Когут В.Г. Актуальные проблемы геополитики: учебное пособие. СПб.: Изд-во СПбГЭУ, 2020. 203 с.
2. 憲法と自衛権. 防衛省. – URL: <https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/kihon02.html> (дата обращения: 24.10.2021).
3. Белая книга обороны. Дайджест. Выпуск 2020 года. - URL: https://www.mod.go.jp/en/publ/w_paper/wp2020/DOJ2020_Digest_RU.pdf (дата обращения: 24.10.2021).
4. Казаков М., Лысцев М. Военное сотрудничество как составляющая российско–японских отношений: 1993–2017 гг. // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 9–16.
5. Самый большой госдолг в мире у Японии. США на втором месте. Статьи Нового Проспекта. 25 июля 2021. URL:

<https://newprospect.ru/news/aktualno-segodnya/samyi-bolshoy-gosdolg-v-mire-u-yaponii-ssha-na-vtorom-meste> (дата обращения: 24.10.2021).

6. ВВП и Внешний долг Японии. Экономика Японии. Источник: Международный Валютный Фонд. – URL: <https://countrymeters.info/ru/Japan/economy> (дата обращения: 25.10.2021).

7. 外交青書・白書.Ministry of Foreign Affairs of Japan. Дипломатическая синяя книга. - URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/bluebook/index.html> // (дата обращения: 25.10.2021).

8. 2020年版開発協力白書 日本の国際協力. 巻頭言. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Белая книга по сотрудничеству в целях развития, международное сотрудничество Японии, 2020 г. - URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/gaiko/oda/shiryo/hakusyo/20_hakusho/honbun/kanto/kanto.html (дата обращения: 25.10.2021).

9. 令和3年版外交青書 (外交青書2021) 巻頭言. 巻頭言. Ministry of Foreign Affairs of Japan. Рейва 3-е издание дипломатической Bluebook (Diplomatic Bluebook 2021). - URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/files/100181433.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).

10. Китай предостерег Японию от действий, способных ухудшить отношения двух стран. 17.04.2021. - URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/11177567> (дата обращения: 26.10.2021).

11. 独立行政法人 北方領土問題対策協会. Независимая административная корпорация «Ассоциация по вопросам политики северных территорий». - URL: <https://www.hoppou.go.jp/problem-info/know/3min.html> (дата обращения 26.10.2021).

КОНСТАНТЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Пашковский П. И.

Кандидат политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Аннотация: В статье рассматривается опыт позиционирования России в системах международных отношений с позиций мир-системного анализа. Показано, что, являясь интегрированной в мир-систему, Россия всегда позиционировалась как полупериферия, находящаяся в большей или меньшей зависимости от государств ядра, представляющих «Западный мир». Учитывая расхождения во взглядах исследователей касательно проблемы позиционирования СССР в рамках Версальско-Вашингтонской системы международных отношений, аргументируется справедливость понимания «советского эксперимента» как автаркической модели. Обосновано, что Ялтинская международная система продемонстрировала пример выхода

СССР из мир-системы путем создания альтернативной политико-идеологической и экономической системы, в рамках которой он являлся безусловным центром. Разрушение Советского Союза способствовало исчезновению одного из полюсов указанной международной системы и ее последующим значительным изменениям. Российская Федерация занимает полупериферийное положение, а большинство государств постсоветского пространства становятся периферией современной мир-системы.

Ключевые слова: Россия, СССР, международные системы, позиционирование, мир-система, внешнеполитическая традиция.

CONSTANTS OF RUSSIA'S POSITIONING IN INTERNATIONAL RELATIONS

Pashkovsky P. I.

*Candidate of Political Sciences (PhD),
V.I. Vernadsky Crimean Federal University,
Associate Professor of the Department
of Political Science and International Relations
E-mail: petr.pash@yandex.ru*

Abstract: *The article deals with the experience of Russia's positioning in the systems of international relations from the standpoint of world-systems analysis. It is shown that, being integrated into the world-system, Russia has always been positioned as a semi-periphery, which is more or less dependent on the core states representing the «Western world». Taking into account the diverging views of researchers regarding the problem of positioning the USSR within the Versailles-Washington system of international relations, the validity of the understanding of the «Soviet experiment» as an autarkic model is argued. It is substantiated that the Yalta international system has demonstrated an example of the USSR leaving the world-system through the creation of an alternative political-ideological and economic system, within the framework of which the USSR was an unconditional center. The destruction of the Soviet Union contributed to the disappearance of one of the poles of this international system and its subsequent significant changes. The Russian Federation occupies a semi-peripheral position, and the majority of the post-Soviet states become the periphery of the world-system.*

Key words: *Russia, USSR, international systems, positioning, world-system, foreign policy tradition.*

Актуальность исследования опыта позиционирования Российского государства в международных отношениях определяется возможностью выявления постоянных характеристик (констант), последовательно проявлявшихся в разные эпохи, ставших составляющими отечественной внешнеполитической традиции, обуславливающими функционирование внешнеполитического механизма в конкретный период. Это позволяет проводить аналогии в целях более объективной и глубокой оценки

современной ситуации и функционального прогнозирования её развития, способствует увеличению качества тактического и стратегического анализа, а также может содействовать в повышении эффективности государственной внешней политики.

Задолго до формирования современной мир-системы и оформления Вестфальской международной системы Древнерусское государство выходит на международную арену в качестве самостоятельной силы. Произошло это в начале 860-х гг. в результате заключения первого межгосударственного договора «мира и любви», означавшего официальное признание Руси Византией. В дальнейшем Киевская держава была вовлечена в международные отношения региона, охватывавшего Балканы и Восточную Европу на западе, Крым и Северное Причерноморье на юге, Поволжье на севере, Северный Кавказ и Закавказье на востоке. Период расцвета, единства и сильной великокняжеской власти в Древнерусском государстве заканчивается в начале 30-х гг. XII в., когда начинают проявляться длительные центробежные процессы. В 1132–1240 гг. в обстоятельствах ослабления великокняжеской власти и политической раздробленности Киевской Руси единая древнерусская внешняя политика разделяется на отдельные составляющие, поэтому на первый план выходят отношения между князьями, возглавлявшими автономные территории бывшего единого государства. С 1240 г. до конца XV в. русская государственность находится в условиях монголо-татарского ига. Внешняя политика русских княжеств в этот период преимущественно направлена на поддержание тесных связей с Золотой Ордой и регулирование межкняжеских отношений [1, с. 12–20].

Принято считать, что, освободившись от монголо-татарской зависимости, единое Московское государство вступает в договорные отношения с сопредельными странами с конца XV в. В этом плане система межгосударственных договоров, сформированная русской дипломатией в 1582–1583 гг., вплоть до начала XVII в. препятствовала созданию антирусской коалиции с участием основных геополитических соперников России – Речи Посполитой и Швеции. Разрушение этой системы произошло во многом под воздействием внутривнутриполитических факторов, приведших к Смутному времени [2, с. 13–68]. Вместе с тем, следует отметить, что Русское государство в указанный период ещё не являлось частью складывающийся современной мир-системы (капиталистической мир-экономики) в общепринятом понимании.

Хотя князь Московский значился в числе гарантов Вестфальского мира, Русскому государству потребовалось значительное время, чтобы стать полноправным членом созданной международной лиги [2, с. 71–112]. В этом отношении Российская империя вошла в современную мир-систему в XVIII в. (в период между правлениями Петра I и Екатерины II) в условиях Вестфальской международной системы и в статусе полупериферии [3, с. 38–39], имея характеристики империи, проводившей активную внешнюю политику [4, с. 213]. Впоследствии её стремления преодолеть периферийные процессы, приблизившись к ядру мир-системы, обусловили вторичный,

«догоняющий» характер российской модернизации [5, с. 35]. Победа России в Отечественной войне 1812 г. характеризует в целом позитивный для неё итог данного модернизационного цикла [6, с. 39–40].

В годы действия Венской системы международных отношений Россия оставалась в положении полупериферии [7, с. 78]. К середине XIX в. под влиянием индустриальной революции в Европе происходит ухудшение условий обмена между Россией и центром капиталистической мир-экономики, усилившее процесс «сползания» на периферию страны, нуждавшейся в разностороннем реформировании [8, с. 314–329]. Это подтвердил негативный для Российской империи исход Крымской войны [9, с. 164], побудивший её элиту отменить крепостное право, взяв курс на масштабную модернизацию [6, с. 40].

Между тем, в последней трети XIX в. происходит так называемое «наложение» циклического сжатия капиталистической мир-экономики на внутренний российский социально-политический кризис, катализировавший периферийные процессы в империи [10]. В итоге недостаток экономических ресурсов, «националистический консерватизм» властей, «бюрократически направляемая индустриализация» и форсированная модернизация приводят к трагедии России в Первой мировой войне и революционным событиям 1917 г. [6; 8].

Проблема позиционирования СССР в рамках сначала Версальско-Вашингтонской, а затем Ялтинской систем международных отношений представляется дискуссионной [7]. Характерно, что И. Валлерстайн отводил Советскому Союзу место полупериферии и одновременно второй сверхдержавы, определяя холодную войну как «контролируемое соперничество-партнерство» [3, с. 40]. Существует и противоположная точка зрения. В частности, российский исследователь Г. А. Завалько отмечает, что Советский Союз не был полупериферией капиталистической мир-экономики и вообще не входил в неё, являясь центром другой мир-системы, в которой существовал «эксплуататорский», отличный от капиталистического, «индустриально-политарный» строй. Когда «политарные» производственные отношения стали помехой на пути развития производительных сил, так называемый «индустрополитаризм» в СССР и Восточной Европе рухнул. Это произошло отчасти под воздействием его главного соперника – капиталистической мир-экономики. Показательно, что Советский Союз в последние годы своего существования постепенно втягивался в зависимость от западноцентричной мир-системы, а новые независимые государства, появившиеся на его руинах, изначально возникают как страны зависимого капитализма [10].

Обе интерпретации заявленной проблемы выглядят спорными. Убедительной представляется мысль о том, что существование советской системы являлось попыткой «противопоставить себя миросистеме, оторваться от неё, создать вокруг себя собственный международный порядок» [8, с. 571–572]. Символом выбора СССР в пользу противопоставления себя мировой капиталистической системе и курса на создание автаркического союза стала

модернизация в форме индустриализации конца 1920-х–1930-х гг., когда происходило постепенное свёртывание НЭПа, внедрение плановой экономики и переориентация на развитие тяжёлой промышленности [11, с. 551–564].

Ценой огромных усилий и жертв такая модернизация в Советском Союзе принесла свои плоды. Российский учёный А. И. Уткин акцентировал, что между 1921 и 1940 гг. доля городского населения СССР повысилась с 29 до 50%. Численность инженеров возросла с 47 тыс. в 1928 г. до 289 тыс. в 1941 г. За две пятилетки (1928–1937 гг.) валовой продукт вырос с 24,4 млн руб. до 96,3 млн руб. Выплавка стали увеличилась с 4 млн т до 17,7 млн т, добыча угля – с 35,4 млн т до 128 млн т. Советский Союз пятикратно увеличил производство самолетов, прочно заняв первое место в мире (10 тыс. самолетов в 1939 г.). Таким образом, «в течение одного десятилетия Российское государство сделало то, чего не смогло за предшествующие века: обошло Италию, Францию, Японию, Британию и Германию по основным экономическим показателям» [12, с. 147]. Однако, Вторая мировая война внесла свои коррективы в этот процесс: советская промышленность переходит на «военные рельсы» [13, с. 542–543].

На конференциях глав держав антигитлеровской коалиции в Тегеране (1943 г.), Ялте и Потсдаме (1945 г.) были заложены основы послевоенной системы международных отношений, характеризовавшейся bipolarностью в виде глобальной конфронтации на чёткой идеологической основе двух блоков, возглавляемых США и СССР [14, с. 3]. Послевоенный четвёртый пятилетний план (1946–1950 гг.) предусматривал стремительный рост всех отраслей советской экономики. Хотя в полном объёме он выполнен не был, но промышленность и сельское хозяйство быстро достигли довоенного уровня, а к началу 1950-х гг. даже превысили его показатели [15, р. 16–17].

При этом уже на заре 1970-х гг. экономическая и общественно-политическая система Советского Союза опять нуждалась в значительном реформировании, соразмерном требованиям времени. Английский эксперт Д. Ливен подчёркивал, что глобальная капиталистическая экономика вновь обманула ожидания России, перейдя к 1970-м гг. в постиндустриальную эпоху, что грозило СССР «отсталостью, унижением и незащищённостью», если он не сумеет догнать Запад. В этом исследователь видит «самую элементарную причину перестройки» [6, с. 40].

Специфику внутренних проблем советской системы охарактеризовал российский политолог Б. Ю. Кагарлицкий, указав, что, по мере утрачивания революционного импульса, бюрократия, присвоившая себе плоды героических усилий народа, становилась всё более консервативной. Крушение этой системы было закономерно. Неизбежным оно стало после поворота её бюрократической элиты к мир-системе, что являлось защитной реакцией против «реформистской угрозы», вызревавшей внутри советского общества. Торговля сырьём в 1970-е гг. готовила политическую самоликвидацию «советской империи» в 1990-е гг. [8, с. 571–572]. В результате дезинтеграции Советского Союза и трансформации Ялтинской международной системы Российской Федерации достаётся положение полупериферии, а большинству

постсоветских государств – периферии мировой капиталистической системы [3; 7].

Таким образом, ретроспективный анализ позволяет выделить следующие константы позиционирования Российского государства в международных отношениях [16–20]: статус полупериферии в рамках современной мир-системы; автаркическое положение государства (стремящегося к внутренней модернизации и обустройству собственной международной системы) в периоды выхода из западноцентричной мир-системы; черты сухопутной и трансконтинентальной державы в условиях различных систем международных отношений; характеристики империи, имеющей интеграционные императивы, обуславливающие территориальное расширение; корреляция циклов интеграционной активности с внутренними модернизационными процессами; реактивный характер внешнеполитической деятельности.

Кроме того, российский внешнеполитический механизм в разные эпохи подвергался влиянию определённых внешних и внутренних факторов. К внешним факторам относились: позиционирование России в современной мир-системе, положение в системах международных отношений и степень внешнего давления геополитических соперников. Состояние внутриполитической стабильности, силы (независимости) центральной (государственной) власти и наличие / отсутствие цикла модернизации – следует относить к внутренним факторам влияния на механизм формирования и реализации внешней политики.

Список литературы:

1. История дипломатии России: В 2 т. Т. I: IX – начало XX века / А. И. Кузнецов, Ю. А. Райков, В. В. Самойленко / Под ред. А. В. Торкунова, А. Н. Панова. М.: Аспект Пресс, 2017. 352 с.
2. От царства к империи. Россия в системах международных отношений. Вторая половина XVI – начало XX века / [М. Ю. Анисимов, А. В. Виноградов, Г. А. Гребенщикова, А. В. Игнатьев, Е. И. Кобзарева, Е. П. Кудрявцева, И. С. Рыбачёнок, Г. А. Санин, В. М. Хевролина]. М.; СПб.: Институт российской истории РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2015. 440 с.
3. Валлерстайн И. Россия и капиталистическая мир-экономика, 1500 – 2010 // Свободная мысль. 1996. № 5. С. 30–42.
4. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций; Пер. с англ. М.: АСТ, 2005. 603 с.
5. Пашковский П. И. Интеграционная политика России на постсоветском пространстве (1991 – 2011 гг.). Киев: Интерсервис, 2012. 189 с.
6. Ливен Д. Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. 2008. Т. 6. № 6. С. 36–46.
7. Пашковский П. И. К вопросу о позиционировании России в Ялтинской системе международных отношений // Вестник развития науки и образования. 2015. № 2. С. 77–82.

8. Кагарлицкий Б. Ю. Периферийная империя: циклы русской истории. М.: Алгоритм, Эксмо, 2009. 576 с.
9. Хоскинг Дж. Россия: народ и империя (1552–1917); Пер. с англ. Смоленск: Русич, 2001. 512 с.
10. Завалько Г. Мировой капитализм глазами И. Валлерстайна. - URL: http://www.situation.ru/app/j_art_825.htm (дата обращения: 05.01.2021).
11. История России: В 2 т. Т. 2: С начала XIX века до начала XXI века / А. Н. Сахаров, Л. Е. Морозова, М. А. Рахматуллин и др. / Под ред. А. Н. Сахарова. М.: АСТ: Ермак: Астрель, 2003. 862 с.
12. Уткин А. И. Подъём и падение Запада. М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. 761 с.
13. Политическая история России / Отв. ред.: проф. В. В. Журавлёв. М.: Юристъ, 1998. 696 с.
14. Юрченко С. В. США и международные кризисы в биполярном мире (1940–1960-е годы). Севастополь: Флот Украины, 2000. 104 с.
15. Goldman M. F. Global studies: Russia, the Eurasian Republics, and Central/Eastern Europe. 6th ed. Guilford: Dushkin/McGraw-Hill, 1996. 308 p.
16. Пашковский П. И. Россия в международных системах: исторический опыт позиционирования // Теории и проблемы политических исследований. 2016. № 1. С. 41–53.
17. Cohen S. F. Soviet Fates and Lost Alternatives: from Stalinism to the New Cold War. N. Y.: Columbia University Press, 2009. 308 p.
18. Craig Nation R., McFaul M. The United States and Russia into the 21st Century. Pennsylvania: Strategic Studies Institute, 1997. 79 p.
19. Kotkin S. Russia's Perpetual Geopolitics: Putin Returns to the Historical Pattern // Foreign Affairs. May/June 2016. Vol. 95. № 3. P. 2–9.
20. Smith H. Statecraft and Post-Imperial Attractiveness: Eurasian Integration and Russia as a Great Power // Problems of Post-communism. 2016. № 63 (3). P. 171–182.

КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ ГАМБУРГА КАК ПРИМЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ

Плаксина Е.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(РАНХиГС), г. Москва,*

магистрант

E-mail: helenplk29@gmail.com

Аннотация: *Статья посвящена рассмотрению феномена солидарности в современном обществе на примере Федеративной Республики Германии. В статье рассматривается эволюция концепции общественной солидарности и ее реализации на примере адаптации мигрантов в одной из*

федеральных земель ФРГ. Научная новизна данной статьи обусловлена рассмотрением понятия идентичности в случае с адаптацией мигрантов и его влияния на социальную политику и гражданское общество в Германии, в частности в Гамбурге.

Ключевые слова: общественная солидарность, государственная политика, интеграция мигрантов, идентичность, гражданское общество, миграция, ФРГ.

THE CONCEPT OF INTEGRATION OF MIGRANTS OF THE FEDERAL STATE OF HAMBURG AS AN EXAMPLE OF SOCIAL SOLIDARITY

Plaksina E.A.

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public
Administration (RANEPA), Moscow,*

Master's Student

E-mail: helenplk29@gmail.com

Annotation: *The article is devoted to the consideration of the phenomenon of solidarity in modern society on the example of the Federal Republic of Germany. The article examines the evolution of the concept of public solidarity and its implementation on the example of the adaptation of migrants in one of the federal states of Germany. The scientific novelty of this article is due to the consideration of the concept of identity in the case of the adaptation of migrants and its impact on social policy and civil society in Germany, in particular in Hamburg.*

Key words: *public solidarity, state policy, integration of migrants, identity, civil society, migration, Federal Republic of Germany.*

Немецкое общество на протяжении многих лет сталкивается с проблемой миграции. Данная проблема была усилена европейским миграционным кризисом 2014-2017 гг. Согласно статистическим данным, в период с 2015 по 2017 год более 2 миллионов мигрантов прибыло в Германию, 1,3 миллиона из которых подали заявление о предоставлении убежища [1]. Большинство из которых были беженцами из стран, на территории которых происходят военные конфликты, таких как Сирия, Афганистан и Ирак. В разгар кризиса, в 2015 году, канцлер Федеральной Республики Германии (далее - ФРГ) Ангела Меркель призвала общество к солидарности с мигрантами, заявив: «Мы можем это сделать» (нем. «wir schaffen das»), что стало неким лозунгом миграционной политики страны в последующие годы [2]. Данный политический курс был связан с видением правящей партии Христианско-Демократический Союз (далее ХДС), чьим лидером являлась Меркель на тот момент. Во время миграционного кризиса именно ХДС часто обозначал Германию как «страну интеграции», а не страной миграции. Это соответствует законам, принятым во время канцлерства Ангелы Меркель.

В 2016 году Закон об интеграции обеспечил лицам, ищущим убежища, равный доступ к мерам государственной интеграции [3]. Закон также разрешал лицам, ищущим убежища, проживающим в коллективном жилье, устраиваться на работу по найму, что увеличивало возможность мигрантов найти работу. Привлечение просителей убежища к оплачиваемой работе, изучение немецкого языка и посещение интеграционных классов стали краеугольными камнями интеграционной программы ХДС. Данная политика Германии в отношении беженцев была направлена на интеграцию тех, кто хотел бы остаться, путем привлечения их на немецкий рынок труда.

В предвыборной литературе с 2005 года ХДС все чаще рассматривает иммиграцию как культурную проблему и в программах подчеркивается необходимость интеграции мигрантов в немецкое общество. Процесс становления немецкого гражданина предполагает уважение немецких ценностей и законов, изучение немецкого языка и вступление в различного рода клубы [4]. Немецкое правительство и общество заинтересованы в полноценной интеграции прибывших мигрантов в свою политическую и социальную реальность. Исходя из этого, можно рассмотреть Германию как один из примеров формирования общественной солидарности по отношению к мигрантам.

В современном мире солидарность является обязанностью и ответственностью общества, но вместе с этим государство должно продвигать все виды политических решений, связанных с феноменом солидарности. Отметим, что всегда существовали различные модели и формы сотрудничества и взаимной поддержки в различных группах, начиная с древних времен. Стоит отдельно отметить и тот факт, что чем меньше группа, тем больше доверия. Между членами малых групп имеются более тесные социальные связи и, следовательно, данные группы обладают большей солидарностью. Когда же группы растут и увеличиваются их число, солидарность все больше ослабевает [5, с. 146].

Существуют самые различные точки зрения среди научного сообщества относительно истоков термина «солидарность». Для некоторых термин солидарность берет свое начало в XVII веке во Франции, но его широкое распространение в Европе происходит в XIX веке, когда рабочие движения боролись против капиталистической производственной модели [6, с. 43]. Во время же Французской революции, среди идеалов, во имя которых было создано новое государство, была демократия для всех, она могла достичь своих целей только через солидарность между людьми [7, с. 15]. Термин солидарность, получив широкое распространение, быстро стал интернационализированным, найдя многочисленные отклики в других странах.

Солидарность является одной из форм отношений, которая может быть представлена на разных уровнях политики – как национальном, так и глобальном [8, с. 185].

Стоит подчеркнуть, что понятие солидарности отличается как от морали, так и от права. Ю. Хабермас указывал на данную особенность

понятия «солидарность» и на его обязательный политический характер [9]. Обращаясь к национальному уровню, можно рассмотреть пример применения концепта солидарности общества в одной из федеральных земель Федеративной Республики Германии – Гамбурга. Таким примером будет являться Концепция интеграции мигрантов 2017 года [10].

Гамбург – крупный немецкий город, являющийся федеральной землей. После миграционного кризиса, с которым столкнулась Германия в 2014-2016 гг., была разработана концепция адаптации для прибывших мигрантов. Она стала формальным воплощением концепта солидарности гражданского общества Гамбурга с новыми участниками политического диалога и рынка труда. Согласно разделу концепции, посвящённому её ценностям и целям, только при концентрации внимания на сходстве и общности ценностей, а не на различиях, возможен уважительный обмен мнениями о различиях и принятии новых членов общества [10, с. 32]. В разделе также подтверждается, что в основе данной концепции лежит правовая и ценностная основа Основного закона ФРГ, который называют «Основой социального сосуществования».

Формирование культурно разнообразного общества означает обеспечение разнообразия в рамках свободного и демократического основного порядка. Уточняется, что ценности немецкой конституции применимы ко всем людям на территории Гамбурга вне зависимости является ли человек местным жителем или иммигрантом. Вслед за этим обозначается, что любое нарушение законодательно стандартизированных ценностей будет караться «в соответствии с принципами верховенства закона».

Но одной из главных идей данной концепции является то, что основные права граждан, гарантированные конституцией, включают в себя свободное развитие личности при условии, конечно, при условии отсутствия нарушения прав других. Провозглашается свобода религиозных и идеологических убеждений, а также запрет на дискриминацию людей по половому признаку, из-за сексуальной ориентации, их происхождения, цвета кожи, инвалидности или «их религиозных и политических взглядов» [10, с. 33]. Все это можно интерпретировать как формальное закрепление солидарности по отношению к гражданам и не гражданам федеральной земли Гамбурга. Отдельно в концепции можно обратить именно на политический аспект проблемы «принятия» мигрантов в гражданское общество, новых членов не считают хуже или лучше граждан Гамбурга, закон для всех един.

Правительству Гамбурга при разработке данной концепции было действительно важно интегрировать мигрантов в жизнь Земли. Подобный вывод можно сделать, исходя из того, что вскоре после их прибытия в Гамбург, мигрантам была предоставлена возможность углубленно ознакомиться с нормами и ценностями как региона, так и Германии в целом. Так, с конца августа 2016 года были проведены специальные мероприятия: в Академии полиции в Гамбурге в рамках проекта «Hamburg verstehen, Erfolge haben, ich bin dabei», государственного центра политического просвещения в формате «Что делает Германию такой особенной?» [10, с. 35], «О

политической системе и ценностях нашего свободного общества» и дискуссионный форум «Свобода – что это значит для нас?» [10, с. 36]. Данные мероприятия говорят о заинтересованности не только государства в новых участниках политического диалога, но и самого гражданского общества Гамбурга.

Кроме всего прочего, нельзя упустить факт того, что данная концепция интеграции мигрантов была разработана при поддержке волонтерского центра Гамбурга [11]. Одной из основных целей которого является «продвижение солидарности, наводить мосты между организациями и отдельными людьми, тем самым способствуя созданию дружелюбности и взаимодействия» [12].

При поддержке Европейского социального фонда (ESF) в октябре 2010 года в Гамбурге был открыт Центр признания иностранных дипломов [13]. Благодаря данному центру у мигрантов на территории Германии появляются равные шансы на получение работы по специальности, как у жителей немецкой Земли. Кроме того, на территории Гамбурга существует проект Jobclub Solotum Plus, финансируемый Европейским социальным фондом (ESF) и государственным бюджетом Гамбурга. Данный проект поддерживает мигрантов, а именно занимается поддержкой безработных, имеющих детей и обладающих недостаточной квалификацией для получения хорошо оплачиваемой работы, в особенности родителей-одиночек. Участие в проекте можно принять во время и после отпуска по уходу за ребенком в дополнение к индивидуальному обучению, также предлагаются местные возможности получения квалификации, а также помощь в организации ухода за детьми [14, с. 55]. Это свидетельствует не только о заинтересованности правительства в мигрантах на рынке труда, а и о нацеленности на обеспечение их достойной работой и социальными гарантиями в сложных жизненных обстоятельствах.

Таким образом, можно сделать вывод о наличии развитой общественной солидарности граждан федеральной земли Гамбурга не только на государственном, национальном уровне, но и на уровне гражданского общества. Гамбург заинтересован в мигрантах в качестве новых политических, рабочих единиц, которые действительно интегрируются в гражданское общество.

Список литературы:

1. Wanderungsbilanz für Deutschland 1950-2020. – URL: www.mediendienst-integration.de/migration/wer-kommt-wer-geht.html (дата обращения: 21.10.2021).
2. Merkel: „Wir schaffen das“. - URL: www.faz.net/aktuell/politik/angela-merkels-sommerpressekonferenz-13778484.html (дата обращения: 21.10.2021).
3. Law of the Federal Republic of Germany “Bundesgesetzblatt Teil I Nr. 39” of 05/08/2016. Volume 39.
4. Heckmann F., 2016. Understanding The Creation of Public Consensus. Migration and Integration in Germany. 2005 to 2015 // Migration Policy Institute. 2016. – URL:

https://www.migrationpolicy.org/sites/default/files/publications/TCM_Trust-Germany-FINAL.pdf (дата обращения: 21.10.2021).

5. Gómez Pavajeau, C.A., La solidaridad en la Antigüedad y la dogmática de la omisión // Derecho penal y criminología, 2005. №77. P. 137-226.

6. Páez Neira M.M., Ascercamiento teórico al concepto de solidaridad // Realitas. 2013. № 1. P. 42-50.

7. Abendroth W. Historia social del movimiento obrero europeo. Estela. Barcelona. - URL: <https://adultosmayores.unr.edu.ar/wp-content/uploads/2020/04/Wolfgang-Abendroth.pdf> (дата обращения: 21.10.2021).

8. Коньков А.Е. Солидарность в политике современного государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2020. №81. С. 182-195.

9. Habermas J. Democracy, Solidarity and the European Crisis // Pro Europa. - URL: www.pro-europa.eu/europe/jurgen-habermas-democracy-solidarity-and-the-european-crisis/ (дата обращения: 21.10.2021).

10. Hamburger Integrationskonzept of the Federal Republic of Germany "WIR IN HAMBURG! Hamburger Integrationskonzept 2017 Teilhabe, Interkulturelle Öffnung und Zusammenhalt" of 09.2017. - URL: www.hamburg.de/contentblob/128792/4fa13860dcb7a9deb4afdfb989fc78e2/data/konzept.pdf (дата обращения: 27.10.2021).

11. Freiwilligen Zentrum HH // Freiwilligen Zentrum Hasmburg. - URL: <https://www.freiwilligen-zentrum-hamburg.de> (дата обращения: 16.10.2021).

12. Solidarität // Freiwilligen Zentrum Hasmburg. - URL: www.freiwilligen-zentrum-hamburg.de/tag/solidaritaet/ (дата обращения: 16.10.2021).

13. Integration: Anerkennung ausländischer Abschlüsse // Hamburg DE. - URL: <https://www.hamburg.de/migranten/2970318/anerkennung-auslaendischer-abschluesse/> (дата обращения: 21.10.2021).

14. Hamburger Integrationskonzept of the Federal Republic of Germany "WIR IN HAMBURG! Hamburger Integrationskonzept 2017 Teilhabe, Interkulturelle Öffnung und Zusammenhalt" of 09.2017. - URL: www.hamburg.de/contentblob/128792/4fa13860dcb7a9deb4afdfb989fc78e2/data/konzept.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

МЕМО-ДИАГНОСТИКА КОЛЛЕКТИВНОГО СТРЕССА: ЗАГАДКА ГАЯ ФОКСА

Пронина Е.Е.

*доктор филологических наук,
МГУ имени М.В. Ломоносова, профессор факультета журналистики
E-mail: pronina.elena@gmail.com*

Кириченко А.С.

*кандидат филологических наук,
Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина,
г. Москва, доцент
E-mail: ASKirichenko@pushkin.institute*

Аннотация: В статье на примере известного мема и маски Гая Фокса рассматриваются механизмы работы коллективного бессознательного в условиях социальной турбулентности. Прослеживается трансформация образа Гая Фокса в массовой культуре с момента разоблачения Порохового заговора в 17 веке до протестных движений 20-21 веков. Раскрывается значение традиций празднования «Ночи Гая Фокса» в преобразовании психической энергии и преодолении стрессовых противоречий. Рассматривается роль, которую сыграли древние кельтские мистерии в коллективной психо-динамике образа. Показано значение маски Гая Фокса для понимания противоречий цифрового общества.

Ключевые слова: коллективный стресс, Гай Фокс, коллективная психика, бессознательное, медиапсихология.

MEMO DIAGNOSTICS OF COLLECTIVE STRESS: THE MYSTERY OF GUY FAWKES

Pronina E.E.

*DSc. in Philology, PhD in Psychology, Professor,
Department of Periodical Press, Faculty of Journalism
Lomonosov Moscow State University
E-mail: pronina.elena@gmail.com*

Kirichenko A.S.

*PhD in Philology, Associate Professor,
Department of English Philology, Institute of Foreign Languages, MCU
E-mail: ASKirichenko@pushkin.institute*

Abstract: The article explores the origin and psychological significance of the Guy Fawkes mask in modern media space. The Guy Fawkes phenomenon, which has combined the events of the Gunpowder Plot of the early XVII century and the social movements of the XXI century, sheds light on the processes of collective

psychodynamics and the key problems of the modern information society. The tradition of celebrating "Guy Fawkes Night" is considered as the transformation of mental energy to overcome stressful contradictions. It is shown how archaic rituals, "inherited" from the deep past, contribute to the understanding of deep antinomies of the collective psyche and the contradictions of digital society.

Key words: *collective stress, Guy Fawkes, collective psyche, the unconscious, media psychology*

Понятие коллективного стресса появилось совсем недавно. Одним из первых определение коллективному стрессу в 2016 году дал известный ученый, психиатр, руководитель отдела пограничной психиатрии Федерального медицинского исследовательского центра психиатрии и наркологии им. В. П. Сербского – Ю.А. Александровский. Важнейшая характеристика социально-стрессовых расстройств состоит в том, что они обусловлены «*макросоциальными процессами, которые выходят за рамки индивидуально-специфических факторов*» [1]. А значит и объяснение этих состояний требует выхода за рамки текущей повестки дня, событий, непосредственно волнующих людей в данный период времени. Макросоциальные процессы могут развиваться на протяжении многих веков (временная нелокальность), одновременно в разных местах, на обширных территориях (пространственная нелокальность) и объясняются сложной нелинейной взаимосвязью причин и следствий. В силу нелинейного и нелокального характера этих процессов их адекватное понимание с позиции здравого смысла и привычной логики чрезвычайно затруднено или даже невозможно. Высветить анфиладу смыслов, детерминирующих переживания и поведение людей в переломные моменты истории, помогают знаки и символы неофициальной культуры, мемы, порождаемые коллективным бессознательным.

Примером сложной работы коллективного бессознательного может служить дрящящая память о Гае Фоксе (Guy Fawkes), неудачливом заговорщике начала 17 века, внезапно ставшем своего рода образцом и идеалом для протестующей молодежи начала XXI века. Это тем более удивительно, что Гая Фокса даже сегодня трудно назвать героем, а четыре столетия назад после своего провала, когда он был схвачен на месте преступления с фитилем в руке, а потом выдал своих соратников, он надолго стал объектом для насмешек и отрицательным примером. Каждый год, начиная с 1606 года, англичане весело празднуют «Ночь Гая Фокса» [2]. Его соломенное чучело, обряженное в лохмотья, с шутками и прибаутками мальчишки таскают по улицам, выпрашивая деньги «для бедного Гая». О личности Гая Фокса известно очень мало и во всяком случае ничего такого, чем можно было бы гордиться [3]. Авантюрист, долго живший вне Англии, нев്യсокого происхождения. Парадоксальным образом именно этот странный персонаж спустя 400 лет превратился в символ гражданского сопротивления и протеста в различных уголках мира. К началу XXI века с легкой руки художника Д. Ллойда, одного из авторов популярных комиксов «V for

Vendetta» [4, 5], маска Гая Фокса стала эмблемой самых массовых и резонансных общественных движений: антиглобалистов, сторонников свободного интернета (Анонимус) и вообще всех недовольных действиями правительства и глобальным экономическим кризисом. Маска активно использовалась демонстрантами по всему миру от Уолл-стрит (2011) до улиц Гонконга (2019-2020).

С точки зрения рационального мышления и линейной логики объяснить внезапную популярность образа Гая Фокса практически невозможно. Вряд ли существует какая-либо связь между Пороховым заговором 17 века в Англии и разнообразными событиями последующей истории человечества. Но для коллективного бессознательного связь безусловно существует. Более того она, похоже, не прерывалась ни на один день, начиная со дня учреждения праздника в 1606 году. Неслучайно Ночь Гая Фокса была и остается одним из самых любимых неофициальных народных праздников в Англии, даже после того, как власти официально отменили его в 1859 году. Но еще удивительнее то, что имя этого государственного преступника – Guy Fawkes – постепенно превратилось в форму дружеского обращения – «guu» (дружище, приятель), – и на него сегодня охотно откликаются все лица мужского пола, говорящие по-английски. А ведь таких, даже больше, чем тех, кто когда-либо надевал маску с его изображением, выражая свою гражданскую или политическую позицию.

Сложная работа коллективных психологических механизмов защиты и адаптации, в результате которой «преступник» превратился в «своего парня», шла не один век, оставаясь совершенно незамеченной. В глубинах бессознательного мистический опыт древних кельтских ритуалов в честь умирающего бога Солнца (отмечавшийся некогда в конце октября) беспрепятственно соединялся с праздником в честь разоблачения заговорщиков; сожжение соломенного чучела превращалось в жертвоприношение; наказание – в чествование; взрывы петард и запуск фейерверков – в символическую реализацию замысла Гая Фокса... [6, 7] Работа коллективного бессознательного амбивалентна и непредсказуема, но в момент социальной турбулентности она выносит на поверхность именно те образы, которые содействуют осмыслению жизни с точки зрения потребностей и целей, отвечающих времени и природе человека.

Массовый интерес к фигуре Гая Фокса на рубеже нового тысячелетия стал сигналом приближения поворотного момента истории, обострения фундаментальной антиномии, раскрытой еще М. Бахтиным как противостояние карнавальной и официальной культуры, народа и власти, свободы и контроля в период смены культурной парадигмы и перехода на более высокую ступень самоорганизации [8]. То, что разнообразие масок уступило место одному чувству, одной маске, свидетельствовало о «сгущении» недовольства сложившейся системой до уровня идиосинкразии (категорического неприятия), о новом уровне самоосознания и новом ощущении «Мы». Дело в том, что бурное развитие информационных технологий в XX-XXI вв. вызвало серьезные изменения в обществе. Доступность и невероятные возможности новых электронных устройств

поставили рядового пользователя на один уровень с социальными институтами, что привело к новому витку борьбы за расширение индивидуальной автономии и общественного самоуправления. Общество теперь потребовало в праве потребовать от социальных институтов (финансовых организаций и политических партий, правительств и парламентов) соответствия новым стандартам прозрачности и ответственности. Как никогда остро встала проблема информационной открытости и коммуникативной безопасности [9]. Чувствуя, что «вооружены» теперь наравне с системой (или даже лучше), люди поверили в возможность самостоятельно защитить себя в информационном пространстве. С помощью мощных DDoS-атак анонимные программисты, будто следуя примеру Гая Фокса, взламывали электронные базы служб безопасности, «взрывали» веб-сайты правительственных и коммерческих организаций, замеченных в слежке за пользователями или ограничивающих свободу Интернета. Но система также не желала сдаваться. Новые электронные технологии вооружили и её. На требования общества она ответила новыми невиданными ранее инструментами электронной слежки и тотального контроля.

С течением времени, после первых серьезных потерь в столкновении с правительственными структурами, властью монополий и политических лобби, когда ожидания легкой победы не оправдались, а месть со стороны власти оказалась вполне сопоставима с тотальностью и жестокостью средневековой показательной казни (вспомним судьбу А. Шварца, Д. Ассанжа, Э. Сноудена и др.), в эмоциональном состоянии общества произошел перелом, появились иные мемы, свидетельствующие о разочаровании и утрате иллюзий. Отчасти этого и следовало ожидать. Ведь если верить логике образа, то поражение наивных романтиков было неизбежным, как наступление зимы и «умирание» Солнца, как гибель Гая Фокса, как окончание карнавала. Но история удивительной эволюции образа Гая Фокса в народной памяти показывает, что коллективное бессознательное способно эффективно преодолевать стрессы, преобразуя даже энергию подавления в энергию восстановления и самоусиления.

Анонимность в цифровом пространстве оказалась временной и относительной, она не смогла никого защитить. Но истинной защитой для каждого индивида и человечества как такового стала природа самого человека, не переставшего искать пути к сохранению и расширению своей автономности и возможностей самодетерминации.

Список литературы:

1. Александровский Ю.А. Социальные изменения в обществе и психическое здоровье // Стенограмма доклада на конференции «Психическое здоровье: социальные, клинко-организационные и научные аспекты». Москва, МГУ, 31 октября, 2016.
2. Porter R. (Ed.) *Myths of the English*. Cambridge: Polity Press, 1993. 288 p.
3. Sharpe J. *Remember, Remember the Fifth of November: Guy Fawkes and the Gunpowder Plot*. Croydon: Profile Books; New Ed edition, 2006. 240 p.

4. Moore A., Lloyd D. V for Vendetta. New York: DC Comics, Inc., 1990
5. Reich J.E. David Lloyd On 'V For Vendetta' And The Guy Fawkes Mask's Legacy // Techtimes. 2015. 5 nov. - URL: <https://www.techtimes.com/articles/103476/20151105/guy-fawkes-day-v-for-vendetta-legacy.htm> (дата обращения: 22.10.2021).
6. Pronina E., Kirichenko A. The mystery of guy fawkes: Psycho-historical research // International Annual Edition of Applied Psychology: Theory, Research, and Practice. 2019. Vol. 6. No. 1. P. 58–64.
7. Кириченко А. С., Пронина Е. Е. Что на самом деле празднуют англичане в Ночь Гая Фокса // Парадигма гуманитарных знаний начала XXI века. Москва, 2020. С. 33–37.
8. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Эксмо, 2015. 640 с.
9. Пронина Е. Е. Информационная прозрачность и её роль в глобализирующемся мире // Политическое пространство и социальное время: глобальные вызовы и цивилизационные ответы / Под общей редакцией Т.А. Сенюшкиной. Т. 2. Симферополь: ИТ Ариал. 2021. С. 154–160.

ПОЛИТИКА УЗБЕКСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СФЕРЕ ОБУСТРОЙСТВА ЭВАКУИРОВАННЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН

Саипова К.Д.

Доктор исторических наук,

*Национальный университет Узбекистана, исторический факультет,
доцент кафедры новейшей истории Узбекистана*

E-mail: katola_nuz@rambler.ru

Аннотация: В данной статье на основе архивных источников и научных публикаций анализируется процесс организации приёма эвакуированных и депортированных граждан в Узбекской ССР в годы Великой Отечественной Войны. Подчёркивается, что значение изучения истории войны заключается ещё и в том, что сегодня мы извлекаем необходимые уроки, используя их в процессе воспитания молодого поколения, обращаясь к опыту старших поколений.

Ключевые слова: война, память, молодое поколение, государственная политика, эвакуация, депортация.

THE POLICY OF THE UZBEK SSR DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR IN THE FIELD OF ORGANIZING THE RECEPTION OF EVACUATED AND DEPORTED CITIZENS

Saipova K.D.

*Doctor of Historical Sciences,
National University of Uzbekistan,
Faculty of History,*

Associate Professor of the Department of Modern History of Uzbekistan

E-mail: kamola_nuz@rambler.ru

Abstract. *This article analyzes the process of organizing the reception of evacuated and deported citizens in the Uzbek SSR during the Great Patriotic War on the basis of archival sources and scientific publications. It is emphasized that the importance of studying the history of war also lies in the fact that today we are learning the necessary lessons, using them in the process of educating the younger generation, referring to the experience of older generations.*

Keywords: *war, memory, young generation, state policy, evacuation.*

«Низкий поклон вам от имени всего нашего народа за сегодняшнюю мирную, спокойную жизнь, чистое небо над Родиной, беззаботное детство наших детей и внуков. В каждом доме в Узбекистане помнят о том, как дорого обошлась нам победа над фашизмом, какой большой вклад внес в нее наш народ. Сотни узбекистанцев были удостоены звания Героя Советского Союза, тысячи награждены боевыми орденами и медалями. Мы с гордостью вспоминаем тех, кто в годы войны день и ночь трудился в тылу и, отказывая себе практически во всем, поставлял на фронт необходимые военную технику и боеприпасы, обмундирование, лекарства и продовольствие», – отметил на 72-годовщине победы над фашизмом президент Республики Узбекистан Ш. Мирзиёев.

Благородство, великодушие и гуманизм нашего народа ярко проявились и в том, что Узбекистан принял около 1 миллиона человек, эвакуированных из районов, где шли бои. Прежде всего – детей, женщин, стариков, с которыми здесь делились кровом и последним куском хлеба, согревали теплом своих сердец, добротой и щедростью души.

Те суровые военные годы еще раз подтвердили, насколько велики духовная сила нашего народа, его мужество и стойкость в преодолении тяжелейших испытаний. Именно на таких примерах проявления лучших человеческих качеств, присущих нашему народу, в духе уважения национальных и общечеловеческих ценностей мы должны воспитывать сегодня молодое поколение страны.

В первые дни войны в Узбекистан стали прибывать люди разных национальностей из западных оккупированных районов страны, которые были вынуждены массово бежать, именно в такие тяжелейшие годы особо ярко проявилось мужество и благородство узбекского народа.

Как было отмечено в исследованиях ряда ученых, Узбекистан в годы войны занимал по экономическому уровню одно из последних мест в СССР [1, с. 499], но это не помешало узбекскому народу приютить сотни тысяч обездоленных людей из прифронтовых зон, а также заниматься обустройством спецпереселенцев. Предпринимались максимально возможные действия для обустройства жертв массовых депортаций.

Подготовительные работы по приему населения с прифронтовых зон начались согласно постановлению СНК Узбекской ССР №110725 «Об организации учета эвакуированного населения» от 25 августа 1941 года [2]. Была создана комиссия и отделом демографии разработаны инструкции по учету эвакуированного населения [3]. Также было принято решение об организации в приемно-распределительных пунктах дезинфекционных камер, бань и питания для эвакуированного населения [4, с. 109].

Во всех областях республики проводились агитационные работы в колхозах и сельсоветах, обсуждались меры по приему, размещению и трудоустройству эвакуированных граждан. В дальнейшем переселенческие отделы организовывали перевозку эвакуированного населения в места расселения и осуществляли контроль за должным хозяйственным устройством. Так, в некоторых колхозах их не только расселяли в дома местных жителей, но обеспечивали семенами, а также кормами для скота, за счет фондов УзССР.

В массе своей прибывшие эвакуированные – это городское население, по социальному признаку относящиеся в большинстве своем к категории служащих, это счетные работники, работники торгующих организаций, бывшие домохозяйки [5, с. 39].

С августа 1941 года первые эвакуированные стали прибывать в Хорезмскую область из Украинской, Белорусской, Молдавской республик. Для решения материально-бытовых вопросов Совнаркомом УзССР было выделено для них 15 тыс. руб.

Как свидетельствуют архивные источники, Сурхандарьинская область являлась второй из областей территорией расселения эвакуированного населения. На конец 1941 года в область прибыло почти 2 600 человек, среди них было 400 детей [6, с. 8]. На 25 декабря 1941 год в Узбекской ССР было уже размещено 700 тыс. эвакуированных граждан. Большая часть из них были размещены в Самаркандской области (81 432 человек) [7, с. 279].

Как показывают архивные документы, уже с 1942 года в республике назревали проблемы с размещением эвакуированных граждан [8, с. 5]. Во-первых, эти проблемы были связаны с тем, что Узбекистан параллельно всем этим переселениям принимал и депортированных на своей территории. Во-вторых, республика не была готова принять столь большое количество населения [9, с. 48].

Но, несмотря на все эти проблемы, как отметил Президент Республики Узбекистан, «в Узбекистан были эвакуированы 1,5 миллиона человек из республик и наш народ дал им кров, окружил любовью и заботой, делился

подчас последним куском хлеба, проявив присущий ему высокий гуманизм» [10].

Необходимо отметить, что приветствовался трудоспособный контингент переселенцев. От колхозов, совхозов и предприятий поступали заявки в необходимости в специалистах. Так, из 4 618 человек эвакуированных в Хорезмскую область, трудоспособных насчитывалось 2 836 человек, из них женщин – 1 638 чел. В это число входили и подростки старше 15-ти лет. Из них в 1941 году были сразу трудоустроены 1 977 чел. в колхозах, 859 человек – на промышленных предприятиях. Большую помощь в материальном обеспечении оказали колхозы Хивинского, Шаватского и Мангитского районов [11]. Следует отметить, что устроены на работу были не только трудоспособные, но также и часть инвалидов, престарелых и ряд подростков [4, с. 111].

На новом месте, в первые месяцы эвакуированному населению было тяжело привыкнуть к непривычному климату, иным традициям, бытовому укладу, и, наконец, иному языку. Но узбекский народ старался сделать всё для того, чтобы эвакуированное население не чувствовало себя чужаками. Такие моральные ценности, присущие узбекскому народу, как щедрость, заботливость и великодушие, проявленное в годы войны, помогли многим людям поверить в себя и найти свой второй дом в Узбекистане [12].

Так, к примеру, эвакуированная семья Фабии из Херсона с двумя малолетними детьми получила квартиру. Дети были устроены в детский сад, а сами родители были трудоустроены. Или же другой пример, эвакуированная гражданка из-под Москвы - жена лейтенанта Головина делилась своими воспоминаниями и часто вспоминала с чувством благодарности узбекский народ: «Как только я приехала, мне дали квартиру, местная семья, зная, что у меня были малолетние дети, отдали свою кровать, стол и стулья. Колхоз помог устроить в детские ясли моих детей. В первые дни соседи приносили нам картошку и хлеб, понимая, что они делились последним своим куском хлеба. Я работаю, всем очень довольна» [13].

В целом, за годы войны в республике было предоставлено около 150 тысяч квадратных метров жилой площади для обустройства эвакуированных граждан [14, с. 93]. Эвакуированное население располагалось следующим образом: русские - в городе Ташкенте и Ташкентской области; белорусы – Намангане, Ташкентской области; латыши – в Ташкентской области; эстонцы – Каракалпакстан, Наманган, Самарканд; литовцы – Фергана; другие национальные меньшинства – в основном, Ташкент, Ташкентская область, Самарканд и Бухара. По национальному признаку: евреи были расселены в Ташкент, Ташкентскую область, Фергану, Самарканд; армяне, татары, немцы – в Ташкент, Ташкентскую область; поляки – в Ташкент, Ташкентскую область, Самарканд, Фергану; греки – в Наманган, Ташкент, Ташкентскую область [15, с. 153].

Кроме выделения жилплощади, республика стремилась оказать материальную помощь эвакуированному населению. Так, в декабре 1941 года

СНК Узбекской ССР принимает решение об отпущении эвакуированным гражданам дополнительно 45 тыс. рублей [16, с. 44].

Как отмечает в своих исследованиях Х. Зиев, по районам УзССР было распределено 37 тыс. рублей, из которых на 1 января 1942 года оказана денежная материальная помощь 501 семье. Также для оказания помощи эвакуированным гражданам, размещенным в Ургенче из выделенных 8 тыс. руб. была оказана помощь 86 семьям. По линии хозяйственных организаций на общую сумму 20 тыс. руб. была оказана помощь 200 семьям. По линии потребительского союза на март 1942 года были выделены из фонда промышленных товаров на сумму 150 тыс. руб., кроме того, эвакуированным гражданам были выделены продукты питания: картофель, крупы, овощи.

2 июля 1942 г. было выделено ещё 300 тыс. руб. Указанная сумма была распределена по областям и учреждениям Узбекской ССР следующим образом: Ташкентскому горисполкому – 50 тыс. руб., Ташкентскому облисполкому – 20 тыс. руб., Самаркандскому – 20 тыс. руб., Андижанскому – 15 тыс. руб., Ферганскому – 15 тыс. руб., Наманганскому – 15 тыс. руб., Бухарскому – 23 тыс. руб., Сурхандарьинскому – 10 тыс. руб., Хорезмскому – 4 221 тыс. руб., Каракалпакскому СНК – 4 тыс. рублей [17, с. 220].

Исследование показало, что из 300 тыс. руб. было распределено по областям Узбекской ССР 176 221 руб., а об оставшейся сумме – 123 779 руб. в отчете умалчивается.

Как известно, чтобы спасти многие народы от голода в годы войны эвакуированному населению оказывалась помощь и в виде продуктов питания. Так, 10 января 1945 года комиссар НКВД Узбекской ССР Ю. Бобожинов информировал Л. Берия о том, что «первоначально для обеспечения эвакуированного населения было выделено 200 тонн муки, 50 тонн риса. 20 января 1945 года было принято решение о том, чтобы выделить им 851 тонны муки и 213 тонн риса и за счет изъятых у них имущества, выделить 4 594 900 руб., 11 500 голов скота, 975 тонны пшеницы» [18, с. 64].

Всем эвакуированным гражданам, закрепленным за колхозами, оказывалась материальная помощь, выдавались продукты питания, одежда, они обеспечивались небольшими приусадебными участками, скотом. Эвакуированным рабочим также оказывалась материальная помощь, выдавалось жильё, дети направлялись в школы, детские сады [5, с. 40].

Список литературы:

1. Гладков И.А., Коссой А.И., Лелюхина Н.Д. История социалистической экономики СССР. Том V. М.: АН СССР, 1977. 499 с.
2. НА РУз., ф. 1619, оп. 13, д. 174, л. 205; оп. 11, д. 432, лл. 1-30.
3. НА РУз., ф. 1619, оп. 13, д. 174, лл. 164, 221; ф. 1619, оп. 11, д. 625, лл. 1-32; Организационный план по Ташкентской области, ф. 1619, оп. 11, д. 626, лл. 1-23; по Ферганской области ф. 1619, д. 627, лл. 1-43.
4. Пискунов С.А. Возвращение на родину: участие переселенческих органов РСФСР в репатриации польских и советских граждан 1945-1946 годы // Социум и власть. 2012. №5(37). С.109-113.

5. Матьякубов М. Помощь трудящихся Хорезма эвакуированным гражданам и освобожденным районам в годы Великой Отечественной войны // *Общественные науки в Узбекистане*, 1973. №5. С.39-44.

6. НА РУз., ф. 1619, оп. 13, д. 173, л. 8.

7. НА РУз., ф. 314, оп. 1, д. 61, л. 279.

8. НА РУз., ф. 314, оп. 1, д. 68, л. 5.

9. Ишанходжаева З.Р. Помощь Узбекистана репрессированным народам в годы Второй мировой войны / *Ўзбекистонда этнодемографик жараёнлар*. Тошкент: Университет, 2005. Б.48.

10. Выступление Президента Республики Узбекистан Шавката Мирзиёева на торжественной церемонии, посвященной 75-летию Великой Победы и Дню памяти и почестей // *Народное слово* от 9 мая 2020 года.

11. НА РУз., ф. 314, оп. 1, д. 57, лл. 7-10.

12. НА РУз., ф. 314, оп. 1, д. 57, лл. 11-15.

13. НА РУз., ф. 314, оп. 1, д. 57, лл. 16-21.

14. Турдиев С. Улуғ Ватан уруши йилларида Ўзбекистон меҳнаткашларнинг кўчиртириб келинган болаларга ғамхўрлиги. Тошкент: Фан, 1987. Б.17; Мусаев М. УзССР. М.: Государственное издательство политической литературы, 1966. 93 с.

15. Очерки общей этнографии. Азиатская часть СССР / Отв.ред. Толстова С.П. М.: АН СССР, 1960. 370 с.

16. Зиёев Ҳ. Ўзбекистон биринчи ва иккинчи жаҳон уруши даврида. Тошкент: Мухаррир, 2011. 44 Б.

17. Буриева Х.А. Сведения об эвакуированных в Ташкент в годы Великой Отечественной войны объектах и их наименованиях. / VII Международная научно-практическая конференция «История. Память. Люди». Алматы, 2015. С.220-221.

18. Ҳошимов М.М. XX аср ўртасида Марказий Осиёга депортация қилинган шимолий Кавказ халқлари тарихи (Қозоғистон Республикаси мисолида). Тарих фан. ном. дисс. Самарқанд, 2004. Б.64.

СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И СЕТЕВОЙ ПОДХОД КАК МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ

Сенюшкин Е.А.

Кандидат политических наук,

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
доцент кафедры политических наук и международных отношений*

E-mail: senushk@yandex.ru

***Аннотация.** Статья посвящена методологическому обоснованию одновременного применения системного анализа и сетевого подхода к исследованию проблемы управления международными конфликтами. Обосновывается положение о том, что два названных подхода не противоречат друг другу и могут использоваться в качестве*

исследовательских методов, которые взаимодополняют друг друга, что не противоречит парадигме постнеклассической науки.

Ключевые слова: *управление международными конфликтами, методология политической науки, системный анализ, сетевой подход, постнеклассическая наука.*

SYSTEM ANALYSIS AND NETWORK APPROACH AS METHODS OF MANAGING INTERNATIONAL CONFLICTS

Senyushkin E.A.

Candidate of Political Sciences,

V.I.Vernadsky Crimean Federal University,

Associate Professor of the Department of Political Sciences and International Relations

E-mail: senushk@yandex.ru

Abstract: *The article is devoted to the methodological substantiation of the simultaneous application of system analysis and network approach to the study of the problem of international conflict management. The article substantiates the position that the two named approaches do not contradict each other and can be used as research methods that complement each other, which does not contradict the paradigm of post-non-classical science.*

Keywords: *International conflict management, methodology of political science, system analysis, network approach, post-non-classical science.*

Динамика современного развития международных конфликтов ставит перед исследователями этого сложного и многосоставного социально-политического феномена ряд актуальных задач методологического характера. Одной из них можно считать поиск алгоритма для одновременного применения двух методов – системного анализа и сетевого подхода. Оба метода активно используются сегодня в гуманитарных исследованиях, включая политическую науку и теорию международных отношений. Анализ литературы также подтверждает большое количество публикаций, в которых эти методы применяются к исследованиям разнообразной проблематики гуманитарного характера, в том числе и к анализу проблем, связанных с международными конфликтами.

Наряду с этим, следует отметить, что теоретическая рефлексия, направленная на выявление свойств современных международных конфликтов и разработку способов конструктивного воздействия на их развитие нередко отстаёт от реальной международно-политической динамики [4].

Одним из способов решения указанных концептуальных проблем является сетевой анализ, однако исследования, выполненные в рамках этого методологического подхода, часто носят разрозненный и фрагментарный характер. Кроме этого, отмечая в целом значительное количество публикаций,

посвящённых международным конфликтам, необходимо признать безусловное преобладание описательных исследований их конкретных видов и форм, что в целом характерно не только для международно-политических, но и других предметных исследований этого феномена. При этом концептуальные и методологические аспекты этой исследовательской сферы представлены не так широко, в связи с чем актуализируется «ряд новых научных и практических задач, связанных с поиском методов, адекватных быстроменяющимся условиям современной международно-политической реальности» [4, с. 33-34].

Как отмечает Н.Н.Владиславлева, в силу объективного процесса глобализации международных отношений возникновение, развитие и окончательное урегулирование конфликтов как никогда ранее зависят от состояния и действий, осуществляемых всей мировой системой [2]. Именно поэтому, на взгляд этого автора, «оправдана попытка проведения двухмерного системного анализа международных конфликтов. При этом двухмерность означает, что, во-первых, анализ конфликтов проводится в соответствии с принципами теории систем, то есть международные конфликты рассматриваются в качестве элемента системы международных отношений со всеми вытекающими отсюда причинно-следственными связями и взаимодействием. Во-вторых, анализ международного конфликта как целостного явления имеет комплексный характер: от выработки обобщенного алгоритма анализа, построения вербальных и формальных конфликтных моделей, получения количественных и вероятностных оценок параметров конкретных конфликтов до выработки возможных стратегий по их урегулированию» [2, с. 1-2].

На методологические возможности одновременного использования системного и сетевого подходов указывают В.И. Аршинов и В.Г. Буданов [1]. Опираясь на высказывание известного физика-космолога Ст. Хокинга о том, что «следующее столетие будет столетием сложности», авторы подчеркивают, что наблюдаемый и переживаемый нами сегодня стремительный рост сложности и связанный с этим рост неопределенности настоящего и непредсказуемости будущего является неизбежным следствием процесса глобальной антропосоциотехнологической (ко)эволюции, в который вовлечена вся наша земная цивилизация..., а одним из «ведущих факторов этого роста являются процессы синергичной конвергенции знаний, исследовательских и проектных практик» [1].

Опираясь на эти положения, В.И. Аршинов и В.Г. Буданов указывают на необходимость переосмысления накопленного ранее опыта познания и проектирования, новую оптику, новое концептуальное оснащение и инструментарий видения и, одновременно, построение нового пути в том мире сложности, в который мы сейчас вовлечены» [1].

В своих публикациях указанные авторы рассматривают некоторые возможные пути такого конвергентного переосмысления на примере междисциплинарных концептов «система» и «сеть» с учетом возможного подключения к этому процессу когнитивных ресурсов современного

естествознания, в частности, теории диссипативных структур Пригожина и квантовой механики.

На возможность применения квантовой теории в политических исследованиях также указывает Т.А.Сенюшкина, которая считает, «что законы, действующие на микроуровне, выявленные квантовой теорией, можно применить к изучению объектов макроуровня, не исключая возможность политологической рефлексии универсальных законов. К примеру, закономерности, характерные для политических флуктуаций, можно выявить при помощи анализа квантовых флуктуаций. При этом измеряемые параметры политической власти также можно разбить на пары, для которых характерны скоррелированные флуктуации» [3, с. 185].

Подводя итог сказанному, можно отметить, что одновременное применение сетевого подхода и системного анализа соответствует реалиям развития современного научного знания, который, по мнению В.С.Стёпина, можно назвать постнеклассическим. В частности, исследуя динамику научного знания, этот автор акцентировал внимание на социокультурных факторах. Содержание, цели, методологические установки науки оказываются включенными в культурно-исторический контекст общественной жизни. Остаётся только добавить, что сетевой подход не противоречит этой концепции и открывает новые методологические возможности для исследования проблемы управления международными конфликтами, так как наряду с видением системы в целом, позволяет выявить несистемные взаимодействия сетевых акторов, которые имеют ситуативный характер.

Список литературы:

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы сложности // Вопросы философии. 2017. № 1. URL.: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=1555.
2. Владиславлева Н.Н. Системный анализ международных конфликтов : автореферат дис. канд. полит. н. : 23.00.02 / Дипломат. акад. МИД РФ. - Москва, 2003. 30 с.
3. Сенюшкина Т.А. Синергия политического пространства и социального времени с точки зрения квантовой теории // Политическое пространство и социальное время: Синергия смыслов и ценностей. Сборник научных трудов XXXIV Международного Харакского форума 17-20 мая 2018 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной. – Симферополь: ИТ «Ариал», 2018. С.181-188.
4. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. Т. 10. № 4 (37). С. 33-37.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА

Сенюшкина М.А.

*Кандидат экономических наук,
Заслуженный работник образования АРК,
Крымская Академия Наук
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Аннотация. В статье обобщаются теоретические исследования, посвящённые рассмотрению взаимосвязи политики и экономики как самостоятельных подсистем общества. Отмечается, что современное нелинейное развитие мировых политических и экономических процессов вносит свои коррективы в характер этой взаимосвязи. На основании этого утверждается, что новейшие изменения в характере политико-экономического взаимодействия нуждаются в новых теоретико-методологических подходах, которые, по мнению автора, можно развивать на стыке политической экономии и политологии, при этом целесообразно применять новейшие методологические разработки как гуманитарных, так и естественных наук, которые развиваются в условиях постнеклассической парадигмы научных исследований.

Ключевые слова: политико-экономическое взаимодействие, политическая экономия, политология, постнеклассическая парадигма, сетевой подход, сетевые взаимодействия.

POLITICAL-ECONOMIC INTERACTION AS A THEORETICAL PROBLEM

Senyushkina M.A.

*Candidate of Economic Sciences,
Honored Worker of Education of the ARC,
Crimean Academy of Sciences
E-mail: marsen2@yandex.ru*

Abstract. The article summarizes theoretical studies devoted to the consideration of the relationship between politics and economics as independent subsystems of society. It is noted that the modern nonlinear development of world political and economic processes makes its own adjustments to the nature of this relationship. Based on this, it is argued that the latest changes in the nature of political and economic interaction need new theoretical and methodological approaches, which, according to the author, can be developed at the junction of political economy and political science, while it is advisable to apply the latest methodological developments of both the humanities and natural sciences, which are developing in the post-non-classical paradigm of scientific research.

Keywords: *political and economic interaction, political economy, political science, post-non-classical paradigm, network approach, network interactions.*

Современный этап развития российского общества всё более актуализирует проблему взаимосвязи политики и экономики. При этом политико-экономическое взаимодействие является одним из наиболее интересных с исследовательской точки зрения вопросов, так как не только позволяет осмыслить взаимосвязь двух подсистем общества, но и выявить особенности горизонтальных взаимодействий политических и экономических акторов и их влияние на принятие политических и управленческих решений.

Анализ особенностей взаимодействия экономической и политической систем в современной России представлен в ряде публикаций, однако этот срез междисциплинарных исследований нельзя назвать исчерпывающим с точки зрения концептуального насыщения и методологической рефлексии. К примеру, Т.В.Семькина развивает концепцию единства политики и экономики, политической и экономической сфер жизни общества. Автор подчёркивает, что «процесс взаимодействия политической и экономической систем общества является органичным, обоюдным, тесным и неразрывным. Только при решающей и эффективной роли политической системы общества успешно могут протекать процессы стабильного и динамичного развития экономики страны» [2, с. 32].

С теоретической точки зрения проблема политико-экономического взаимодействия рассматривается в разных ракурсах. Первое, что следует отметить – это исследования в рамках политической экономии и взгляда на проблему, исходя из теории К.Маркса и его предшественников. В этой связи следует вспомнить, что в 2015 г. исполнилось 400 лет с момента публикации «Трактата политической экономии». Ее автор Антуан де Монкретьен (1575-1621) стал не только одним из основателей первой экономической школы – меркантилистов, но и впервые употребил термин «политическая экономия», дав имя теоретической экономике как науке, под которым она просуществовала до конца XIX в. [7, с. 112].

По мнению Г.П.Журавлёвой, в наше время в современной теоретической науке «наблюдается возрастание интереса к изучению политической экономии, но с учетом новых современных процессов и явлений» [1, с. 107]. Такой возврат к политэкономии автор называет реполитэкономизацией.

К 150-летию выхода 1 тома капитала и 200-летию со дня рождения К.Маркса в 2018 году была опубликована статья М.М.Хайкина и А.А.Лапинскаса «Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории» [6]. Авторы отмечают, что «системные противоречия, сложившиеся в экономической системе России, официально игнорируются, одновременно игнорируются и те положения марксистской политической экономии, которые остаются современными и которые вскрывают глубокие системные противоречия во многих областях хозяйственной жизни страны» [6, с. 27].

А.В.Сидорович в своих публикациях также исследует особенности взаимосвязи экономики и политики в современных условиях. По мнению данного автора, «в XXI веке усиление взаимосвязи экономических, политических и социальных процессов неизбежно находит выражение в более тесном взаимодействии наук об обществе. Благоприятные условия для этого созданы новыми информационными технологиями и резким расширением экспериментальной базы междисциплинарных исследований. Экономическая наука и применяемые в ней методы получили возможности для широкой экспансии в другие социально-политические науки и для обогащения своих выводов результатами исследований в этих науках» [5, с. 53].

Добавим к этому, что теоретическое наследие политической экономии может быть существенно дополнено методологическими подходами, которые активно применяются сегодня в политологии и социальных науках в целом. К примеру, сетевой подход, на наш взгляд, позволяет дополнить анализ закономерностей развития политико-экономических взаимодействий выявлением характера горизонтальных взаимосвязей, которые влияют на процесс принятия политико-экономических решений.

Как отмечает Е.А.Сенюшкин, применение сетевого подхода дает возможность вывести методологию исследования за рамки формального анализа политических институтов и проследить особенности влияния сетевых взаимодействий на принятие политических решений, так как «Основное методологическое преимущество сетевого подхода заключается в том, что он позволяет выявить причины и ключевые факторы, формирующие условия для возникновения рисков в разных типах сетей: экономических, политических, геополитических и культурно-идеологических» [3, с.147].

Данная методология применима также к анализу политико-экономических взаимодействий на международном уровне, включая и международные конфликты. В этой связи можно упомянуть совместную публикацию Сенюшкиной Т.А. и Сенюшкина Е.А. «Управление международными конфликтами как сетевой процесс» [4], в которой рассматривается проблема управления международными конфликтами на основе использования методологических возможностей сетевого подхода, изложенного в версии известного теоретика М.Манна. Сетевой процесс данными авторами рассматривается как взаимодействие различных акторов, нацеленных на достижение собственных интересов при помощи обмена ресурсами. Отмечается, что «в условиях турбулентности современных мировых политических процессов, международные конфликты приобретают новые существенные черты, обусловленные новыми формами противостояний государств и их объединений, а также цифровизацией всех процессов, в том числе, и геополитических» [4, с. 33]. Авторы акцентируют внимание на новых типах международных конфликтов - информационно-психологических, когнитивных, гибридных и др.

Подводя итог сказанному, отметим, что политика и экономика являются взаимосвязанными подсистемами общества, и, в принципе, в этом выводе нет ничего нового. Однако современное развитие мира вносит свои коррективы в

изменение характера этой взаимосвязи. На основании этого можно утверждать, что новейшие изменения в характере политико-экономического взаимодействия нуждаются в новых теоретико-методологических подходах, которые можно развивать на стыке политической экономики и политологии, при этом необходимо применять новейшие методологические разработки как гуманитарных, так и естественных наук, которые развиваются в условиях постнеклассической парадигмы.

Список литературы:

1. Журавлёва Г.П. Реполитэкономизация как одно из направлений развития экономической теории в современных условиях // Теоретический аспект. 2014. № 3. С. 107-115.
2. Семькина Т.В. Взаимодействие политической и экономической систем в современной России // Гуманитарные науки 2014. № 3. С. 20-32.
3. Сенюшкин Е.А. Методологические возможности применения сетевого подхода к управлению этнополитическими рисками // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 138–151.
4. Сенюшкина Т.А., Сенюшкин Е.А. Управление международными конфликтами как сетевой процесс // Азимут научных исследований: экономика и управление. 2021. № 4 (37). С.33-37.
5. Сидорович А.В. Политическая экономия и политология // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2014. № 5. С. 53-74.
6. Хайкин М.М., Лапинкас А.А. Марксистская политическая экономия и проблемы развития современной экономической теории // Проблемы современной экономики. 2018. № 1 (65). С. 23-27.
7. Шлычков В.В. 400 лет эволюции: от политэкономии до «экономикс» // Вестник экономики, права и социологии. 2014. № 4. С. 112-114.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НА ОСИ «ВОСТОК-ЗАПАД»

Сенюшкина Т. А.

*Доктор политических наук,
заслуженный работник образования Республики Крым,
Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
профессор кафедры политических наук и международных отношений
E-mail:senyushkinata@cfuv.ru*

Аннотация: *В контексте развития идейного наследия А.С.Панарина предпринимается попытка осмыслить дихотомию «Восток-Запад» в её современном российском преломлении. По мнению автора, стратегическая неустойчивость современного положения России на оси «Восток-Запад»*

связана с диспропорцией в системе трёх видов власти: духовной, экономической и политической. Высказывается гипотеза о том, что концептуальная рефлексия на тему оси «Восток-Запад» уже в ближайшее время может быть вытеснена стратегическими проекциями, направленными на освоение оси «Север-Юг». В качестве подтверждения этой гипотезы приводятся два примера – конкуренция, направленная на освоение энергетических ресурсов Арктики и проект «Глобальный Юг», который активно продвигает Китай в рамках нового формата БРИКС+.

Ключевые слова: Россия между Востоком и Западом, идейное наследие А.С.Панарина, стратегическое планирование, БРИКС, БРИКС+, Глобальный Юг, Арктика.

RUSSIA'S STRATEGIC POSITION ON THE EAST-WEST AXIS

Senyushkina T. A.

PhD, Doctor in Political Science

V. I. Vernadsky Crimean Federal University,

Professor of the Department of Political Sciences and International Relations

E-mail: senyushkinata@cfuv.ru

Abstract: *In the context of the development of the ideological heritage of A.S.Panarin, an attempt is made to comprehend the East-West dichotomy in its modern Russian refraction. According to the author, the strategic instability of Russia's current position on the East-West axis is connected with the disproportion in the system of three types of power: spiritual, economic and political. It is hypothesized that the conceptual reflection on the "East-West" axis may be replaced in the near future by strategic projections aimed at mastering the "North-South" axis. As a confirmation of this hypothesis, two examples are given – competition aimed at the development of Arctic energy resources and the Global South project, which is actively promoted by China within the framework of new format BRICS+.*

Keywords: *Russia between East and West, the ideological legacy of A.S.Panarin, strategic planning, BRICS, BRICS+, Global South, Arctic.*

Для отечественной культуры, политики и общественного мировоззрения поиск места России на оси «Восток - Запад» является одним из краеугольных вопросов, независимо от уровня развития страны или исторического этапа становления общественного самосознания. Солнце восходит на Востоке, заходит на Западе. Но для того, чтобы иметь возможность наблюдать закат солнца, кто-то должен встретить его восход. Другими словами, Восток и Запад – взаимодополняют друг друга в своём сущностном проявлении и друг без друга существовать не могут, также как «инь» не существует без «ян», как подчёркивали древние даосские мыслители. Следуя за Лао Цзы, можно проиллюстрировать сказанное в виде метафоры: «для того, чтобы наступил

день, необходимо, чтобы закончилась ночь», что не противоречит также и основным законам гегелевской диалектики, раскрывающей взаимосвязь всех элементов мироустройства. На этой философской основе в данной статье мы предпримем попытку осмысления стратегического положения России на оси «Восток-Запад» с учётом влияния культурных, экономических и политических факторов.

При осмыслении дихотомии «Восток-Запад» в её современном преломлении возникает ряд вопросов, вокруг которых сегодня ведутся активные дискуссии [8, с.76]. При этом составные элементы парного понятия «Восток - Запад» «весьма расплывчаты с точки зрения их точного описания, привязки к конкретным странам и народам (которые их могут представлять)», - отмечает А. Задохин. Также они имеют исторически временной характер. «Например, в понятие «Ближний Восток» до конца XIX в. включались страны Балканского полуострова, находившиеся под управлением Османской Порты. А если отождествлять Запад с Европой, то возникают еще вопросы по поводу однозначной принадлежности к европейской социокультурной системе целого ряда государств, в частности – тех же балканских стран или самой России. Таким образом, отмеченное предполагает наличие различных противоположных и синтезированных подходов к данной парной категории» [4, с. 36]. Добавим к этому, что дихотомия «Восток - Запад» будет иметь разное преломление для разных поколений, в зависимости от их совместно пережитого исторического опыта или «коллективной судьбы», согласно терминологии К.Манхейма [6].

Культурно-исторические волны прокатывались по российской земле то с Запада, то с Востока, оставляя после себя целые пласты влияний и заимствований. Сегодня, как и сто лет назад, в российском культурном пространстве явно обнаруживается присутствие элементов и Востока и Запада. «Здесь Восток и Запад меняются своими богатствами» – писал Николай Карамзин [5]. «Россия стоит в центре Востока и Запада, она — Востоко-Запад», — считал Николай Бердяев [2].

Россия — это место встречи Востока и Запада, прежде всего, в цивилизационном измерении этого вопроса, что подтверждается высказыванием А. С. Панарина, который подчёркивал, что «русская экзистенция – это напряжённая межцивилизационная и межкультурная динамика, преобразованная во внутренний код культуры, готовый к периодической смене идентичности...В качестве страны, занимающей стратегическое положение между Востоком и Западом, «Россия периодически сталкивается с необходимостью пересмотра своего цивилизационного статуса: она воспроизводит себя в истории посредством смены социокультурных ориентаций – поисков нового баланса между западными и восточными импульсами» [7, с. 113].

Развивая идеи А.С.Панарина, которые мы привели выше, можно сказать, что сегодня Россия оказалась в поле влияния новых мощных импульсов, которые в явном виде пришли с Запада в виде беспрецедентного экономического давления и острого геополитического противостояния. Как

следствие ожидается резкий поворот России на Восток, который, на наш взгляд, нуждается в адекватной теоретической рефлексии и аналитической проработке этого вопроса с точки зрения содержания и последствий этого процесса. Тем более, что в неявном виде импульсы с Востока, направленные сегодня на Россию, не менее ощутимы. На уровне философской рефлексии в контексте интуитивизма Бергсона можно сказать, что основной вызов идёт с Востока, а ответ на этот вызов – с Запада. В метафорическом виде эти рассуждения могут выглядеть следующим образом: окрепший Восток меряется силами со слабеющим Западом. У Востока есть явная энергетика прорыва, которой нет сегодня у Запада. Вопрос только в том, какова энергетика России (естественно, не в углеводородном смысле), и какая судьба ей уготована в этой схватке.

В целом можно сказать, что евразийское пространство является одной из приоритетных сфер, в которой реализуются экономические интересы России. Отметим также, что основные военные партнёры России находятся сегодня на Востоке – КНР, Индия, государства-члены ОДКБ, с которыми развивается также и экономическое сотрудничество.

Основные стратегические приоритеты в этом направлении связаны с линией Россия — Китай. По мнению С. Глазьева, «тот факт, что китайцы предложили наполнить содержанием, смыслами и конкретными проектами концепцию «Один пояс – один путь», говорит о стремлении к широкому евразийскому сотрудничеству» [3]. Стратегический характер имеет энергетическое сотрудничество России и Китая, которое представляет взаимовыгодный интерес. Во-первых, сотрудничество в данной сфере способствует укреплению энергобезопасности в Северо-Восточной Азии. Во-вторых, взаимодействие открывает перспективы развития ТЭК обеих сторон. В-третьих, РФ получает необходимую поддержку в финансировании дорогостоящих проектов, реализация которых была бы затруднена без иностранных инвестиций. И наконец, сотрудничество двух стран позволяет осваивать новые месторождения и разрабатывать более эффективные методы добычи энергоресурсов.

Важное значение для России имеет и потенциал сотрудничества со странами БРИКС. Этот пример показывает, что в одном политическом и экономическом союзе могут взаимодействовать страны, географически относящиеся как к Востоку, так и к Западу. Сотрудничество со странами БРИКС представляет для России особый интерес, так как страны БРИКС — это растущие экономики, которые могут выступать в качестве расширяющихся рынков сбыта. Однако существуют и ограничения, препятствующие успешному сотрудничеству стран БРИКС, которые заключаются в расхождении интересов, что связано с разными позициями стран на мировом рынке, устоявшимися связями с третьими странами, а также альтернативными интеграционными процессами, в которые вовлечены страны БРИКС. Однако «на практике в многостороннем формате в рамках БРИКС никаких действенных механизмов не наблюдается. Проекты ведутся в рамках

двустороннего сотрудничества России со странами БРИКС, преимущественно по линии Россия — Китай» [10].

Теперь, следуя логике исследования, обратим наш вдумчивый взгляд на Запад. Первое, что бросается в глаза – это острый кризис в современных отношениях России и Запада, который связан с геэкономическими и геополитическими противоречиями. При этом, как отмечает А.Задохин, «холодная война продолжается как на подсознательном уровне, так и в решениях и действиях политических и военных кругов» [4, с. 41]. В решающей степени это связано с тем, что Северо-Атлантический Альянс (НАТО) является главным военным противником России, т.к. активное и последовательное продвижение НАТО на Восток представляет основную угрозу для России в сфере обороны и безопасности. Эскалация этого процесса проявилась в ходе резкого обострения отношений России и Украины, которое привело к превентивному применению жёсткой силы и затяжному вооружённому конфликту.

Отдельная тема для обсуждения — это ценностные конфликты России с условным Западом, например, когда речь заходит о традиционных ценностях, которые закреплены теперь и в российской конституции. Не случайно в новой Стратегии национальной безопасности вопрос о ценностях объединён с безопасностью страны [9].

В заключение, опираясь на идеи А.С.Панарина применительно к исследуемой теме, отметим, что стратегическая неустойчивость современного положения России на оси «Восток-Запад» связана, на наш взгляд, с диспропорцией в системе трёх видов власти: духовной, экономической и политической [1, с. 278]. Для преодоления этой диспропорции необходимо усилить роль стратегической составляющей в системе государственного управления, которая имеет правовую и концептуальную основу в виде Федерального закона о стратегическом планировании [11]. Также мы не исключаем, что концептуальная рефлексия на тему оси «Восток-Запад» уже в ближайшее время может быть вытеснена новыми стратегическими проекциями, направленными на освоение оси «Север-Юг». В качестве подтверждения этой гипотезы достаточно привести два примера – подготовка к освоению энергетических ресурсов Арктики и продвижение проекта «Глобальный Юг».

Список литературы:

1.Аласания К.Ю., Мошелков Е.Н., Никандров А.В., Расторгуев В.Н., Седых Т.Н. Глобальные угрозы и солидарность цивилизаций (аналитический обзор XVIII Панаринских чтений, приуроченных к 80-летию со дня рождения А.С. Панарина; декабрь 2020 г.) // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т.3. № 1. С. 268-289.

2.Бердяев Н. Судьба России. Сборник статей, 1914 - 1917. М.: русская классика, 2008. - URL: https://filosoff.org/berdyaev/wp-content/uploads/sites/90/2015/10/berdjaev-n.-sudba-rossii-sbornik-statej-1914-1917-filosoff.org_.pdf (дата обращения: 22.10.2021).

3. Глазьев С. Свет с Востока. - URL: <https://glazev.ru/articles/6-jekonomika/96623-svet-s-vostoka> (дата обращения: 24.10.2021).
4. Задохин А. Запад и Восток в национальном сознании России: стереотипы и/или геополитика // Дипломатическая служба 2010. № 2. С. 36-41.
5. Карамзин Н. М., Историческое похвальное слово Екатерине II, 1801. - URL: https://kartaslov.ru/пысская-классика/Карамзин_Н_М/Историческое_похвальное_слово_Екатерине_II/2#p23 (дата обращения: 22.10.2021).
6. Манхейм К. Избранное. Диагноз нашего времени. М.: Юристъ, 1994. 704 с.
7. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.В. Рябов; под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1994. 231 с.
8. Сенюшкина Т.А. Цивилизационная идентичность: социокультурный феномен или геополитический конструкт? // Проблемы цивилизационного развития. 2021. Т.3. № 2. С.70-82.
9. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. - URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401325792/#1000> (дата обращения: 21.10.2021).
10. Шарифулин В. Состояние и перспективы энергетического сотрудничества России и стран БРИКС. - URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/semelianova/sostoyanie-i-perspektivy-energeticheskogo-sotrudnichestva-rossii-i-str/> (дата обращения: 24.10.2021).
11. Федеральный закон «О стратегическом планировании в Российской Федерации» от 28.06.2014 N 172-ФЗ. - URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/ (дата обращения: 12.11.2021).

«РАЗОРВАННЫЕ» КУЛЬТУРЫ (ПРИЛОЖЕНИЕ К ТЕОРИИ С. ХАНТИНГТОНА)

Серкова В.А.

*Доктор философских наук,
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
профессор
henrypooshel@rambler.ru*

Аннотация: В статье анализируется приложение к теории столкновения цивилизаций Самюэля Хантингтона, которое представляет собой исследование конкретных культур, принадлежащих к классу «разорванных», то есть по той или иной причине не вошедших в стадию глобальных культурных трансформаций по западным образцам. Системный анализ коллективных усилий последователей С. Хантингтона и П. Бергера направлен на анализ приложимости идеологической модели западных ценностей к традиционным замкнутым «на себе» культурам по

соответствию экономическим, социальным, культурным основаниям. Совпадение или не совпадение с матричной основой фиксируется как успешное или недостаточно продвинутое преодоление национальных культурных ограничений, мешающих успешному формированию западных стандартов. Россия не вошла в список анализируемых предметов по причине специфичности своей, основанной на православии, культуры.

Ключевые слова: разорванные культуры, глобальное прогнозирование, православная цивилизация

«FFRACTURED» CULTURES (AN APPLICATION TO S. HUNTINGTON'S THEORY)

Serkova V.A.

*Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
Professor*

henrypooshel@rambler.ru

Abstract: *The paper analyzes the application to Samuel Huntington's theory of the clash of civilizations, which is a study of specific cultures belonging to the class of "torn" cultures, that is, for one reason or another, not included in the stage of global cultural transformation according to Western models. The systemic analysis of the collective efforts of the followers of S. Huntington and P. Berger is aimed at analyzing the applicability of the ideological model of Western values to the traditional self-contained cultures by matching the economic, social, cultural grounds. The coincidence or non-coincidence with the matrix basis is fixed as successful or not advanced enough overcoming of the national cultural restrictions preventing the successful formation of the Western standards. Russia was not included in the list of analyzed subjects because of the specificity of its culture, based on Orthodoxy.*

Key words: *fractured cultures, global foresight, Orthodox civilization*

В политической теории всегда будет актуален термин «современный мировой хаос» З. Бжезинского [1, с. 3], которому может быть противопоставлена структурная упорядоченность и ясность понимания того, как устроены современные цивилизации и чем определяется в целом вектор их развития. Работа С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций и переломка мирового порядка» указывала на цивилизационные тенденции и направление развития тех политических и культурных ареалов, которые могли мобилизоваться перед лицом глобальных вызовов. Работа Хантингтона достаточно широко обсуждалась, основная его идея: линии цивилизационных разломов проходят по границам культурных идентичностей, религиозных, этнических, национальных. Менее известно, какое практическое приложение нашла его концепция. «Столкновение цивилизаций» в полном объеме выходит в свет в 1996 году, а в 2002 году публикуется результат многолетнего грантового проекта по изучению так называемых «разорванных» культур, то есть культур не западного типа, которым, согласно Хантингтону, предстояло

преодоление своего культурного несоответствия западным лекалам. Эта работа называлась «Многоликая цивилизация. Культурное многообразие в современном мире», она была выпущена под редакцией С. Хантингтона и П. Бергера, и переведена на русский язык при содействии Института «Открытое общество» в 2004 году.

Коллективная монография имела солидную финансовую поддержку, работу финансировали несколько крупных фондов: Pew Charitable Trusts, Himalaya Foundation, Nippon Foundation, Suntory Foundation, Lynda and Harry Bradley Foundation, Pew Charitable Trusts.

Ученые из Китая, Индии, Японии, Германии, Венгрии, Турции и Чили были приглашены для анализа конкретных условий реализации перестройки экономики и культуры в свете неизбежных, - с точки зрения инициаторов проекта, - глобальных трансформаций всех сфер существования жизни нового третьего тысячелетия. Цель большой коллективной работы состояла в создании аналитического отчета соответствия/не соответствия нормам западной цивилизации и формулировки конкретных рекомендаций для преодоления культурного несоответствия тенденциям глобального развития. В основном, это касалось западной идеологии (права человека, либеральные ценности и свободный рынок), коррелирующей складывающиеся отношения в экономике, социальных отношениях и культуре «разорванных стран», то есть стран, в которых по той или иной причине возникали или сохранялись не западные ориентации развития. Собственно, в основе лежало признание необходимости общественного преобразования и модернизации по принципу «от сосуществования к синтезу». Вдохновитель этого проекта Питер Бергер определяет цель коллективных усилий как создание «наиболее правдоподобной» [2, с. 7] картины культурной динамики. При этом динамикой определяется движение по принципу «вестернизированного» («западного») развития. Бергер цитирует своего коллегу, который остроумно замечает, что обычной практикой совместных проектов такого рода является попытка «разбавить водой чью-нибудь теорию» [2, с. 7]. Набор «предварительных гипотез» исходил от Бергера и Хантингтона, хотя идея «вызова» и «ответа», - Бергер с этим соглашается, - восходит к А. Тойнби. Вызовы, разумеется, провоцирует запад, ответы по шкале крайних значений «принятие - отвержение» и всевозможных промежуточных состояний в ходе глобалистского преобразования, - дают «иные» культуры. Экономическое господство глобалистских гегемонов и «нечто вроде метастазов Диснейленда» (мы можем дополнить этот список продукцией Макдональдса, и всего фастфуда в придачу, второсортного Голливуда, третьесортной музыкальной поп-культуры, гипермаркетов, религиозных сектантских однодневок, гаджетных скоростных модификаций, провокативных телевизионных ток-шоу и всего того, что производит гигантский материал культурных мусорных отходов), - вот образы дарованного «культурного благополучия» Запада. Бергер считает, что опасности западной культурной экспансии сильно преувеличены. Однако, кризисное положение в экономике, системе образования и здравоохранения в той части, которая стала зависимой от

западных эталонов и ушла от национальных, худо-бедно выработанных структурных форм, свидетельствует скорее о недооценке того вреда, который несут такого рода слепые заимствования.

Если к другим цивилизациям отношение Запада достаточно терпимое, то православная российская культура вообще выпадает из глобализационного списка. Она, по выражению А.С. Панарина подается «как изгойский знак отверженности и отсталости, исторической незадачливости и культурной несостоятельности» [3, с. 41]. К ней прилагают западный эталон и винят за несоответствие этому эталону. Вопрос ставится даже так: либо России удастся стать западной страной, либо она недостойна существовать вообще, так как в своем традиционном виде представляет вызов «цивилизированному человечеству». И такое отношение к России как православной цивилизации отнюдь не ново, а прослеживается вглубь веков, в течение которых Запад неоднократно предпринимал попытки (в том числе силовые) перевоспитать или подчинить нашу страну.

Список литературы:

1. Предисловие З. Бжезинского // Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: Изд-во АСТ, 2016. 640 с.
2. Многоликая цивилизация. Культурное многообразие в современном мире / Под ред. П. Бергера и С. Хантингтона / Пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. М.: Аспект Пресс, 2004. 379 с.
3. Панарин А. С. П 16 Православная цивилизация / Сост., предисл. В. Н. Расторгуев / Отв. ред. О. А. Платонов. М.: Институт русской цивилизации, 2014. 1248 с.

ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В РАЙОНЕ КРАЛЕВО В 1941 ГОДУ

Йован Д. Симиянович

Доктор исторических наук,

*Институт сербской культуры Приштина- Лепосавич, Сербия,
научный сотрудник*

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Аннотация: *Весной (6 апреля) 1941 года Югославия была мишенью нацистской агрессии со стороны Германии, ее союзников и помощников. Спустя всего 11 дней Югославия была полностью оккупирована благодаря превосходству немецкой армии, поддержанной армиями соседних марионеточных государств, а также благодаря предательству в своих собственных рядах. Однако антинемецкие и антифашистские настроения большинства сербского народа не исчезли, они укреплялись по мере репрессий оккупантов. После нападения Германии на Советский Союз 22 июня того же года, в Сербии назрела решимость патриотов очистить страну от оккупантов и их пособников всеобщим народным вооруженным восстанием.*

Настроение восставшего народа было очень оптимистичным, считалось, что военная сила Советского Союза быстро победит Германию. Повстанцы хотели внести максимальный вклад в победу, и их усилия уже 24 сентября привели к формированию «Ужичкой республики», которая была единственной свободной партизанской территорией на европейской земле, окруженной немецкими войсками. После огромных страданий и преступлений, совершенных немецкой армией, эта республика была разрушена 29 ноября того же года. В этой статье, основанной на исторических источниках и соответствующей литературе, мы попытались ознакомить научную и широкую общественность Российской Федерации о деталях борьбы и страданий, которые сербский народ испытал в районе Кралево во время вышеупомянутого восстания.

Ключевые слова: Югославия, Сербия, народное восстание, Германия, СССР, вторая мировая война, 1941 год, партизаны, четники.

THE UPRISING AGAINST THE FASCIST OCCUPIERS IN THE KRALJEVO AREA IN 1941

Jovan D. Simianovich

*Doctor of Historical Sciences, Institute of Serbian Culture Pristina-
Leposavic, Serbia, Researcher*

E-mail: jovan_simijanovic@yahoo.com

Abstract: *In the spring (April 6) of 1941, Yugoslavia was the target of Nazi aggression by Germany, its allies and helpers. After only 11 days, Yugoslavia was completely occupied, thanks to the superiority of the German army, supported by the armies of the neighboring puppet states, as well as thanks to the betrayal in its own ranks. However, the anti-German, anti-fascist mood of the convincing majority of the Serbian people did not disappear, it actually additionally accumulated and flared up with the repression of the occupiers. After the German attack on the Soviet Union on June 22 of the same year, the determination among patriots to cleanse the country of the occupiers and their helpers through a general popular armed uprising matured in Serbia. The mood of the insurgent people was very optimistic, it was thought that the military force of the Soviet Union would quickly overrun and defeat Germany. The insurgents wanted to make the maximum contribution to the victory, and their effort led to the formation of the "Republic of Užice" as early as September 24, which was the only free partisan territory on European soil surrounded by German forces. After enormous suffering and crimes by the German army, this republic was destroyed on November 29 of the same year. In this paper, based on historical sources and relevant literature, we tried to inform the scientific and wider public of the Russian Federation about the details of the struggles and suffering that the Serbian people endured in the area of Kraljevo during the above-mentioned uprising.*

Key words: *Yugoslavia, Serbia, people's uprising, Germany, USSR, World War II, 1941, partisans, chetniks.*

Вторая мировая война принесли на территорию Королевства Югославия огромные страдания и неугасимое горе. После военного путча 27 марта 1941 г. сменилось правительство, подписавшее соглашение с Тройственным союзом. Путч получил поддержку подавляющего большинства сербского народа, который помнил враждебность и преступления, совершенные немцами и австрийскими преступниками во время Первой мировой войны. 6 апреля Германия вместе со своими союзниками напала на Королевство Югославия и нанесла ему поражение за 11 дней. Однако после нападения Германии на Советский Союз многие патриоты решили организовать восстание против оккупантов, нанести им значительные потери глубоко на территории Германии и образовать постоянную свободную территорию с тенденцией к ее расширению, чтобы внести свой вклад в быструю победу Красной Армии и остальных союзников. Формальное восстание против оккупантов началось 7 июля в г. Бела-Црква на западе Сербии. 12 июля Центральный Комитет Коммунистической Партии Югославии (далее - ЦК КПЮ) по приглашению Иосифа Виссарионовича Сталина направил объявление ко всем народам Югославии, рабочим, крестьянам и другим гражданам противостоять оккупантам и помогать членам Красной Армии (далее - КА). Помимо провозглашения Центрального Комитета, иначе многочисленной Коммунистической партии Югославии, глубоко укоренившаяся русофилия в сербском народе также способствовала массовому восстанию. Параллельно с партизанским движением появилось и антиоккупационное движение, стоящее на совершенно противоположной идеологической позиции, основывавшее свою легитимность на достижениях Королевства Югославия и признававшее правительство и короля, находившихся тогда в изгнании в Лондоне. Движение называлось Югославская армия в Отечестве, и далее по тексту мы будем называть участников этого движения четниками. Вначале между этими двумя движениями было сотрудничество и совместные действия. Вскоре последовал успех, была освобождена большая территория, и 24 сентября была образована «Ужицкая республика», которая была единственной свободной партизанской территорией на европейской земле, окруженной немецкими войсками. Повстанцы пытались расширить свою территорию на восток, нападая на Кралево и Крагуевац. Однако в боях за эти города силы повстанцев иссякли под напором многочисленных и технически превосходящих немецких войск. Вслед за наступлением немецких сил, последовали ужасные злодеяния. Карательные операции фашистов происходили в городах Кралево и Крагуевац в конце октября, и стали символом страданий невинных людей. В продолжении текста мы более подробно рассмотрим ситуацию накануне, в начале и ходе восстания в районе Кралево.

В Кралево, как и в большинстве сербских городов, 27 марта прошли массовые антинемецкие выступления, на которых демонстранты поддержали прекращение пакта с Германией и ее союзниками. В демонстрациях приняли участие ветераны прошлых войн Сербии, члены КПЮ, рабочие и ученики гимназий [1, с. 25; 2, с. 28].

Во время Апрельской войны на северных и восточных подступах к городу со стороны Крагуеваца и Крушеваца оказывалось сопротивление вторгшимся разведывательным отрядам оккупационной армии. Действовала зенитно-артиллерийская батарея, размещенная возле Сельскохозяйственной школы. В боях в самом городе возле здания почты погибло несколько солдат 6-го боснийского пехотного полка Югославской армии [2, с. 29].

Сразу после входа в город Кралево войск 60-й моторизованной немецкой дивизии была провозглашена оккупационная власть. Исполнительную власть осуществлял командир тыла этой дивизии. А уже в конце апреля произошла передислокация немецких единиц 11-го армейского корпуса. Так, вместо 60-й моторизованной дивизии, которая перемещалась в район между городами Косовска Митровица и Печ, в Кралево был расположен 3-й батальон 514-го пехотного полка 294-й пехотной дивизии [3, с. 48].

С первых дней Апрельской войны Кралево стало убежищем или транзитом к убежищу для многих беженцев. Число беженцев почти постоянно увеличивалось из-за преследований, которым подвергалось население сербской национальности с территории, находившейся под тогдашним НГХ, Косово и Метохия и ближайшего, района Рашка [4, с. 285; 5, с. 51-54, 56, 58, 88-89, 93, 104; 6, с. 245]. Немалое количество беженцев из Словении также прибыло в Кралево. По данным Комиссариата по делам беженцев и мигрантов при правительстве Милана Недича, с 9 сентября 1941 года на территории Кралево и в его ближайших окрестностях находилось 2837 беженцев. К этому числу непременно следует добавить неизвестное число тех беженцев, которые по разным причинам, а прежде всего из страха и безывестности, избежали регистрации в Комиссариате. Газета «Ново время» приводит данные, что в начале сентября в городе из 15 000 жителей беженцы составляли 3650 [7, с. 4; 2, с. 31; 8, с. 70; 9, с. 144-146].

Хотя вооруженное восстание обоих антифашистских движений в Сербии началось летом 1941 года, в начале ноября центр крупнейших сражений между повстанцами и немецкими войсками достиг Кралево. Повстанцы хотели взять Кралево в качестве важного транспортного узла. В то время в Кралево были размещены мощные немецкие силы с эскадрильей самолетов. Общая численность немецких войск в городе составляла около 2000 солдат [10, с. 30; 11, с. 466; 12, с. 109]. Вместе с немцами были и пособники оккупантов: жандармы Недича и четники под командованием ренегата Косты Печанаца, которые вместе с немцами сформировали силы обороны общей численностью 3000 вооруженных людей [12, с. 108-109; 13, с. 244-245; 14, с. 114-115]. С другой стороны, по оценкам, общая численность повстанческих сил, запланированных для осады, составляла от 3 000 до 4 000 человек [10, с. 31; 15, с. 106].

Согласно известным на данный момент источникам, первые бои начались в ночь с 4 на 5 октября, когда диверсия 2-й чибуквацкой роты Народно-освободительного партизанского движения (НОПД, т.е. партизаны) разрушила мост в Ибарском ущелье. Атаки и диверсии повстанцев продолжились и на следующий день, а репрессивная реакция немецких войск

в городе была быстрой и решительной. Уже в первый день атак немцы взяли в заложники 600 рабочих авиазавода. Однако повстанцы продолжали атаковать [16, коробка 1, книга 1, 2/396; коробка 4, книга 1; 17, том I, книга 1, с. 665; 18, с. 207-210; 14, с. 135; 13, с. 245].

К 7 октября объединенные повстанческие силы сомкнули кольцо вокруг Кралево [11, с. 467]. Первые крупные бои у монастыря Жича начались 9 октября, когда немецкая армия двинулась к монастырю, где занял позиции один отряд четников. В сражении, длившемся целый день, принимала участие немецкая артиллерия, действовавшая у самого монастыря. Одновременно партизанская артиллерийская часть из Чибуковаца вела огонь по немецким колоннам в направлении монастыря Жича. На следующий день, 10 октября, в боях была задействована немецкая авиация, в результате чего было нанесено серьезное повреждение самому церковному зданию. Бои в районе Жичи продолжились и 11 октября, когда немцам с помощью танков удалось прорвать четниковско-партизанскую засаду и войти в монастырь, который они при этом сожгли. 717 дивизия из Крагуеваца подошла на помощь немецким частям в Кралево, прибыв на восточные подступы к городу 15 октября [10, с. 33; 14, с. 138; 16, коробка 26, с. 7]. Тем временем 13 и 14 октября Елицкий четнический отряд начал наступление на город, но оно не имело успеха [19, с. 137] (по некоторым показаниям из-за отсутствия партизанской помощи [20, с. 95]). В ночь с 14 на 15 октября, с огромными потерями, четникам и взводу бойцов партизанского батальона Драгачево удалось прорваться вглубь города, к церкви и суду [21, с. 1]. В то же время группа бойцов Первой любичкой партизанской роты, используя недостаточную видимость на рассвете, подошла очень близко к немецким позициям в районе моста Камиджор с намерением уничтожить их ручными гранатами, но вся группа была схвачена и расстреляна [14, с. 144]. Немецкий гарнизон в Кралево официально объявил осадное положение 15 октября в 9.20, и к концу того же дня немецкие потери составили в общей сложности 14 погибших (из которых два офицера) и 20 раненых солдат [16, коробка 26, стенограмма: Архив VII, Нюрнберг, 10/1, коробка 41, б.]. Следующая атака четников была совершена в ночь с 15 на 16 октября, когда после ожесточенных боев им удалось захватить здание Сельскохозяйственной школы, однако они были окружены. Немецкие источники указывают, что только в ту ночь у немцев было 14 погибших и 10 раненых, а с другой стороны, было 80 погибших четников [10, с. 33-34] (по некоторым свидетельствам: партизаны не вступили в боевые действия, оправдываясь отсутствием боеприпасов, остались на своих позициях на левом берегу Ибара) [20, с. 98]. Из-за потерь, как указано в дневнике 717-й дивизии, с 15-го по конец 16-го октября немцы в ходе карательной операции расстреляли в общей сложности «1736 мужчин и 19 коммунисток» [16, коробка 26, стенограмма: Архив VII, Нюрнберг, 10/1, коробка 41, б.].

После двух неудачных атак на Кралево, Верховный штаб югославских партизанских отрядов приказал объединенному оперативному штабу и партизанскому отряду Кралево остановить атаки на Кралево. Однако четниковские офицеры объединенного штаба не согласились с прекращением

атаки [16, коробка 4, книга, 1, с. 468]. Последняя неудачная попытка атаки произошла 1 ноября, когда четники осуществили танковую атаку на город [10, с. 35]. Попытка восстания в конечном итоге была задушена кровью, немцы не понесли значительных потерь, в то время как потери повстанцев и расстрелянных заложников были огромны и невозполнимы.

Попытка освободить город объединенными партизано-четническими силами вызвала жестокую месть оккупантов – расстрел большого количества мирных жителей, взятых в заложники немецкой армией с 15 по 20 октября 1941 года. Это было самое большое преступление в истории Кралево и одно из самых крупных в истории Сербии. Точное количество мирных жителей, пострадавших во время этой немецкой карательной мести, на сегодняшний день точно не установлено. Сохранилась рукопись служебной записной книжки немецкого офицера, указывающая на 5606 казненных людей, подлинность которой полностью не доказана [22, ф, 333 / 28-29]. На основании сохранившихся первоисточников и свидетельств современников на сегодняшний день идентифицировано по имени и фамилии 2255 мирных жителей, включая детей, женщин и стариков. Достоверно установлено, что не менее 106 человек в возрасте до 18 лет, и 29 женщин были убиты [2, с. 50]. В городе практически не было семьи, которая не понесла утрату.

Список литературы:

1. Говедарица Добривоје. Железничари Краљева – радници, револуционари, градитељи. Краљево, 1977.
2. Крејаковић Силвија. Идентитети жртва стреланих у Краљеву октобра 1941. Београд, 2013.
3. Небојша Ђокић. Формирање окупационе управе у Србији и Краљеву 1941. Округли сто: Краљево Октобра 1941. Краљево, 2003.
4. Глишић Венцеслав. Албанизација Косова и Метохије“, Срби и Албанци у XX веку // САНУ. Научни скупови. Књига LXI. Оодельење историјских наука. Књига 20. Београд, 1991.
5. Милошевић Слободан. Избеглице и пресељеници на територији окупирание Југославије 1941-1945. Београд, 1981.
6. Ненад Антонијевић. Избеглиштво Срба са Косова и Метохије на подручју општина: Краљево, Врњачка Бања и Рашка током немачке окупације Србије (1941-1944) – документа. Наша прошлост. 9. Краљево, 2008.
7. Ново време. Бр. 107. 1941. 6 септембра.
8. Крејаковић Силвија. Избеглице у Краљеву 1941. Године. Округли сто: Краљево Октобра 1941. Краљево, 2003.
9. Крејаковић Силвија. Словенци избеглице у Краљеву у време окупације. Наша прошлост бр. 10. Краљево, 2010.
10. Николић Коста. Краљево у устанку 1941. Округли сто: Краљево Октобра 1941. Краљево, 2003.
11. Глишић Венцеслав. Борбе за проширење и одбрану Ужичке републике // Зборник радова научног скупа: Народни устанак и борбе за Краљево, 1941. Године, Београд, 1985.

12. Glišić Venceslav. Užička republika. Beograd, 1986.
13. Давидовић Горан, Тимотијевић Милош. Затамњена прошлост. Историја равногораца чачанског краја I. Чачак, Горњи Милановац, Краљево, 2002.
14. Давидовић Горан. Чачани на опсади Краљевог Октобра 1941 године. Округли сто: Краљево Октобра 1941. Краљево, 2003.
15. Јончић Коча. Краљево Октобра 1941.: казивања преживелих. Краљево, 1966.
16. Историјски архив Краљево, Фонд: Збирка о радничком покрету и Народноослободилачкој борби.
17. Зборник докумената и података о народноослободилачком рату народа Југославиј. I. Београд, 1949.
18. Милашиновић Петар. Прве оружане акције Друге (чибуковачке) Чете „Слободан Луковић“ краљевачког НОП одреда „Јово Курсула“ // Зборник радова научног скупа: Народни устанак и борбе за Краљево, 1941. Године. Београд, 1985.
19. Николић Коста. Историја Равногорског покрета. Књ. 1. Београд, 1999.
20. Плазина Станојло. Са Јелице плануле варнице. Мелбурн, 1975.
21. Новости. Штаб Народно-ослободилачког партизанског одреда „Др. Драгиша Мишовић“. Бр. 2.16. Октобра 1941.
22. Архив Југославије, Фонд 110.

ЭТНИЧНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ

Синкевич И.С.

*Крымский федеральный университет имени В.И.Вернадского,
Студентка,*

*Студенческое научное общество «Школа молодого политолога»,
председатель*

E-mail: Inna.sinkevich.02@mail.ru

Аннотация. В статье обосновывается положение о том, что этничность как сложный социальный элемент, характеризующийся общим историческим прошлым, территорией проживания, языком, религией, традициями и культурой, оказывает комплексное воздействие на устойчивое развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградацию человека, а социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества.

Ключевые слова: устойчивое развитие, этничность, этноэкономика, глобальные проблемы, кризисы.

ETHNICITY AND SUSTAINABLE DEVELOPMENT

Sinkevich I.S.

*V.I.Vernadsky Crimean Federal University,
student*

*Student Scientific Society «School of Young Political Scientist», Chairman
E-mail: Inna.sinkevich.02@mail.ru*

Abstract: *The article substantiates the position that ethnicity as a complex social element characterized by a common historical past, territory of residence, language, religion, traditions and culture has a complex impact on sustainable development, in which its natural basis is not destroyed, the created living conditions do not entail human degradation, and socially destructive processes do not develop to the extent that threatens the safety of society.*

Keywords: *sustainable development, ethnicity, ethnoeconomics, global problems, crises.*

Современный мир столкнулся с рядом вызовов, которые имеют глобальный характер. Наиболее масштабный из них – это экологический кризис, необходимость преодоления которого сформулирована в концепции устойчивого развития. Ряд вызовов также связан с таким феноменом как этничность, политизация которой нередко приводит к острым межэтническим противоречиям в разных регионах мира. Политическая мобилизация этнических групп расширяет пространство рисков и препятствует устойчивому развитию общества, государства и личности. Как отмечает Е.А.Сенюшкин, «Этнополитические риски связаны с возможными опасными проявлениями этнического фактора. В данном случае опасность может исходить от мобилизованного радикализирующегося этноса, отстаивающего свои специфические этнические или этноконфессиональные цели и интересы. В свою очередь, радикализирующийся этнос может представлять опасность для государства и граждан, не принадлежащих к данному этносу» [5, с. 205]. Всё вышесказанное позволяет нам утверждать, что изучение взаимосвязи этничности и устойчивого развития является актуальной теоретической проблемой.

Как показывает обзор литературы, этничность и устойчивое развитие по отдельности представляют собой две сложные структуры, суть которых вызывает множество споров и расхождения во мнениях, но в данной работе мы рассмотрим их в рамках взаимовлияния и взаимосвязи.

Этничность выступает в качестве сложного социального элемента, характеризующегося общим историческим прошлым, территорией проживания, языком, религией, традициями и культурой. Устойчивое развитие, в свою очередь, характеризуется как общественное развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградации человека, и социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества [1]. Как

отмечает Е.А.Сенюшкин, «В условиях резкого увеличения глобальных экономических и политических рисков современное общество оказалось на грани истощения ресурсов планеты. В связи с этим актуализировалось осмысление угроз, вызванных приближением масштабов деятельности человечества к границам устойчивости экосистем и экосферы Земли. Это обстоятельство связано как с разрушением биосферы в целом, так и с истощением ресурсов планеты, в результате чего формируется качественно новый контекст развития общества. В связи с этим перед современным человечеством встали вопросы о возможности увеличения устойчивости экосистем, об отказе от нелимитированного потребления и переориентации его на экологически сбалансированное развитие, об алгоритме практического воплощения экологических подходов в политике» [4, с. 387-388].

Устойчивое развитие формируется людьми и для людей, следовательно, от качества взаимодействия социальных групп напрямую зависит построение траектории устойчивого развития. В качестве основы устойчивого развития России можно выделить равное развитие этнических групп, что в свою очередь уменьшает конфликтный потенциал в сфере межэтнических взаимодействий. Это может служить основой для благополучного и устойчивого с экономической и политической точки зрения развития региона в будущем. При этом решающую роль будет играть эффективность и результативность государственной национальной политики как на федеральном, так и на местном уровне.

Устойчивое развитие – понятие глобального масштаба, но, чтобы понять структуру его взаимодействия с этничностью, стоит сократить поле нашего зрения до регионального уровня. Устойчивое развитие региона – комплексный процесс, который ведет к решению проблем населения на региональном уровне, к повышению условий жизни жителей региона путем достижения социально-экономического развития, осуществляемого на основе рационального использования всего ресурсного потенциала региона [2].

К основным факторам устойчивого развития региона относятся: экологические, финансово-экономические, промышленно-производственные, наличие в регионе развитой инфраструктуры, социальная сфера и общественная деятельность. Этничность может оказывать прямое или косвенное влияние на все перечисленные факторы. Данное положение можно проиллюстрировать на примере Крыма, который, по мнению Т.А. Сенюшкиной «находится на этапе важных трансформаций социального, экономического, политического и управленческого характера, успешность которых можно обеспечить только при устойчивом и спокойном этнополитическом развитии» [6, с. 146].

Важное значение в контексте исследуемой проблемы имеет экономическое измерение этничности. Этническое «проецируется» на экономическую составляющую общественного развития, обеспечивая преемственность и способствуя как ее традиционному, так и инновационному движению [2].

Этнический фактор в приложении к экономическим процессам будет объединять следующие компоненты: традиционная экономическая деятельность и склонность к ней; предпринимательская активность; элементы гуманитарного измерения экономики, в том числе и стремление к образованию, самореализации личности. Локализация этноса в границах определенного региона, действие этнического фактора на экономику региона способствует формированию и разворачиванию такого сектора регионального воспроизводства, как этноэкономика [3].

Как отмечают Овчинников В.Н. и Колесников Ю.С., «Этноэкономика является неотъемлемой частью «экономической ткани» переходных обществ, имеющих сложную полиэтническую структуру. Управление модернизационными процессами в этих обществах требует разработки и реализации таких экономических стратегий, которые бы учитывали ресурсы этноэкономического сектора национального хозяйства, факторы его устойчивости и адаптивности» [3].

Данный сектор экономики важно идентифицировать не только как «традиционный хозяйственный уклад», его необходимо связывать с происхождением и социальной формой локального уклада, а также культуры на территориях проживания этнических групп.

Отступая от теоретических основ этноэкономики, хочется на конкретном примере показать успешность ее функционирования. В кризисные периоды для нашей страны стоит отметить конструктивно-позитивное воздействие на динамику и социальный компонент модернизационных процессов в России.

Этноэкономика сыграла роль стабилизатора, который придал инерционную устойчивость естественно-воспроизводственному тренду экономической динамики. Она оказалась каркасом аграрной сферы российской экономики; выполнила функции переходного модуля, соединяя фазу кризиса с фазой оживления передаточного устройства в механизме взаимодействия смежных циклов; обеспечила воспроизводство условий жизнедеятельности населения; способствовала снятию остроты всплеска уровня безработицы, принимая трудовые ресурсы из других сфер; является укладом, где осуществляются инновации; инициировала стартовый импульс, достаточный для запуска гораздо более масштабных инвестиционных процессов. В целом можно утверждать, что в полиэтнических регионах успешной может быть лишь та экономическая политика, которая способна соединить корпоративный и этноэкономический сектор, организовать их взаимодействие [3].

Рассмотрим в качестве примера один из регионов Северного Кавказа. «Исследования экономистов-аграрников Кабардино-Балкарии подтвердили тот факт, что на этапе посткризисного оживления аграрной сферы рост производства обеспечили личные подсобные хозяйства населения (традиционная форма этноэкономического уклада), доля которых составила более половины продукции сельского хозяйства. При этом определяющим

фактором роста в этом секторе стал трудозатратный тип воспроизводства (при жестких ограничениях по другим ресурсам – земле и капиталу).

Сочетание в деятельности субъектов этноэкономики элементов традиционного хозяйствования и предпринимательской активности в сфере коммерческой торговли обеспечивает синергический эффект. Универсальность и адаптивность форм хозяйствования в сфере этноэкономики придает им устойчивость в периоды смены одной экономической системы на другую. Это подтверждает наличие у этноэкономического сектора значительного адаптационного ресурса к модернизационным преобразованиям экономического строя общества» [3].

Выводы. Этничность как сложный социальный феномен, характеризующийся общим историческим прошлым, территорией проживания, языком, религией, традициями и культурой, оказывает комплексное воздействие на устойчивое развитие, при котором не разрушается его природная основа, создаваемые условия жизни не влекут деградацию человека, а социально-деструктивные процессы не развиваются до масштабов, угрожающих безопасности общества. Влияние этничности на экономическое развитие региона и страны в целом, может оказывать смягчающий эффект при серьезных кризисах.

Список литературы:

1. Данилов-Данильян В. И. Устойчивое развитие (теоретико-методологический анализ) // Экономика и математические методы. 2003. Т.39. № 2. С. 123-135.
2. Поддугин М.О. Устойчивое развитие региона: понятие, основные подходы и факторы // Российское предпринимательство. 2012. Т. 13. № 24 (222). С. 214-221.
3. Овчинников В.Н., Колесников Ю.С. Этноэкономика как фактор развития // Проблемы прогнозирования. 2006. № 1. С.118-123.
4. Сенюшкин Е.А. Концепция устойчивого развития как фактор предупреждения глобальных экологических рисков // Этничность, религия и политика / Под ред. Т.А.Сенюшкиной и А.В.Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2015. С. 387-392.
5. Сенюшкин Е.А. Риски и вызовы как категории этнополитического исследования // Политическое пространство и социальное время 1917-2017: смыслы и ценности прошедшего столетия. Сборник научных трудов XXXII Харакского форума 17 – 21 мая 2017 г., г. Ялта / Под ред. Т.А. Сенюшкиной, А.В. Баранова. – Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2017. С. 202-205.
6. Межэтнические отношения и религиозная ситуация в Крыму. Экспертный доклад за первое полугодие 2018 года / Ред. Сенюшкина Т.А., Степанов В.В., Старченко Р.А. – Москва-Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. – 64 с.

MEMORY AND POLITICS: OTTOMAN – TURKISH CASE

Suda Emine Zeynep

*Doctor of Political Sciences,
Istanbul University, Faculty of Political Sciences, Department of Political
Sciences and International Relations,
Chairperson of Political Science, Professor*
zeynep@istanbul.edu.tr

Abstract: *In this paper I'd like to discuss the politics of personal memories or autobiographies with respect to scientific history and to explore to what extent the personal memories or autobiographies align with scientific history, or official 'History', which is a narrative of the past created by political entities. These two kinds of historical narratives might complement each other, or each might incite us to question the validity of the other. In the latter case, the disparity might arise from the political ideology of the political entity creating the scientific or official 'History', as well as the subjective nature of the personal memories. It is evident that life stories and perspective of individuals have objective and subjective characteristics. My aim is to display and discuss, on the personal and subjective level, the political character of memories and their relation to the scientific, mainstream 'History' by citing two examples from Russia and Egypt, examples from late Ottoman period as well as writers and memories from the Republican period in Turkey. Of these three groups, the first (Dostoyevsky and al-Tahtawi) don't seem to contradict with the scientific history whereas the latter two groups (late Ottoman and Republican Turkey) are mainly civil and stay outside the mainstream with respect to either political or class and ethnic origins.*

Keywords: *history, memory, politics of memory, Ottoman (Turkish) memories.*

ПАМЯТЬ И ПОЛИТИКА: ОСМАНСКО–ТУРЕЦКИЙ СЛУЧАЙ

Суда Эмине Зейнеп

*Доктор политических наук,
Стамбульский университет,
Кафедра политических наук и международных отношений,
заведующая кафедрой, профессор*
E-mail: zeynep@istanbul.edu.tr

Аннотация. *В статье анализируется роль личных воспоминаний и автобиографий в научной истории и выясняется, в какой степени личные воспоминания и автобиографии согласуются с научной историей или официальной «Историей», которая представляет собой повествование о прошлом, созданное политическими организациями. Эти два вида*

исторических повествований могут дополнять друг друга, или каждый из них может побудить нас усомниться в достоверности другого. В последнем случае несоответствие может быть вызвано политической идеологией политической организации, создающей научную или официальную «Историю», а также субъективным характером личных воспоминаний. Очевидно, что жизненные истории и взгляды отдельных людей имеют объективные и субъективные характеристики. Цель данной статьи - показать и обсудить на личном и субъективном уровне политический характер воспоминаний и их связь с научной, господствующей «Историей», на основе примеров из России и Египта, примеров из позднего Османского периода, а также воспоминаний о республиканском периоде в Турции. Из этих трех групп первая (Достоевский и аль-Тахтави), по-видимому, не противоречит научной истории, в то время как две последние группы (поздняя Османская и Республиканская Турция) в основном гражданские и остаются вне мейнстрима в отношении политического или классового и этнического происхождения.

Ключевые слова: история, память, политика памяти, османская (турецкая) память.

Memory and Politics: Ottoman - Turkish Case

There is a relation and interconnectedness between history, memory, and biography. History is the great effort to form and structure the past of the bigger and effective political entities such as empires and nations serves to consolidate the feeling of loyalty and belonging as well as the formation and the character of national identities. It is the grand narrative of the humankind which consists of social structures, historical laws and the scientific explanations, interpretations, and legitimization of long-term processes. As individuals, historical heroes, actors, and characters, we all have an effect in the formation of history, but it is generally accepted that history is something bigger and different from the sum of personal experiences, that is, what we remember about the past and our narratives on specific events, our life stories.

In fact, focusing on personal memories and biographies teaches us a lot about the daily life, society on the ground level and social life while giving information about certain events and periods in history. Personal accounts, diaries and biographies teach us a lot about the facts, persons, experiences, and meaning individuals attribute to things happening around them.

To quote from C. Wright Mills, *The Sociological Imagination*: “Neither the life of an individual nor the history of a society can be understood without understanding both» «Within that range the life of the individual and the making of societies occur; and within that range the sociological imagination has its chance to make a difference in the quality of human life in our time” [1].

Writing biographies is a personal and private act. Many literary figures or famous writers wrote their memories either as memories of their travels in given time periods or as accounts of specific events in their lives or in their countries. We may accept that memories of Saint Augustine or J.J. Rousseau’s *Confessions* are

early examples of this type but there are more famous examples from modern times that most memory studies root themselves in, such as memories of Marcel Proust [2] or Goethe [3]. To give an example, Proust wrote a famous text about the richness of memory and its contribution to understanding everyday life. Proust's text was published in France between 1913 and 1927 and is titled *A la recherche du temps perdu (In Search of Lost Time)*. Writing memories gained greater popularity from 19th century onwards, and as a result memories began to be accepted as a genre in literature.

The use of memories as a valuable social record and their acceptance as a scientific source is a recent and interdisciplinary approach in social sciences. Biographies of prominent people, statesmen, soldiers, or diplomats became widespread during 19th and 20th centuries. Especially after the Great War, with the help of increasing literacy, ordinary people, reserve officials, specialists such as doctors, nurses and veterinaries put down their memories and personal experiences on paper. There are other sources such as Monastery records or records of companies etc. declared to be valuable sources for historians by social historians of the Annales School and for many other social scientists. In the post-war period writing memories gained further popularity with the growing literacy and concern for social phenomena in the western and non-western world.

To give some examples of biographies, I'd like to cite the memories of famous Russian writer Dostoyevsky. In 1862 Dostoyevsky paid a visit to western countries, a trendy behavior for most upper-class Russians and intellectuals of the time. It was a time of change, upheavals, and revolutions in Eastern Europe, especially in Russia. In 1861 Russian Tsar Alexander II had declared a reform program, namely the White Revolution, which included the abolishment of serfdom and caused radical changes in Russian economy, political system, and society [4].

In his visit to western countries, young Dostoyevsky, 40 years old at that time, stopped at Cologne, Berlin, Dresden, Wiesbaden, Belgium, and Paris. Then, he went to London, where he visited the Crystal Palace, and he travelled to northern Italian cities through Switzerland. In 1862, after his visits to western countries, he wrote his famous booklet narrating and commentating on those trips, *Winter Notes on Summer Impressions* [5]. In this booklet, which includes travel notes and his impressions, published in 1863, written before his most famous novels, such as *Crime and Punishment* and others, he remembers and narrates on the realities of the western world, cities, and ways of life of the time. This memory lane tells us many a thing about the realities of the western cities, especially Paris and London, but at the same time gives us important clues on the way of thinking of a Russian literary figure, an easterner and Slavophil.

This text, not having a didactical purpose or not having been prepared to submit to the Tsar or any other governing body, is an uncommitted product of the free mind of an intellectual of the time. We may claim that Dostoyevsky and the text was affected by discussions among intellectuals and political figures in Russia concerning the issues of enlightenment, development, capitalism, and westernization. And as a matter of fact, Dostoyevsky took side on this dispute. He was a powerful source and sustainer of the romantic, nationalist, and pan-Slavic

traditions that are not in harmony with the rapid changes in his country, and a part of the lively, ambitious, and profound discussions of the intellectual circles when he went to Western Europe. He had the social responsibility and a sense of “us”, deriving from the Russian soil and soul, but above all he was a literary figure, a writer. He was quite aware of the fact that these ideas are his own, subjective views. In the introductory part he wrote “I have nothing to tell and least of all can I give a methodical account of anything because there was no method in my sightseeing, and even when I did see something, I did not have time to examine it very closely” [6]. He claims that in two and a half months, he cannot give true and fair knowledge about what he saw in various cities of the western world. So, these are impressions and memories of a writer at all points.

Another example of the kind is al Tahtawi’s memories on his stay in the western countries, particularly in Paris. In al Tahtawi’s text, on the other hand, western countries, especially Paris are displayed as examples of modern western way of life and sources of inspiration for Egyptian society. He stayed in Paris between 1826 and 1831 and wrote his memories titled *Seyahatname :Tahlis el-İbriz fi Telhis-i Bariz ev el-Divan el-Nefis bi Eyvan-ı Baris* [7]. The aim of this work is different from that of other travel notes. It is presented as informing Egyptian readers about the Western countries and culture, educating them, and waking all Muslim community from inattention and carelessness. This text is totally different from that of Dostoyevsky’s memories with its educative style, where the author gives information about education, architecture, hygiene and fashion.

Al Tahtawi makes a comparison between his country and the western cultures, highlighting “positive” aspects of the latter. He mentions the white dresses French people wear, and points out that they are clean, unlike those in Egypt. He is also aware of the poverty this system produces, but he finds this natural. He is impressed by the educational system including the girls. The great part of the population can read and write. They can follow daily newspapers and get information about the social events that influence their lives. He finds the freedom of press an important development for western democracies. In Paris al Tahtawi became acquainted with the idea of the “social contract” and liberal ideas stemming from the French revolution and tried to adapt them to his own country and his own experiences. However, there are certain difficulties in this adaptation. The principles and practices in science and in politics have a different nature and must be treated differently according to al Tahtawi. For daily practices, he finds adopting certain principles useful; on the other hand, when we talk about political ideas, it is difficult to break away from the traditional thoughts and intellectual roots that he nurtured throughout his life. Issues such as adopting principles such as “equality, freedom and fraternity” that have shaped western liberal thought, representative institutions that would guarantee social justice, as well as implementing legitimate and constitutional government and separation of powers in Egypt are discussed in his later works; these ideas, thoughts and principles were, likewise, discussed by Egyptian intellectuals and politicians in later decades.

Many literary figures, famous writers wrote their memories: either life stories / memories of their travels in given time periods or about specific events in their

lives or in their countries. Saint Augustine or J.J. Rousseau's *Confessions* or in the 19th century John Stuart Mill's *Autobiography* are early and important examples of the literary genre of writing biographies. Mill wrote that "It has also seemed to me that in an age of transition in opinions there may be some interest and some benefit in noting the successive phases of any mind that was always pressing forward, equally ready to learn and to unlearn either from its own thoughts or from those of others." Mill is very much aware of his motives writing his autobiography: "But a motive that weighs more with me than either of these is a desire to acknowledge the debts that my intellectual and moral development owes to other persons; some, of recognized eminence, others, less known than they deserve to be, and one to whom most of all is due, one whom the world had no opportunity of knowing" [8, p.68].

Memories which are better known are those forming the basis of Marcel Proust's book. He wrote a famous text about the richness of memory and its contribution to understanding everyday life. Proust's text was published between 1913 and 1927 in France, *A la recherche du temps perdu*, a search for a memory which is lost, covering childhood memories. From the 19th century on writing memories became fashionable and, as a result, memories were accepted as a genre in literature. A famous German writer Johann Wolfgang von Goethe also wrote his memories covering his memories from birth in the 18th century, published in 1846, *From my Life: Poetry and Truth*.

There are biographies written in the late 19th and early 20th centuries by famous statesmen, generals, and politicians in each and every country and epoch, such as Abdulhamit II, Mustafa Kemal, or de Gaulle or Henry Kissinger. Politicians and statesmen such as Cemal, Enver or Talat Pashas, who were seen as the responsible figures during the decline of the Ottoman State starting from 1908 to 1918 wrote their biographies, as well.

We can give examples from the United States where writing biographies is a well-known and accepted literary genre. But there are many others all over the world, from American presidents and US Foreign Secretary Henry Kissinger to Third World heroes, such as Mahatma Gandhi or generals like Liman von Sanders or Ian Hamilton, or Semyon Ivanoviç Aralov, a Soviet diplomat who served as an ambassador in Turkey during the Early Republican period. There are famous memories of leaders such as Lenin, Khrushchev, Andrei Gromyko or Gorbachev.

There are discussions on the purpose for which we use memories and the way in which we encounter and represent the horrible events of history in memories. What is the political and social context in which we do this? For example, in Germany memories of the 2nd World War became a part of political discussions and political positions in contemporary politics. After 1940s, Holocaust memories were written by opinion leaders; then, in 1947, the diary of Anna Frank was published and translated into 70 different languages. Personal traumas as well as economic miracle of Germany focusing on the future were underlined. In 1960s archives were opened, and political decision -making was put under investigation; in 1969 Albert Speer, Minister of Armaments wrote his memories, 1200 page long. At the end of 1960s and in 1970s political atmosphere changed; a serial called Holocaust was broadcasted in the United States, breaking a record of viewers.

Memories of the accused as well as of the victims were published after 1985, creating an inflation in the publication of memory books. Jeffrey K. Olick mentions this as “more and more memory” [9]/

We can take memories or biographies as a starting point, as facts or as qualitative data for the research objectives in social sciences, political science, history and sociology. But we need a frame for historical, political, or social context and interpretation.

Classification and periodization of memory studies

It is not an easy task to classify and make a periodization of memory studies. Nevertheless, there are certain efforts to do this. In this part, I'd like to discuss a few efforts to classify memories: The first classification is for memories or autobiographies made for examples from the classical Greece. The first category comprises autobiographical travel writing, a well-known example of which is Odyssey of Homeros. The second category is memoirs of famous men, with which we are all familiar thanks to many examples divided to all historical periods. The third category is defensive autobiographical rhetoric where “the autobiographer needs to manufacture a crisis of victimization in order to ally the envy that comes naturally to strangers in order to restore the balance of his relations with the potential envious audience.” The aim of the category four is the response to requests for political advice. Finally, the fifth category is the historical memoir and autobiography in the modern sense [10, p.16-20.]

The second classification is on the Great War, which includes a great amount of work on the written memories embracing the war experiences. Many people, from generals to ordinary soldiers, who wrote their memories related to the war are classified in several ways, considering the historical distance from the event and the differences in approach. A prominent periodization work was done by Antoine Prost and Jay Winter: *Penser la Grande Guerre: Un essai d'historiographie* (Thinking About the Great War: An Essay on Historiography) [11]. The authors offer three categories in dealing with the memories written by witnesses. The first category is military and diplomatic studies, written by historical actors and professional historians, in which the rank-and-file soldier is not seen, and his voice is not heard. In the 1920s and 30s, the story of the decision makers, the decisions of individual actors, heroes, statesmen, and commanders who took on high-level positions were told. In the second category, war is studied as part of the social context and social history and those who were excluded from the memories return to the scene in history and social sciences. The social groups such as agrarian communities, and social classes, workers, women, children, elderly people, the disabled, anti-establishment views were included and searched by social scientists and historians. Those groups also told and wrote their memories telling their experiences and points of view.

In the third approach not only are the excluded social categories invited, but also, we notice an introduction of a different paradigm. This approach considers culture as the guiding force of history; cultural representations give information

about and impressions on the subject and have a motivating effect. The postmodern understanding and representation of history extends in all directions, hybridizes with current ideological, cultural, and political paradigms, and moves away from reality both materially and intellectually.

In the western world and in many other parts of the world, such as Soviet Russia, which faced the bitter experience of the Second World War, and was deeply wounded by it, an increase in the second and third types of in-depth studies is observed. After 1960s different social classes, trade unions, youth, working class and peasant movements, struggles for freedom of the Third World, anti-war movements and movements for civil rights came into sight. From 1980s onwards, new trends and movements appeared with the crisis and introduction of postmodern approaches in literature, social sciences, culture and politics affected the types of memories written and constructed. After 1990s with the collapse of the Soviet Union and the socialist countries, we see the revival of the memories of the Cold War blaming socialist experiences. This period is called Globalization.

Many memories written and published by famous writers, statesmen, diplomats, generals, politicians have become best sellers and widely read all over the world. In the last decades there are other kinds of memories, written by people who are and stay outside of the mainstream, who are in the opposition, artists, politicians and ordinary people who are not seen or not under spotlights or lie low for many reasons.

This, I'd like to propose and discuss the idea that memories of the same places, same historical experiences, and same cities can be presented and interpreted not only by individual subjectivity, but at the same time differently according to political and ideological positions of the actors. In other words, memories are political from the very beginning to the end. The configuration of what we remember and what we narrate, write, or represent is in the political realm. They reflect the beliefs, world views and ideologies of the writers, whether they are intentional or not. The authors or ordinary people who write out their personal memories on a specific event, place or experience reflect their point of views, ways of seeing things, establishing connections between events and themselves. They also have different styles of telling their stories about the past events depending on who they are, and on the audience to which they present their stories. The tones of the narratives change with their distance to those events and the period of life cycle in which they write their memories.

In a discussion about the gender of biographies, we should say that most of the biographies are written by powerful men. Women's biographies are written and valued in the last couple of decades but still men take space in this literature. *"While powerful men continue to dominate biography, there has nonetheless been a significant expansion in the range of biographical subjects over the past four decades. The spate of books on the mothers, wives, daughters, and sisters of prominent men is one example of this current interest in the lives of many people who would not have been deemed sufficiently important to warrant a biography in earlier decades. The idea that 'ordinary people' are appropriate subjects for biography is not entirely new. In the 1920s, Virginia Woolf had asked 'whether the*

lives of great men only should be recorded. Is not anyone who has lived a life, and left a record of that life, worthy of biography – the failures as well as the successes, the humble as well as the illustrious? And what is greatness? And what smallness? [12, p.105].

Turkey: Late ottoman – republican period examples of memories

To illustrate this theoretical background, I'd like to give examples from the Ottoman-Turkish experience. In this context, I offer a selection of memories. In first two cases personal memories go hand in hand with the official history, but include much individual, detailed, artistic or industrious undertones. Other examples given stay outside the mainstream ideas, experiences, and existences. The last three memoirs stay outside of the mainstream or official history in many ways and include experiences and family narratives contradicting the generally accepted assertions.

From the late ottoman period onwards, especially from the beginnings of the constitutional period, *II. Meşrutiyet*, efforts of modernization and critical changes in the daily life and procedures of politics dominate the relationships between the Palace, the Sultan and the government. That upheaval can be read from the records of the first-person eyewitness Halit Ziya Uşaklıgil. Uşaklıgil a prominent writer from a wealthy family of İzmir became the Chamberlain of the Sultan after 1909, during the government of Committee of Union and Progress. He organized relations between Sultan Mehmet V- Mehmet Reşat- and the new civil government after the 1908 revolution that brought a limited power to the Sultan and a new constitution in 1909. In this set of memories, we read the passage to the constitutional government and its relations with the Ottoman Palace, and the Sultan himself. This is a story of limiting Sultan's political, economic functions in a courteous way while reshaping his image preserving the legitimacy of the regime on the one hand and holding the Empire together, on the other [13].

Cemil Topuzlu is a medical professor who was well- educated in medical school in Istanbul and served as an assistant in France. As he descended from a prominent family in Istanbul, he was a son in law of the Shaikh- ul- Islam of the time and was appointed the Mayor of Istanbul. He served in between 1912-14, 1918-19 and in 1920. These were turbulent years, and the city was undergoing the process of modernization at the same time. He was a modern person and having an experience of the western cities, had new ideas for the modernization of Istanbul. He worked with the power of the government and received support from the Ottoman imperial family. He tried to make the Mayor's Office of Istanbul independent in economic and administrative decisions, and act on its own initiative. As a mayor of Istanbul, he put a lot of effort into cleaning the city (from dirt, old buildings, stray dogs, beggars and street people as a part of *eugenic* practices of the western world of the time) and making a map of the city. In those times, Istanbul had a population of one million, as many Turkish families had migrated to the city after the Ottoman defeat in the Balkans. With his initiative a park was opened in Gülhane, in the precincts of the Palace, where families could go on a promenade.

This initiative raised a controversy on whether women should be allowed to enter those kinds of places [14].

Sabiha Sertel is one of the prominent figures of publishing, writing and opposition in Turkey. She and her husband Zekeriya Sertel studied social sciences and journalism in the US in 1920s, then came back to Istanbul. They published an illustrated magazine *Resimli Ay* (Monthly Illustrated) in between 1924-1931. She and her husband were in the opposition during 1940s, criticized the government policies and their printing house became a center for leftist opposition. They were a part of the pro-Soviet views during the 2nd World War in Turkey. Their publishing house (Tan Publishing) was destroyed by the reactionary, pan-Turkist groups in 1945. In her memories, she summarizes the political discussions of the time and relates her encounters with figures such as Nazim Hikmet during 1940s. Finally, they were forced to flee to Europe and worked there in certain cities such as Budapest and Leipzig where they formed and worked for Turkish Communist Party as well as broadcasting on its behalf in 50s, visited Paris and Moscow and died in Azerbaijan in 1968. [15] Her memoirs in the light of feminist autobiography readings reveal the tension between being a woman and writing in the men's world, fighting fearlessly as a journalist with nationalism, increasing fascism during the 2nd World War atmosphere and entering political quarrels of the time [16, p.255-256].

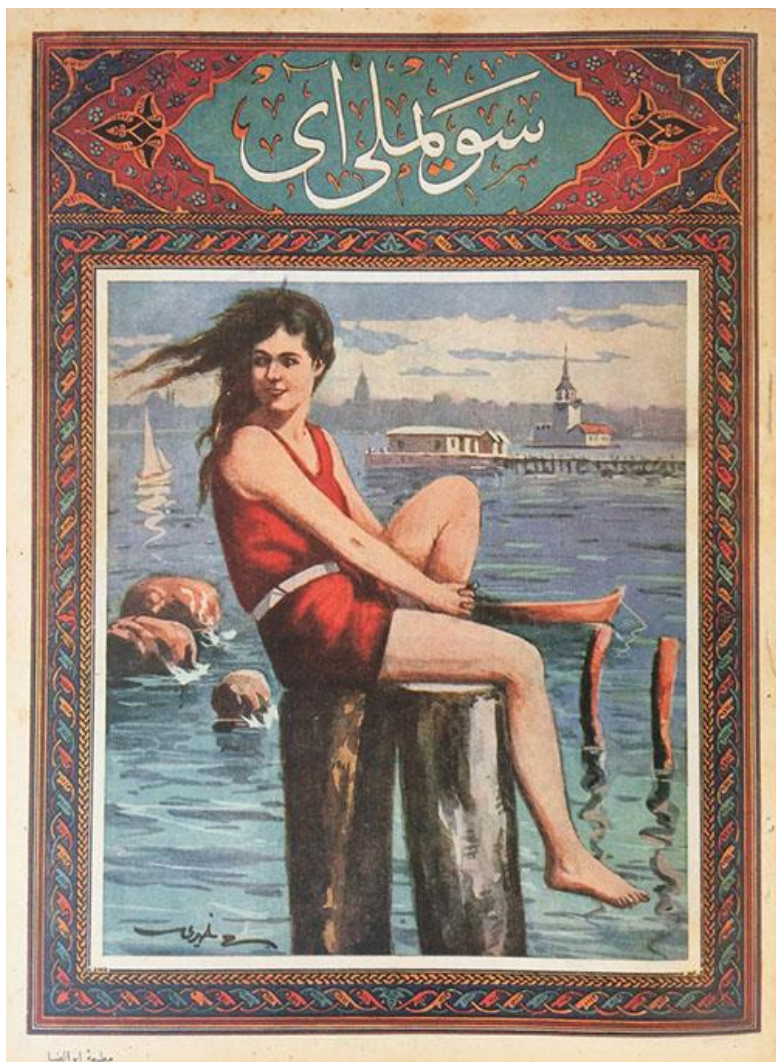
Yakup Kadri, a famous writer in the early Republican period, found himself a diplomat with the order of Mustafa Kemal when he was 45 years old and worked in various European countries in 1934 to 1954. These were the most turbulent years in Europe whereas he was not a 'typical' diplomat. In this set of memories, we read about the events that plunged the World into the Second World War, his relations with the politicians of the new Republic and characteristics of diplomatic service of Turkish foreign affairs and others.

In his memoirs, which he wrote as a witness to Europe's most turbulent years, he tried to draw an 'objective' picture of history as much as possible when Nazis were gaining power in Germany as well as narrating repercussions of their rise to power on the western diplomatic circles [17].

Mina Urgan was born in the last days of the Ottoman Empire, in 1915. In her memories there is a vivid panorama of many portraits from our history, starting from the intellectuals, artists and writers of the Early Republican period and ending in 2000. She was a stepdaughter of Falih Rifkî Atay, a prominent journalist, writer and politician of the Early Republican period. In her memories, she filters the sweet wisdom of life lessons. She translated many literary works from the world literature and English classics, especially works of Shakespeare, into Turkish.

With her naughty character, she worked as a university professor but got involved in politics at TİP (Turkish Workers Party) in 1960s and voiced opposition to the mainstream politics throughout her life, and was even dismissed from her tenure during the 1971 military coup. Yet, in her memoirs, she takes us on a joyful and lively journey spanning 80 years from the establishment of the Republic of Turkey in 1920s to the 2000s. She narrates her observations from the window of an intellectual in several decades in the history of Turkey and imparts wisdom distilled from the experiences of her long life. She invites the readers to look at

contemporary history from a completely different angle and gives us hope for the future [18].

Resimli Ay (Monthly Illustrated) 1924-1938.

In the 1950s, G. Doğan Görsev was a supporter of universal peace, opposing the sending of a 4,500-strong military unit to Korea, even without a resolution of the Grand National Assembly of Turkey. In his memories he expressed some of his memories of imprisonment as a peace supporter prosecuted after the September 12, 1980, coup d'état. Yet, *Memories of September 12 – 6 Prisons in 3 Year* is not a story of loss. It is the story of prisoners trying to look to the future with hope even in the darkness of September 12. Görsev was kept in prison with a group of intellectuals, including Mahmut Dikerdem, a retired ambassador, and Reha İsvan, wife of Ahmet İsvan, Mayor of İstanbul in 1970s [19].

Hagop Mintzuri, Sarkis Çerkesyan and Sosi Antikacıoğlu: Memories of Armenians in Turkey

Memories of Armenians in Turkey deserve special attention because in these memories we come across life stories shaped by facts which are at odds with the official or large-scale history presented by the political authority. The official version of the last 100-150 years of the history of the Ottoman State presents members of the Armenian community as a threat to national integrity and justifies the large-scale extermination of Armenians in 1895, 1909 and 1915 as the forced retribution of the state to their rebellion and collaboration with the enemy (with Russians) in the Eastern Front during WWI and with the occupying French army in the South. Most of the Armenian population across the country was deported, including the prominent writers and politicians from İstanbul, even Zohrab Efendi (Krikor Zohrab) a member of the Parliament and a famous writer. Yet, in each of the three memories cited, those of Hagop Mntzouri, of Sarkis Çerkezyan and of Sosi Antikacıoğlu, we find narratives describing principally law-abiding members of Armenian community in the Empire, from all walks of life, trying to prosper themselves and their society at large, but finding themselves suddenly uprooted from their homes and losing most of their family members.

In Hagop Mntzouri's (1886-1978) *Memories of İstanbul (1897-1940)* we read about an Armenian village boy from East Anatolia who works day and night in his family's bakery in Beşiktaş, İstanbul [20]. What is most prominent in these memories is the depiction of life of working classes in this neighborhood adjacent to the Imperial Palace in Yıldız and the great contrast between those two communities. There is no mention of a strife between ethnic groups, but just a great contrast between the rich and the poor. Being exceptionally hard-working and clever, this 12-year-old boy manages to attend school while working and returns to his native village to become an instructor and starts a family. However, his life changes radically when the First World War breaks out during a visit to İstanbul and he loses all his family during the deportation of Armenians in 1915 while he was doing his military service at Üsküdar, Selimiye. From then on, he is cut off from his native land, tries to scrape a living in İstanbul and forms a new family. However, thanks to his literary talent, he writes stories depicting life in his native village, Armdan, thereby leaving a record of a perished world, as Marcel Proust did in *Search of Time Lost*.

Sarkiz Cerkezian's and Sosi Antikacıoğlu's Memories present us with a different world. They both have prosperous family backgrounds, in Anatolia and Thrace before 1915. Sarkis Cerkezian's (1916-2009) and Sosi Antikacıoğlu's (1945) parents not only lose family members in deportation and massacres, but also suffer loss of big wealth and those who survive have to start from scratch. Leaving all their property behind, both families settle in İstanbul to start a new life. In his book *The World Is Enough for All of Us* [21], S. Cerkezian depicts his family's prosperous life before the deportation of 1915 and the misery they suffer afterwards, as well as reciting his own life story as a staunch communist. In *Voices and Colors from the Past* [22], S. Antikacıoğlu, likewise, sets her own life story against the narratives of her maternal and paternal grandparents in the Ottoman times.

Yet S. Cerkezian and S. Antikacıoğlu differ in remarkable aspects. S. Cerkezian has to drop out of school because of poverty, learns a trade, becomes a carpenter and is active as a member of TİP (Turkish Labor Party) throughout his life. Leaving the memories of suffering behind, instead of becoming a nationalist, he devotes his life to teaching socialism to the youth. He has a deep sympathy for the Communists as he believes that it's the Red Army which saved Armenians from total annihilation by Turkish forces in 1920.

As for S. Antikacıoğlu, she grows up in a family who has managed to acquire a certain level of prosperity in Republican Turkey and is able to study at Robert College, thereby acquiring a quality education and becomes an instructor and later an academic in the same school. S. Antikacıoğlu has also managed to prevent painful memories of her family from ruining her present life, sees herself as a citizen of the world and has dedicated her life to safeguarding the youth against bigotry and to widening their horizons.

To sum up, while Mntzouri's life is dominated by a long struggle for a living, happily accompanied by the production of books, we observe that Cerkezian's and Antikacıoğlu's life stories depict individuals not letting difficulties of the past to overshadow their pursuit of ideals.

Final Assessments

As final comments, I'd like to add that there is a relation and interconnectedness between history and biography. To focus on personal biographies teaches us a lot about the daily life, and the operation of the society on the ground level. And this level of inquiry teaches us a lot about the facts, experiences, and the meanings we attribute to things happening around us. On the other hand, there is history, the grand narrative of the humankind with its social structures, historical laws and long-term processes. According to Hegel the facts around us and the conditions that shape the historian, are one and the same: *"(Historians) What is present and living in their environment, is their proper material. The influences that have formed the writer are identical with those which have molded the events that constitute the matter of his story. The author's spirit, and that of the actions he narrates, is one and the same"* [23]. But there is individual, the major actor of the social processes. And as it is discussed, *"In each*

and every biography there is a tension between fact and fiction, truth and personality. This is explained as an impossible art that combines fact and fiction in biographical text” [24].

Furthermore, on the level of reliability of both levels of historical narrative-macro and micro-, the three biographies cited in the last part of this article incite us to question the validity of the facts presented us as official history of a country and make us realize that only if its tenets are in harmony with personal experiences and life stories would official history bear relevance to the truth. As Virginia Woolf revealed: “When we read a biography, multitude of lives that are written, how few survive!” [25, p. 124-130].

List of References:

1. Mills C.W. The Sociological Imagination. England: Oxford University Press, 2000.
2. Johann Wolfgang von Goethe. From my Life: Poetry and Truth. The Collected Works. Vol 4. Princeton University Press, 1994.
3. Proust, Marcel. In Search of Lost Time. Vol.1-7. KTHTK, 2021.
4. “The serfs made up just over a third of the population and formed half of the peasantry. They were most heavily concentrated in the central and western provinces of Russia.” - URL: <https://www.historytoday.com/archive/emancipation-russian-serfs-1861>, accessed: 3.10.2021.
5. Dostoyevsky Feodor M. Winter Notes on Summer Impressions. New York: Criterion Books, 1955.
6. Dostoyevsky Feodor M. Winter Notes on Summer Impressions. Introduction. - URL: <https://pdfcoffee.com/qdownload/winter-notes-pdf-free.html>, Accessed 4.10.2021.
7. Newman Daniel L. An Imam in Paris: Al-Tahtawi’s Visit to France (1826–1831), London: Saqi Books, 2004.
8. Mill, John Stuart. Autobiography. 1873. - URL: <https://www.earlymoderntexts.com/assets/pdfs/mill1873e.pdf>,
9. - URL: <https://zeithistorische-forschungen.de/3-2008/4625?language=en>, accessed 6.12.2021.
10. Gray Vivien J. Classical Greece, Introduction. *Political Autobiographies and Memoirs in Antiquity*. Edt.Gabriele Marasco. Brill, 2011.
11. Penser la Grande Guerre: Un essai d’historiographie. France: Éditions du Seuil, 2004.
12. Woolf Virginia. The New Biography. Granite and Rainbow: Essays by Virginia Woolf. New York: Harcourt Brace Jovanovich, 1975. PP. 149–55. // Changing Biographical Practices // Caine Barbara. Biography and History. Palgrave, 2010.
13. Uşaklıgil Halit Ziya. On the Sultan’s Service: Memories of the Ottoman Palace: 1909-1912 (Saray ve Ötesi). Istanbul: İnkılap ve Aka, 1981.
14. Topuzlu Cemil (1866-1958). My 80 Years of Memories in Despotism, Constitution and Republic (İstibdad, Meşrutiyet ve Cumhuriyet Devirlerinde 80 Yıllık Hatıralarım). Istanbul: Güven Basım ve Yayınevi, 1951.

15. Sertel Sabiha (1895-1968). *Like a Novel (Roman Gibi)*. İstanbul: Belge Yayınları, 1969.
16. Özkan Kerestecioğlu, İnci. *Sabiha Sertel'in "Tercüme-i Hâli": Cinsiyetlendirilmiş Bir Okuma Denemesi*". Prof.Dr.Cemil Oktay'a Armağan: Toplum, Tarih ve Siyaset Üstüne Yazılar. Edt.Birsen Hekimoğlu-İnci Özkan Kerestecioğlu. Ankara: Gazi Kitabevi, 2021.
17. Karaosmanoğlu Yakup Kadri. *The Forced Diplomat*, 1967, (Zoraki Diplomat). İstanbul: İletişim Yayınları, 1984.
18. Urgan Mina. *Memories of a Dinosaur (Bir Dinazorun Anıları)*. İstanbul: Yapı ve Kredi Yayınları, 1998.
19. Görsev G. Doğan. *Memories of September 12: In Six Prison within Three Years (12 Eylül Anıları: Üç Yılda Altı Tutukevinde)*. İstanbul: Yazılama Yayınları, 2015.
20. Mintzuri Hagop. *Memories of İstanbul 1897-1940 (İstanbul Anıları)*. Tarih Vakfı. 4th Edition, 2002.
21. Cerkezian Sarkis. *The World is enough for All of Us (Dünya Hepimize Yeter)*, İstanbul: Belge Yayınları, 2012.
22. Antikacıoğlu Sosi. *Voices and Colors from the Past (Geçmişimden Sesler ve Renkler)*. İstanbul: İletişim, 2nd Edition, 2019.
23. Hegel, G.W.F. *The Philosophy of History*. - URL: http://home.lu.lv/~ruben/Hegel_Philosophy_of_History.pdf
24. Gualtieri Elena. *The Impossible Art: Virginia Woolf on Modern Biography*. *The Cambridge Quarterly*. Vol. 29. No. 4. Oxford University Press, 2000. P. 349–61 - URL: <http://www.jstor.org/stable/42968076>
25. Woolf Virginia. *The Art of Biography (1939) // Biography in Theory: Key Texts with Commentaries*. Ed. by Wilhelm Hernecker and Edward Saunders. Berlin, Boston: De Gruyter, 2017. - URL: <https://3a8f8d89bd9068a30d64922dc451b19a7bd41008.vetisonline.com/lib/istanbul-ebooks/reader.action?docID=4947042>, Accessed

ВРЕМЯ В НАРРАТИВЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ

Сыров В.Н.

*Доктор философских наук,
Томский государственный университет,
заведующий кафедрой онтологии, теории познания и социальной
философии философского факультета, профессор
E-mail: narrat@inbox.ru*

Аннотация: В статье обсуждаются перспективы использования достижений нарратологии в изучении темы времени. Речь идет об идеях порядка, длительности и частоты как способах конкретизации возможных отношений между временем истории и временем дискурса. Отмечается, что данные идеи позволяют расширить сферу применения нарративного времени.

В частности, они могут быть использованы для реализации критической и конститутивной функции в понимании социального бытия. Утверждается продуктивность конструктивистского подхода для определения роли и статуса времени в социальном бытии. Утверждается, что данный подход может выступить хорошим основанием для идеи множественности времени, признания их асинхронности и проработки способов их синхронизации. Отмечается необходимость преодоления методологического национализма или этноцентризма для продуктивной реализации данных задач.

***Ключевые слова:** нарративное время, социальное время, порядок, длительность, частота, конструктивизм, асинхронность, синхронизация.*

NARRATIVE TIME AND SOCIAL TIME

Syrov V.N.

Professor, Head of the Chair of ontology, epistemology and social philosophy, Tomsk state university

E-mail: narrat@inbox.ru

***Abstract:** The article discusses the prospects for using the results of narratology in the study of the topic of time. We are talking about the ideas of order, duration and frequency as ways to concretize the possible relationship between the time of history and the time of discourse. It is noted that these ideas make it possible to expand the scope of application of narrative time. In particular, they can be used to implement a critical and constitutive function in the understanding of social life. The productivity of the constructivist approach for determining the role and status of time in social life is affirmed. It is argued that this approach can serve as a good basis for the idea of multiplicity of time, recognition of their asynchrony and the development of ways to synchronize them. The need to overcome methodological nationalism or ethnocentrism for the productive implementation of these tasks is noted*

***Key words:** narrative time, social time, order, duration, frequency, constructivism, asynchrony, synchronization*

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00421)

Тема времени в нарратологии достаточно неплохо проработана. Как известно, заслуга в ее разработке принадлежит Ж. Женетту. В приведенном его высказывании мы можем обнаружить, как ключевые направления осмысления данной темы, так и общую оценку статуса времени в нарративе. «...Мы приступаем к изучению отношений между временем истории и (псевдо)временем повествования в соответствии с тремя основными аспектами повествования: отношения между временным порядком следования событий в диегезисе и псевдовременным порядком их расположения в

повествовании...; отношения между переменной длительностью этих событий... и псевдодлительностью их подачи в повествовании...; наконец, отношения повторяемости, ...отношения между плотностью повторов событий в истории и в повествовании...» [1, с. 72]. Это соотношение было охарактеризовано посредством введения понятий «порядок» (отношение между последовательностью событий в истории и их расположением в тексте), «длительность» (соотношение между временами протекания так сказать самих событий и временем их изложения в тексте) и «частота» (количество упоминаний о тех или иных событиях в тексте). Они, в свою очередь, сами были достаточно детально проанализированы последующими исследователями [См, например: 2, р. 60-67]. Что касается оценки статуса времени, то самим Женеттом он был трактован как «псевдovремя» и сводился к эстетической функции. Хотя уже Барт писал по поводу исторического нарратива, что он «по самой своей структуре... представляет собой прежде всего идеологическую, точнее воображаемую конструкцию» [3, с. 438].

Принципиальный шаг в оценке статуса как времени, так самого нарратива, можно связать с именем Д. Карра, указавшего, что «краткий обзор наиболее значительных современных взглядов на нарратив демонстрирует не только то, что нарративная структура утверждается как черта художественных и исторических произведений, но также и то, что данная структура рассматривается как нечто, принадлежащее только им» [4, р. 15]. Такой подход неизбежно приводит к тому, что повествования становятся чуждыми тому миру, который авторы пытаются описать...» [4, р. 15-16], Поэтому Карр ставил задачу показать, что черты нарративности присущи самому социальному миру, а не просто способам его описания. Резонно, что нарративы представляли тогда не оппозицией текстов т.н. реальности, а ее отражением, расширением или трансформацией. Позиция Карра, конечно, породила упрек в восстановлении корреспондентской концепции истины. Ведь тогда критерием определения значимости или достоверности пришлось бы считать процедуру соотнесения нарратива с некоторой внелингвистической сущностью.

В задачи данной статьи не входит детальная экспликация проблемы критики реализма. Ограничимся лишь тезисом, что конструктивизм видится хорошим инструментом для решения данной проблемы. Он предполагает, что «социальная реальность» создается посредством наших нарративов. Тогда убеждение в ее существовании вне нарративов следует считать непониманием сути конструктивизма. То же самое касается упреков в субъективности. Конечно, мир, созданный конструктивистами, будет субъективным, если мы допускаем, что не можем выпрыгнуть за рамки человеческого. Но из этого не следует, что он будет воплощать прихоти субъекта. Как правомерно отмечает О. Головашина: «Реально рассматривать интеробъективность на любом уровне, но важно ограничивать количество рассматриваемых объектов, необходимых для решения поставленных задач» [5, с. 92]. По этой же причине мы полагаем возможным сохранить понятие интерсубъективности для характеристики коллективного видения времени, но с учетом замечания, что

трактовка социального мира как совокупности взаимодействий должна включать в себя «не только «субъектов» — людей, но и все, находящиеся в сети» [5, с. 92]. Тезис кажется бесспорным, но объекты все рано останутся лишь нашими представлениями, вне зависимости от того, дают они нам отпор или нет.

Говоря о содержании форм темпоральности, Д. Леви отмечает, что современные авторы должны обращать внимание на события проявления несправедливости со стороны своей нацией. Он правомерно указывает, что речь должна идти не просто об их включении в состав собственных историй, а о преодолении т.н. методологического национализма или допущения, что национальное государство следует считать конститутивным принципом для понимания и одобрения социального порядка. Но для этого, по его мнению, требуется поставить под сомнение соответствующие социальные онтологии [6, р. 15-16]. Данный путь предполагает, что пересмотру подлежит не только содержание историй, но и трактовки времени, его конституирующие [6, р. 28].

Сегодня утверждение о многообразии способов восприятия времени стало практически общепринятым. Стоит отметить, что конструктивистский подход открывает новые перспективы в определении этого многообразия. Прежде всего, мы получаем возможность расширить сферу применения достижений нарратологии путем использования ее понятийного аппарата для анализа нюансов социального времени. Во-вторых, идеи порядка, длительности и частоты могут быть применены не только для вскрытия идеологического подтекста социальных нарративов, но и для описания функции конститутивной. Так мы могли бы показать, как с помощью идей длительности и частоты создается смыслозначимое пространство путем актуализации одних объектов и игнорирования других. Мы могли бы описать, как анахрония («Мы - дети перестройки и строим светлое капиталистическое будущее») выполняет функцию поддержания границ современности (где начинается и где кончается) и отсекает то, что утратило свою актуальность. В этом контексте пролеписы трактовались бы как напоминания о предназначении, а аналеписы – о происхождении. По сути, это были бы ответы на вопросы: как нужно решить те или иные социокультурные задачи и какими средствами это можно делать. Данные рассуждения, конечно, представляют собой скорее набросок возможных интерпретаций, а не исчерпывающее описание.

В-третьих, использование языка нарратологии могло бы внести новые аспекты в реализацию критической функции. В частности, можно утверждать, что одни и те же маркеры времени создают определенный облик социального мира, но они же позволяют выявить манипулятивный аспект. Так, повторяемость, с точки зрения автора призвана привлечь внимание, а с точки зрения читателя, может утомлять.

Отдельный вопрос: как с позиций конструктивизма могла бы трактоваться сама идея соотношения. Ведь темпоральный язык был выработан на фоне соотношения между временем истории и псевдо-временем дискурса. Что брать за точку отсчета при отрицании «реального» времени? Начать стоит

с тезиса, что «реальное» время – это время астрономическое и линейное, которое носит характер конвенциональный. Поэтому за точку отсчета можно принять то время, по поводу которого в культуре достигнуто согласие. Но бесспорно, что конструктивистский подход способствует, в конечном счете, его релятивизации. Ведь мы можем соотносить течение времени в разных культурах. Например, если для одних война – это прошлое, то обращение к ней будет принимать облик аналепсиса, если для других, это часть современности, то обращение к ней приобретает другой статус. Возможно, конечно, что предложенный подход при его дальнейшем развитии будет приводить к смене понятийного аппарата и пути соотношения временных порядков. Сохраняет ли такая релятивизация возможности для критики тех или иных форм времени? Да. Если мы допускаем возможность выработки конвенционального времени.

Как справедливо отмечает Головашина, «при анализе современной темпоральной трансформации речь идет ...о множественности времен, определяемых множеством объектов» [5, с. 243]. Очевидно, конечно, что принятие и легитимация идеи многообразия времен подразумевает признание их асинхронности. Соответственно, современный «человек живет в глобальном, локальном времени, физическом времени и времени своего рабочего дня, рабочего дня членов своих семей, своего места жительства и т.д. Согласование и синхронизация различных «времен» оказывается проблемой...» [5, с. 189]. Говоря иначе, асинхронность подразумевает возможность и даже необходимость синхронизации различных временных потоков.

Развитие этого тезиса стоит начать с характеристики методологической ценности нарративных временных порядков. С помощью понятий порядка, длительности и частоты мы можем выделить линии такого расхождения. Порядок подразумевает, что разные группы могут иметь весьма разные представления о границах прошлого, настоящего и будущего. Они могут иметь весьма разные и даже противоположные представления о ценности этих аспектов времени: от ориентированности на будущее до ностальгии. Понятия длительности и частоты позволяют выделить расхождения в признании ценности и значимости тех или иных объектов.

Во-вторых, признание рассогласованности (публичных) времен ставит вопрос о необходимости синхронизации. Тезис о правомерности сосуществования разных форм времени сейчас распространен и не вызывает возражений, если асинхронность не становится причиной конфликтов. Ну и, признание правомерности синхронизации открывает перспективы разработки этой темы. В частности, в этот контекст хорошо вписывается тема «разделяемой истории» [См, например: 7, р. 71-93].

Список литературы:

1. Женетт Ж. Работы по поэтике. Фигуры / Пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, И. Иткина, С. Зенкина, Н. Перцова, И. Стаф, Г. Шумиловой. Т.2. М.: Издательство имени Сабашниковых, 1998.

2. Handbook of narrative analysis / written and translated by L. Herman and B. Vervaeck. University of Nebraska Press Lincoln and London, 2005. P.60-67.
3. Барт Р. Дискурс истории // Р. Барт. Система моды. Статьи по семиотике культуры / Пер. с фр., вступ. ст. и сост. С.Н. Зенкина. М.: Издательство им. Сабашниковых, 2003. С. 427-441.
4. Carr D. Time, Narrative, and History. Indiana Univ. Press, 1991. 300 p.
5. Головашина О.В. От интерсубъективности к интеробъективности: социальная онтология времени. М.: Аквилон, 2019. 333 с.
6. Levy D. Changing Temporalities and the Internationalization of Memory Cultures // Memory and the Future: Transnational Politics, Ethics and Society / Ed. by Y. Gutman, A.D. Brown, A. Sodaro. Palgrave Macmillan, 2010. P.15-30.
7. Bevernage B. Narrating Pasts for Peace? A Critical Analysis of Some Recent Initiatives of Historical Reconciliation through ‘Historical Dialogue’ and ‘Shared History’// The Ethos of History. Time and Responsibility / Ed. by St. Helgesson and J. Svenungsson. N.Y.; Oxford: Berghahn Books, 2018. P.71-93.

THE AGGRESSION ON THE FRY IN 1999 AND THE COLLECTIVE MEMORY OF THE PEOPLE

Dragan Tancic

*Doctor of Political Sciences,
Institute of Serbian Culture Pristina – Lepsavic,
Director
E-mail: dragan_tancic@yahoo.com*

Dalibor Elezovich

*Doctor of Historical Sciences,
University of Pristina, Faculty of Philosophy,
Professor, Kosovska Mitrovica
E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs*

Marina Mijatovic

*Institute of Serbian Culture Pristina – Lepsavic,
Researcher
E-mail: marina.mijatovic@gmail.com*

Abstract: *Kosovo and Metohija in the political, economic, legal, geographical and military sense is a space that was and remains the foundation of Serbian statehood, territorial integrity, sovereignty, independence, national identity, from the Nemanjić in the Middle Ages, until now ie until the second decade of the 21st century. During its political and state-legal development, Serbia has always been a house in the middle of a crossroads, through which the interests of the West and the East were confronted. Consequently, Serbia was in the crucial geopolitical, geoeconomic, military and other conditions, the target and means of the subjects of*

the great powers. The consequences were irreparable for Serbia as a state and for the Serbian people and members of other peoples who lived in Serbia, starting from material destruction, all the way to great human losses, such as in the Great War or World War II.

Key words: *Republic of Serbia, Kosovo and Metohija, aggression, the Nemanjić, consciousness, memory*

АГРЕССИЯ ПРОТИВ СРЮ В 1999 ГОДУ И КОЛЛЕКТИВНАЯ ПАМЯТЬ НАРОДА

Драган Танчић

*Доктор политических наук,
Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
директор
E-mail: dragan_tancic@yahoo.com*

Далибор Элезович

*Доктор исторических наук,
Приштинский университет, философский факультет, профессор,
Косовска-Митровица
E-mail: dalibor.elezovic@pr.ac.rs*

Марина Миятович

*Институт сербской культуры Приштина – Лепосавич,
научный сотрудник
E-mail: marina.mijatovic@gmail.com*

Аннотация: *Косово и Метохия в политическом, экономическом, правовом, географическом и военном смыслах – это пространство, которое было и остается основой сербской государственности, территориальной целостности, суверенитета, независимости, национальной идентичности, начиная с Неманичей в средние века и до наших дней. На протяжении своего политического и государственно-правового развития, Сербия всегда находилась на перекрестке дорог, на котором пересекались интересы Запада и Востока. Следовательно, Сербия в переломных геополитических, геоэкономических, военных и других условиях была мишенью и средством субъектов великих сил. Последствия были непоправимы для Сербии как государства и для сербского народа и представителей других народов, проживавших в Сербии, начиная от материального разрушения и заканчивая огромными человеческими потерями, такими как во время Великой войны или Второй мировой войны.*

Ключевые слова: *Республика Сербия, Косово и Метохия, агрессия, Неманичи, сознание, память.*

The area of Kosovo and Metohija, both in the recent and further history of the Serbian people, was and remains the foundation of the Serbian state and national identity. It is a space that marked and still marks the center of Serbian statehood and Serbian culture, starting from the Nemanjic dynasty, until now.

According to the Turkish census from 1455, there were 98% Serbs and only 1% Albanians in Kosovo. According to the Austrian data from 1871, due to the migration of Serbs under Turkish reprisals in the 17th and 18th centuries, as well as the process of Islamization and Albanianization, the number of Serbs decreased to 64% and the number of Albanians increased to 32%. According to the 1921 census, there were 26% Serbs and 66% Albanians in Kosovo; according to the 1931 census, there were 32.6% Serbs and 60.1% Albanians; and according to the 1948 census, there were 24.1% Serbs and 68% Albanians. Today, it is assumed that the number of Serbs in Kosovo is below 10%. With the first Balkan war, Serbia was territorially enlarged, it liberated the area of Kosovo. The negative effect was the newly formed Albanian state and the fact that it became an instrument of Austro-Hungarian policy. After 1912, the Albanians became part of the Serbian states, contrary to the intentions they expressed in the period after the Prizren League in 1878–1912 regarding the establishment of "Greater Albania".

During the First World War, the Serbian people experienced new suffering in this area, so that Serbia lost about a quarter of its population (1,247,435 inhabitants) in the First World War. In the Second World War in Yugoslavia, the total number of victims of the war, according to some authors, ranged from 1,700,000. up to over 2,000,000. killed, with the number of dead, according to ethnicity, of the Serbs was 487,000 up to 530,000 or in the percentage of 48% to 51.6%, which is an extremely large number in relation to the total number of dead, given that there was a large number of inhabitants of other nationalities.

In February 1999, a Peace Conference known as the Rambouillet Negotiations was held, attended by representatives of the FRY, Kosovo Albanian, EU, US and Russian authorities. As the FRY rejected the military presence of NATO forces in the Federal Republic of Yugoslavia, on March 24, 1999, NATO aggression against the sovereign and independent FRY followed, contrary to the UN Charter, without the consent of the UN Security Council. The aggression ended after 78 days of bombing, with the Kumanovo Agreement and UN Security Council Resolution 1244 of June 10, 1999. After the signing of this agreement, over two hundred and fifty thousand Serbs and other non-Albanians were expelled from Kosovo and Metohija and the KLA terrorist organization in Kosovo and Metohija continued. to commit crimes against Serb civilians. Kosovo and Metohija came under the administration of the United Nations. According to Resolution 1244, Kosovo and Metohija is part of the Republic of Serbia, but is under the control of UNMIK. On March 17 and 18, 2004, before the eyes of KFOR and UNMIK, a mass ethnic cleansing of Serbs took place on the territory of Kosovo and Metohija, known as the March pogrom.

The armed aggression of NATO, the USA and other countries on the FRY (March 24, 1999 to June 10, 1999) was carried out by 16 NATO member states, which were joined by the Czech Republic, Poland and Hungary on April 23, 1999

when they became members of NATO. Military and other capacities and effective forces in the aggression were engaged by 13 countries, with Greece not allowing the engagement of its forces, and Luxembourg and Iceland did not have their own army. During the 78 days of aggression against the FRY, NATO aviation performed 26,095 flights, of which 18,168 (70%) were combat flights. The average daily flight was 334 flights, and there were also days when over 500 planes entered the airspace of the FRY (26.05.1999: 535, 03.06.1999: 528, 28.05.1999: 500). The ratio of engaged military forces was incomparably better for the aggressors. Namely, in the technical-technological sense, the means of our war equipment lagged behind the means of the aggressor by 25 to 30 years.

During the NATO aggression, the entire territory of the FRY was under attack, about 2,300 air raids were carried out and over 415,000 projectiles of various types were launched, with over 22,000 tons of lethal cargo. About 50,000 grenades (about 15 tons) with depleted uranium were fired at the Federal Republic of Yugoslavia. Depleted uranium grenades carried out 112 actions at 91 locations: a) 12 actions at 9 locations in southern Serbia, b) 2 actions at one location in Montenegro and c) 98 actions at 81 locations in Kosovo and Metohija.

On the territory of Kosovo and Metohija, it was determined that in the period from January 1, 1998 to September 28, 1999, 5,527 terrorist actions were carried out on the population and their movable and immovable property. During 1998, 1,885 terrorist actions were carried out (34%), an average of 157 per month; in the period immediately before and during the NATO terrorist aggression (January 1 to June 10, 1999), 713 terrorist actions (15%) were committed, or an average of 315 actions per month; and in the period from June 10 to September 28, 1999, 2,929 terrorist actions were committed (51%), or an average of 834 terrorist actions per month. (Directorate for Informatics, Ministry of the Interior of Serbia 1999.)

In these KLA terrorist actions, 3,874 people were killed, wounded (injured) or kidnapped, as civilian victims of the war. Of that number, 1,267 victims happened during 1998, 1,543 victims from 1.1.1999. - 10.6.1999 year and 1,064 victims in the first three months after the arrival of the international forces of KFOR and the civilian mission of UNMIK in Kosovo and Metohija. The structure of the victims is as follows: 945 people were killed; injured - wounded 1,623 people and 1,306 kidnapped people, all of whom are believed to have been executed, killed and thrown into unknown graves or limestones. The structure of victims of the terrorist KLA is given in Table 1.

Table 1. Victims of KLA terrorist actions in the period from January 1, 1998 to September 28, 1999. (Data from the Analytics Directorate of the Ministry of the Interior of the Republic of Serbia, as well as from the book: Z. Andjelkovic: Days of Terror in the Presence of International Forces, Center for Peace and Tolerance, Belgrade, 1999)

Victims of terrorist actions		
A. Killed	945	100,00
1. Population	654	69,20
Serbs and Montenegrins	291	45,50

Albanians	243	37,10
Other members of different nationalities	19	2,40
NN persons	101	15,40
2. Police forces	291	30,80
B. Wounded	1.623	100,00
1. Population	712	43,86
Serbs and Montenegrins	473	66,42
Albanians	206	28,93
Other members of different nationalities	33	4,65
2. Police forces	911	56,14
B. Kidnapped	1.306	100,00
1. Population	1.268	97,10
Serbs and Montenegrins	913	72,00
Albanians	268	21,10
Other members of different nationalities	87	6,90
2. Police forces	38	2,90
Destiny of the kidnapped persons	1.306	100,00
1. Killed	136	10,42
Population	124	95,38
Police forces	12	4,62
2. Destiny unknown	1.170	89,58
Population	1.020	87,00
Police forces	150	13,00

These data indicate the growth and frequency of KLA terrorist actions since the beginning of 1998 and the culmination in the last period, after the arrival of international forces (KFOR and UNMIK) from June 10 to the end of September 1999.

At the same time, borders are being opened towards Albania, from where about 200,000 armed Albanians come, who inhabit Prizren and other places in Kosovo and Metohija, although they have never lived in this territory before. By provoking, on average, 27 terrorist actions throughout Kosovo and Metohija every day, by killing and setting fire to the houses of the non-Albanian population, they managed to completely ethnically cleanse the territory in a short time. They expelled more than 250,000 non-Albanian natives of Kosmet, most of them Serbs and Montenegrins. In just a few months, after the arrival of KFOR forces in the territory of Kosovo and Metohija, an average of 271 terrorist acts were carried out daily against citizens, which is 11 times more than the daily average of terrorist

attacks during 1998 and 1999 (until June 10) - an average of 8.7 attacks on citizens per day, while security in this province was provided by members of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Serbia. It is an indicator of the security situation in this province and the (in)efficiency of the forces of KFOR and the international community in the realization of the obligations arising from the UN Security Council Resolution and the Kumanovo Agreement. The actions of state terrorist aggression, ie NATO air missile strikes on the territory of the FRY, resulted in the suffering of civilians as direct victims of terrorist actions, which we present in the following tables.

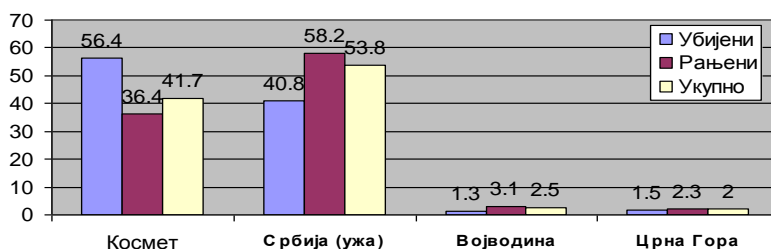
Table 2. Civilian casualties March 24 - June 9, 1999.

Territories of sufferin	Killed		Injured - wounded (heavier and lighter)		Total losses	
	No.	%	No.	%	No.	%
Main Serbia	581	40,8	2263	58,2	2844	53,8
Kosovo and Metohija	803	56,4	1403	36,4	2206	41,7
Vojvodina	19	1,3	100	3,1	119	2,5
Montenegro	21	1,5	88	2,3	109	2,0
<i>Yugoslavia</i>	<i>1424</i>	<i>100,0</i>	<i>3854</i>	<i>100,0</i>	<i>5278</i>	<i>100,0</i>

As can be seen, these are large civilian casualties. This means that on average, out of 78 days of bombing, there were about 67 victims, ie more than 18 dead and 49 wounded - injured civilians. This further means that the state terrorist aggression was of the blitzkrieg type, with the use of the most destructive weapons possessed by the NATO pact. On average, 43 air raids with several destructive projectiles and bombs were carried out every day, and in relation to civilian casualties, each attack caused an injury and every other attack caused the death of one civilian, ie 67 civilians were killed in 46 attacks a day. The largest number of casualties was in places, areas and settlements where there was no army and military equipment. Then, in Kosovo and Metohija, Albanian civilians suffered more or less the same in relation to the non-Albanian population, even though NATO carried out a terrorist aggression in order to save the Albanians from the so-called humanitarian disasters.

Table 3. Distribution of civilian victims by territorial principle

The largest number of killed civilians in air rocket attacks was in Kosmet

(56.4%), and the largest number of wounded was in central Serbia (58.2%). Total losses, irreversible and recoverable occurred in Kosmet and central Serbia (95.5%) and the remaining victims were in Vojvodina (2.5%) and Montenegro (2.0%).

Table 4. Children victims of the bombing of NATO terrorist actions

ETHNICAL ORIGIN OF VICTIMS	KILLED (dead)		WOUNDED (hurt)		TOTAL	
	Бpoj	%	Бpoj	%	Бpoj	%
1. Albanians	30	1,2	44	75,8	74	69,1
2. Serbs	19	8,8	14	24,2	33	30,9
TOTAL	49	100,0	58	100,0	107	100,0

The results from the table show that out of 107 children who suffered (49 killed and 58 seriously wounded), the predominant victims were children of the Albanian entity, as many as 74 (30 killed and 44 wounded), mostly in two NATO airstrikes on refugee columns on the road to Gjakova - Prizren, on April 14, 1999, and in a column of refugees on the road Prizren - Suva Reka, on May 13, 1999. In both cases, Albanian refugees experienced a real massacre from a targeted attack by NATO aggressors. As for the Serbian children, they suffered equally, in several places and civilian facilities that were the result of NATO terrorist actions. The youngest residents, newborn babies and underage innocent children were killed during the bombing of civilian targets, populated places and facilities. The age and gender structure of children killed in NATO terrorist aggression, regardless of national structure, is shown in Table 5.

Table 5. Age and gender structure of children killed in the NATO terrorist aggression on the FRY (March 24 - June 8, 1999). (Data from the Analytics Directorate of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Serbia)

Gender	Age						TOTAL	
	Up to 6		7 to 13		14 to 18			
	M	F	M	F	M	F	M	F
Total number of children suffering	8	6	1	8	0	4	69	38
Died	16,00%		7,47%		22,42%		45,89%	
Wounded	14,95%		10,28%		28,03%		54,11%	
TOTAL	30, 95%		17, 75%		50,45%		100,00%	

By analyzing these data, reliable conclusions can be drawn:

- 107 children suffered in the NATO aggression, as innocent victims of our youngest population;
- the ratio of children by gender is 1.8: 1 in favor of men - boys;

- out of the total number (107), the percentage of those killed from 0 to 6 years was - 16%, and wounded from 0 to 6 years - 14.95%, from 7 to 13 years 7.47% were killed and wounded is from 7 to 13 years - 10.28%, deaths from 14 to 18 years amount to 22.42%, and the number of wounded from 14 to 18 years is 28.03%.

Based on all this, it can be concluded that the largest number of children died, according to the age criteria, from 14 to 18 years of age.

Conclusion. The Serbian people will never forget the victims of the NATO aggression during 1999. NATO aggression during 1999 will forever be remembered in the individual and collective consciousness of the Serbian people. For centuries, the Serbian people, from the Ottoman Empire, Austro-Hungary, Germany, Italy, the Ustasha NDH, were a constant target and experienced enormous suffering and destruction, but the SERBIAN PEOPLE, AS WELL AS THE BROTHERLY RUSSIAN PEOPLE, WILL ALWAYS DEFEND THEIR FATHERLAND, HOME TERRITORY AND OUR OWN PEOPLE.

The Serbian and Russian people have never in history been genocidal towards other nations, which is also evident now, when we look at current political events, as well as the policy of peace, led by the President of the Russian Federation Vladimir Vladimirovič Putin and the President of the Republic of Serbia Aleksandar Vučić.

References:

1. Др Драган Танчић, Др Бојан Шево, Др Драгана Јањић: „Милосрдни анђео“ и жртве тероризма, на примеру СРЈ - Косова и Метохије“. Београд, 2010.
2. Генерал - пуковник Спасоје Смиљанић: „Пут до неба и звезда, записи и сећања“. Београд, 2020.
3. З. Анђелковић: Дани терора у присуству међународних снага, Центар за мир и толеранцију. Београд, 1999.
4. Управа за аналитику Министарства унутрашњих послова Републике Србије.

ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ

Тодорова Р.В.

*Пловдивский университет имени Паисия Хилендарского,
аспирант,
Российский университет дружбы народов (РУДН),
соискатель*

E-mail: ralitsa.todorova89@gmail.com

научный руководитель – доц., к.полит.н. Гришин О.Е.

Аннотация: *Мировое потребление энергии постоянно растет, и эта тенденция напрямую связана с экономическим ростом и уровнем бедности. По мнению экспертов Европейской комиссии, взаимосвязь между ростом и потреблением энергии является ключевым фактором в определении энергетической политики, непосредственно влияющей на энергетический сектор. Энергетический сектор, в свою очередь, представляет собой сложную и взаимосвязанную сеть компаний, прямо и/или косвенно участвующих в производстве и распределении энергии, необходимой для развития экономики, в частности, сфер производства и транспорта. Энергетическая политика Европейского Союза всегда была сферой, где общие правила Союза являются проблемой, поскольку энергетика напрямую связана с экономической конкурентоспособностью и энергетической независимостью граждан государств-членов. Сегодня тезис о нехватке энергоресурсов кажется устаревшим, а стратегический потенциал энергетических технологий постоянно сдвигает границы возможного и доступного. Именно современные технологические разработки для разведки и добычи становятся фактором, обеспечивающим энергетическую независимость.*

Ключевые слова: *энергетический сектор, кризис, нефть, газ, чистая энергия, энергетическая безопасность, климат, Европейский Союз.*

ENERGY SECURITY OF THE EUROPEAN UNION: PROBLEMS AND RISKS OF ENSURING

Todorova R.V.

*Plovdiv University «Paisii Hilendarskogo», Postgraduate student,
Peoples' Friendship University of Russia (RUDN),
applicant*

E-mail: ralitsa.todorova89@gmail.com

*Scientific supervisor – Associate Professor, Candidate of Political Sciences
Grishin O.E.*

Abstract: *Global energy consumption is constantly growing, and this trend is directly related to economic growth and the level of poverty. According to the*

experts of the European Commission, the relationship between growth and energy consumption is a key factor in determining energy policies directly affecting the energy sector. The energy sector, in turn, is a complex and interconnected network of companies directly and/or indirectly involved in the production and distribution of energy needed to power the economy and facilitate the means of production and transport. The energy policy of the European Union has always been an area where the general rules of the Union are a problem, since energy is directly related to the economic competitiveness and energy independence of the citizens of the member States. Today, the thesis about the lack of energy resources seems outdated, and the strategic potential of energy technologies is constantly shifting the boundaries of what is possible and available. It is modern technological developments for exploration and production that are becoming a factor that ensures energy independence.

Key words: *energy sector, crisis, oil, gas, clean energy, renewable energy, climate.*

Первая половина XX века характеризовалась тотальной конфронтацией с двумя разрушительными войнами, беспрецедентным экономическим и техническим подъемом после Первой мировой войны и глобальным экологическим разрывом в первые годы после Второй мировой войны, а также созданием предпосылок для возникновения экологического, экономического и социального кризиса. Вследствие этого, под влиянием данных негативных факторов во второй половине двадцатого века человечество и особенно его научная и политическая элита узнали о двух фактах: глобальные запасы традиционных видов топлива (уголь, нефть, природный газ, урановая руда) были ограничены и истощены, и что промышленное развитие и «классическое» производство, прежде всего, электроэнергии, представляют серьезную угрозу для окружающей среды и здоровья человека.

Таким образом, политики, социологи и футурологи подчеркивают, что опасность экологической катастрофы, парникового эффекта, приводящего к глобальному потеплению и изменению климата на планете, а также продолжающегося роста цен на топливо и возникающего глобального энергетического кризиса, требуют повышения спроса на альтернативные источники энергии.

ЕС сталкивается с проблемами изменения климата, растущей зависимостью от импорта и роста цен на энергоносители. Наряду с растущей взаимозависимостью между государствами-членами в области энергетики наблюдается рост, а энергетический кризис в одной стране неизбежно влияет на остальные.

Все вышесказанное показывает, что ЕС должен вернуться в прошлое – к Договору о создании Европейского сообщества угля и стали 1952 года [6] и к Договору о создании Евратома до 1957 года [2]. Уже тогда ведущие политики и экономисты стран основателей интеграционного проекта осознали необходимость общего подхода к энергетике. Анализ показывает, что

энергетический рынок и геополитическая ситуация сильно изменились с 1950-х годов, и это потребовало пересмотра ситуации и законодательства. Идеи и практика устойчивого развития требуют, чтобы новая энергетическая политика ЕС была долгосрочной и приносила пользу всем европейским гражданам. Она также должна быть интегрирована в другие политики ЕС, например, при разработке отдельных мер энергетической политики необходимо учитывать приоритеты социальной политики.

Таким образом, большинство экспертов в области энергетики и МАЭ считают, что главной проблемой, стоящей перед энергетической политикой ЕС, является зависимость от импорта энергии из третьих стран. Поэтому крайне важно искать способы уменьшить эту зависимость и диверсифицировать поставки из основных источников энергии. Жизненно важная проблема для ЕС заключается в выборе источника поставок энергетических ресурсов: Россия, которая слишком часто использует свой энергетический экспорт в качестве политического инструмента, или страны Центральной Азии, Северной Африки и Ближнего Востока?

Согласно статистическим данным, в настоящее время ЕС импортирует почти 55% необходимого топлива, и ожидается, что в 2050 году он увеличится. Это относится главным образом к минеральному топливу, а большой импорт приводит к зависимости, неопределенности и другим потенциальным проблемам. Поэтому переговоры с основными поставщиками топлива для ЕС, такими как Россия, необходимы для создания стабильных и устойчивых партнерских отношений с целью обеспечения безопасного и устойчивого развития сектора в будущем.

Известно, что производство энергии является одним из самых рискованных с точки зрения защиты окружающей среды, это требует проведения исследований и разработки программ производства энергии и обеспечения экотранспорта, сохранения природы. Сжигание ископаемого топлива (нефть, газ, уголь и т. д.) вызывает множество экологических проблем, экологические риски существуют и при их перевозке – например, нефтяными танкерами, авария которых вызывает местные экологические катастрофы. По мнению экспертов, тонна нефти загрязняет в случае аварии 6 кв. км акватории [1].

Согласно некоторым прогнозам, через 50 лет почти не останется нефти и природного газа, а их добыча будет дорогой и невыгодной. В связи с этим, чтобы уменьшить свою зависимость от импорта и загрязнения, ЕС должен ввести экономику с «низким уровнем выбросов углерода», используя все меньше и меньше ископаемого топлива в промышленности, в транспорте и в быту, а также все больше и больше возобновляемых источников энергии (для выработки электроэнергии, тепла или охлаждения зданий, в транспорте). Это подразумевает решительный сдвиг в сторону энергии ветра (особенно вдоль побережья), топлива из биомассы, а также гидроэлектростанций и солнечных электростанций. Индивидуальные меры энергетической политики должны осуществляться совместно.

Вследствие этого, энергетический сектор ЕС в настоящее время подвергается реструктуризации, у многих электростанций заканчивается срок безопасной эксплуатации, в силу чего необходимо определить направление новых инвестиций.

Отметим также, что решения в ядерной отрасли ждут своего будущего, а проблема радиоактивных отходов остается нерешенной. Следует также принимать во внимание обязательства Киото [5], принятые ЕС, потому что, если текущие тенденции сохранятся, ЕС будет трудно выполнять свои обязательства по Киотскому протоколу. На долю энергетики приходится 80% всех выбросов парниковых газов в ЕС, которые приводят к изменению климата и загрязнению воздуха. Союз решил, ограничивая глобальные выбросы парниковых газов, поддерживать глобальное потепление на уровне 2°C относительно промышленного периода. Сегодня сценарии европейской стратегии экономики с нулевыми выбросами к середине века с обеспокоенностью отмечают, что «зависимость ЕС от импорта энергии в настоящее время составляет около 55%; подчеркивается, что при сценарии нулевой чистой эмиссии к 2050 году она снизится до 20%, что окажет положительное влияние на торговый баланс и геополитическое положение ЕС; акцентируется внимание на том, что совокупная экономия затрат на импорт ископаемого топлива в период с 2031 и 2050 г. будет около 2-3 триллионов евро и что они могут быть использованы для других приоритетов европейских граждан» [4].

Подобным образом, в глобальном и региональном масштабе были разработаны предельные нормы выбросов углекислого газа (CO_2), которые промышленность, в том числе в ЕС, может выбрасывать в воздух. Согласно общепринятому законодательству (Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата) [7], для сохранения чистоты воздуха компании, которые превышают допустимые для них количества, обязаны выкупить их у компаний, которые благодаря совершенствованию технологий производства или снижению объем производства не использовали до конца разрешенные объемы выбросов. Это способствует более эффективному использованию энергии и приводит к уменьшению загрязнения углекислым газом. По мнению экспертов по охране окружающей среды, благодаря этому механизму ЕС соблюдает свои обязательства в соответствии с Киотским протоколом [5] и Парижским соглашением [3] о пресечении процесса глобального потепления.

Именно поэтому, в последние годы были проведены политические переговоры и дискуссии по нескольким крупным проектам в области газо- и нефтепровода (энергетические проекты) из Азии в ЕС, которые были предназначены для пересечения Юго-Восточной Европы и были направлены на преодоление зависимости ЕС от единственного сейчас стратегического поставщика – России. Несомненно, эти проекты имели бы большой эффект, если бы они были реализованы в больших масштабах, обеспечивая при этом полную координацию и баланс между интересами отдельных государств-членов и общими инвестиционными целями ЕС в энергетическом секторе.

Из этого можно сделать вывод, что экономическая и политическая ситуация в мире вынудила ЕС трансформировать существующую экономическую модель в новую, полностью основанную на возобновляемых источниках энергии. Вопрос обеспечения чистой энергии не только для Европы, но и для всего мира перед лицом изменения климата, растущего глобального спроса на энергию и неопределенности в отношении будущих поставок является вопросом устойчивого развития и выживания. По мнению политиков и экономистов, обеспечение энергетической безопасности и конкурентоспособности ЕС требует введения новой энергетической стратегии, которая отвечает текущим проблемам с поставками энергоносителей и постоянному росту цен на энергоносители.

Таким образом, энергетическая независимость и безопасность Европы сталкиваются с серьезными проблемами и испытаниями в период до 2050 года. В начале 2020 года появилась новая опасность: мир не был подготовлен к борьбе с невидимым врагом – COVID -19, а статистические данные сегодня не позволяют просчитать все последствия и потери от депрессивного воздействия нового заболевания на мировую экономику (например, разрушение цепочек поставок и т.п.). Одно только ясно, формируется новый мировой экономический и социальный кризис.

Список литературы:

1. Экологични характеристики на нефтено-газовия комплекс. Компенсация за экологични щети. - URL: <https://ukbut.ru/bg/ekologicheskaya-harakteristika-neftegazovogo-kompleksa-vozmeshchenie-vreda.html> (дата обращения: 03.10.2021).
2. Euratom Treaty of 1957. - URL: <https://www.europarl.europa.eu/about-parliament/en/in-the-past/the-parliament-and-the-treaties/euratom-treaty> (дата обращения: 04.10.2021).
3. Paris agreement, UNITED NATIONS 2015. - URL: https://unfccc.int/sites/default/files/english_paris_agreement.pdf (дата обращения: 04.10.2021).
4. Resolution on climate change – a European strategic long-term vision for a prosperous, modern, competitive and climate neutral economy in accordance with the Paris Agreement (2019/2582(RSP)). - URL: https://www.europarl.europa.eu/doceo/document/B-8-2019-0184_EN.html (дата обращения: 05.10.2021).
5. The Kyoto Protocol. - URL: https://unfccc.int/resource/docs/publications/08_unfccc_kp_ref_manual.pdf (дата обращения: 04.10.2021).
6. Treaty establishing the European Coal and Steel community and ANNEXES I-III. - URL: <https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:11951K:EN:PDF> (дата обращения: 02.10.2021).
7. United Nations framework Convention on climate change, United nations 1992, FCCC/INFORMAL/84 GE.05-62220 (E) 200705. - URL:

КРИЗИС ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РУССКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ИСТОРИИ

Трухан А.В.

*Кандидат философских наук,
Ростовский филиал ФБОУ ВО «Российский государственный
университет правосудия», доцент
E-mail: axioma.maxima@mail.ru*

Аннотация: Проблема кризиса постсоветской идентичности рассматривается в теоретических рамках концепта русского идеократического сознания. В статье дается оценка начатого в 2020 году процесса демонтажа европейской цивилизации модерна. Устанавливается причина начатого процесса – кризис новоевропейского гуманизма. Выявляются движущие силы, конечные цели и способ противостояния реализации заявленных целей. Обосновывается тезис о том, что только Россия, обладающая опытом советской победы над фашизмом, способна оказать сопротивление тотальному и глобальному расчеловечиванию и предложить человечеству альтернативный путь развития мировой цивилизации.

Ключевые слова: кризис постсоветской идентичности, русское идеократическое сознание, советский социальный идеал, русская религиозная философия, эсхатология, человекобожие и Богочеловечество, Клаус Шваб, неофашизм.

CRISIS OF POST-SOVIET IDENTITY: ACTUALIZATION OF THE CONCEPT OF RUSSIAN IDEOCRATIC CONSCIOUSNESS IN THE ESCHATOLOGICAL LOGIC OF HISTORY

Trukhan A.V.

*PHD,
Rostov branch of the Russian State University of Justice,
Associate Professor of the Department of Humanities and Socio-Economic
Disciplines*

Abstract: The problem of the post-Soviet identity crisis is considered within the theoretical framework of the concept of Russian ideocratic consciousness. The article gives an assessment of the process of dismantling the modern European civilization that began in 2020. The reason for the initiated process is established - the crisis of new European humanism. Driving forces, ultimate goals and a way to

resist the implementation of the stated goals are identified. The thesis is substantiated that only Russia, which has the experience of the Soviet victory over fascism, is able to resist total and global dehumanization and offer humanity an alternative path for the development of world civilization.

Key words: *crisis of post-Soviet identity, Russian ideocratic consciousness, Soviet social ideal, Russian religious philosophy, eschatology, humanism and God-mankind, Klaus Schwab, neo-fascism.*

«Лед тронулся, господа присяжные заседатели!» Эти слова «великого комбинатора» и «идейного борца за денежные знаки» Остапа Бендера являют собой наиболее точную метафору текущего момента. Маховик истории, застывший в «мертвой точке» неопределенности, сдвинулся. Неопределенность определилась. Нерешительность решилась. 2020 год знаменовал начало новой эры в истории человечества. Процесс цивилизационного перехода в качественно новое состояние мироустройства начался.

Затянувшийся период прощания с модерном в дискурсе констатации «смерти Запада» [1] и «поминок по Просвещению» [2] окончен. Цивилизационный проект модернизации долго отпевали, но быстро стали хоронить. Мы стали свидетелями и участниками грандиозного промышленного сноса социальных институтов и ценностей модерна, подобного сносу башен-близнецов 11 сентября 2001 года. Начался заключительный этап демонтажа великих социальных достижений и завоеваний эпохи гуманизма и самого гуманизма. Величественные здания новоевропейской науки, национальных государств, прав человека, свободного рынка и демократических свобод, всеобщего образования, всеобщего равенства и всеобщих ценностей утратили под собой основание, на котором были построены – новоевропейский общественный идеал гуманизма.

Общечеловеческий корабль, ведомый западной цивилизацией модерна, встретился с препятствием, которое не смог преодолеть, и быстро пошел ко дну. Для спасения человечества экипажу корабля приходится принимать экстренные меры, несовместимые с принципами гуманизма. Осуществление глобальной эвакуации населения на спасательные шлюпки в бушующем океане пандемии требует отказа от препятствующих этой эвакуации идеалов.

Препятствие, с которым встретилась общечеловеческая цивилизация, - глобальный антропологический кризис идентичности. Человек перестал понимать, что значит быть человеком. Эпоха гуманизма подошла к своему логическому завершению – глобальному и тотальному расчеловечиванию человека.

Такова сущность текущего момента. Идет демонтаж цивилизации модерна под прикрытием мифологии гибели «Титаника» - дискурса глобальной пандемии для непосвященных (населения планеты). Для посвященных (мировой элиты) – началась активная фаза реализации глобалистского проекта выхода из кризиса «пределов роста». В этой ситуации «двойных стандартов» нарастание социальной напряженности, обусловленное

недоверием народов своим национальным элитам, требует получения убедительных ответов на общие вопросы о будущей судьбе человечества. Однако тревожащие вопросы не разъясняются, но напротив – получаемые ответы лишь обнажают тотальную ложь организаторов пандемического сценария перехода в постиндустриальное общество. В русской общественной мысли проекту «инклюзивного капитализма» Клауса Шваба [3; 4; 5] намертво приклеилась бирка с надписью «цифровой концлагерь», а сам способ перехода к новому мировому порядку был назван реваншем глобального фашизма. Организация эффективного противодействия реализации данного проекта требует ясного осознания альтернативы, разработки собственного проекта мироустройства и соответствующей ему идеологии.

В создавшейся ситуации чрезвычайно актуализируется наследие русской религиозной философии и советской социальной философии. Общее основание для них – постановка проблемы общественного идеала в идеократическом сознании. Если русская религиозная философия сосредоточила свое внимание на идеократической специфике русского самосознания, выдвинув концепт русской идеи, то советская философия осуществила разработку универсального проекта общечеловеческой цивилизации в гуманистической парадигме марксизма. Ключевой вопрос, с которым мы обращаемся к этому наследию – возможно ли в сложившейся ситуации возвращение к гуманистической идеологии? Может ли Россия поднять выпавшее из рук европейской цивилизации знамя гуманизма и повести за собой человечество?

Отвечая на этот вопрос, можно сказать, что опыт советского периода в истории России являет собой попытку реализации на «русской почве» гуманистического проекта западной цивилизации. Эта попытка окончилась историческим поражением Советского Союза в «холодной войне». Из чего следует вывод, что Россия не может идти в будущее под знаменем разлагающегося на наших глазах гуманизма. Однако сам этот опыт социальной прививки гуманистической идеологии русскому идеократическому сознанию представляется важнейшей составляющей для решения современной проблемы противостояния глобальному фашизму. Потому что именно советский народ, как новая идеократическая общность народов, победил германский фашизм во Второй мировой войне.

Обращение же к русской религиозной философии дает нам предельно четкий отрицательный ответ на поставленный вопрос в эсхатологической логике истории. Достаточно указать на центральное произведение русской эсхатологической мысли, в котором гуманизм определяется как *богоборческая идеология человекобожия*. Ф.М. Достоевский словами Великого инквизитора из XVI века прямо говорит, что процесс гуманистического человеколюбия закончится антропофагией. «О, пройдут еще века бесчинства свободного ума, их науки и антропофагии, потому что, начав воздвигать свою Вавилонскую башню без нас, они кончат антропофагией» [6, с. 280].

Гуманизм в эсхатологической логике истории – это идеология строительства Вавилонской башни. Процесс перехода гуманизма в

антропофагию, предсказанный Достоевским, совершается на наших глазах. Расчеловечивание человека через лишение его свободы воли есть самая настоящая антропофагия. Поэтому альтернатива, которую Россия призвана предложить человечеству, должна содержать универсальное решение гуманистического кризиса человека. Очевидно, что проект Клауса Шваба и сценарий пандемического перехода к новому миру содержит в себе радикальное решение этого кризиса через ампутацию у человека свободы воли.

Русская альтернатива гуманизму была высказана сербским философом и богословом преподобным Иустином Поповичем в книге, посвященной Достоевскому: «Все человеческие мысли, все ощущения, все человеческие дела в конечном выражении заканчиваются только двумя путями: или в человекобоге, или в Богочеловеке. Между этими полюсами протекает вся творческая жизнь рода людского как в духовном, так и в материальном планах. Хочет человек того или нет, но он служит или человекобогу, или Богочеловеку, содействуя тем самым преуспеваю в мире или человекобожества или Богочеловечества» [7, с. 195]. Россия призвана предложить миру проект Богочеловеческого цивилизационного единства.

Для реализации этой задачи требуется создание новой универсальной парадигмы мысли, которая должна прийти на смену гуманистической. Таковой может стать разрабатываемая нами парадигма русского идеократического сознания. Мы полагаем, что в рамках этой парадигмы может быть разрешен кризис постсоветской идентичности, причиной которого является разрушение целостности постсоветского общественного сознания посредством дискредитации советского общественного идеала. «Целились в коммунизм, а попали в Россию» (А.А. Зиновьев). Это понимание выдающимся советским диссидентом природы своей подрывной деятельности указывает на то, что разрушение общественного идеала советского идеократического сознания было и остается главной целью информационной войны против России, а раскол постсоветского общественного сознания по линиям разрыва между «русским», «советским» и «православным» началами является главной причиной затянувшегося кризиса постсоветской идентичности.

Для преодоления этого раскола необходимо рассмотреть противоречивость советского идеократического сознания в эсхатологической логике русской религиозной философии. С позиции текущего момента нам открывается понимание эсхатологического смысла Русской революции. Идеократический поворот в сознании от официального аполитичного православия к социально-деятельному марксизму позволил реализоваться в истории энергии древнерусских архетипов сознания. Возникшее ниоткуда советское государство рабочих и крестьян стало главным препятствием на пути реализации проекта Великого инквизитора по расчеловечиванию человека и организации глобальной концлагеря. Победа России над фашизмом в Великой Отечественной войне есть тот результат, ради которого Россия заплатила великими страданиями и жертвами в годы гражданской войны, индустриализации и в самой войне. Мы полагаем, что СССР, как

политическая форма единства народов, представляет собой опыт реализации русского проекта Богочеловечества в условиях апостасии европейской цивилизации и русского царства. В этом опыте мы можем увидеть, как гуманистический социальный идеал марксистской парадигмы одухотворяется нравственным идеалом русского православия.

Уникальность России состоит в том, что она имеет неуничтожимый и нетрансформируемый ценностный ресурс сопротивления злой воле – русскую культуру. Пока живы носители русской культуры, будет жить и Россия, и будет сопротивление мировому злу. «И один в поле воин» — это базовый архетип русского идеократического сознания, за которым стоит принцип: «Один человек и Бог – это большинство». В ситуации апостасии церкви и государства в России остается только один ресурс сопротивления – русская культура, которая несет в себе цивилизационные коды русского идеократического сознания. Эти коды не включаются и не работают в постсоветский период в силу культивирования главными идеологическими институтами антисоветского раскола в общественном сознании. Сегодня подрывная антироссийская деятельность этих институтов изблечена со всей очевидностью.

В условиях установления мирового порядка неофашистского глобализма приходится осознание того, что советский опыт реализации нравственного идеала православия является единственным ресурсом человеческой цивилизации в противостоянии мировому злу.

Список литературы:

1. Бьюкенен П.Дж. Смерть Запада. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
2. Грей Д. Поминки по Просвещению: Политика и культура на закате современности. М., 2003.
3. Шваб К. Четвертая промышленная революция. – М.: Эксмо, 2016. 208 с.
4. Schab K, Malleret T. COVID-19: The Great Reset. Forum Publishing, 2020. 280 p.
5. Schab K, Vanham P. Stakeholder Capitalism: A Global Economy that Works for Progress, People and Planet. Wiley, 2021. 304 p.
6. Достоевский Ф.М. Братья Карамазовы: Роман. – СПб.: «Каравелла», 1993.
7. Иустин Попович, преподобный. Достоевский о Европе и славянстве. М.-СПб.: Сретенский монастырь, 2002.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Фароян Э. М.

ФГАОУ ВО «КФУ им. В. И. Вернадского»,

аспирант

kisame1122@mail.ru

Аннотация: Данная статья содержит попытку установить связь между формированием социального контракта (общественного договора) и развитием гражданского общества. Показано, как формировалось понятие гражданского общества, какие периоды этому формированию соответствовали. Рассматриваются элементы, которые включались в гражданское общество на различных этапах его развития. Гражданское общество предоставляет средство для выражения разнообразных и сложных потребностей общества. Оно рассматривается в качестве функции по осуществлению контроля политической сферы общества, государства, рынка, формирования политической культуры, создания пространства для формирования и трибуну для выражения общественного мнения. В свою очередь, социальный контракт выступает гарантом существования взаимовыгодной связи государства и общества, его населяющего и представляет собой фактор, позволяющий говорить о перспективе развития гражданского общества.

Ключевые слова: социальный контракт, общественный договор, гражданское общество, социальное государство, контракционизм, правовое государство.

SOCIAL CONTRACT AS A FACTOR IN THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY

Faroyan E. M.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University,

PHD student

Abstract: This article attempts to establish a link between the formation of a social contract (social contract) and the development of civil society. It is demonstrate how the concept of civil society was formed, which periods corresponded to this formation. The article also examines the elements that were included in civil society at various stages of its development. Civil society provides a means to express the diverse and complex needs of society. It is considered as a function of exercising control over the political sphere of society, the state, the market, the formation of political culture, the creation of a space for the formation and a platform for the expression of public opinion. In turn, the social contract acts as a guarantor of the existence of a mutually beneficial relationship between the

state and the society inhabiting it and is a factor that allows us to talk about the prospects for the development of civil society.

Keywords: *social contract, civil society, welfare state, contractionism, constitutional state.*

В истории мировой мысли сформировались разные концепции о лучшем виде организации общества или желаемом будущем. Такими мечтами можно считать идею идеального государства Платона, «Утопию» Т. Мора, «Город Солнца» Т. Кампанеллы, а также марксистские представления о коммунизме и другое. Среди всех этих мечтаний и программ, пожалуй, самой жизнеспособной и реалистичной стала идея гражданского общества.

Данная идея получила свое развитие на основе выработанной концепции общественного договора или социального контракта, которая являлась одной из центральных в европейской социальной мысли XVII — XVIII вв. Данная концепция в настоящее время используется учеными в качестве обоснования рациональной социальной политики и нового осмысления проблематики социальной справедливости.

Социальная направленность экономических отношений в рамках увеличения рисков в данной сфере требует усиления функции государства в области социальной защиты населения, которая и представляется в виде некоего социального контракта государства с гражданами. Фактически, речь здесь идет об одной из существенных характеристик социального государства, создание которого продекларировано российской конституцией, что подразумевает выстраивание новых отношений, нового социального контракта в сфере социальной защиты.

Как известно, общественный договор или социальный контракт, как идея, занимала центральную роль в социальной мысли Нового времени и эпохи Просвещения. Данная тема подробно рассматривалась такими мыслителями, как Ш.-Л. Монтескье, И. Кант и др. Увеличение интереса к идее контракционизма произошло в XX столетии. Причиной этому стало желание более подробного осмысления некоторых основополагающих социально-политических категорий, таких как «гражданское общество», «естественные права человека», «социальная справедливость», «рациональный выбор», «собственность» и т.д.

В дальнейшем, экономисты, социологи и философы западных стран предлагали новые, более актуальные варианты контракционизма для нового осмысления вышеназванных категорий, а также для обоснования рациональной социальной политики. Возрождение контракционизма в XX в. принято связывать с теорией справедливости Дж. Роулза и концепцией Д. Бьюкенена.

Среди экономистов, обращавшихся к исследованию и современной трактовке теории общественного договора, можно выделить таких исследователей, как Д. Норт и Э. де Сото, а также А. Аузан, В. Лексин, Р. Нуреев, Г. Явлинский и др.

Данные исследователи рассматривают общественный договор (социальный контракт) с точки зрения предпосылок его появления и развития. Однако тема взаимосвязи социального контракта и гражданского общества ими так и не была раскрыта несмотря на то, что данные категории обладают тесной взаимозависимостью.

Общественный договор следует рассматривать как социальный институт, являющийся одним из определяющих в системе демократического общества, в условиях формирующегося гражданского общества, «безусловно выстраивающегося вокруг комплекса потребностей общества и его членов», представляющего собой «систему правил, механизмов, обеспечивающих их выполнение, и норм поведения» [1, с. 118-119].

По мнению Аузана, общественный договор и гражданское общество являются довольно близкими понятиями: в каком-то смысле гражданское общество и представляет собой общественный договор, поскольку гражданское общество всегда является именно добровольной многосторонней договоренностью людей по поводу достижения и утверждения каких-то прав и интересов [2].

С точки зрения российского ученого и политика Г.А. Явлинского, общественный договор в условиях рыночной экономики и демократического гражданского общества характеризуется принятием на себя рядовыми гражданами («управляемыми») ответственности за собственное благосостояние и за благосостояние своих семей, в то время как руководство («правители») ограничивает себя «протекционистской деятельностью».

Г.А. Явлинский отмечает, что в каких-то случаях от государства требуется большая степень вмешательства, а в каких-то — определенно меньшая. Отдельной же проблемой является создание условий, при которых государство не будет брать на себя неразумных обязательств перед своими гражданами, и в то же время никогда не будет отступать от сделанных обещаний [3].

Теорию социального контракта можно представить в виде современной интерпретации теории общественного договора. В основе социального контракта лежит гласное или негласное соглашение между властью и обществом о взаимных обязательствах и ограничениях в пользу общих интересов. Именно благодаря существованию такого соглашения обе стороны (власть и граждане) получают определенные гарантии. Первая сторона (государство) получает гарантии собственной безопасности при условии выполнения определенного минимума обязательств перед гражданами, вторая же (граждане) получает гарантии собственного благосостояния при условии лояльности к «правилам игры», которые определены властью и населением совместно или определены без участия населения.

В свою очередь, гражданское общество является формой организации общественной жизни в условиях демократии, включающая в себя широкую сеть негосударственных структур (союзов, ассоциаций, организаций), сформированных на добровольной основе, а также представляющую собой

всеобъемлющую структуру экономических, политических, социальных, духовных, культурных негосударственных отношений.

Гражданское общество — это предполагаемый, идеальный стандарт общества, которым должен обладать народ современного цивилизованного государства, претендующего занять достойное место в группе передовых государств мира, который требует дальнейшего теоретического осмысления и изучения с целью придания правового статуса данной категории.

Само понятие «гражданское общество» на протяжении многих лет остается дискуссионным. Большинство ученых определяет гражданское общество как институт, который живет независимой от государства жизнью, в чем-то даже его антипод.

Гражданское общество — это не то же, что «Город солнца» Томмазо Кампанеллы и не «коммунизм» К. Маркса, Ф. Энгельса, В. Ленина, которые являются виртуальным социальным строем – мечтой – «раем на земле». Гражданское общество — это качественное состояние реально существующего общества, его постепенное изменение в сторону идеального и достижимого стандарта с четкими признаками.

Основными качественными стандартными признаками (характеристиками) гражданского общества являются:

- высокий уровень нравственности;
- высокий уровень правовой и общей культуры;
- способность самостоятельно решать стоящие перед обществом проблемы, включая защиту прав и свобод человека и гражданина, как посредством правового взаимодействия с государством, так и непосредственно путем использования, созданных на основании закона, различных общественных институтов;
- обладание передовыми знаниями, технологиями и производством;
- высокий уровень материального благосостояния.

Одним из проявлений социального контракта в настоящее время является система адресной социальной помощи для граждан и семей, которые нуждаются в этом в силу тяжелого материального положения. Однако данное явление может быть раскрыто как отдельная тема в иной научной статье, поскольку она достаточно широка и имеет ряд нюансов.

Список литературы:

1. Сидорина Т.Ю. Социальный контракт и гражданское общество в исторической перспективе и современных российских реалиях // Экономический вестник Ростовского государственного университета. 2007. № 2. С. 118-128.
2. Аузан А.А. Общественный договор и гражданское общество // Мир России. 2005. № 3. С. 3-18.
3. Явлинский Г.А., Общественный договор - основа долгосрочной экономической стратегии // Мир России. 2005. № 4. С. 3-29.

ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ

Хвалева Я. Е.

Севастопольский государственный университет,
студент

E-mail: khvalevayana@gmail.com

Аннотация: раскрываются особенности национальной политики России в начале XX столетия: русификация национальных окраин и причины ограничения в правах нерусского населения по вопросам развития науки, получения начального и среднего образования. Уделяется внимание вопросам о взаимоотношениях различных этносов с центральной властью, проживающих на территории Российской империи в начале XX века. Рассматриваются вопросы проявления национальной политики на основе материалов деятельности III Государственной думы. Формируется вывод об особенностях национальной политики России в начале XX столетия и необходимости решения национального вопроса.

Ключевые слова: национализм, этническое меньшинство, III Государственная дума, национальность, народность, самосознание.

FEATURES OF RUSSIA'S NATIONAL POLICY AT THE BEGINNING OF THE XX CENTURY

Khvaleva Ya. E.

Sevastopol State University,
Student

E-mail: khvalevayana@gmail.com

Abstract: The features of the national policy of Russia at the beginning of the XX century are analyzed: Russification of national suburbs and the reasons for restrictions in the rights of non-Russian population on the development of science, primary and secondary education. Attention is paid to the issues of the relationship of various ethnic groups with the central government living on the territory of the Russian Empire at the beginning of the XX century. The issues of the manifestation of the national on the basis of the materials of the activities of the III State Duma are considered. The conclusion is formed about the peculiarities of Russia's national policy at the beginning of the XX century and the need to solve the national issue.

Keywords: nationalism, ethnic minority, III State Duma, nationality, nationality, self-consciousness.

Вопрос о взаимоотношениях различных этносов с центральной властью всегда вызывал исследовательский интерес. В такой многонациональной

стране как Российская империя, этот вопрос занимал одно из ключевых мест во внутренней национальной политике.

Национальная политика – это проводимая государством политика, направленная на учет и реализацию интересов национальностей, живущих на территории государства, на разрешение существующих противоречий в сфере межэтнических отношений. Это целенаправленная деятельность государства по регулированию взаимоотношений между этническими группами, закрепленная в соответствующих политических документах и правовых актах государства.

Национализм – идеология, согласно которой интересы нации должны превосходить интересы отдельного человека, социальной группы, сообществ. Представители нации должны управлять государством, а национальное государство должно быть главной формой организации людей.

В своей основе нерадикальный национализм проповедует верность и преданность своей нации, политическую независимость и работу на благо собственного народа, культурный и духовный рост, объединение национального самосознания для практической защиты жизни нации, её территории, природных ресурсов и духовных ценностей. Здоровый национализм опирается на чувство, которое родственно патриотизму. Русский национализм оставался идеологией элиты вплоть до появления массовых общественных движений в начале XX века.

Существует точка зрения о том, что в последние годы правления Александра III внутренняя политика в отношении этнических меньшинств носила националистический характер [1, с. 343 – 344]. Это было вызвано, с одной стороны, идеологией того времени, и, с другой стороны, ускоренным развитием Российской империи в направлении монополистического капитализма. На окраинах государства была реализована ассимиляционная модель национальной политики. Все эти факторы привели к усилению роли национального вопроса в конце XIX - начале XX века.

В 1897 году проводится первая всеобщая перепись населения России. Идеи об изменении порядка учёта населения в правящих кругах Российской империи появились ещё после крестьянской реформы 1861 года, но по сути своей они представляли собой лишь полицейский учёт официально прописанного в жилых домах населения.

По итогам переписи 1897 года было выявлено, что в Российской империи 47 % населения составляют русские, 19 % - украинцы, примерно по 6% - белорусы, финны и поляки, по 3,5% - литовцы и евреи, по 1,5% - татары, башкиры, немцы и молдаване [3, с. 58].

В апреле 1908 года министр просвещения А. Н. Шварц в своём отзыве на проект плана государственной обороны отметил, что притязания инородцев на какую бы то ни было автономию, независимость и обособленность школы этнических меньшинств необходимо всячески пресекать. Он считал, что образование на всех его ступенях по всей территории Российской империи должно осуществляться в духе русских традиций и любви к русской народности [4].

Бутырская И. Г. полагает, что национализм той эпохи отчетливо проявился в школьной политике. Провозглашался практически полный запрет родного языка в школах инородцев. Все нерусские языки были объявлены вне закона. Это вело к ещё большему противостоянию народов империи с русификаторами [7, с. 5].

Характерной чертой национальной политики правительства того времени можно считать тот факт, что право на получение высшего образования для мусульман было ограниченным, в результате чего даже в Казанском университете количество студентов – мусульман и представителей финно–угорских народов было ничтожно мало.

После первой революции, однако, произошёл резкий подъём национального самосознания мусульманского населения. Это проявилось, прежде всего в развитии исламской научной мысли и системы образования в целом, повсеместно строились современные мусульманские медресе – учебные заведения, дававшие качественное светское образование, появились и стали распространяться татарские периодические издания. В Поволжье широко распространились случаи возвращения в ислам ранее крещённых народов. «Как известно, русские национальные организации начала XX столетия категорически отвергали федерализм и были последовательными защитниками самодержавия. Это подтверждает и исследование Д. А. Коцюбинского «Русский национализм в начале XX столетия» [5, с. 42].

Достаточно полно национальные проблемы и способы их решения в начале XX в. можно представить на основе материалов деятельности III Государственной Думы, «которая, как известно, в отличие от 1-го и 2-го созывов в условиях дуалистической монархии проработала весь отведенный ей законом срок с 1907 по 1912 года» [5, с. 147].

Для III Государственной думы национальный вопрос стал самым трудным: «Суть национальной проблемы для самодержавия сводилась к вопросу быть или не быть империи. Политические партии предлагали различные варианты решения национального вопроса, в соответствии с их программами. Но единства в решении национального вопроса среди разнообразных политических партий и организаций не было. С момента возникновения и до окончания работы III Государственной думы программа партии и фракции националистов не претерпела никаких изменений. Когда же после убийства П.А. Столыпина председателем Совета министров был назначен В.Н. Коковцов, этой партии пришлось испытать волнение в связи с возможными трудностями в реализации программы. С начала работы III Думы октябристы в национальном вопросе придерживались основных программных положений. Их позиция в данном вопросе совпадала с позицией националистов, суть которой заключалась в тезисе «Россия для русских». Хотя это в большей степени относится к правым октябристам, которые составляли большинство фракции» [7, с. 3 - 4]. Оставшееся меньшинство можно разделить на три течения: «центр» и две группы левых октябристов. Правые октябристы –Н.В. Савич. «Одна из групп «левых» октябристов была с националистическим оттенком (группа Ю.Н. Глебова),

другая – более «определенно-прогрессивная», куда входили С.И. Шидловский, Д.А. Леонов, А.Е. Фаворский. Центр отличался от правых тем, что, сходясь с ними полностью в «политическом национализме», занимал более либеральную позицию в области народного образования, смыкаясь здесь с «левыми» октябристами (А.П. Сапунов, В.А. Потулов, Г.В. Скоропадский). Представители «центра» – В.К. фон Анреп, Э.П. Беннигсен [7, с. 3 - 4].

Среди приверженцев различных политических партий, оппозиционных дореволюционному политическому режиму, отношение к национальному вопросу было довольно схожим. Так, например, социалисты – демократы подходили к рассмотрению национального вопроса с позиций космополитизма. Для социалистов не существовало разрозненных народностей, все нации и народности в исторической перспективе объединятся, по мнению социал – демократов, под общим термином «люди».

Идеологи народничества, такие как П. Л. Лавров и П. Н. Ткачёв, рассматривали национализм как «случайную помеху деятельности социализма». Они подчёркивали, что невозможно быть одновременно социалистом, и являться приверженцем национализма, так как эти понятия являются непримиримыми антагонизмами.

Ленин и большевики полагали, что не следует отрицать существование наций как таковых, и за каждой нацией стоит признавать право на автономное существование [8, с. 6 – 10].

Таким образом, можно утверждать, что «русскому человеку и всему российскому обществу на протяжении всего XX века в идейном плане постоянно предлагался выбор жизненных ориентиров — национализм (приверженность ценностям и интересам нации) и космополитизм, интернационализм в его социалистическом варианте. Главный выбор нашего времени заключается также в выборе между национализмом и космополитизмом в исконных значениях» [8, с. 15].

Русский национализм оставался идеологией элиты вплоть до появления массовых общественных движений в начале XX века. Партия националистов распалась. Думе не удалось добиться решения национального вопроса и остановить стремление национальных окраин к автономии. В преддверии революции стремление национальных окраин к самостоятельности ширилось всё больше и больше.

Таким образом, российское самодержавие на протяжении всего периода своего существования неизменно сталкивалось с необходимостью решать национальный вопрос. С такой необходимостью столкнулся и император Николай II. Обобщая всё вышесказанное, можно сделать вывод, что по национальному вопросу в XX веке правительство проводило меры, направленные на подавление национального движения и самосознания, что вело к всё более возрастающему росту антиправительственных политических партий, возникающих особенно часто на национальных окраинах. В немалой степени именно эти действия провоцировали русские революции, которые сотрясли империю в 1905 и 1917 годах. Национальный вопрос так и оставался

нерешённым, и заняться его решением предстояло уже большевистскому правительству, которое смотрело на этот вопрос с позиций марксизма, не отрицая нации как таковые, и признавая право на сохранение их автономии, но не видя в различных национальностях существенных различий.

Список литературы:

1. Анисимов Е. В. История России от Рюрика до Путина. Люди. События. Даты. 4-е изд., доп. — СПб.: Питер, 2013. 592 с.
2. Куликов С. В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы / С.В. Куликов // Российская история. — N 4. — М., 2009. — С. 45-60.
3. Анохин А. А. География населения с основами демографии: учебник для вузов / А. А. Анохин, Д. В. Житин. — М.: Издательство Юрайт, 2021. — 279 с.
4. Ильнар Гарифуллин. 16 июля 2018 г. «Эпоха Николая II. Россия, которая «потерялась» // Idel. Реалии. — [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.idelreal.org/a/nicholas-ii-russian-tsar/29367851.html>
5. Зорин, В. Ю. Национальная политика российского государства в XX — начале XXI века: учебное пособие для вузов / В. Ю. Зорин. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Издательство Юрайт, 2020. 251 с.
6. Коцюбинский Д. А. Русский национализм в начале XX столетия: Рождение и гибель идеологии Всероссийского национального союза. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2001. 528 с.
7. Бутырская И. Г. Национальный вопрос в России на материалах третьей Государственной Думы // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2013. № 8. С.13-20.
8. Вдовин А. И. Русская нация в XX веке (русское, советское, российское в этнополитической истории России). — Москва: РГ-Пресс, 2019. — 712 с.

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА

Черникова Г.В.

*Кандидат политических наук,
Воронежский государственный университет
E-mail: galzhd@mail.ru*

***Аннотация:** Статья посвящена исследованию особенностей, тенденций и форм развития украинской модели нациестроительства. Представлен обзор актуальных исследований по обозначенной проблематике сквозь призму междисциплинарного подхода. Отмечается востребованность реалистической парадигмы в восприятии и оценке украинского проекта нациестроительства, свойственных ему конфликтных кливажей (расколов). Автор обращает внимание на факторы формирования кливажей и необходимые условия их преодоления.*

Ключевые слова: Украина, модели нациестроительства, конфликт, раскол.

TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF THE UKRAINIAN MODEL OF NATION-BUILDING

Chernikova G.V.

Voronezh State University

E-mail: galzhd@mail.ru

Abstract: *the article is devoted to the study of the features, trends and forms of development of the Ukrainian model of nation-building. An overview of current research on the identified problems is presented through the prism of an interdisciplinary approach. There is a demand for a realistic paradigm in the perception and assessment of the Ukrainian nation-building project and the conflict cleavages (splits) inherent in it. The author draws attention to the factors of the formation of these conflict situations and the necessary conditions for overcoming them.*

Key words: *Ukraine, models of nation-building, conflict, split*

С момента распада СССР и обретения независимости ключевые задачи украинской внутривнутриполитической повестки были связаны с формированием национального государства, укреплением его институтов, созданием современной гражданской нации, устойчивой общегражданской лояльности, упрочением государственно-гражданской идентичности и т.д. Серьезные политические, социально-экономические и иные размежевания, проявляющиеся в ходе решения этих задач, актуализировали внимание исследователей к их изучению.

Анализ исторически сложившихся и формирующихся новых расколов в Украине, а также обуславливающих их факторов, важен для понимания их роли в современных политических процессах и, прежде всего, процессов, связанных с формированием современной консолидирующей территориальное сообщество нации и укреплением институтов государства. В статье представлен обзор актуальных исследований, посвященных обозначенной проблематике, сквозь призму междисциплинарного подхода, опирающегося, прежде всего, на социокультурную и институциональную парадигмы.

Одной из реперных точек анализа украинского кейса нациестроительства в ракурсе социокультурного и связанного с ним геокультурного и геополитического подходов, выступает характеристика Украины как культурно-цивилизационного и политического образования, находящегося между Западом и Востоком, Европой и Азией, т.е. на границе культурных ареалов между различными цивилизациями и на пересечении геополитических интересов крупных игроков. Именно здесь, согласно концепции известного американского политолога С. Хантингтона, происходят

столкновения разных систем ценностей, разных культурно-цивилизационных идентичностей, разных мировоззрений и взглядов на способы и перспективы развития общества [1]. При этом, многие аналитики сходятся во мнении, что столкновения происходят не только между обществами, принадлежащими к разным цивилизациям, но и между различными социально-демографическими, этническими и другими группами внутри одного и того же общества, порождая социально-политическую дестабилизацию на международном и национальном уровнях. Так, С. Липсет и С. Роккан выделили и описали в качестве основных такие разделительные линии внутри обществ как: государство – церковь, центр-периферия, город-деревня, собственники - рабочие и др. [2]. Эти размежевания сохраняются и сегодня. Однако к настоящему времени исследователи справедливо обращают внимание на появление новых разграничительных линий, связанных с процессами глобальной дестабилизации и регионализации, а также с кризисом, обусловленным пандемией COVID-19 и иными факторами [3].

Указанные и иные теоретические установки вполне релевантны в случае с украинской моделью нациестроительства, формирующейся на протяжении последних трех десятилетий с момента обретения Украиной независимости. Большинство исследователей сходятся в обозначении нескольких её базовых особенностей.

Первое. Дефицит практического опыта государственности. Предшествующий постсоветскому периоду опыт украинской государственности сводился к существованию в качестве союзной республики единой советской державы, что, по меткому замечанию ряда исследователей, следует рассматривать, скорее, как опыт квазигосударственности [4, с. 57]. «При этом важнейшим ресурсом нациестроительства, способным обеспечить формирование устойчивых оснований новой государственности, оказался ресурс культурно-цивилизационный и этнокультурный («капитализирующий» отторжение как советского прошлого, так и всего русского и российского, – de facto атрибутов «титупной нации» советского периода). В итоге «...в силу ментальной инерции и влияния этнического национализма» Украина трудно продвигается от концепта этнонации к концепту гражданской нации» [4, с. 57].

Второе. Исторически обусловленный полицентризм социокультурной (включая этническую, языковую, религиозную и иные составляющие), экономической и политической систем Украины. К моменту распада СССР Советская Украина представляла собой лоскутное образование из регионов, которые были окончательно собраны в единое целое только в 1954 г. (после передачи в состав УССР Крыма) [5, с. 159]. Причем, как замечают В. Пантин и В. Лапкин, история «сложения» полиэтнических сообществ в Украине и других постсоветских странах отнюдь не сводилась исключительно к миграционным процессам советского периода, а многие этнические меньшинства являлись автохтонными [6, с. 100].

Третье. Устойчиво воспроизводящееся на протяжении практически всех лет независимого существования Украины региональное размежевание по

линии «Восток-Запад», которое также имеет исторически сложившуюся природу, а также его переплетение с социокультурными (в т.ч. межэтническими, межконфессиональными и др.), электоральными и иными расколами и связанными с ними разными системами ценностей. Региональное размежевание изначально выступало и по-прежнему является наиболее существенным дифференцирующим фактором самоидентификации украинского населения, его геополитических предпочтений, настроений, ценностей. Так, наиболее распространены русская культура, в т.ч. язык, пророссийские настроения на Юге и Востоке Украины, тогда как на Западе и в Центре, в большей степени, выражены ценности этнического украинского национализма, прозападные культурные и социально-политические ориентации и установки существенно преобладают над пророссийскими [7, с. 85].

Четвертое. Относительно высокая степень общественно-политической нестабильности. Эта нестабильность проявляется, прежде всего, в революционных волнах. Так, по мнению А. Ермолаева, трижды современную Украину сотрясали массовые революционные процессы (1993, 2004, 2013-2014), в ходе которых украинское общество ставило ультиматум правящей элите, требуя справедливости, свободы, социального мира [8]. Благоприятной почвой для общественно-политической нестабильности украинской политической системы является и отсутствие качественного рывка в повышении уровня жизни её граждан. Декларируя необходимость модернизации, движения в сторону инновационного пути развития, украинская властвующая элита на практике пока не смогла добиться существенных изменений в социально-экономической сфере.

Пятое. Структурным фактором внутривнутриполитической динамики украинской модели национализма выступает, прежде всего, борьба устойчивых элитных групп (олигархических кланов), обладающих своей экономической и региональной базой, за ресурсы в сочетании с готовностью приветствовать вовлечение внешних игроков в украинскую политику и получать дивиденды от этой вовлеченности. В совокупности эта особенность, по мнению ряда авторов, не позволила политическому классу Украины достичь консенсуса в том, что является национальными интересами страны [5, с. 42]. «В отсутствии этого главного вывода оказалось невозможным выработать долгосрочную стратегию развития с опорой на защиту суверенитета от внешнего вмешательства» – заключает А. Сушенцов [5, с. 42].

Перечисленные характеристики не исчерпывают описание всех присущих украинской модели национального государственного строительства особенностей. Очевидно, однако, что их совокупность__выступила определяющим фактором, существенно осложнившим решение задач, связанных с формированием устойчивой общегражданской лояльности, упрочением государственно-гражданской идентичности, сглаживанием региональных и культурных различий и т.д. При этом за весь постсоветский период независимого существования в формате украинской Республики качественным образом различались подходы правящих элит к решению этих

задач. Их можно свести к двум разновидностям/моделям, сочетание которых определяло содержательный характер политики национального государственного строительства.

Первая модель – гражданская или инклюзивная. Её еще называют моделью «государственников» или «моделью Кучмы», т.к. основные её черты сложились при втором президенте Украины – Л. Кучме. Среди её приоритетов выступало сохранение большого постсоветского наследия: территории, геоэкономических связей между западом и востоком внутри страны и за ее пределами, а также населения [5, с. 97]. Огромную роль в ней играли интересы сложных сфер хозяйственной деятельности и полиэтничного общества. В институциональном контексте это проявлялось в росте общественных объединений, создании прорывных направлений, связанных с организацией капитала (крупные национальные компании «Енергоатом», «Нафтогаз України» и др.); участия украинских предприятий по производству ракетно-космической техники в программе «Sea Launch» и др. [9].

Сторонники рассматриваемой модели нациестроительства поддерживали уступки по национальному вопросу, отвергали радикальную идеологию, предлагая вместо нее вариант, основанный на общности национальных интересов и необходимости проводить сбалансированную политику в области культуры, исторической памяти и языка. В рамках рассматриваемой модели наблюдалось сосуществование советского исторического нарратива, соответствующего символического наследия с националистическим историческим нарративом и символами независимой Украины.

Большинство нынешних «государственников» являются членами «Оппозиционного блока», а также представлены в числе сторонников П. Порошенко. Полагая, что Украина должна сохранить нейтральный статус и твердо отстаивать собственный суверенитет, чтобы обеспечить целостность государства, апологеты инклюзивной модели нациестроительства в ходе событий Евромайдана 2013-2014 гг. заявляли о необходимости сдерживания радикализации, чтобы предупредить отделение Крыма. К сожалению, отмечают эксперты, в настоящее время они находятся в абсолютном меньшинстве [5, с. 97].

Главным достоинством указанной модели было то, что, несмотря на противостояние элитных групп, правящей элите удавалось сохранить минимальные условия для политического диалога и выработки компромисса, необходимые для сохранения территориальной целостности, политической устойчивости Украины.

Вторая модель, заявившая о себе в ходе событий украинского кризиса 2013-2014 гг., сопровождавшегося присоединением Крыма к России и войной на Донбассе – этноцентричная модель нациестроительства – отстаивает программу создания «Украины для украинцев». После событий, связанных с присоединением Крыма к России, ведущим олигархическим кланам удалось сформировать пакт элит на базе антироссийского консенсуса. Следствием чего становится ориентация Украины на страны Запада (ЕС и США), а также

использование Запада как внешнего стабилизатора украинской политической системы. Апологеты этноцентричной модели нацистроительства четко сфокусировались вокруг идеи борьбы с Россией и её влиянием, представляют Украину как страну, сохраняющую приверженность курсу на интеграцию с ЕС, НАТО, находящуюся на острие конфронтации стран Запада с Россией.

Драйвером этих и других изменений выступила, прежде всего, борьба за ресурсы внутри украинских элит [10].

В период президентства П. Порошенко сторонники этнонациональной модели были наилучшим образом организованы, широко представлены в СМИ, воспринимая создавшуюся ситуацию как историческую возможность осуществить перезакладку украинской государственности на прозападных и антироссийских основаниях [7, с. 87].

Большинство исследователей сходятся во мнении, что инерция осуществления рассматриваемой модели нацистроительства присутствует в политике нынешней правящей элиты, во главе с В. Зеленским [11; 12]. Аргументами в пользу такого видения является его санкционная политика в отношении той части украинского политического спектра, которая позиционирует себя как антинационалистическая, антиглобалистская сила, выступающая за дружественные отношения с Россией [12; 13]. Наряду с этим новый президент активизировал контакты с НАТО, продолжил курс своего предшественника на форсированную украинизацию и дерусификацию [12; 14]. Крупный бизнес и предпринимательство в целом оказались под налоговой, административной и идеологической «пятой» новой милитаризированной бюрократии и политического менеджмента, который сохранял место и получал свою «долю» только при условии лояльности, исполнительности и «командной игры». Авторитарный политический режим, механизмы «военно-бюрократического государства», сочетаются с высоким уровнем зависимости внутренних решений от внешнего влияния (прежде всего, США) [11; 14].

Оценивая **результаты** и следствия реализации рассматриваемой модели нацистроительства исследователи отмечают их противоречивый характер.

Первое. Изменился состав, качество и мотивация политической элиты Украины. Прежде всего, выросло влияние генералитета Минобороны, Службы безопасности Украины (СБУ) и Таможенной службы. СБУ, разведка, МВД и прокуратура, новые антикоррупционные органы стали главными носителями государственного интереса. Крупный бизнес и предпринимательство, в целом, оказались под налоговой, административной и идеологической «пятой» милитаризированной бюрократии и политического менеджмента, который сохранял место и получал свою «долю» только при условии лояльности, исполнительности и «командной игры» [7, с. 173; 25].

Второе. Политика принуждения к этнонациональной унификации породила многочисленные и трудноразрешимые конфликты ввиду невозможности совмещения наиболее радикальных практик нацистроительства на моноэтнической основе с императивом сохранения межэтнического мира и гражданского нормативно-правового порядка.

Третье. В ходе реализации этноцентричной модели нациестроительства воплотилась стратегическая идея той части украинских элит, которая выступала за ослабление зависимости от России. Консолидация украинской политической элиты на основе антирусской идеологии делает все более маловероятной перспективу возвращения Донецка и Луганска в состав страны [5, с. 278].

Четвертое. Потеряв часть территорий юго-востока, социально-культурная структура Украины упростилась, политический ландшафт стал равномернее и до некоторой степени более спокойным. Ключевым ресурсом этой стабилизации и консолидации украинского общества выступило противостояние значимому Другому в лице России [4, с. 78; 11].

В тоже время многие отечественные и украинские исследователи признают относительную степень эффективности консолидации украинского общества за счет исключения роли культурного кода русских и их коллективной памяти в исторической политике, языковой и иных сферах [15; 16]. Другими словами, пока рано говорить о полном преодолении социокультурной расколотости украинского общества, носящей региональный характер. Эта расколотость проявляется в отношении к России, к историческим персонажам и т.д.

Пятое. «Освобождение» от российского влияния не укрепило безопасность функционирования украинской государственности. В частности, в вопросе урегулирования конфликта в Донбассе правящая украинская элита, по-прежнему, критически зависит от партнеров и оппонентов. В логике США любые подвижки в направлении урегулирования на Донбассе нежелательны, поскольку размывают внутриукраинский антироссийский консенсус, который Вашингтон считает для себя выгодным [5, с. 276]. США готовы предоставлять Украине только такие гарантии, которые не предполагают эскалации на российском направлении [17].

В логике европейской безопасности развития Украина как партнер и сторонник европейских политических традиций может и должна найти возможность сохранить стабильность своих границ даже ценой «модальностей», связанных с переговорами относительно особого статуса ДНР и ЛНР. Некоторые украинские аналитики, в этой связи, выражают обеспокоенность относительно того, что, если правящая элита Украины не сможет справиться с этой задачей - возникнет новая политическая реальность с новыми государственными образованиями, новыми настроениями элит в них и новым кризисом геополитического порядка, связанного с риском радикального пересмотра границ [18; 19]. Подобная обеспокоенность подогревается, в том числе, угрожающей риторикой правящей элиты России [см., например, 20].

В заключении акцентируем внимание на востребованности реалистической парадигмы в восприятии и оценке украинского проекта нациестроительства и необходимость ухода от связанных с ним мифологизированных представлений [см. например: 21]. Несомненно, что перспективы развития этого проекта зависят от постепенного ослабления

сохраняющихся расколов между социальными группами, отстаивающими ценности этнического национализма в сочетании с либерально-западническими ценностями и группами, придерживающимися полутрадиционных государственных и советско-ностальгических ценностей. Преодолению данных расколов могут способствовать отход от идеологии и практики этноцентризма в сторону формирования современной гражданской нации или инклюзивной модели нациестроительства. Подобная модель представляется органичной на фоне глобальных процессов, связанных с возвышением и усилением влияния незападных стран, т.е. с движением в сторону полицентричного мирового порядка. Еще одним триггером эволюции в сторону инклюзивной модели нациестроительства могло бы стать преодоление собственной социально-экономической отсталости путем запуска успешной национальной стратегии развития, которая отвечала бы современным глобальным и региональным тенденциям, современным технологическим, экологическим, пандемическим реалиям и вызовам. Это одинаково актуальная задача для большинства государственных образований постсоветского пространства и за его пределами.

Список литературы:

1. Huntington, S. P. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. New York: Simon & Schuster. 1996. 367 p.
2. Липсет С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей. Предварительные замечания (перевод) // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204-234. С.204-234.
3. Пантин В.И. Ценностные размежевания и расколы в современных обществах: влияние на социально-политическое развитие // История и современность. 2020. № 3. С. 23–41.
4. Семененко И.С., Лапкин В.В., Бардин А.Л., Пантин В.И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Политические исследования. 2017. № 5. С. 54-78.
5. Украинский кризис: международное соперничество и пределы прочности государства / Под ред. Н.Ю. Силаева и А.А. Сушенцова. М.: Издательство «Весь Мир». 2020. 280 с.
6. Пантин В.И. Лапкин В.В. Трансформация ационального государства в условиях меняющегося мирового порядка // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Том 63. № 11. С. 95-104.
7. Пантин В.И., Лапкин В.В. Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // Политические исследования. 2015. № 5. С. 75-93.
8. Ермолаев А. Судьба республики (политэкономия «пост-советских революций» в Украине) // Strategic Group Sofia. Июль. 2021. – URL: <http://sg-sofia.com.ua/sudba-respubliki-politekonomia-postsovetsih-revoluzij-v-ukraine> (дата обращения: 03.10.2021).
9. Ермолаев А. Недооценённые риски двух месяцев и очень сложная осень для Украины // Ukrlife. 20 травня 2021 – URL:

<http://www.ukrlife.tv/video/politika/andrei-ermolaev-nedootsennnye-riski-dvuh-mesiatshev-i-ochen-slozhnaia-osen-dlia-ukrainy> (дата обращения: 13.10.2021).

10. Pavlenko A. Multilingualism in post-Soviet successor states // Language and Linguistics Compass. 2013. Vol.7. № 4. P.262-271.

11. Ермолаев А. Пикник на женевской обочине (о видимом и невидимом) // Горизонты событий. 2021. Июль. № 3. – URL: <https://ziniy.com/newsstand/edition/709> (дата обращения: 03.10.2021).

12. Скоркин К. Равноудаленность или бунт. К чему приведет борьба Зеленского с олигархами // Московский центр Карнеги. 5.08.2021. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/85089> (дата обращения: 03.11.2021).

13. Скоркин К. Украина после эскалации. Как донбасское обострение изменило позиции Зеленского // Московский центр Карнеги. 19. Мая 2021. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/84557> (дата обращения: 05.10.2021).

14. Haring M. What Was the Point of Zelensky's Visit Anyway? // The National Interest. 3 september 2021. – URL: <https://nationalinterest.org/feature/what-was-point-zelensky%E2%80%99s-visit-anyway-193096> (дата обращения: 15.10.2021).

15. Чёрный квадрат Карасева. Телеканал Наш. 01.06.2021. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zauuWJxTBtk&t=1313s> (дата обращения: 03.10.2021).

16. Тренин Д. Переоценка близости. Как России строить отношения с Украиной // Московский центр Карнеги. 06.09.2021 г. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/85272> (дата обращения: 12.10.2021).

17. Скоркин К. Жестче прежних. Что означает новый тон Зеленского в отношениях с Западом // Московский центр Карнеги. 7.09.2021 г. – URL: <https://carnegie.ru/commentary/85280> (дата обращения: 03.11.2021).

18. Ермолаев А. Украина может поссорить США И ЕС! Зеленскому и Раде нужно понять главное // Политика онлайн. 11 сент. 2021 г. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Y2hs2v2Owxs> (дата обращения: 03.09.2021).

19. Погребинский рассказал о страхе Зеленского перед Путиным // Деловая газета «Взгляд». 10 сентября 2021. – URL: <https://vz.ru/news/2021/9/10/1118246.html> (дата обращения: 03.10.2021).

20. Статья Владимира Путина «Об историческом единстве русских и украинцев» // Сайт Президента России. 12 июля 2021 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181> (дата обращения: 15.10.2021).

21. Окара А. Россия и Украина: метрополия без критической массы // Эволюция поостсоветского пространства: прошлое, настоящее, будущее. М.: НП РСМД, 2017. С. 83-88.

22. Ставлення населення України до Росії та населення Росії до України, лютий 2021 року // Прес-релізи та звіти. Київський міжнародний інститут соціології. – URL: <http://kiis.com.ua/?lang=ukr&cat=reports&id=1015&page=1> (дата обращения: 03.10.2021).

23. День Перемоги і його місце в історичній пам'яті українців: який сенс громадяни вкладають у цю дату? // Фонд «Демократичні ініціативи» імені

Ілька Кучеріва. 7 мая 2021. — URL: <https://dif.org.ua/article/den-peremogi-i-yogo-mistse-v-istorichniy-pamyati-ukraintsiv-yakiy-sens-gromadyani-vkladayut-u-tsyu-datu>. (дата обращения: 02.10.2021).

24. Прибиткова І. Україна в регіонально-громадянському та національно-мовному вимірі за доби змін // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін. 2014. Том 1. - Інститут соціології НАН України. — URL: http://i-soc.com.ua/files/m/monitoring_2014.pdf.

ПАМ'ЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ

Шадже А.Ю.

*Доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
E-mail: shadzhe@mavkop.ru*

Аутлев А.А.

*Адыгейский государственный университет,
аспирант кафедры философии и социологии
E-mail: asker.autlev2@yandex.ru*

Аннотация: В статье анализируется память в условиях новой реальности, изменившей социокультурное пространство и формирующей новое мышление. Исследуется онтологическая, гносеологическая и аксиологическая значимость этого феномена. Ключевым вопросом рассматриваемой проблемы является анализ сложностей формирования памяти современной молодежи в условиях глобальных вызовов. Исходя из противоречивого влияния средств массовой информации на мышление молодежи, память наполняется негативным содержанием, нацеленным на конструирование новых видов/типов идентичностей и ценностей в условиях цифровизации. Проанализирован эмпирический материал об отношении студенческой молодежи Адыгейского государственного университета к исторической памяти. Доказывается, что в условиях глобальных социокультурных рисков и кризисов важно привлечь внимание к созидательной роли памяти. Делается вывод о необходимости проведения политики памяти, направленной на формирование духовности/культуры молодого человека, гражданина-патриота.

Ключевые слова: память, ценность, культура, цифровизация, молодежь, сложная реальность, глобальные вызовы.

MEMORY OF MODERN YOUNG PEOPLE IN THE FACE OF GLOBAL CHALLENGES

Asiet Yu. Shadzhe

Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

E-mail: shadzhe@maykop.ru

Asker A. Autlev

PhD student of the Department of Philosophy and Sociology, Adyghe State University

E-mail: asker.autlev2@yandex.ru

Abstract: *The article analyzes memory in the context of a new reality that has changed the socio-cultural space and forms a new thinking. Ontological, gnosiological and axiological significance of this phenomenon is studied. The key issue under consideration is the analysis of the complexity of the memory formation of modern young people in the face of global challenges. Based on the contradictory influence of the media on the thinking of young people, memory is filled with negative content aimed at designing new types of identities and values in the context of digitalization. Some empirical material is presented about the attitude of students of Adyghe State University to historical memory. The authors prove that in the face of global sociocultural risks and crises, it is important to draw attention to the creative role of memory. The research shows that it is necessary to implement a policy of memory aimed at the formation of the spirituality/culture of a young man, a patriotic citizen.*

Key words: *memory, value, culture, digitalization, youth, complex reality, global challenges.*

Современное социокультурное пространство России изменилось под влиянием внешних и внутренних факторов. Засилие глобальных / западных ценностей, неопределенность во всех сферах жизнедеятельности человека, кризис духовности / культуры способствуют утрате ценностно-мировоззренческих ориентиров и исторической памяти; конструированию новых, чуждых нашему обществу и менталитету. Усилилась идеологическая обработка сознания молодежи со стороны многих средств массовой информации. Телевидение нагнетает пошлость, виртуальный мир учит молодежь легкой жизни, сети нацеливают на коммуникацию с англо-русским словарем, «великий, могучий русский язык» уходит в небытие. Мы оказались на краю пропасти бескультурия.

В мире упадка духовности и социальной «расколотости», актуальным становится изучение проблемы прошлого, настоящего и будущего, проблемы исторической памяти. В условиях глобализации социальная функция памяти актуализируется, и связана она с тем, что историческая память может оказать влияние на гражданскую солидарность и национальное единство современной

России, с одной стороны, с другой – повлиять на формирование духовности молодежи и актуальной идентичности в поиске ответов на вопросы: «кто я» или «кто мы» в определенном обществе и в современном мире.

Цель данной статьи – осмысление ценностного содержания памяти современной молодежи в условиях глобальных вызовов.

Понимание памяти может повлиять на самоорганизацию сложной системы «российское общество», конструктивно направляя его. Непонимание или манипуляция памятью могут негативно сказаться на развитии общества. Поэтому активизирован исследовательский интерес к памяти молодежи в условиях современности.

В последние десятилетия в фокусе исследователей оказываются разные виды памяти. Обращает на себя внимание то, что, во многих публикациях, по выражению А. Мегилла, «память становится коммеморацией». Другое понимание памяти позволяет рассмотреть ее как сложный механизм, являющийся источником формирования новых смыслов в пространстве традиций и инноваций.

В современных исследованиях, посвящённых проблеме памяти, наиболее цитируемыми авторами остаются М. Хальбвакс и П. Нора; дискуссионными вопросами являются экспликация понятия «память», употребление выражений «долг памяти» (П. Нора) или «работа памяти» (П. Рикер) и т.д. Появляющиеся единичные исследования памяти в контексте современной, постнеклассической науки (например, А.В. Дахин) позволяют прогнозировать социокультурные процессы.

Одним из наиболее востребованных современным обществом видов памяти является историческая память, в частности историческая память молодежи. В связи с этим важно отметить одно предвещающее методологическое положение. В рамках новой конструктивистской методологии представляется возможным в центр исследовательского внимания поставить сознание и поведение человека, его место и отношение к другим не просто как отдельного индивида, а и как члена определенной социальной и этнической группы, представителя определенного общества, определенной социокультурной среды. Более того, данная методологическая стратегия направлена на поиск своей идентичности в обществе в условиях современности.

Известно, что историческая память связывает прошлое, настоящее и будущее. Прошлое зафиксировано в разных формах памяти и в условиях сложной реальности оно приобретает новое содержание. Переосмысление прошлого позволяет выявить новые смыслы прошлого, что изменяет контекст его существования. Поэтому мы находим в прошлом новое содержание, новый смысл и новое понимание.

В этом контексте представляет интерес книга историка Э.А. Шеуджен [1], в которой исследователь, не сводя память лишь к воспоминаниям, помня о том, что память «активна» и способна совершать отбор фактов и иерархически их располагать, показывает преодоление крайностей, вызванных либо политической конъюнктурой, либо чрезмерной идеологизацией по

отношению к памяти. Время сведения счетов друг с другом и со временем прошло. Другими словами, «управляя прошлым», необходимо вступить с ним в диалог, в новый диалог.

Накануне Дня Победы в Великой Отечественной войне на некоторых факультетах Адыгейского государственного университета мы предлагаем написать студентам эссе на тему «Война коснулась и моей семьи...» К сожалению, не все студенты справляются с этой задачей из-за отсутствия знаний об истории своей семьи... Студенты предпринимают попытки связаться с родными с помощью смартфонов для получения необходимой информации. Представляется, что здесь должна работать познавательная печочка: знание – понимание – осмысление/выявление смысла – формирование ценностного сознания/ценностно-мировоззренческих установок.

Поскольку нами рассматривается память как «ценностно-смысловая реконструкция прошлого», закономерно возникают вопросы: Почему прошлое является ценностью? Говоря словами З. Баумана, «мы должны помнить – но что?» И для чего помнить?

Для созидания! Чтобы понять, какое общество возникло из истории и каковы мы, составляющие это общество? Научили ли нас уроки истории сохранить человеческое в себе? Нужна ли нам память в цифровом обществе? Каков наш ценностный мир? Каким мы видим свое будущее? Какова связь будущего с памятью? Эти актуальные судьбоносные вопросы заставляют каждого из нас задуматься над смыслом своей жизни и своим предназначением...

Некоторые выводы: рассмотрев историческую память современной молодежи в условиях глобальных вызовов, представляется возможным предложить следующее.

Современная социокультурная среда изменилась кардинально под влиянием новых глобальных вызовов. Есть основание считать, что это оказывает негативное воздействие на формирование исторической памяти молодежи.

Важно выявить конструктивный потенциал исторической памяти и использовать ее эвристические возможности в целях формирования гражданина-патриота своей страны и своего народа.

Решению этой проблемы может способствовать междисциплинарное исследование исторической памяти в условиях современной социально-гуманитарной науки.

Проведение политики памяти в практической области может опираться на «мягкое воздействие» в процессе «управления прошлым». Исключив заблуждения и преднамеренную фальсификацию исторических образов и событий, необходимо вступить с прошлым и с современностью в новый диалог.

Список литературы:

1. Шеуджен Э.А. Адыги (черкесы) в пространстве исторической памяти. Москва – Майкоп: Изд-во АГУ, 2010. 280 с.

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СФО: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ

Шашкова Я.Ю.

*доктор политических наук,
ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»,
профессор
E-mail: yashashkova@mail.ru*

Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 20-011-00346 «Фактор патриотического воспитания в конструировании гражданской идентичности старших школьников регионов Сибирского федерального округа в условиях информационного общества».

Аннотация: Статья посвящена анализу функционирования детских и молодежных некоммерческих организаций патриотической направленности как одного из агентов патриотического воспитания молодежи в современной России. На основе данных массового опроса старших школьников 10 регионов Сибирского федерального округа показана низкая оценка подростками роли этих организаций в формировании патриотизма и малая вовлеченность в их деятельность. Анализ целей и основных направлений деятельности молодежных патриотических организаций позволил разделить их на три группы: военно-спортивные центры допризывной подготовки, организации военно-исторической направленности (поисковые отряды, Юнармия и т.п.) и краеведческие. Выявлены тенденции преобладания среди исследуемых организаций центров допризывной подготовки, роста числа местных отделений Юнармии за счет включения в ее состав школьных музеев и уже существующих организаций патриотической направленности, сегментрованности охвата учащейся молодежи патриотическими организациями.

Ключевые слова: молодежь; школьники; патриотизм; патриотическое воспитание; патриотические организации, НКО, Сибирь.

Shashkova Ya.Yu.

*Altai State University
E-mail: yashashkova@mail.ru*

Abstract: The article is devoted to the analysis of the functioning of children's and youth non-profit organizations of a patriotic orientation as one of the agents of

patriotic education of youth in modern Russia. Based on Data coming from a mass Survey of senior school students from Siberian Federal District, it is shown both a low level of assessment by adolescents of the role of these organizations in the formation of patriotism and a low level of involvement in their activities. Analysis of the goals and main directions of activity of youth patriotic organizations made it possible to divide them into three groups: military-sports centers for pre-prescription training, organizations of a military-historical orientation (search units, Yunarmiya, etc.) and regional studies. The tendencies of the prevalence of pre-prescription training centers among the studied organizations, an increase in the number of local branches of the Yunarmiya due to the inclusion of school museums and already existing patriotic organizations in its structure, the segmented coverage of student youth by patriotic organizations are revealed.

Key words: *the youth; school students; patriotism; patriotic education; patriotic organizations, NGO, Siberia*

В современной государственной системе работы с учащейся молодежью патриотическое воспитание занимает одно из центральных мест, подменяя собой гражданское воспитание, а зачастую, и весь процесс активной политической социализации. Более того, с 1 января 2021 г. началась реализация новой программы патриотического воспитания граждан РФ, только теперь, не в качестве отдельного проекта, а в виде федерального проекта в рамках национального проекта «Образование», что еще больше инкорпорирует патриотику в образовательный процесс.

Согласно паспорту проекта, до конца 2024 г. в систему патриотического воспитания должно быть вовлечено не менее 24% граждан. Для этого предлагается: создать патриотическое движение Ассоциацию студенческих патриотических клубов «Я ГОРЖУСЬ»; проводить Всероссийские, окружные и межрегиональные мероприятия патриотической направленности, в которых должны принять участие не менее 640 тысяч человек; довести численность Российского движения школьников до 3 млн детей, а Всероссийского детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ» – до 600 тыс. детей; организовать участие во Всероссийских конкурсах «Большая перемена» не менее 550 тыс. детей и подростков; обеспечить просмотр не менее 25 млн онлайн-уроков гражданско-патриотической направленности [1].

Одним из агентов патриотического воспитания традиционно выступают патриотические организации. Однако, анализ их деятельности на материалах Сибирского федерального округа показывают наличие существенных особенностей в выполнении данными структурами заявленной функции.

Следует констатировать, что современные организации патриотической направленности не в состоянии оказать существенного влияния на учащуюся молодежь в виду своей малочисленности. Так, согласно данным исследования, проведенного коллективом кафедры политологии Алтайского государственного университета осенью 2020 г. (было опрошено 2050 учащихся 8–11 классов в 10 регионах Сибирского федерального округа; метод

– анкетирование; выборка несвязанная квотная с контролем возраста, класса типа населенного пункта и региона проживания), в деятельность патриотических клубов и центров оказалось вовлечено всего 8,4% респондентов, причем в Кемеровской и Омской областях – 4,8% и 3,1% соответственно, 15,5% принимало участие в военно-спортивных играх (табл. 1).

Таблица 1. Формы участия школьников в патриотических мероприятиях, % по столбцу

	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Все го
Посещал историко-патриотические музеи, школьные музеи, музеи предприятий и учреждений	30	38	39	42	43	40,4
Участвовал в деятельности патриотических клубов	4	8	8	8	11	8,4
Посещал выставки патриотической направленности	16	12	14	14	14	13,8
Участвовал в фестивалях и конкурсах	4	9	12	13	16	12,0
Участвовал в военно-спортивных играх	14	16	16	17	14	15,5
Приобретал книги патриотической направленности	4	5	6	8	9	7,0
Участвовал в научных исследованиях	5	2	4	3	2	3,0
Ни в каких не участвовал	61	53	50	49	46	49,7

При этом данные организации не имеют и существенного потенциала для увеличения числа своих членов. Хотя создание и развитие патриотических организаций считают потенциально возможным каналом патриотического воспитания более 50% респондентов (табл. 2), здесь скорее работает эффект их контекстного восприятия («пусть будут»), не означающий готовности молодых людей вступить в данные организации.

Таблица 2. Оценка эффективности направлений формирования патриотизма, % по столбцу

	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
Деятельность историко-культурных, патриотических клубов и центров	46	59	54	60	55	57
Выставки патриотической направленности	50	54	53	56	55	54
Военно-патриотические вахты и игры	46	55	53	56	50	53
Литература, фильмы патриотической направленности	59	65	63	71	71	67
Фестивали, конкурсы патриотической направленности	50	58	57	62	54	58

Это связано как с нежеланием молодежи брать на себя какие-либо обязательства и нести ответственность в рамках членства в формальных общественно-политических организациях, их низкой оценкой роли патриотических организаций в формировании патриотизма (в регионах СФО ее посчитал значимой только каждый пятый респондент, табл. 3), так и спецификой функционирования самих объединений.

Таблица 3. Связь возраста со способами формирования патриотических ценностей среди молодежи, % по столбцу

Что, на Ваш взгляд, необходимо делать для формирования патриотических ценностей среди молодежи?	13 лет	14 лет	15 лет	16 лет	17 лет	Всего
	лет	лет	лет	лет	лет	
Улучшение условий жизни	28,6	34,9	40,6	50,6	53,1	44,5

населения (создание рабочих мест, повышение зарплаты, предоставление жилья)						
Патриотическое воспитание в школе, институте, в семье	44,6	43,4	41,8	46,4	43,4	43,8
Поднятие престижа страны в мире	10,7	21,4	26,4	36,5	34,3	29,4
Создание патриотических кружков, организаций, клубов, проведение зарниц, военно-патриотических игр	37,5	21,7	23,4	21,3	18,9	21,9
Больше патриотических фильмов, художественной литературы, песен	16,1	17,3	16,4	20,2	16,1	17,5
Повысить авторитет армии	14,3	14,5	17,1	16,3	12,1	15,2
Организация досуга молодежи	5,4	13,4	16,9	18,3	11,7	15,2
Патриотические и историко-культурные центры и музеи	5,4	8,8	11,2	14,1	10,5	11,3
Больше тем патриотической направленности в СМИ	7,1	9,0	8,6	10,3	9,8	9,3
Финансирование мероприятий патриотической	7,1	7,5	8,6	10,5	9,3	9,0

направленности, людей, занятых в них						
--------------------------------------	--	--	--	--	--	--

Согласно данным Минюста России, Управлений по молодежной политике регионов СФО, более 50% действующих в них общественных организаций, имеющих в своем наименовании и целях деятельности указание на патриотическое воспитание, являются центрами допризывной подготовки или выполняют их функции. На практике это сеть военно- спортивных клубов с одинаковым функционалом (армейский рукопашный бой, восточные единоборства, бокс с компонентами стрелковой и строевой подготовки), созданных в основном в малых городах и районных центрах. Их функционирование под патронажем организаций ветеранов спецподразделений («Боевое братство», «Вымпел») наделяет данные центры задачами профориентации и подготовки кадров для подобных армейских подразделений. Соответственно основным направлением их деятельности становится проведение тренировок и соревнований, организация летних полевых лагерей или профильных смен в детских оздоровительных лагерях («Юный десантник», «Юный пограничник», «Юный пожарный», «Юный спасатель» и др.). Патриотизм же в этой системе понимается узко, как готовность к службе в армии, а также имеет утилитарный характер – как возможность получать гранты и поддержку через региональные программы по данному направлению.

И данная диспропорция вполне соответствует установкам государственной программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы», особое внимание в которой уделялось всего двум направлениям: волонтерству и «военно-патриотическому воспитанию граждан, направленному на обеспечение их готовности к защите Родины, укрепление престижа службы в Вооруженных Силах Российской Федерации и правоохранительных органах Российской Федерации, а также повышение уровня социальных коммуникаций между российским обществом и Вооруженными Силами Российской Федерации, правоохранительными органами и организациями» [2].

Остальные региональные организации представлены поисковыми отрядами, отделениями «Юнармии» и военно-историческими клубами. Развитие патриотизма через регионоведение (краеведение) обозначено в целях только отдельных объединений.

Кроме того, в систему патриотического воспитания учащейся молодежи включены музеи при образовательных учреждениях, большинство из которых хоть и обозначены, как музеи боевой славы, но фактически, в силу ограниченности ресурсов, занимаются краеведением.

Главной тенденцией развития патриотических организаций в регионах СФО в последние годы стало усиление структур «Юнармии» за счет придания центрам допризывной подготовки и школьным музеям статуса ее местных отделений. Однако масштабы данной тенденции имеют скорее не

региональную, а местную детерминанту: например, если, как в городе Бийске Алтайского края, начальником окружного штаба «Юнармии» является руководитель муниципального Управления культуры, спорта и молодежной политики, то подобное слияние проявляется в полной мере.

Обозначенная структура патриотических организаций на региональном уровне отражает некую точку равновесия – ситуацию, удобную всем участникам. Организациям, имеющим в названии статус патриотических, она дает возможность претендовать на различные источники финансирования, а руководству штабов «Юнармии» и управлений молодежной политики – учитывать одни и те же проводимые мероприятия, в основном военно-спортивной или военно-исторической направленности, по различным формам отчетности.

Обратной стороной этой ситуации становится не просто подмена смысла патриотического воспитания, но и распространение его на очень ограниченный сегмент молодежи. Фактически в данную систему оказываются вовлечены юноши, проживающие в малых городах и сельской местности, которые в силу ограниченности ресурсов своих родителей, рассматривают службу в армии как свою наиболее реальную карьерную траекторию постшкольного периода. Не собирающихся же в армию подростков патриотическое воспитание затрагивает очень фрагментарно.

Список литературы:

1. Федеральный проект «Патриотическое воспитание». – URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 01.11.2021).

2. О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации на 2016-2020 годы»: постановление Правительства РФ №1493 от 30.12.2015 г. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102388353&intelsearch=%EF%EE%F1%F2%E0%ED%EE%E2%EB%E5%ED%E8%E5+%EF%F0%E0%E2%E8%F2%E5%EB%FC%F1%F2%E2%EO+%EE%F2+30.12.2015+%B9+1493> (дата обращения: 01.11.2021).

СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ

Шевченко Е.С.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ,*

аспирант кафедры политологии и политического управления

E-mail: katerina.shevva@yandex.ru

Аннотация: *Политическая обстановка, продуцируемая усилиями наиболее влиятельных государств совместно и по отдельности в рамках современного мирового устройства, характеризуется реальными противоречивостью и сложноорганизованностью. Кризисные проявления*

наблюдаются на уровне надгосударственного и государственного регулирования, что актуализирует поиск некоторых обновленных оснований осмысления происходящих политических событий. Сегодня в актуальных политических условиях США – пример государства, оказавшегося не готовым адекватно реагировать на обусловленные формальными требованиями политические изменения. Смена политического руководства США выявляет сущностные проблемы американской политики, одной из которых является символическая природа политических решений, принимаемых президентом США. Научно-исследовательский интерес представляет определение ключевых позиций понимания перспектив выхода США из сложившейся политической ситуации. В данном контексте важным вопросом является оценка политического потенциала главы государства.

Ключевые слова: США, президент США, принятие политических решений, символ, политический кризис, конфликтность.

SYMBOLIC NATURE OF THE US PRESIDENT'S POLITICAL DECISIONS: CONCEPTUAL AND ACTIVITY-BASED COMPREHENSION

Shevchenko E.S.

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

E-mail: katerina.shevva@yandex.ru

Abstract: *political situation produced by efforts of the most influential states jointly and separately in the framework of modern world order is characterized by real inconsistency and complexity. Crisis manifestations are observed at the level of supranational and national regulation that actualizes the finding of some renewed bases of comprehension of current political events. Today in actual political conditions the United States is an example of a state that is not ready to react adequately to political changes caused by formal requirements. Change of the US political elite reveals the essential problems of American politics, one of which is the symbolic nature of political decisions made by the US President. The scientific and research interest is to identify the key positions of understanding the prospects of the US exit from current political situation. In this context an important issue is assessment of political potential of the head of state.*

Key words: *the USA, the US President, political decision-making, symbol, political crisis, conflictness.*

Американская политика на современном этапе характеризуется преобладанием различных противоречивых политических феноменов, что является следствием развития некоторых субъективно и объективно обусловленных политических тенденций. Это проявляется, в частности, в углубляющейся поляризации американского общества и усиливающимся недоверии со стороны мировой общественности к американскому переговорному и согласовательному потенциалу. Сегодня политическая элита

США не готова определять контур внутри- и внешнеполитических проектов с точки зрения их благонадежности и перспективности. Все громче раздаются взаимные обвинения демократов и республиканцев, все явственнее проявляется структурно-функциональный диссонанс американской политической системы, при этом качество общественно-политического дискурса продолжает снижаться с беспрецедентной скоростью и уровень геополитического влияния не интерпретируется в качестве удовлетворяющего предъявляемым требованиям (проявляется неудовлетворенность американцев публичными действиями политического руководства США, объясняется разочарованность международного сообщества в способности США позиционировать себя в статусе ответственного партнера и т.д.).

Вместе с тем в мировых научных кругах ведутся ожесточенные дискуссии относительно предпосылок становления данной политической ситуации в США. Некоторые исследователи предпочитают связывать все происходящее в США с недавновидностью и недобросовестностью политических действий прежнего хозяина Белого дома, не только расколотившего американский политический истеблишмент и заставившего усомниться в эффективности находящегося в распоряжении арсенала политических ресурсов, но также обернувшего вспять установление понимания специфики политического в мировом масштабе и демонтировавшего консенсусное восприятие используемого применительно к межгосударственным отношениям политического инструментария (субъективное толкование). Другие же склонны объяснять реальный контекст актуальной политической проблематики США с опорой на общеисторическую логику развития наблюдаемых в общественно-политическом пространстве трендов (объективное толкование). В действительности сегодня в США институционализируется масштабный политический кризис, возводящий обсуждение многих тем общественно-политической коннотации в иной ракурс.

В данном контексте еще более рельефным представляется вопрос символического оформления реализуемой сегодня в США политики, поскольку собственно генезис продуцирования американских политико-проектных решений свидетельствует о формулировании специальных подходящих для реализации той или иной политической цели символики, что продиктовано концептуальной и деятельностной политической феноменологией США. Другими словами, политическая история США предоставляет довольно много аргументов в пользу того, что конкретные аспекты американской политической действительности, как правило, санкционируемые политическими амбициями и притязаниями имеющих доступ на высший управленческий уровень политических субъектов, наделяются неким высшим предназначением на уровне онтологически обусловленных политических идей и нарративов. Как правило, это приобретает форму специально разрабатываемых доктринальных и теоретических тезисов на уровне принятия важных политических решений. При этом насколько оправдано обращение к обновляемым на уровне

государства ориентирам политического развития? К каким рычагам политического воздействия необходимо прибегнуть с целью сохранения лидирующих позиций в контексте мировой конъюнктуры?

Политическое положение, в котором оказался сегодня действующий президент США, фактически является весьма затруднительным и конфликтным как по внутренним, так и по внешним проявлениям. Ключевой вопрос заключается в формулировании соответствующей символики принимаемых политических решений, которая, в свою очередь, интерпретируется в контексте фундаментальных смыслообразующих и функционально-ориентирующих оснований. Что позволяет уточнить явно сильные стороны и конкурентные преимущества США как влиятельного политического игрока на мировой политической арене. В данном смысле проблемным аспектом является наиболее оптимальный учет как можно большего количества факторов, имеющих внутривнутриполитическую и внешнеполитическую природу. При этом же отчетливо понимается то обстоятельство, что производить отсылку к ранее принятым политическим положениям как минимум не разумно и не оправданно с политико-стратегической точки зрения (что было усвоено в результате возврата Дж. Байдена к некоторым политическим инициативам Б. Обамы). Кроме того, более подробно останавливаться на принятии нового политически обусловленного подхода, диссонирующего с преемственностью и соотносимостью популярных политических инициатив, опасно с точки зрения неполучения одобрения и создания угрозы дискредитации в принципе существующих политических позиций (что также может трактоваться в ракурсе признания неопределенности и неуверенности относительно политического будущего США, и, соответственно, проявления слабости и неопытности).

Соответственно, можно сформулировать как минимум следующие положения, определяющие символическую канву принимаемых в современных условиях президентом США политических решений:

- ненасыщение американской политической повестки позитивными инфоповодами, о чем свидетельствует акцентуация таких тем, как ужесточение борьбы с распространением COVID-19 (ухудшение санитарно-эпидемиологической обстановки в стране), создание новых рабочих мест (повторение предвыборных обещаний 45-го президента США) и т.д. (при этом, как утверждают некоторые авторитетные эксперты (Sarah Longwell, Brock McCleary), потеря общественной поддержки может явиться в действительности серьезным сигналом провоцирования политических неудач);
- демонстрация отсутствия детально проработанной политической риторики, поддерживаемой с помощью более-менее подходящих языковых средств и инструментов политической коммуникации, которые были бы понятны как со стороны общественности, так и со стороны политического истеблишмента;

- обращение к явно конфликтогенным аспектам в русле озвучивания собственной политической позиции, что, разумеется, играет в пользу негативизации создаваемого эффекта. В частности, это касается корректировки политических отношений с Афганистаном, по поводу чего весьма неосмотрительно и неаккуратно было сказано «не моя проблема» [1];
- игнорирование необходимости осуществления работы над достижением последовательности запускаемых политических нововведений, что также может расцениваться как проявление узости и даже нежизнеспособности политических взглядов;
- ситуативное проявление необоснованной осторожности и вместе с тем не подкрепленной реальными доказательствами излишней убежденности в правильности предпринимаемых политических мер, что, естественно, расценивается в том числе в контексте отсутствия сбалансированной интегрированной политической программы;
- непроявление стремления к более рациональному и логически детерминированному толкованию собственных политических действий и политических действий конкурентов;
- предоставление для обсуждения среди участников политической команды «сырых» вариантов политических предложений, не основывающихся на достоверном фактологическом материале и не прошедших хотя бы предварительную апробацию;
- непредставление так или иначе содержащей варианты решения системных политических проблем США схематизации политических шагов (наступательных и противодействующих) на внутренне и внешне ориентированных политических треках;
- оперирование совокупностью не согласующихся между собой политических инструментов и техник, использование которых не предполагает, с одной стороны, ранжирование подлежащих решению политических проблем, с другой стороны, объединение конкретных элементов американской политической системы;
- проявление зависимости от политических формулировок, оформленных в соответствии со специфической стилистикой и направляемых Демократической партией (здесь же необходимо отметить нацеленность воплощать в жизнь подготовленные демократами политические реформы и предлагаемые ими политические формулы). При этом налицо внутривидовая поляризация [2], о чем говорит в том числе пробуксовка голосования по некоторым важным вопросам.

Список литературы:

1. Biden On Afghanistan: Not My Problem // Politico. - URL: <https://www.politico.com/news/2021/08/11/biden-afghanistan-not-my-problem-503928> (дата обращения: 04.10.2021).

2. Biden Faces A Reckoning On His Agenda As Top Aides Start To Temper Expectations // CNN. - URL: <https://edition.cnn.com/2021/09/30/politics/biden-infrastructure-agenda/index.html> (дата обращения: 04.10.2021).

РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ)

Широкова М. А.

*доктор философских наук
профессор кафедры философии и политологии
Алтайского государственного университета
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Аннотация:** Рассматриваются исторические и философские взгляды ранних славянофилов, в которых происходит конструирование российской культурной идентичности. Автор отмечает, что славянофилы положили начало осмыслению особенностей российской культуры и цивилизации на уровне теоретического сознания, в формах науки, философии, а также идеологии. Самоидентификация на данном уровне предполагает способность определить собственные отличия по отношению к «другим», прежде всего, к «Значимому Другому». Таковым на протяжении существенной части истории России являлся Запад. Выявляя различия типов русской и европейской культуры, славянофилы использовали понятие «просвещение», которое в их работах получило наиболее широкое толкование – как единство образа жизни и духовной культуры народа. Подлинное российское просвещение, по мнению славянофилов, сохранилось в народной исторической памяти. После реформ Петра I такое просвещение отчуждено от практической жизни и от сознания образованного общества, но оно должно быть актуализировано.*

***Ключевые слова:** российская идентичность, славянофильство, историческая память, русская философия, русская культура, просвещение.*

THE ROLE OF HISTORICAL MEMORY IN THE FORMATION OF RUSSIAN CULTURAL IDENTITY (ON THE EXAMPLE OF THE CONCEPT OF THE SLAVOPHILES)

Shirokova M.A.

*The Altay State University,
Professor
E-mail: mshirokova1@rambler.ru*

***Abstract:** The historical and philosophical views of the early Slavophiles, in which the construction of Russian cultural identity takes place, is considered. The author notes that the Slavophiles laid the foundation for understanding the features*

of Russian culture and civilization at the level of theoretical consciousness, in forms of science, philosophy and ideology. Self-identification at this level presupposes the ability to determine one's own differences in relation to "others", first of all, to the "Main constituent Other". The West has been such for a significant part of the history of Russia. Revealing the differences between the types of Russian and European culture, the Slavophiles used the concept of "enlightenment", which in their works received the broadest interpretation - as the unity of the way of life and the spiritual culture of the people. The true Russian enlightenment, according to the Slavophiles, has been preserved in the people's historical memory. After the reforms of Peter I, such enlightenment was alienated from practical life and from the consciousness of an educated society, but it must be actualized.

Key words: *Russian identity, Slavophilism, historical memory, Russian philosophy, Russian culture, enlightenment.*

Основоположники «раннего» или «классического» славянофильства – А.С. Хомяков, И.В. Киреевский, К.С. Аксаков, Ю.Ф. Самарин – стоят у истоков философского и научного осмысления российской культурной идентичности. Как заметили уже их идейные противники, входившие, тем не менее, в ту же «семью» мыслителей, характеризующихся в литературе как «люди сороковых годов», представители лагеря западников, В.Г. Белинский и А.И. Герцен, именно славянофилы стремились «провести границу» между Россией и Западной Европой, то есть между собой и Другим. В обыденном сознании этнической или социальной общности подобная «демаркация» осуществляется на уровне стереотипов, а также образов религии и мифологии. Что же касается теоретического сознания, то самоидентификация на данном уровне предполагает способность рефлексии своих особенностей по отношению к «другим», но, прежде всего – к «Значимому Другому». Таким «Другим» для России существенную часть ее истории являлся Запад. Приведем мнение научного сотрудника Уппсальского Университета (Швеция) К.Й. Мьёра, автора большого количества работ, посвященных русской философии. В своей статье «Образ России в учении славянофилов» шведский исследователь оценивает нашу философию как своеобразный феномен, одновременно похожий и непохожий на европейские системы мышления. Обосновывая присутствие в российском самосознании концепта «Другого», Мьёр поясняет, что никакая национальная культура не способна «из самой себя», например, из своей религиозной составляющей, определить себя как отличную от всех прочих культур: «Нужен кто-то, посредством кого возможно самоопределение» [1, с. 123]. Мьёр называет славянофильство «проектом конструирования идентичности».

Одним из важнейших инструментов формирования российской идентичности славянофилы считали историческую память. Не случайно «царское место» в славянофильском наследии занимают исторические и историкофилософские построения. Создавая свою историческую концепцию, а также говоря о значимости истории как науки, славянофильские авторы преследовали цель обоснования ведущей роли России в будущем мировом

культурном и цивилизационном развитии. Наиболее известный труд А.С. Хомякова, опубликованный уже после смерти мыслителя под названием «Записки о всемирной истории» или «Семирамида», содержит обобщающий взгляд на закономерности, цели и смысл исторического процесса в масштабах всего человечества. Но, как писал в своей биографической книге о Хомякове Н.А. Бердяев, «философия всемирной истории лишь подготавливает философию русской истории, которая всего более занимала славянофилов» [2, с. 112]. Особая серьезность, с которой славянофилы относились к отечественной истории, выражена в словах еще одного родоначальника славянофильства И.В. Киреевского: «Понятие наше об отношении прошедшего состояния России к настоящему, принадлежит не к таким вопросам, о которых мы можем иметь безнаказанно то или другое представление но составляет существенную часть нас самих, ибо входит в малейшее обстоятельство, в каждую минуту нашей жизни» [3, с. 143]. Формируя обоснованное «понятие» о соотношении «прошедшего» и «настоящего» состояния российского общества и государства, исследователи получают возможность установить в истории закономерности, причинно-следственные связи, позволяющие предвидеть будущее развитие.

Славянофильские мыслители глубоко осознавали связь исторических и философских обобщений с конкретной общественно-политической деятельностью. Иными словами, связь между познанием действительности и ее преобразованием. То и другое славянофилы, в духе просветительских гуманистическо-рационалистических установок, считали возможным, как для человека, так и для народа. Отсюда, славянофильская концепция исторического развития России, носила нормативный характер по отношению к практике и имела явную направленность на осуществление социально-политических трансформаций. Таким образом, необходимо признать наличие не только научного, но и ярко выраженного идеологического компонента в славянофильской теории.

Данное обстоятельство обусловило распространенные в историографии обвинения славянофилов в отрыве от исторической действительности. В частности, американский исследователь русской консервативной мысли Э. Таден утверждал, что «славянофильская концепция русской народности была в значительно большей степени романтической идеализацией того, чем Россия должна была быть, чем правдивым ее изображением» [4, р. 30]. С этим можно согласиться, но славянофилы сами вполне осознавали дистанцию между своим социально-политическим идеалом и реальностью. В указанном аспекте славянофильская идеология разительно отличается от государственного консерватизма апологетов триады С.С. Уварова «Православие, Самодержавие, Народность». Именно для последних представления о «сущем» и «должном» в отношении России совпадали. Славянофилы же постоянно стремились отмежеваться от теории, названной впоследствии А.Н. Пыпиным «официальной народностью», и, в целом принимая ценности уваровской триады, наполняли их оригинальным, в значительной степени оппозиционным и даже демократическим содержанием. Не случайно славянофильский кружок

воспринимался правительством Николая I как более неблагонадежная социальная сила, по сравнению с сообществом западников, а деятели славянофильства чаще, чем представители западничества, подвергались репрессивным мерам.

Критический настрой в характеристике современной им российской действительности приводил славянофилов к мысли о том, что Россия еще не готова сыграть определяющую роль во всемирной истории. Уже упомянутый А.Н. Пыпин так прокомментировал взгляды славянофильских авторов по данному вопросу: «Настоящую Россию надо еще ждать» [5, с. 109]. Однако возможность реализовать свое всемирно-историческое предназначение заложена непосредственно в исторической памяти народа – в «древнерусском просвещении», которое в послепетровский период пока еще находится в дремлющем, отчужденном от практической жизни и от сознания образованного общества состоянии, но рано или поздно оно должно быть актуализировано.

Выстраивая свое представление о российской идентичности, славянофилы выявляли различия русского и европейского типов культуры (цивилизации), для обозначения которых использовали термин «просвещение». Сами же понятия «культура» и «цивилизация» стали устойчиво употребляться в русском языке несколько позднее. Что касается понятия «просвещение», то именно славянофилы привнесли в дискурс российского образованного общества наиболее широкое его толкование. Следует оговориться, что со времен Петра I под «просвещением» в России понимали преимущественно просвещение европейское, противопоставляя его доморощенному варварству и необразованности. Интересно пишет об этом философ Ф.И. Гиренок: «Просвещение предполагает, что есть знающие и незнающие, и знающие просвещают незнающих на том основании, что они много сами думали. Вот этим самодуманием Новое время обрезало свою связь с первобытной мудростью» [6, с. 360], которой живет дух народа, а значит – и сам народ. Славянофилы взялись восстановить эту историческую связь. И только благодаря им в набор понятий отечественной философской мысли были введены концепты «древнерусское просвещение», «просвещение России», «просвещение народа» (то есть, просвещение, уже являющееся духовным достоянием России и русского народа). Европейское же просвещение постепенно утрачивает свои привилегии и становится лишь одной из многих исторических форм просвещения. Присоединимся к точке зрения К.М. Антонова, который утверждает, что славянофилы заложили основы понимания просвещения как «любого единства образа жизни и духовной культуры, характеризующего какую-либо историческую общность» [7, с. 25].

И.В. Киреевский характеризует будущее самобытное русское просвещение, основания которого сохранились в исторической памяти народа и церкви, как просвещение «не блестящее, но глубокое», «не роскошное, не материальное, имеющее целью удобства наружной жизни, но внутреннее,

духовное». Такое просвещение слито воедино с «устройством общественным, без самовластья и рабства, без благородных и подлых» [8, с. 125].

Переход России к совершенному обществу и государству, с точки зрения славянофилов, обусловлен «логикой истории». Но без сознательных усилий, как со стороны народа, так и со стороны правительства идеал «священной общественности» не будет достигнут. Славянофилы признавали возможность и необходимость использования государственных институтов и политики как средства ускорения культурно-исторического процесса и достижения идеального, соборного общества. Оно сможет существовать только в государстве, основанном на принципах христианской нравственности, а это государство должно быть создано не с помощью революции или переворота, но с помощью долгого и постепенного «воспитания общества». Революционный и эволюционный пути общественного развития славянофилы рассматривали в свете антитезы «Россия – Запад», которая является основой их концепции российской идентичности. Применяя вслед за Гегелем диалектический метод в истории, славянофилы выделяли целый ряд противопоставлений: свободы и необходимости, духовного и вещественного, рационализма и «живого знания», индивидуализма и соборности, государства и общества, «юридизма» и нравственности и т. д., – и все они сводились, в конечном счете, к противопоставлению России и Европы.

Но борьба противоположностей должна завершиться их единством. Наступление ожидаемой славянофилами «соборной» эпохи мыслилось как создание нового «всечеловеческого просвещения». Славянофилы верили, что все подлинные ценности Запада сохраняются, хотя будут вписаны в совершенно иной культурно-исторический контекст.

Список литературы:

1. Мьёр К.Й. Образ России в учении славянофилов // История философии. 2019. Т. 24. № 1. С. 122–134.
2. Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков. М.: Путь, 1912. 252 с.
3. Киреевский И.В. Критика и эстетика. М.: Искусство, 1979. 439 с.
4. Thaden E. Conservative Nationalism in Nineteenth-Century Russia. University of Washington Press. Seattle, 1964. 271 p.
5. Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб.: Колос, 1913. 189 с.
6. Гиренок Ф.И. Пато-логия русского ума. Картография дословности. М.: Аграф, 1998. 416 с.
7. Антонов К.М. Философия И.В. Киреевского: антропологический аспект. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. 235 с.
8. Киреевский И.В. Избранные статьи. М.: Современник, 1984. 383 с.

РЕВОЛЮЦИЯ В УМАХ МОЛОДЕЖИ

Яковенко К. Э.

*Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Севастополе,
студент*

E-mail: vityusha@mail.ru

Аннотация: *В статье рассматривается феномен распространения революционных идей среди молодежи, в особенности среди студентов. Прослеживается роль молодежи в революционных объединениях или кружках.*

Ключевые слова: *революция, оппозиция, студенты, молодежь, общественные волнения, оппозиционные взгляды.*

REVOLUTION IN THE MINDS OF YOUNG PEOPLE

Yakovenko K. E.

Lomonosov Moscow State University branch in Sevastopol, student

E-mail: vityusha@mail.ru

Abstract: *The article examines the phenomenon of the spread of revolutionary ideas among young people, especially among students. The role of young people in revolutionary associations or circles is traced.*

Key words: *Revolution, opposition, students, youth, social unrest, opposition views.*

Оппозиция является неотъемлемой органической частью любого правления, любого государственного строя, в любой исторический период. Однако почему же в умах именно молодого поколения, как правило студентов, укореняется романтизированная мысль о революции?

В России XIX века отправной точкой этой для этой идеи стала неудачная попытка революции 14 декабря 1825 года, знакомая многим под названием «Восстание декабристов». Восстание разительно отличалось от заговоров эпохи дворцовых переворотов по своим целям и имело сильнейший резонанс в обществе, оно не только снискало одобрение некоторых групп населения, но и вдохновило будущее поколение революционеров на активные действия в целях реформирования государственного устройства. Восстание значительно повлияло и на восприятие революции как таковой и на формирование образа благородного революционера. А юные умы, как известно, всегда будоражит цель бороться за все хорошее и против всего плохого.

Один из лидеров восстания Черниговского полка оставит после себя такое стихотворение:

«Задумчив, одинокий,

Я по земле пройду незнаемый никем.

Лишь пред концом моим внезапно озаренный

Узнает мир, кого лишился он» [1 с. 265].

Юные идеалисты не могли не откликнуться на этот зов, они видели в нем призыв к самоотверженности в своих действиях, чтобы погибать великими и за правое дело. Таким образом, можно сказать, что именно «пушки на Исакиевской площади разбудили» умы многих юношей и девушек.

В частности, они разбудили Александра Герцена и его поколение. В своих мемуарах «Былое и думы» он будет описывать свой 1838 год. Будет описывать свой кружок как почти исключительно политически направленный [2 с. 189-191]. Будет говорить о революционной настроенности всей молодой элиты. В пылу молодости они жаждали борьбы. Они читали диалектику Гегеля, и мечтали уничтожить самодержавие. Это была молодежь, взращённая идеями декабристов. Революция стала их новой идеологией и новой верой.

Частью этих кружков были многие популярные деятели XIX века. Члены одного из таких кружков в конце апреля 1849 года стали узниками Петропавловской крепости. Члены кружка М. В. Буташевича-Петрашевского на своих заседаниях говорили о переустройстве общества, уничтожении крепостного права, установлении республиканского строя [3 с. 16]. Среди них был и молодой писатель Ф. М. Достоевский. После ареста петрашевцев, 21 человек был приговорен к расстрелу. Утром 22 декабря 1849 года была инсценирована смертная казнь. Эта инсценировка для многих, стоящих в тот день на плацу, стала поворотным и самым страшным их переживанием в жизни. После этого казнь была заменена каторжными работами и ссылкой в Сибирь.

Через много лет после ссылки Ф. М. Достоевский напишет своих «Бесов» и посвятит их теме революции, помня о времени своей собственной молодости. Он будет основываться на резонансном деле об убийстве студента Ивана Иванова, задуманном Сергеем Геннадьевичем Нечаевым с целью укрепления своей власти в революционном террористическом кружке «Народная Расправа». Ставя перед собой задачу развалить во что бы то ни стало существующий общественный строй, Нечаев собирался вовлечь народные массы в антиправительственную борьбу, используя для этого обман, провокации, поджоги, убийства и пьяные бунты [3 с. 18]. Когда Нечаев заподозрил одного из членов кружка в измене, он с помощью шантажа и угроз заставил убить предателя. После суда по повелению императора Александра II он был заключен в крепость пожизненно. Нечаеву на момент заключения было всего 25 лет. Планы Нечаева звучат шокирующе и действительно больше похожи на бесовской хаос. Но этот юноша стал единственным из узников Секретного дома, сумевшим оказать влияние на охрану тюрьмы. Специально для него был организован побег, однако он провалился. Вся команда Секретного дома - 41 человек - была предана суду. Нечаева перевели на каторжное положение. Юноша, у которого была вся жизнь впереди, решил жить по собственному катехизису революционера, решил разрушить существующий государственный строй, но разрушил лишь свою жизнь. Он умер в тюрьме в 1882 году.

Но откуда берется это увлечение молодыми людьми революцией, как они решаются на такие самоотверженные поступки? Кажется, на этот вопрос дал прекрасный ответ Николай Бердяев в своей статье «Духи русской революции». Анализируя «Бесов» Достоевского, он напишет: Наши старые национальные болезни и грехи привели к революции и определили ее характер. Духи русской революции – русские духи. Призрачность ее – русская призрачность» [4 с. 55] То есть он буквально говорит: «Одержимость революцией – есть характерно русская одержимость». Он называет революцию кровной чертой русского народа вечно чему-то противящегося и из-за чего-то бунтующего. Дмитрий Сергеевич Мережковский же дополнит его мысль следующими словами: «Кажется иногда, что в России нет вовсе революции, а есть только бунт — январский, декабрьский, чугуевский, холерный, пугачевский, разинский — вечный бунт вечных рабов» [5 с. 41].

Но первое массовое выступление просвещенной молодежи состоится только осенью 1861 года. Студенты Петербургского университета, недовольные введением нового устава, вышли на Невский проспект и дошли до колокольной улицы, где жил попечитель Санкт-Петербургского округа. В шествии принимали участие более 1000 человек [3 с. 17]. Зачинщики митинга были арестованы и заключены в петропавловскую крепость. Это возмутило студентов еще больше, они вновь вышли на улицы города. Обер-полицеймейстер потребовал от студентов разойтись, но те отказались. Тогда студентов окружили жандармы и в сопровождении солдат Преображенского полка отвели в крепость. Через два месяца студентов и некоторых университетских профессоров освободили под поручительство генерал-губернатора Александра Аркадьевича Суворова. Однако ценен сам факт такого открытого волнения. Теперь студенты решаются не просто говорить в закрытых кружках о своем недовольстве, они открыто выступают против некоторых аспектов императорской политики, против новых уставов и т.д.

В это же время в один из казематов Невской куртины за распространение прокламации «К молодому поколению» был заключен поэт М. И. Михайлов. Михайлов был приговорен к шести годам каторжных работ и сослан в Сибирь [3 с. 17]. Прокламация утверждала, что России «нужен не царь, не император, не помазанник Божий, не Горностаева мантия, прикрывающая наследственную неспособность; мы хотим иметь главой простого смертного, человека земли, понимающего жизнь и народ, его избравший» [6]. Дух революции бередил умы, он был везде и повсюду. Социальная напряженность росла, что-то должно было произойти, общественная мысль достигала своего пика.

После этих событий будет «Народная воля» и убийство императора Александра II. За ней же придут новые члены «Террористической фракции «Народная воля», они будут готовить покушение на жизнь Александра III. Среди них будет и старший брат Владимира Ильича Ленина, Александр Ильич Ульянов. 8 мая 1887 г. он и его сообщники будут казнены [3 с. 26]. Все эти события были своеобразным прологом надвигающейся революции. Наш современник Александр Архангельский скажет об этих процессах так: «На

протяжении второй половины XIX века российское студенчество шаг за шагом радикализировалось. Оно действительно активно участвовало в революционных процессах, но не было движущей силой русских революций XX века как таковых» [7]. Однако несмотря на то, что Александр Архангельский уверен в том, что студенты не являлись движущей силой революции, стоит сказать, что у ее истоков стояла как раз-таки интеллигенция, еще недавно разводившая бурную оппозиционную деятельность в стенах учебных заведений. Олег Торбасов уверен: «Все революции начинаются со студенческих бунтов... Владимир Ульянов за активное участие в студенческом движении был исключён из Казанского университета. Иосиф Джугашвили возглавлял со своими товарищами Кецховели и Цулукидзе тайные марксистские кружки в Тифлисской семинарии» [8].

Таким образом, мы приходим к выводам, что в рассмотренный нами исторический период молодежь в России тяготела к революционной деятельности. Наше же поколение, поколение 21 века не знает куда идет. Мы вечно сомневаемся. Некоторые из нас романтизируют революцию, как студенты 19 века, и настроены крайне радикально. Другие же не могут ответить себе на вопрос: в чем истина? Они не знают, кто они — революционеры или консерваторы. «Если раньше революция была мечтой о тотальном преобразовании мира, то сейчас в самом крайнем случае речь идет о частичной перемене политической системы, а как правило — о смене первых лиц» [7]. Такой вердикт вынес современной революционной молодежи Фёдор Гайда, доцент исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова. Но что-то практически всегда остается неизменным. Население практически всегда недоволено действующей властью, правительство же практически всегда не слышит голос народа, просящий, молящий и бунтующий. Из-за этого одни совершают революции, а другие терроры. Студенты, являющиеся частью такого общества, но при этом не чувствующие крепкой связи с институтами государства, становятся удобным ресурсом для политических манипуляций. Студенты — это будущая интеллектуальная элита, они перенимают многие морально-нравственные идеалы русской интеллигенции прошлого [9 с. 134]. Помимо этого, молодёжи в принципе присущ радикализм и идеализм. «Гремучая смесь знаний и неопытности располагает к революционным действиям» [7]. Она пытается обрести свое место в государстве, однако далеко не всегда согласна с его политикой, а значит готова, не жалея себя, бороться за свою свободу и правду, за свои идеалы.

Список литературы:

1. Поэзия и письма декабристов: Сост. и примеч. Фомичева С. А. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1984. 336 с.
2. Герцен А. И. Сочинения в 2-х т: Под ред. А. И. Володина. М.: Мысль, 1986. 654 с.
3. Узники Петропавловской крепости. Под ред. А. Н. Колякина. СПб.: Издательство Альфа-Колор, 2019. 35с.

4. Бердяев Н. А. Духи русской революции// Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Изд-во Московского университета, 1990. С. 55-88.
5. Мережковский Д. С. Больная Россия. М.: Т8RUGRAM, 2018. 134 с.
6. Шелгунов Н. В. К молодому поколению // Хрестоматия по истории СССР 1861-1917. М.: Просвещение, 1990. С. 112-115.
7. Архангелский А. Н., Гайда Ф. А., Светозарский А. К. Смесь знаний и неопытности: зачем революциям студенты. – URL: <https://taday.ru/text/2214018.html> (дата обращения: 1.11.2021).
8. Торбасов О. В. Все революции начинаются со студенческих бунтов. – URL: <http://pl.maoism.ru/struggles/students.htm> (дата обращения: 1.11.2021).
9. Мартынова А. Ю. Российское студенчество и Февральская революция // Новый исторический вестник. 2005. №13. С. 134-144.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЛИТИЗАЦИЯ / ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ ЭТНИЧНОСТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: ТЕНДЕНЦИИ НАЧАЛА ТРЕТЬЕГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА Авксентьев В.А.	3
ОСОБЕННОСТИ ЦИФРОВОЙ ДИПЛОМАТИИ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ Агеева А.А.	8
ЭТНИЧЕСКАЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В «ЭТНИЧЕСКИХ» СМИ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА Аксюмов Б.В.	13
ВНЕШНЯЯ И ВНУТРЕННЯЯ ПОЛИТИКА РОССИИ: «МЯГКАЯ СИЛА» — ХОРОШО, А «УМНАЯ» — ЛУЧШЕ Алексеева А.А.	18
НЕСТАБИЛЬНОСТЬ VUCA-МИРА КАК СРЕДА ВОЗМОЖНОСТЕЙ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАОБРАЗА Андреева Ю.В., Липатова А.В.	23
К ВОПРОСУ О СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЯХ ПУБЛИЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ <i>Афолина А. А.</i>	28
КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИЯ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ КОГНИТИВНОЙ СФЕРЫ ЛИЧНОСТИ <i>Ахметова Л.В., Иванкина Л.И.</i>	31
КРИТЕРИИ ПРОГРЕССИВНОСТИ СОВЕРШЕНСТВУЮЩЕГОСЯ ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ ПОДМЕНЫ ПРОГРЕССА ФАЛЬСТАРТАМИ: ОБНОВЛЕНИЕ КАЧЕСТВА СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ ЧЕРЕЗ ФАЛЬСТАРТЫ КАК НОРМА ИСТОРИИ Баранецкий А. Н.	37
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА О ДРУЖБЕ НАРОДОВ В СССР Баранов А.В.	42
ФОРМИРОВАНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ В УСЛОВИЯХ РЕГИОНАЛИЗАЦИИ Бахтуридзе З. З.	47

ФОРМИРОВАНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ В КИБЕРПРОСТРАНСТВЕ Березовская И.П.	52
КИНЕМАТОГРАФ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПАМЯТИ: АКСИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ Беспалова Т.В.	57
ВЗГЛЯД НА УСТОЙЧИВОСТЬ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ С ПОЗИЦИЙ ГЕОМЕТРИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ ПОВЕДЕНИЯ Бродский Ю. И.	64
ПОНЯТИЕ «СОВРЕМЕННОСТЬ» В ПРАКТИКЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ Васильева Н.А.	69
СИМВОЛЫ АПОКАЛИПСИСА И «КОНЕЦ ИСТОРИИ» Гарбузов Д. В.	74
ПРОБЛЕМЫ В ПОЗИЦИОНИРОВАНИИ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ФОНЕ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЕКТОВ ХХІ ВЕКА Гаффаров И.З.	77
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ РОССИИ И АРМЕНИИ ПОСЛЕ БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ Гзогян А. А.	80
ОТНОШЕНИЕ К ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В РОССИЙСКОМ МАССОВОМ СОЗНАНИИ Гончаренко Л.Н., Авакова Э.Б.	83
ИОРДАНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ: НЮАНСЫ КОНСТРУИРОВАНИЯ И ВОСПРИЯТИЯ Гулынская Е.В.	92
ПРОДВИЖЕНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА – «МЯГКАЯ СИЛА» В ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКЕ КЫРГЫЗСТАНА (НА ПРИМЕРЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРСУ) Данильченко Г. Д.	97
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫЙ АСПЕКТ ГОСУДАРСТВЕННО- КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И УКРАИНЫ) Донцев С. П.	101
ПОСЛЕ 1999 ГОДА: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫХ ИСКУССТВ И ХУДОЖНИКОВ В КОСОВО И МЕТОХИИ	

Елезович З.М.....	106
ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТКА СОПРЕДЕЛЬНЫХ ГОСУДАРСТВ НА ФОНЕ АФГАНСКОГО КЕЙСА	
Жоламан А.Е.....	112
К ВОПРОСУ О СПЕЦИФИКЕ МОДЕРНИЗАЦИИ В РОССИИ	
Зарипзянова П. С.	118
ВИЗИТ КОРОЛЯ ПЕТРА I КАРАГЕОРГИЕВИЧА В РОССИЮ В 1910 ГОДУ	
Заркович С. Весна.....	123
К ВОПРОСУ О МОДЕЛИ ИНКЛЮЗИИ В ВУЗОВСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ	
Зиновьева В.И.	133
УКРАИНА КАК ПОТЕНЦИАЛЬНАЯ ЗОНА ЭСКАЛАЦИИ КОНФЛИКТОВ В ЧЕРНОМОРСКОМ РЕГИОНЕ	
Иванков К.В.	138
НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЦЕННОСТИ И ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАЗАХСКОГО НАРОДА	
Каленова Т.С., Жалелова Г.М.	143
РОЛЬ РОССИИ В РАЗВИТИИ МЕЖДУНАРОДНОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН БРИКС	
Карпова Е.И.	148
МОЖНО ЛИ ГОВОРИТЬ О НЕЛИБЕРАЛЬНОМ ГРАЖДАНСКОМ ОБЩЕСТВЕ?	
Киселева Д.А., Сунгуров А.Ю.	151
ОТ «ЯЛТЫ» ДО «ЯЛТЫ»: СИМВОЛ «ЗЕЛЕНОГО ЛУГА» В МЮЗИКЛЕ «ЯЛТА, ЯЛТА» ЗАГРЕБСКОГО ГОРОДСКОГО ТЕАТРА КОМЕДИИ В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА И СОЦИАЛЬНОГО ВРЕМЕНИ	
Кнежевич Ясмينا.....	156
ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ КАК СИНТЕЗ КУЛЬТУРЫ: ОБРАЗ ИСТОРИИ ПОЛЬШИ МИХАИЛА ПОГОДИНА И ГЕОРГИЯ ГАЧЕВА	
Ковальска-Стус Ханна	160

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ УЗЛЫ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В УСЛОВИЯХ ТУРБУЛЕНТНОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ Когут В.Г., Нурышев Г.Н.	170
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ ВЛИЯНИЕ ВЫХОДА США ИЗ АФГАНИСТАНА Комарецкий А.Д.	178
КАЗАХСКАЯ ДИАСПОРА КАК ОБЪЕКТ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ Коньыбек Ж. Т.	183
ГЛОБАЛИЗАЦИЯ МИРОВОГО СООБЩЕСТВА И ПРОБЛЕМА ГРАЖДАНСКОГО СТАНОВЛЕНИЯ ЛИЧНОСТИ Коряковцева О.А., Бугайчук Т.В.	187
ГИБЕЛЬ ТРАДИЦИОННЫХ КРЕСТЬЯНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В ДЕРЕВЕНСКОЙ БЫТНОСТИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XX В. НА МАТЕРИАЛАХ ПОВЕСТИ В.Г. РАСПУТИНА «ПРОЩАНИЕ С МАТЁРОЙ» Кушнерева К.В.	194
ТРАНЛЯЦИЯ СОДЕРЖАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ В ОБЩЕСТВЕ МЕГАМОДЕРНА Лойко О.Т.	198
ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПРАВИТЕЛЯ И ЭЛИТЫ НА ПРИМЕРЕ ЭПОХИ ПРАВЛЕНИЯ ПАВЛА I Лубешко А.Н.	204
КРЫМСКАЯ ВОЙНА 1853-1856 ГГ.: ПРЕЖНИЕ И НОВЫЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ Любин В.П.	208
ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ МОЛОДЁЖИ КАК ФАКТОР СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ Мальцева Д. А., Сафонова О. Д., Петрунина М. А., Тузова П. Р.	216
ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ: АНАЛИТИЧЕСКИЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ: ЕПИСКОП НЕСТОР (ДОНЕНКО) ЛЮБОВЬ РОЖДАЕТСЯ В СВОБОДЕ) Масаев М.В.	221

ЭТНИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО В УСЛОВИЯХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ Мелибаев А.С.	226
СИМВОЛИЧЕСКИЙ КАПИТАЛ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ В КРЫМУ Налбандян Э.Н.	229
РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛИТИКА В СТРУКТУРЕ ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ РЕГИОНА В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА (СИБИРЬ. 1917-1920 ГГ.) Наумова Н.И.	234
ГЕОПОЛИТИКА СОВРЕМЕННОЙ ЯПОНИИ Павловцева О.В.	239
КОНСТАНТЫ ПОЗИЦИОНИРОВАНИЯ РОССИИ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ Пашковский П. И.	244
КОНЦЕПЦИЯ ИНТЕГРАЦИИ МИГРАНТОВ ФЕДЕРАЛЬНОЙ ЗЕМЛИ ГАМБУРГА КАК ПРИМЕР ОБЩЕСТВЕННОЙ СОЛИДАРНОСТИ Плаксина Е.А.	250
МЕМО-ДИАГНОСТИКА КОЛЛЕКТИВНОГО СТРЕССА: ЗАГАДКА ГАЯ ФОКСА Пронина Е. Е., Кириченко А.С.	256
ПОЛИТИКА УЗБЕКСКОЙ ССР В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ В СФЕРЕ ОБУСТРОЙСТВА ЭВАКУИРОВАННЫХ И ДЕПОРТИРОВАННЫХ ГРАЖДАН Саипова К.Д.	260
СИСТЕМНЫЙ АНАЛИЗ И СЕТЕВОЙ ПОДХОД КАК МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫМИ КОНФЛИКТАМИ Сенюшкин Е.А.	265
ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ПРОБЛЕМА Сенюшкина М.А.	269
СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РОССИИ НА ОСИ «ВОСТОК-ЗАПАД» Сенюшкина Т. А.	272

«РАЗОРВАННЫЕ» КУЛЬТУРЫ (ПРИЛОЖЕНИЕ К ТЕОРИИ С. ХАНТИНГТОНА) Серкова В.А.	277
ВОССТАНИЕ ПРОТИВ ФАШИСТСКИХ ОККУПАНТОВ В РАЙОНЕ КРАЛЕВО В 1941 ГОДУ Симиянович Йован Д.	280
ЭТНИЧНОСТЬ И УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ Синкевич И.С.	286
MEMORY AND POLITICS: OTTOMAN – TURKISH CASE Suda Emine Zeynep.....	291
ВРЕМЯ В НАРРАТИВЕ И СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ Сыров В.Н.	304
THE AGGRESSION ON THE FRY IN 1999 AND THE COLLECTIVE MEMORY OF THE PEOPLE Tančić Dragan, Elezović Dalibor, Mijatović Marina	309
ЭНЕРГЕТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА: ПРОБЛЕМЫ И РИСКИ ОБЕСПЕЧЕНИЯ Тодорова Р.В.	317
КРИЗИС ПОСТСОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: АКТУАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА РУССКОГО ИДЕОКРАТИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ В ЭСХАТОЛОГИЧЕСКОЙ ЛОГИКЕ ИСТОРИИ Трухан А.В.	322
СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРАКТ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА Фароян Э. М.	327
ОСОБЕННОСТИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ В НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ Хвалева Я. Е.	331
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ УКРАИНСКОЙ МОДЕЛИ НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВА Черникова Г.В.	335
ПАМЯТЬ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ВЫЗОВОВ Шадже А.Ю., Аутлев А.А.	344

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ ПАТРИОТИЧЕСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ СФО: ПРОБЛЕМА ЭФФЕКТИВНОСТИ Шашкова Я.Ю.	348
СИМВОЛИЧЕСКАЯ ПРИРОДА ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ ПРЕЗИДЕНТА США: КОНЦЕПТУАЛЬНОЕ И ДЕЯТЕЛЬНОСТНОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ Шевченко Е.С.	354
РОЛЬ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ В ФОРМИРОВАНИИ РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ КОНЦЕПЦИИ СЛАВЯНОФИЛОВ) Широкова М. А.	359
РЕВОЛЮЦИЯ В УМАХ МОЛОДЕЖИ Яковенко К. Э.	364

Научное издание

**«ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО И
СОЦИАЛЬНОЕ ВРЕМЯ:
ВЛАСТЬ СИМВОЛОВ И ПАМЯТЬ ПОКОЛЕНИЙ»**

**Сборник научных трудов
XXXVIII Международного Харакского форума**

(Ялта, 2-5 ноября 2021 г.)

Под общей редакцией *Т.А. Сенюшкиной*

Формат 60x84/16. Усл. печ. л. 21,86. Тираж 500 экз. Заказ № 06А/05.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ТИПОГРАФИЯ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru

Отпечатано с оригинал-макета в типографии «ИТ «АРИАЛ».

295015, Республика Крым, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 31-а/2,
тел.: +7 978 71 72 901, e-mail: it.arial@yandex.ru, www.arial.3652.ru